

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ФИНТ

Dodger

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!

TERRY PRATCHETT

TERRY PRATCHETT

Dodger

Москва
2016

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Финт

Москва
2016

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П68

Terry Pratchett

DODGER

Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 2012

First published as «Dodger»

by Random House Children's Publishers UK,
a division of The Random House Group Ltd

Разработка серии *И. Саукова*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Перевод с английского *С. Лихачевой*

Пратчетт, Терри.
П68 **Финт / Терри Пратчетт ; [пер. с англ. С. Б. Лихачевой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 480 с. — (Терри Пратчетт).**

Новинка от создателя «Плоского мира»!

Лондон, викторианская Англия.

Семнадцатилетний Финт рыщет в городской канализации в поисках утерянных сокровищ. Малопочтенное занятие, как ни крути, однако ж и не воровство...

Однажды в темную грозовую ночь Финт спасает юную деву с золотыми волосами от двух негодяев, пытавшихся увести ее против воли в неизвестном направлении.

Откуда ж было знать бойкому парнишке, что это событие — лишь начало удивительных и опасных приключений в его жизни.

Финта ждут встречи с великим писателем Чарльзом Диккенсом, печально знаменитым парикмахером Суини Тоддом и не менее знаменитым политиком Бенджамином Дизраэли.

А финалом грандиозных приключений молодого лондонца станет аудиенция у Ее Величества королевы Виктории.

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© С. Лихачева,
перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-84214-8

*Посвящается Генри Мейхью
за то, что он написал свою книгу,
и Лин — за абсолютно все остальное.*

ГЛАВА 1,

**в которой мы знакомимся с нашим героем,
а герой встречает деву в беде и сталкивается
лицом к лицу с мистером Чарли, который
на досуге балуется сочинительством**

Над Лондоном дождь лил ливнем: брызги словно кружились в танце, каждая капля состязалась с соседкой за господство в воздухе и дожидалась своей очереди шлепнуться наземь. Словом, разверзлись хляби небесные. Сточные канавы и трубы переполнились и извергали — чтобы не сказать отрывгивали — всевозможный мусор: липкую грязь, сор и отбросы,дохлых собак,дохлых крыс, кошек и чего похуже; возвращая в мир людской все то, от чего люди, казалось бы, благополучно избавились; бурля и захлестывая друг друга, потоки неслись к разлившейся, неизменно гостеприимной реке Темзе; рвались из берегов, клочкотали и вспенивались, — казалось, в чудовищном котле закипает какой-то неведомый суп, а сама река задыхалась, точно вытащенная на берег рыба. Но старожилы говаривали: лондонским лив-

ням, сколько ни пытайся, никогда не вычистить этого зловонного города, потому что все, на что они способны, — это лишь открыть взгляду новый слой грязи. А грязной ночью предсказуемо творятся грязные дела, которых даже дождю не смыть.

Роскошная, запряженная парой лошадей карета тяжело катилась вперед, увязая в жидком месиве; что-то металлическое застряло рядом с осью, о чем та и возвестила резким лязгом. А в следующий миг раздался не менее резкий вскрик — на сей раз человеческий: дверца кареты распахнулась, и смутно различимая фигура выпрыгнула прямо в бурлящую сточную канаву, которая нынче ночью взяла на себя роль фонтана. Из кареты выскочили еще двое, ругаясь на языке столь же колоритном, сколь ночь была темна — но только еще грязнее. Под проливным дождем, озаряемым вспышками молний, первая фигура попыталась бежать, но споткнулась, упала, — к ней тотчас же метнулись двое других; голос ее почти потонул в общем шуме, но — чудо из чудес! — контрапунктом к нему прозвучал железный скрежет, канализационный люк сдвинулся в сторону, и наружу с проворством змеи выкарабкался щуплый юнец.

— А ну, оставьте девушку! — заорал он.

Во мгле кто-то громко выругался, и один из нападавших, сбитый с ног, опрокинулся на спину. Паренек не был тяжеловесом, но каким-то непостижимым образом умудрялся оказаться

одновременно повсюду, нанося удары направо и налево, — весомости ударам придавала пара кастетов, верных помощников в случае численного превосходства противника. И хотя превосходство было — два к одному, нападавшие обратились в бегство, а юнец бросился вдогонку, не скупясь на удары. Но дело происходило в Лондоне, шел дождь, темно было — хоть глаз выколи, а беглецы ныряли в проулки и боковые улочки, отчаянно пытаясь догнать карету, так что призрак из недр канализации вскорости потерял их из виду, повернул назад и проворнее гончей вернулся к пострадавшей девушке.

Он опустил на колени; к вящему его удивлению, девушка вцепилась в его воротник и зашептала, как ему показалось, с иностранным акцентом:

— Они хотят увезти меня обратно... пожалуйста, помогите мне!

Паренек вскочил на ноги и настороженно огляделся.

В эту бурную грозовую ночь судьба распорядилась так, что двое джентльменов, имеющих некоторое представление о лондонской грязи, поспешали домой — шли, или скорее брели, по колено в воде вдоль по улице, надвинув шляпы на самый нос — и зря старались, потому что под проливным дождем казалось, будто вода хлещет как снизу, так и сверху. Снова вспыхнула молния, и один из прохожих промолвил:

— Сдается мне, там, в канаве, кто-то лежит?

Молния словно услышала его слова, потому что небеса вновь расколола вспышка и высветила бесформенную грудку — смутные очертания человеческой фигуры.

— Господи, Чарли, это ж девушка! Вымокла насквозь — похоже, ее в канаву сбросили, — промолвил один из них. — Идите-ка сюда...

— Эй, вы там, чегой-то вы задумали, мистер, а?

Окно паба струило тусклый свет, в котором и темноту-то толком не увидишь; на его фоне вышеозначенный Чарли и его друг разглядели мальчишескую физиономию: с виду пареньку было никак не более семнадцати, но голос его звучал по-мужски. Более того, сей суровый муж был готов сразиться не на жизнь, а насмерть с ними обоими. Он размахивал длинным металлическим стержнем — и прямо-таки кипел яростью: аж пар шел под дождем.

— Знаю я вас как облупленных! — негодовал он. — Ни одной юбки не пропустят, губят приличных девушек. Чтоб я сдох! Здорово вас, видать, припекло, раз в такую ночь из дома нос высунули!

Джентльмен (второй, не Чарли) с достоинством выпрямился.

— Послушайте, вы, я категорически возражаю против ваших гнусных инсинуаций. Мы — респектабельные джентльмены, которые, позвольте отметить, трудятся не покладая рук, чтобы улучшить положение таких вот несчастных девушек и, по всему судя, таких как вы, — тоже!

Юнец взвыл от бешенства, да так громко, что двери ближайшего паба распахнулись, и стену непрекращающегося дождя высветил дымный оранжевый свет.

— Вот, значит, как у вас это называется, скользкие ублюдки!

Он замахнулся было своим самопальным оружием, но джентльмен по имени Чарли перехватил железный стержень, отбросил за спину и поймал юнца за шиворот.

— Мы с мистером Мэйхью — добропорядочные граждане, юноша, и как таковые считаем своим долгом перенести эту юную леди куда-нибудь в безопасное место. — И, обернувшись через плечо, промолвил: — До вас, Генри, тут ближе всего. Как думаете, ваша жена согласится приютить нуждающуюся душу на одну ночь? В такую погоду я бы и пса на улицу не выгнал.

Генри, уже поддерживая девушку, кивнул.

— А вы, часом, не *двух* псов имеете в виду?

Отбивающийся паренек, будучи оскорблен в лучших чувствах, неуловимо-змеиным движением вывернулся из рук Чарли и снова полез на рожон.

— Я вам никакой не пес, вы, пижоны паршивые, и она тоже нет! У нас тоже гордость есть, так и знайте! Я сам себе на хлеб зарабатываю, все кошерно, без дураков!

Джентльмен по имени Чарли снова ухватил мальчишку за шиворот и приподнял над землей, так, чтобы тот оказался с ним лицом к лицу.

— Ваша позиция делает вам честь, молодой человек, но не здравый смысл! — негромко произнес он. — Заметьте, эта юная леди в очень плохом состоянии. Да вы и сами это видите. Мой друг живет неподалеку отсюда, и раз уж вы претендуете на роль ее паладина и заступника, ну что ж, тогда я приглашаю вас пойти с нами и своими глазами убедиться, что ей будет обеспечен самый лучший уход, какой мы только можем себе позволить, слышите? Как вас зовут, мистер? И прежде чем вы мне ответите, очень прошу вас поверить, что вы не единственный, кто в такую ужасную ночь готов пожалеть попавшую в беду юную леди. Итак, мальчик мой, как вас звать?

Паренек, верно, уловил в голосе Чарли нужную ноту, потому что тут же отвечал:

— Я — Финт, так меня все кличут, потому что меня поди слови, если понимаете, о чем я. Финта вся округа знает.

— Отлично, — кивнул Чарли. — Теперь, когда мы с вами познакомились и тоже причислены к высокому собранию, посмотрим, не удастся ли нам договориться по ходу этой небольшой одиссеи, как мужчина с женщиной. — Выпрямившись, он продолжил: — Генри, пойдем же к тебе, да поторопимся; боюсь, несчастная девочка нуждается в срочной помощи. А вы, юноша, эту молодую леди *знаете*?

Он выпустил паренька, и тот отступил на несколько шагов назад.

— Не, господин, в жизни ее не видел, Господь свидетель, а я на этой улице с каждой собакой знаком. Небось из дома сбежала, оно на каждом шагу случается, сколько их таких, прям подумать больно.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, мистер Финт: вы, не имея чести знать эту злополучную девушку, тем не менее ринулись к ней на защиту, как истинный Галахад?

Финт настороженно сощурился.

— Может, так, а может, и нет. А вам-то че за дело? И что еще за хмырь этот ваш Галахад?

Чарли и Генри сцепили руки, чтобы удобнее было нести пострадавшую. Уже трогаясь с места, Чарли бросил через плечо:

— Вы из моих слов ровным счетом ничего не поняли, да, мистер Финт? Галахад — это такой легендарный герой... Неважно, вы просто поспешайте за нами, как истинный рыцарь в промокшей броне, и вы сами увидите, что с прекрасной дамой обойдутся честь по чести, а вам перепадет ужин и, ну-ка, посмотрим... — В темноте звякнули монетки. — Да, два шиллинга; и если вы все-таки пойдете с нами, то, пожалуй, повысите свои шансы попасть в рай, а насколько я понимаю, об этом месте вы нечасто задумываетесь. Все поняли? Мы договорились? Превосходно.

Двадцать минут спустя Финт уже устроился у очага в кухне некоего дома — не то чтобы роскошного, но все-таки куда роскошнее, не-

жели большинство домов, куда он попадал законным порядком; незаконным порядком ему случалось оказаться в особняках куда более шикарных, но надолго он там не задерживался и зачастую покидал их в большой спешке. Вот чес-слово, собак нынче развелось — ужас что такое; и спускают их на человека безо всякого предупреждения, тут уж не мешкай. А здесь... ага, здесь дают мяско с картошкой, и морковки тоже, а вот пивка, увы, не налили. В кухне ему перепал стакан теплого молока — почти что свежего. Кухарка миссис Куикли следила за ним в оба глаза и уже заперла на всякий случай столовое серебро, но во всем прочем — так, ничего себе местечко, хотя, конечно, хозяйка мистера Генри имела с мужем «разговор» насчет притаскивания домой бродяг и беспризорников в такое время ночи. Финту показалось — а он внимательно анализировал все, что видел и слышал, — что повод для жалоб у нее возник не впервые; по всему судя, она изо всех сил старалась скрыть, что все уже сыты по горло, и храбро делала вид, что все в порядке. Но, как бы то ни было, ужином Финта накормили (а это ж самое главное!), жена и горничная занялись девушкой, а теперь... кто-то спускался по лестнице в кухню.

Это оказался Чарли, а Чарли внушал Финту смутную тревогу. Генри казался одним из тех безобидных доброхотов, которые мучаются совестью из-за того, что у них есть деньги и еда,

а у других — нету; Финт этот типаж хорошо знал. Лично его, Финта, нисколько не беспокоило, если у него в кармане звенела монета, а у соседа — нет; но Финт неоднократно убеждался, что, при его-то образе жизни, если фарт привалил, то имеет смысл не скупиться и щедрой рукой сыпать деньгами направо и налево, — спокойнее спать будешь. Без друзей в этом мире никак, а друзья — это такие люди, которые скажут: «Финт? В жизни о нем не слышал, в глаза его не видел, господин! Вы небось обознались!» — потому что в большом городе выкручиваешься как знаешь, смотреть надо в оба и ухо держать востро: хочешь жить — умей вертеться.

Он — выжил; он же Финт, проныра и умница. Он знал всех и каждого — и его все знали. Он в жизни не бывал в казенном доме, он мог обогнать самую проворную «ищейку» с Боу-стрит, а теперь, когда их всех прижучили и сместили, он и от любого пилера* удерет как нечего делать. Нельзя арестовать человека, пока его не

---

* «Ищейки» с Боу-стрит (The Bow Street Runners) — под таким прозвищем было известно первое профессиональное полицейское формирование в Лондоне (создано в 1742 г. Генри Фильдингом, занимавшим пост главного судьи Лондона). Подразделение было распущено в 1839 году. К тому времени сэр Роберт Пиль, на тот момент занимавший пост министра внутренних дел, основал в Лондоне муниципальную полицию (1829 г.) — прообраз современной полиции, деятельность которой была основана на предупреждении преступности и регулярном патрулировании. В честь Пилы новых полицейских прозвали пилерами, или бобби. (*Прим. перев.*).

сцапаешь, а до Финта никому покамест и пальцем не удалось дотронуться.

Нет, Генри-то — ни разу не проблема, но вот Чарли... о да, Чарли, он явно из тех, которые человека насквозь видят. От Чарли чего угодно можно ждать, прикидывал про себя Финт; этот джентльмен знает все ходы и выходы и мысли читает, его жалостными словами да очковтирательством не проймешь, — опасный тип, одно слово. А вот и он, явился — не запыхавшись, спускается по лестнице, позвякивая монетами.

Чарли кивнул кухарке, что убирала со стола, и присел на скамью рядом с Финтом: тому пришлось слегка подвинуться, уступая место.

— Значит, Финт, говоришь? Так вот, — начал он. — Думаю, вам приятно будет узнать, что юная леди, с которой вы нам так помогли, уснула в теплой постели после того, как врач наложил несколько швов и дал ей лекарство. С ней все благополучно. Увы, не могу сказать того же о ее нерожденном дитя, который этой страшной эскапады не пережил.

Дитя! Это слово обрушилось на Финта подобно полицейской дубинке, но, в отличие от дубинки, осталось при нем. Дитя... на протяжении всей беседы слово это никуда не делось: маячило в поле зрения и не отпускало.

— Я не знал, — только и сказал он вслух.

— Не сомневаюсь, что не знали, — кивнул Чарли. — В темноте это всего лишь одно из мно-

гих чудовищных преступлений, совершенных нынче ночью; вам об этом известно, Финт, не хуже меня. Но это имело дерзость произойти на моих глазах, так что я не прочь провести небольшое полицейское расследование, но не вовлекая полицию, которая, как я подозреваю, в данном конкретном случае особого успеха не добьется.

Лицо Чарли оставалось абсолютно непроницаемым — даже для Финта, который здорово наловчился читать по лицам. А Чарли между тем очень серьезно продолжал:

— Любопытно, а те джентльмены, с которыми вы столкнулись и которые докучали девушке, знали ли они про дитя; возможно, этого мы так никогда не выясним — а возможно, что и выясним. — Вот вам пожалуйста: это решительное «выясним» — словно острый нож: врежется все глубже, пока не доберется до разгадки. А в лице Чарли по-прежнему не дрогнул ни один мускул. — Любопытно, а не в курсе ли об этом еще какой-нибудь джентльмен; так что, сэр, вот ваши два шиллинга — плюс еще один, если вы ответите мне на несколько вопросов, ибо я надеюсь-таки докопаться до сути этого странного происшествия.

Финт покосился на монеты.

— Что еще за вопросы такие?

Финт жил в мире, где вопросов никто никогда не задавал, кроме разве: «Почем?» или «Что мне с этого будет?». И он знал, знал доподлинно, что и Чарли об этом отлично известно.

— Вы умеете читать и писать, мистер Финт? — продолжал Чарли.

Финт склонил голову набок.

— И мне дадут шиллинг, если я отвечу?

— Нет, не дадут! — рявкнул Чарли. — Но за этот пустячок я, так и быть, расщедрюсь на фартинг, не больше; вот фартинг — где ответ?

Финт проворно схватил монетку.

— Могу прочесть «пиво», «джин» и «эль». Незачем голову забивать ненужной трухой, я так считаю. — Не померещилось ли ему, что на губах собеседника промелькнула тень улыбки?

— Да вы прирожденный академик, мистер Финт. Наверное, мне стоит вам сообщить, что с юной леди, хм, обошлись очень дурно.

Чарли уже не улыбался. Финт, внезапно запаниковав, закричал:

— Это не я! Я ничо ваще не делал, я ее пальцем не тронул, Господь свидетель! Я, может, не ангел, но и не гад!

Финт попытался вскочить на ноги, но тяжелая рука Чарли удержала его на месте.

— *Вы ничо ваще не делали?* Вы, мистер Финт, *ничо ваще не делали?* Если вы и впрямь «ничо ваще» не делали, стало быть, делали что-то другое; вот вы сами себя признали виновным. Я абсолютно уверен, что в школе вы никогда не учились, мистер Финт; для этого вы слишком умны. Хотя ходи вы в школу и породи вы фразу «я ничо ваще не делал», учитель точно бы выдрал вас розгой. А теперь послушайте меня,

Финт; я готов признать, что вы ничем не навредили этой леди; и у меня есть для этого веская причина. Возможно, вы не заметили, но у нее на пальце золотое кольцо, крупнее и вычурнее которого я в жизни не видывал, — такое кольцо что-нибудь да значит! — и если бы вы собирались причинить ей вред, вы бы его стянули в мгновение ока — как только что стибрили мою записную книжку.

Финт заглянул в его глаза. О нет, с этим типом лучше не связываться, тут двух мнений быть не может.

— Я, сэр? Что вы, сэр, — запротестовал он. — Я ее просто подобрал: она, верно, вывалилась, сэр. Честно собирался вернуть ее вам, сэр.

— Я, конечно же, безоговорочно верю каждому вашему слову, мистер Финт. Хотя должен признать, что не могу не восхититься тем, как вы в темноте не только разглядели записную книжку, но еще и сразу поняли, что она принадлежит мне; я прямо-таки до глубины души потрясен, — усмехнулся Чарли. — Успокойтесь; я просто хотел, чтобы вы поняли: мы тут не в игрушки играем. Когда вы сказали: «Я ничо ваше не делал», вы свое утверждение щедро сдобрили отрицанием — грубо, но выразительно, понимаете? Мы с мистером Мэйхью отдаем себе отчет, что в этом городе дела по большей части обстоят хуже некуда, а это, между прочим, значит, что мы в таких вещах разбираемся

и пытаемся разными способами привлечь внимание общественности, или хотя бы той части общественности, которая не вовсе равнодушна. Поскольку вы явно сочувствуете юной леди, вероятно, вы могли бы поспрашивать тут и там или хотя бы держать ушки на макушке: вдруг чего-нибудь услышите ненароком — откуда она взялась, кто такая, ну хоть что-нибудь. Ее жестоко истязали, и я не имею в виду домашнюю ссору, пощечину там. Ее били кулаками и кожаным ремнем. Кулаками! Снова и снова, судя по синякам, и это, мой юный друг, еще не все!

Так вот, кое-кто (не вы, понятное дело) сказал бы, что нам следует обратиться к властям — а все потому, что эти люди понятия не имеют о том, как на самом деле живет в Лондоне низшим сословиям; вообще не представляют себе трущобы, и грязь, и беспросветную нищету. Да?

Финт поднял палец и, убедившись наконец, что полностью завладел вниманием Чарли, заявил:

— Ок, на кой-каких улочках, конечно, грязновато бывает. Пара-тройкадохлых собак, может, и труп старушки попадется, но так уж мир устроен, разве нет? Как говорится в Библии, своя грязь не колет глаз, верно?

— Ну это еще какими глазами посмотреть, — парировал Чарли. — И раз уж вы затронули эту тему, мистер Финт, в счет ваших двух шиллингов и еще одного, не могли бы вы мне процитировать еще какую-нибудь строчку из Библии, будьте так добры.

Здесь Финту пришлось поднапрячься. Он сердито зыркнул на собеседника и выговорил:

— Ну, это, мистер, «да не проткнется нога твоя о камень», да, точно, так там и говорилось, а вот шиллинга я что-то не вижу!

Чарли рассмеялся.

— «Да не проткнется нога твоя о камень»? Держу пари, вы в церкви на службе ни разу в жизни не были, юноша! Вы не умеете ни читать, ни писать; Боже праведный, вы мне хоть одного апостола по имени назовете? Судя по вашему лицу, я заключаю, что, увы, нет. И тем не менее вы пришли на помощь нашей юной леди, когда столь многие отвернулись бы и прошли мимо; так что вы получите целых *пять* шестипенсовиков, если возьметесь за это небольшое поручение от меня и мистера Мэйхью. Поспрашивайте здесь и там, распутайте этот клубок, друг мой. Днем вы меня застанете в редакции «Морнинг кроникл». В других местах меня не ищите. Вот вам моя визитная карточка на всякий случай. Мистер Диккенс — это я. — И он вручил Финту картонный прямоугольничек. — Да, вы что-то хотели спросить?

Финт явно засмутился — но все-таки выговорил:

— А можно мне повидать леди, сэр? Я ж ее толком не разглядел; вижу — парни убегают и подумал, вы, важные джентльмены, с ними заодно. Мне ж надо знать, как она выглядит, чтоб

о ней толком расспросить, а скажу я вам, сэр, что задавать вопросы в большом городе — дело опасное.

Чарли нахмурился.

— Прямо сейчас, Финт, на ней живого места нет: вся в синяках и кровоподтеках. — Он на миг призадумался и продолжил: — Но в том, что вы говорите, есть свой резон; в доме нынче дым коромыслом, как вы легко можете догадаться. Дети проснулись; миссис Мэйхью их укладывает; девушка сейчас в комнате для горничных. Перед тем как туда войти, ноги хорошенько вытрите; и если эти ваши шаловливые пальчики... вы знаете, о чем я — шаловливые пальчики, которые преловко добиваются до чужих вещей, и — «Ой, вот те на, елы-палы!» — вы понятия не имеете, как они там оказались... — Чарли умолк на полуслове. — Так вот, даже не пытайтесь, повторяю: *не* пытайтесь играть в эти игры в доме мистера Генри Мэйхью.

— Я не вор, — запротестовал Финт.

— Вы хотите сказать, мистер Финт, что вы не только вор. Пока что я поверю в вашу историю о том, как моя записная книжка попала к вам в руки... пока что поверю. Я заметил при вас небольшой ломик для открывания канализационных люков, из чего я заключаю, что вы — тошер, он же клоачный охотник — любопытная профессия, вот только к долгожительству не располагает. Так что мне очень любопытно, как

это вам удастся выжить, Финт, и в один прекрасный день я это выясню. Вот только не надо передо мной святошу разыгрывать. Я слишком хорошо знаю задворки этого города!

И хотя Финт ахал и протестовал, что с ним разговаривают точно с каким-нибудь преступником, он остался под сильным впечатлением: он в жизни не слыхивал, чтобы весь из себя расфуфыренный ферт употреблял выражение «елы-палы»; это лишний раз подтверждало, что мистер Диккенс куда как непрост и в его власти доставить трудолюбивому парнишечке тонну неприятностей. С расфуфыренными фертами надо держать ухо востро — а не то в один прекрасный день кто-нибудь доберется до ваших зубов с клещами, примерно так и вышло с живодером Уолли, здорово бедняге досталось — и все из-за паршивого шиллинга. Так что Финт прикинулся паинькой и смиренно проследовал за своим провожатым вверх по лестнице и через весь темный дом в маленькую спальню, которая казалась еще меньше, поскольку врач еще не ушел и мыл руки в крохотном тазике. Врач скользнул по Финту беглым взглядом — а уж до чего недобрым! — вновь обернулся к Чарли и просиял улыбкой: так улыбаются людям, про которых доподлинно известно, что денег у них куры не клюют. Чарли правильно догадался: Финт и впрямь ни дня не провел в школе. Вместо того он всю жизнь чему-нибудь да учился, а это, как ни странно,

совсем другое дело; и лица он умел читать всяко лучше, чем газету*.

— Серьезный случай, сэр, очень неприятный, — объяснял врач Чарли. — Я сделал все, что в моих силах; швы наложены отменно, скажу без ложной скромности. Она, невзирая ни на что, девушка крепкая, и в этом ей здорово повезло. Сейчас ей необходимы уход и забота, а главное, время — лучший из целителей.

— И, конечно же, Господня милость, которая обходится дешевле всего прочего, — подхватил Чарли, вкладывая в докторскую руку несколько монет. И на прощанье заверил: — Разумеется, доктор, мы позаботимся, чтоб хотя бы в еде и питье у нее недостатка не было. Спасибо, что зашли, и доброй вам ночи.

Доктор одарил Финта еще одним злобным взглядом и торопливо сбежал вниз по ступеням. Да уж, неплохо уметь читать чужую физию, если живешь на улице, это точно. Финт уже дважды прочел в лице Чарли, что тот доктора не жалует — не больше, чем доктор — Финта; и, судя по его тону, Чарли куда более склонен полагаться на здоровую пищу и воду, нежели на Господа, — а об этом персонаже Финт слышал разве что краем уха и знать о нем почти

---

* Чего бы уж там он ни наговорил мистеру Чарли, на самом-то деле Финт читать умел — благодаря наставлениям часовщика Соломона, своего домовладельца, и «Джуиш кроникл», — но не в интересах парнишечки выкладывать все как есть первому встречному: ему-то какое, собственно, дело? (*Прим. автора*)

ничего не знал, кроме разве того, что Он имеет дело главным образом с богатыми. Тем самым сбрасывались со счетов едва ли не все Финтовы знакомые (за исключением Соломона, который с Господом вовсю торговался, а время от времени давал Господу советы).

Когда габаритная фигура доктора наконец-то перестала загораживать обзор, Финт разглядел девушку получше. Лет ей, как ему показалось, было не больше шестнадцати-семнадцати, хотя выглядела она старше: так всегда бывает, если тебя избили. Дышала она слабо, а волосы у нее, насколько удалось рассмотреть, — чистое золото. Повинуясь внезапному порыву, Финт выпалил:

— Не в обиду будь сказано, мистер Чарли, но можно я подежурю рядом с леди, ну это, до рассвета? Я рук распускать не стану, клянусь вам, я ее впервые вижу, — но мне кажется, с моей стороны это будет правильно, сам не знаю почему.

Вошла экономка, обожгла ненавидящим взглядом Финта, и, как он не без удовольствия заметил, Чарли достался взгляд немногим более любезный. У экономки пробивались усики, из-под которых донеслось ворчливое:

— Извиняйте, если некстати, сэр. Я не возражаю пригладеть за еще одним «дивом в беде», что называется, но при всем моем уважении, за делишки этого юного беспризорника я вам не в ответе. Надеюсь, если нынче ночью он вас

всех зарежет в собственной постели, меня никто винить не станет. Не в обиду будь сказано, понятное дело.

Финт к такого рода нападкам привык; люди вроде этой дурищи считали, что все уличные мальчишки без исключения воры и карманники: не успеешь глазом моргнуть, как они уже сопрут шнурки из ваших ботинок и продадут их вам же. Финт вздохнул про себя. Ну да, подумал он, про *большинство* ребят это, конечно же, правда... ну, почти про всех... но зачем же обобщать-то? Вот он, Финт, — никакой не вор; ни разу не вор. Он... он просто преловко умеет находить потерянное. В конце концов, мало ли что вываливается из карет и падает с телег! Он в жизни не запускал руку в чужой карман. Ну разве что пару раз, если карман так откровенно оттопыривался, что что-нибудь *непременно* бы выпало, а он, Финт, живо бы подхватил — до земли бы не долетело. Это никакое не воровство; просто зачем же на улицах мусорить, да и если на то пошло, случилось оно всего-то навсего... сколько-сколько? Пару раз в неделю? В конце концов, это просто тяга к аккуратности, и все же некоторые люди такие недалекие, они тебя того гляди вздернут, и все из-за недопонимания. Да вот только шанс недопонять Финта им ни разу не представился; нет уж, дудки, он верткий да скользкий и уж всяко поумнее старой дуры, которая и в словах-то путается (если на то пошло, что такое «диво в

бед»? Мура какая-то! Если кто и попал в беду, чему тут удивляться-то?) Работка хороша, если только подвернется, хотя, строго говоря, Финт с неизменным постоянством избегал всего того, что можно было бы назвать работой. Он, конечно же, тошер, клоачный охотник, это дело он просто обожает. Но это не работа — это образ жизни, только тогда и живешь по-настоящему. Не будь он таким дурнем, он бы уже давным-давно сидел там, внизу, в канализации, пережидая, пока гроза утихнет и откроется новый мир богатых возможностей. Он бесконечно дорожил этими своими вылазками, но прямо сейчас лапища Чарльза крепко ухватила Финта за плечо.

— Слушайте сюда, друг мой; эта леди вас раскусила; и если вы в этом доме вздумаете поиграть в Чингизхана и мне на вас пожалуются, я натравлю на вас кой-кого из моих знакомцев. Ясно? А оружие у меня такое, что Чингизхану и не снилось, и по вам я не промахнусь, друг мой. А теперь я должен поручить пострадавшую юную леди вашему попечению, а вас самого — попечению миссис Шарплис, от чьего слова зависит ваша жизнь. — Чарли поулыбался и продолжил: — «Диво в беде», как сказано! Это надо записать. — К вящему изумлению Финта и, надо думать, к изумлению миссис Шарплис, Чарли извлек на свет крохотный блокнотик и коротенький карандаш и быстро сделал пометку.

Экономка злорадно сощурилась на Финта.

— Положитесь на меня, сэр, уж я не подведу. Если этот мелкий паскудник примется за свои штучки, я его отсюда вышвырну и сдам судье, глазом моргнуть не успеет, будьте покойны. — Тут она взвизгнула и ткнула пальцем: — Сэр, вы гляньте, он у нее уже что-то стибрил!

Финт похолодел; рука его застыла на полпути к полу. Момент выдался неловкий.

— Ах, миссис Шарплис, воистину зоркостью вы подобны... как бы это выразиться? — всевидящему Аргусу, — непринужденно вернулся Чарли. — Я заметил, как юноша подобрал эту вещицу; она уже какое-то время валялась у кровати — выпала из руки девушки. Мистер Финт, конечно же, забеспокоился, как бы ее не проглядели. Ну же, Финт, будьте так добры, дайте это сюда.

Изымая от желания облегчиться, Финт протянул находку. Это была дешевая колода карт, но под взглядом Чарли рассмотреть ее толком так и не удалось. Чарли здорово действовал Финту на нервы.

— Это детская карточная игра, миссис Шарплис, — объявил наконец Чарли. — Я бы сказал, молодой леди уже совсем не по летам; и карты совсем отсырели. «Счастливые семьи» — я о такой слышал. — Он задумчиво повертел колоду в руках и наконец подвел итог: — Здесь кроется какая-то тайна, дорогая моя миссис Шарплис, так что я возвращаю

находку в руки того, кто перевернет небо и землю, чтобы ухватить тайну за хвост и вытащить в свет дня: то есть в руки нашего мистера Финта. — С этими словами он протянул карты потрясенному Финту и весело предупредил: — Не злите меня, юноша, я вас знаю как облупленного, поверьте слову. А теперь мне и впрямь пора. Дела не ждут!

Финт был готов поклясться, что Чарли подмигнул ему с порога, прежде чем скрыться за дверью.

Ночь пролетела быстро, поскольку по большей части уже перетекла в завтрашний день. Финт сидел на полу, прислушиваясь к тихому дыханию девушки и к похрапыванию миссис Шарпис, которая как-то умудрялась спать с одним открытым глазом, который неотрывно глядел прямо на Финта: так стрелка компаса неизменно указывает на север. Ну и на что ему это все сдалось? С какой стати он мерзнет тут, на полу, когда мог бы уютно свернуться калачиком у Соломоновой плиты (чудесное изобретение; если надо плавить много золота, то и как горн может использоваться)?

Но девушка была так красива, несмотря на следы побоев; Финт не сводил с нее глаз, снова и снова вертя в руках отсыревшую колоду дурацких захватанных карточек; вглядывался в ее лицо — один сплошной синяк. Эти скоты здорово ее отделали, измолотили, как боксерскую грушу. Он, конечно, своим ломиком им тоже

вмазал за милую душу, но мало — Господь свидетель, мало им будет! Он их отыщет — отыщет всенепременно, — и душу из них вышибет, и в лаванде зароет...

Финт проснулся на полу в полумраке, освещенном одной-единственной мерцающей свечкой, и не сразу понял, где находится, — но опознал-таки обстановку, включая миссис Шарпис на стуле, что по-прежнему всхрапывала, как мясник, пытающийся располовинить свинью. Но, что куда важнее, в тишине раздался совсем слабый, дрожащий голосок:

— Можно мне водички, если вам не трудно?

Финт запаниковал было, но в тазике стоял кувшин: вот она, вода! Девушка очень осторожно взяла стакан из его рук — и жестом попросила еще. Финт оглянулся на миссис Шарпис, снова наполнил стакан, протянул его девушке и прошептал:

— Скажите мне, как вас зовут, — пожалуйста!

Голос девушки звучал хрипло, точно кваканье, но кваканье истинной леди: так могла бы квакать принцесса-лягушка.

— Мне нельзя называть свое имя, но вы очень добры, сэр.

Финт так и вспыхнул.

— А почему эти подонки вас избили, мисс? Уж их-то имена вы мне назвать можете?

— Лучше не стоит, — снова раздался жалобный голосок.

— Тогда можно я подержу вас за руку, мисс, ночь-то выдалась зябкая? — Это очень по-христиански, подумал Финт; по крайней мере, он что-то такое слышал. К некоторому его удивлению, девушка и в самом деле протянула ему ладошку. Он сжал ее в своей — внимательно пригляделся к кольцу на ее пальце и подумал: «Золотища-то сколько, и герб еще: ой-ей, парнишечке из-за такого герба влипнуть в неприятности как нечего делать. Герб с орлами, и чегой-то не по-нашенски написано. Такое кольцо что-нибудь да значит, сказал себе Чарли; такое кольцо потерять не захочешь. И орлы глядят как-то больно злобно».

Его интерес от девушки не укрылся.

— Он говорил, будто любит меня... мой муж. А потом позволил им избить меня. Но мама всегда говорила: если только добратся до Англии, там сразу окажешься на свободе. Не дайте им забрать меня обратно, сэр... я не хочу уезжать.

Он наклонился поближе и прошептал:

— Мисс, я никакой не сэр... Я — Финт.

Девушка сонно пробормотала, с немецким акцентом, как показалось Финту:

— Финт? То есть тот, кто финтит, то есть проворно уворачивается? Спасибо вам, Финт. Вы очень добры, а я так устала...

И она откинулась на подушки — Финт едва успел подхватить стакан.

ГЛАВА 2,

в которой Финт видит умирающего,
умирающий видит свою Госпожу,
а Финт становится королем тошеров

Едва колокола отзвонили пять часов, проснулась миссис Шарплис — со звуком, больше всего похожим на «Всхрюк!». При виде Финта глаза ее прямо-таки налились ядом и сей же миг обшарили комнату, выискивая следы преступления.

— Ну, мелкий *фростфел*, ты тут всласть отоспался в тепле и уюте в христианской спальенке, как тебе обещали, — небось впервые в жизни. А теперь пошел отсюда вон, да смотри мне! Я тебя *наискось* вижу, глаз с тебя не спущу, пока не окажешься по ту сторону черного хода, попомни мои слова!

Ах, какие гадкие, какие несправедливые речи, — да и сама она не лучше: отвела Финта вниз по замызганной черной лестнице в кухню и распахнула дверь с такой силой, что та аж отскочила от стены и сама собою с грохотом захлопнулась

снова, к вящему увеселению кухарки, наблюдавшей за этой пантомимой.

Дверь укоризненно качнулась на петлях туда-сюда, а Финт с достоинством промолвил:

— Вы слышали, чего сказал мистер Чарли, хозяйка. А он большой человек, и он поручил мне миссию, так что раз я теперь при миссии, а я так думаю, миссионеру надо бы подкрепиться чуток, прежде чем его вышвырнут на холод. И сдается мне, мистер Чарли не порадует, если я расскажу ему, как вы негостеприимны, миссис Жополиз.

Финт, не задумываясь, исковеркал ее имя и остался очень собою доволен, хотя экономка, похоже, ничего не заметила. А вот кухарка заметила и рассмеялась — причем не без ехидства. Финт в жизни не прочел ни единой книги, но если бы прочел — кухарку он читал с той же легкостью; это просто поразительно, сколько всего можно понять по глазам, или по фырканью, или даже по непристойному звуку — если он вклинится в разговор в нужном месте. Есть просто язык, а есть язык интонаций, быстрых взглядов, неуловимых движений лица — привычных мелочей, которых сам не осознаешь. Те, кто считает, будто лица их непроницаемы, даже не догадываются, что выбалтывают свои сокровенные мысли любому, у кого достанет смекалки распознать сигналы, а сейчас один такой сигнал прямо-таки плавал в воздухе, точно вывеска в руках у ангела, и недвусмысленно возвещал, что кухарка

терпеть не может экономку — настолько, что охотно над ней поглумится даже в присутствии Финта.

Так что Финт преловко прикинулся чуть более усталым, и чуть более напуганным, и чуть более заискивающим, чем обычно. Кухарка тотчас же поманила его к себе и сказала — тихо, но не настолько, чтобы не расслышала экономка:

— Ладно, паренек, у меня тут овсянка варится, могу и тебе плеснуть, и есть еще кус баранины, самую малость пованивает, ну да ты небось и похуже едал. Тебя устроит?

Слезы брызнули из глаз Финта: качественные такие слезы, с душой и с салом, — хоть ножом режь. Финт рухнул на колени, прижал к груди руки и с глубокой искренностью произнес:

— Благослови вас Господь, хозяйшшка, благослови вас Господь!

Эта бессовестная пантомима принесла ему здоровенную миску овсянки — с очень даже приемлемым количеством сахара. Баранина еще не дошла до той стадии, когда мясо начинает жить своей собственной, внутренней жизнью; Финт с благодарностью принял завернутый в газету подарок — потушить с чем-нибудь вполне сгодится — и проворно затолкал его в карман, чтоб не испарился ненароком. Что до овсянки, гость вычерпал из миски все до последней капли — к явному одобрению кухарки, почтенной дамы, которая, надо отметить, при

каждом движении тряслась всем чем можно, включая подбородок.

Финт мысленно уже занес ее в список союзников, по крайней мере против экономки, которая все еще пепелила его злобным взглядом, — но тут кухарка грубо ухватила его за руку и завопила, куда громче, чем подсказывала необходимость:

— А ну-ка пошли в буфетную, поглядим, много ли ты успел натырить, парень!

Финт попытался высвободиться, но кухарка, как говорилось выше, была женщина корпулентная, как оно за кухарками водится. Таща гостя за собою, она нагнулась к нему и шикнула:

— Да не вырывайся ты. Голова совсем не варит, что ли? Молчи и делай, как велю!

Кухарка открыла дверь и повлекла гостя вниз по каменным ступенькам в пахнущую соленьями комнатуху. Захлопнув дверь за собою, она слегка помягчала и объяснила:

— Эта старая кошелка, экономка то есть, будет клясться и божиться, что ты ночью стянул то и это, и уж можешь не сомневаться, что побрякушки на самом-то деле осядут в ее собственных карманах. Так что если ты здесь с кем и задружился, вся дружба тут же и испарится, что утренняя роса. Хозяева-то — они люди порядочные, всегда купятся на жалостную историю честного трудяги на мели или падшей женщины, которая пытается подняться, уж сколько я их тут перевидала. И скажу я тебе, что очень

многие такие истории — чистая правда, уж кому и знать, как не мне.

Сколь можно более вежливо Финт попытался убраться с себя ее руки. А то кухарка ощупывала его куда ниже, чем диктовала необходимость, причем с явным энтузиазмом и с характерным блеском в глазах.

Проследив выражение его лица, она воскликнула:

— Да я ж не всегда была жирной старой кошелкой; когда-то споткнулась, было дело, но тут же прыг — и снова на ногах. Вот так и надо, парень. Любой способен подняться, если заква-ски хватит. Нет уж, я не всегда такая была; честно, ты б здорово удивился, а может, и развеселился бы и, правду сказать, в паре случаев, пожалуй, что и засмутился бы.

— Да, хозяйшка, — смиренно согласился Финт. — И, будьте добры, хватит меня лапоть.

Кухарка расхохоталась — подбородки так и заходили ходуном, — а затем, посерьезнев, произнесла:

— Судомойка мне рассказала, ты этой ночью вроде как помог спасти какую-то славную девчушку от головорезов, а я-то знаю — знаю доподлинно! — что тебя точно в чем-нибудь да обвинят, если я не растолкую тебе, что почем. Так вот, малыш, отдавай-ка добром тетушке Куикли все, чем успел поживиться, а я уж позабочусь о том, чтоб вернуть вещички по местам. Мне эта семья по душе, и я не потерплю, чтоб их грабили, даже такой бой-

кий парнишечка, как ты. Так что кайся давай в своих грехах, и все тебе простится, и выйдешь ты отсюда без единого пятна на репутации, и хотелось бы мне сказать то же о твоей одеже. — Она оглядела его штаны — и неодобрительно поморщилась.

Финт с ухмылкой протянул ей одну-единственную серебряную ложку:

— Ложечка, одна, и то только потому, что я ее в руке держал, когда вы меня сюда вниз потащили. — Затем он предъявил колоду карт. — А это, хозяйюшка, мне дал сам мистер Диккенс.

Тем не менее кухарка, уже с усмешкой, снова ощупала его сверху донизу, обнаружила нож, костеты и короткий ломик; это все она демонстративно проигнорировала, но велела гостю снять заодно и башмаки для осмотра, поморщилась, картинно зажала нос и дала понять: пусть обувается снова, да побыстрее. И весело осведомилась:

— Что, даже в заднице пусто? А что такого, не ты первый, не ты последний. Нет, проверять не полезу; у тебя на ребрах мяса-то поболее, чем обычно у таких, как ты, а это значит, что либо ты чист перед законом, либо чертовски умен; лично я ставлю на второе и очень удивлюсь, если верно первое. А теперь мы чего сделаем: я протащу тебя наверх и буду на тебя, на паршивца такого, орать, чтоб слышала старая кошелка. А орать я буду вот что: я-де тебя обыскала с ног до головы, рискуя собственным здоровьем, и вышвыриваю тебя с пустыми руками.

После того я вроде как выкину тебя за дверь пинком ноги, и вновь за работу, а работать мне будет тем приятнее, ежели представлю, как старая мерзавка кипит и клоочет, точно котел с пчелами. — Кухарка оценивающе пригляделась к Финту и промолвила: — Ты ведь тошер, так?

— Точно, хозяйюшка.

— Слыхала я, работенка эта не из легких да за жалкие гроши.

Правило номер один: никогда не болтай лишнего. Так что Финт уклончиво отозвался:

— Ну, это как сказать, хозяйюшка, зарабатываю как могу.

— Ладно, пошли, разыграем наш спектакль для тех, у кого ушки на макушке, и ступай себе, да помни — если тебе друг понадобится, ты приходи повидать Куикли. Я серьезно: если я чем смогу помочь, так ты только свистни. А ежели мне туго придется да я постучусь в твою дверь — ты уж не запирайся.

Снаружи солнце едва проглядывало сквозь завесу дыма, тумана и хмари, но для таких, как Финт, стоял белый день. Немножко солнышка — в самый раз, кто ж спорит, под его лучами одежда быстрее просыхает; но Финт любил сумрак и, по возможности, клоаку, а прямо сейчас его неодолимо тянуло в уютную темноту.

Так что он подцепил ломиком крышку ближайшего канализационного люка и спрыгнул вниз, где, кстати, оказалось не так уж и плохо.

Благодаря вчерашней грозе в канализации сделалось чуть терпимее. Там, впотьмах, наверняка уже рыщут и другие тошеры, но Финт золото и серебро нюхом чуял.

Соломон говорил, будто у его пса Онана нюх на ювелирку. В самом деле, Финт охотно воздавал собаке должное, ну нельзя же не пожалеть бедную тварь: за Онана и впрямь частенько бывало очень стыдно, но что есть, то есть — остренькая песья мордочка прямо оживлялась, стоило ему почуять рубины. Финт порою брал его с собой в туннели, и если там, внизу, во мраке, удивительный нос Онана отыскивал сокровища, по возвращении домой Соломон угощал его лишней порцией куриных потрошков.

Финт пожалел, что сегодня собаки при нем нет: острый слух Онана улавливал шум внезапного ливня в нескольких милях вверх по реке — о чем пес и оповещал громким лаем, — но сегодня Финт начал не в том квартале, времени сбегать за собакой не было, так что придется обходиться тем, что есть, — а он, в конце концов, в этом здорово наловчился. Если ты в своем деле дока, как вот Финт, так сгребешь добычу и выберешься наверх, на свежий воздух, задолго до того, как по подземным коридорам хлынет первая волна дождевой воды.

Но, похоже, вчерашняя гроза опустошила небеса досуха. Сегодня в туннелях было тихо-спокойно, как на мельничной запруде: тут и

там поблескивали лужицы да по самому центру коридора змеилась тоненькая струйка. После грозы пахло обычно — как-как? — ну, это, мокрой дохлятиной, гнилой картошкой и затхлостью, — а по нынешним временам, к сожалению, так еще и дерьмом. Что Финта просто выбешивало. Как рассказывал Соломон, ребята по имени римляне построили клоаку, чтобы дождевые воды стекали в Темзу, а не затапливали жилые дома. Но нынче богатеи повадились отводить трубы от своих выгребных ям прямо в подземные туннели, а Финт считал, это просто нечестно. Тут от крыс не знаешь, куда деваться, а еще и ступай с оглядкой, чтобы в «шарля»^{*} не вляпаться.

Сверху, от сточных канав, сквозь крышки канализационных люков просачивалось достаточно света — в них ведь есть отверстия, пропускающие воду; но на самом-то деле тошеру полагается работать на ощупь — пальцами рук, а иногда и ног нашаривать всякую тяжелую мелочовку, что, принесенная потоком, застревает в раскрошившейся кирпичной кладке. Но искать надо, включив не только чутье, но и мозги, в этом — самая суть и дух ремесла, это и означает быть тошером — так наставлял его старина Дедуля: ремесло-де должно настолько

---

* Рифмованный слэнг кокни, сокращение от «Шарль Гуно», который чрезвычайно удачно рифмуется с еще одним интересным словом. (*Прим. автора*)

стать частью тебя самого, чтоб ты чуял золото даже среди «шарлей».

Про римлян Финт мало чего знал, но некогда построенные ими туннели были очень стары и постепенно разрушались и приходили в негодность. Ну да, порою вниз спускались рабочие — подлатать потолки и стены на скорую руку, малость здесь, чуток там, это ж коту на смех. Рабочим бригадам — а их время от времени официально нанимали укреплять и чинить осыпающуюся кладку — лучше на глаза не попадаться, прогонят в три шеи, да только они всяко постарше Финта будут, так что удрать от них — плевое дело. Кроме того, для рабочих существует рабочее время, а в погожую ночь тошер может хоть до утра вкалывать, обшаривая укромные уголки, где кирпич вывалился из стены или пол неровный. А лучше всего — места, где закручиваются маленькие водовороты: там скапливаются пенсы, шестипенсовики, фартинги, полуфартинги и — если очень, очень повезет, — иногда даже соверены, полусоверены и кроны; а то и брошки, серебряные шляпные булавки, лорнеты, часы, золотые кольца. Всю эту мелочовку подхватывала и кружила темная карусель огромным вращающимся сгустком липкой грязи, и — если ты по-настоящему удачлив и веришь в Госпожу всех тошеров, то ты — да-да, именно ты! — окажешься тем везунчиком, который в один прекрасный день отыщет грязевой шар — что-то вроде здорового плам-пудинга. Это диво дивное у тошеров называлось словом

«тошерон»: разобьешь его, а внутри — целое состояние, на всю жизнь хватит.

Финту случалось находить все из вышеперечисленного по отдельности, а порою — одну-две вещицы сразу в укромной щели, которую он тут же мысленно брал на заметку и, конечно же, снова к ней возвращался. Но хотя паренек частенько притаскивал домой добычу, при виде которой Соломон расплывался в улыбке, ему так и не случилось отыскать этот грязевой пирог с начинкой из драгоценностей и денег, ключ к лучшей жизни.

«Но, — думал он про себя, — что может быть лучше жизни тошера, по крайней мере, если ты — Финт? Мир, то есть Лондон, создан для него и только для него; мир всегда играет ему на руку, словно сама Госпожа так приказала. Золотые побрякушки и монеты тяжелые, они легко застревают в щелях, а вот дохлых кошек, крыс и «шарлей», наоборот, уносит течением, и это хорошо, кому ж охота в «шарлика» вляпаться, — слава небесам, что оно не тонет. Но, — размышлял про себя Финт, словно бы бездумно, а на самом деле очень методично обшаривая туннель, заботливо проверяя по пути свои любимые ловушки и одновременно высматривая новые, — а как поступит тошер, если ему в руки и впрямь попадет самый настоящий тошерон? Он эту публику, тошеров то есть, знал как облупленных; если выпал счастливый денек, что они сделают с добычей? Что, спрашивается, они сделают с кровными своими денежками, тяжким трудом нажитыми, ради ко-

торых часами рылись в грязи? Пропьют, чего ж еще; и чем больше добудут, тем пьянее напьются. Может, тот, кто поумнее, и заначит малость на ночлег и ужин; к утру тошер снова гол как сокол».

Под пальцами звякнуло! Это стукнулись друг об друга два шестипенсовика в местечке под названием «Не подведи»: отличное начало!

Финт знал, что далеко превосходит всех прочих тошеров; вот поэтому, в нарушение всех тошерских правил, он полез в клоаку во время грозы, и здорово бы на этом выиграл, если бы не та потасовка и все, что случилось после. Потому что если ты в ремесле руку набил, то найдешь в туннелях местечко-другое, где можно отсидеться в пузыре воздуха, пока повсюду вокруг бушуют стихии. Он давно подыскал себе такое убежище, и пусть там зябко и мокро, зато ему первому посчастливилось бы собрать урожай минувшей ночи в близлежащих туннелях. А теперь надо поторапливаться: того гляди появятся и другие тошеры; глядь — а в полумраке что-то сверкнуло, поймав солнечный блик. Искорка тотчас же погасла, но Финт уже приметил место, осторожно пробрался туда и обнаружил горку грязи поверх песчаного наноса, где от туннеля отходил водосток поменьше; вода еще сочилась здесь тоненькой струйкой.

Ну вот, пожалуйста, —дохлая крыса, а в пасти у нее словно золотой клык посверкивает, а на самом-то деле — ну надо же, золотой полусоверен в зубах у Мистера Крыса застрял.

Крыс по возможности лучше не трогать; вот поэтому Финт всегда таскал с собой в подземелья маленький ломик. Пустив его в дело заодно с ножом, он разжал хищные челюсти и вытащил монету. Балансируя ею на лезвии ножа, паренек подставил находку под сбегающую по стене струйку — ополоснул, стало быть.

Эх, кабы всегда так везло! Ну кому в такой день захочется быть наемным рабочим? Умелому трубочисту неделю придется вкалывать, чтобы заработать те деньги, что он сегодня играючи подобрал. В такой денек хорошо быть тошером, чего уж там!

И тут он услышал стон...

Осторожно обойдя крысу, Финт нырнул в туннель поменьше, наполовину забитый всяким сором — по большей части сучьями и палками, некоторые — острее ножа, — и прочими обломками, что прошлой ночью смело водой. Но тут потрясенному взгляду Финта открылось, что эта гора мусора в основном состоит из человека, и человек этот выглядит не лучшим образом: на месте одного глаза осталось не то чтобы много, зато второй как раз открылся и уставился прямо на Финта. Финт вгляделся в это лицо: от лица нестерпимо разило, и паренек содрогнулся, ибо узнал его.

— Никак, ты, Дедуля? — спросил он.

Старейший из лондонских тошеров словно бы побывал в руках палача; Финт разглядел то, что от бедняги осталось, — и его чуть не вывернуло. Небось работал в одиночку, в точно-

сти как Финт, — и уже не смог выбраться, когда хлынул водяной поток, а вода чего только не принесла, все, что повыбрасывали, что потеряли, от чего пытались избавиться. Это бесформенное месиво со всей силы обрушилось на Дедулю; тем не менее он попытался сесть прямо — весь в синяках, окровавленный, заляпанный невесть какой гадостью — такую только в затопленной канализации и встретишь.

Дедуля сплюнул грязь — по крайней мере, Финт надеялся, что это грязь и ничего больше, — и слабо выговорил:

— Да это ж Финт! Рад тебя видеть в добром здравии, как говорится; ты славный паренек, я всегда это повторял, и посмышленей меня будешь. Так вот чего я от тебя хочу прям щаз: добудь-ка мне пинту самого худшего бренди, что только найдешь, тащи его прямиком ко мне и залей туда, где у меня была глотка, идет?

Финт попытался освободить старика, сдвинув в сторону часть мусора, но Дедуля застонал и прошамкал:

— Поверь на слово, мне досталось — мало не покажется, ну не дурень ли я, да еще в мои-то годы! Мог бы и подумать головой, старый пень! Сдается мне, я нынче откусил кусок не по зубам; пора, значит, помирать. Будь ласков, притащи выпивон, ты ж мой хороший; у меня в правой клешне зажаты шестипенсовик, и крона, и еще пять пенсов; они все еще там, я прям чувствую — это все тебе, пацан; свезло тебе, стало быть.

— Слышь, — запротестовал Финт, — я у тебя, Дедуля, ни пенса не возьму!

Старый тошер покачал головой — тем, что от нее осталось, — и прошептал:

— Во-первых, я тебе никакой на самом деле не дед, вы, пацаны, меня так прозвали просто-напросто потому, что я старше вас всех; и, клянусь Господом, ты *забереешь* мое добро, когда меня не станет, ты ж тошер, а тошер подбирает все, что найдет! Я, кстати, знаю, где я, — знаю, что там наверху, ниже по течению, сразу за углом есть винная лавочка. Так мне, говорю, бренди, самого худшего, что у них найдется; и вспоминай обо мне с добром. А теперь сыпь со всех ног — или проклятие умирающего тошера настигнет тебя!

Финт опрометью кинулся к ближайшему люку, выкарабкался на поверхность, отыскал замызганную винную лавчонку, купил целых *две* бутылки бренди — разило от него так, что одним запахом ногу перепилить можно. Эхо его шагов еще не угасло в туннелях, а он уж спустился обратно.

Дедуля был на месте, никуда не делся, изо рта его обильно текло, но при виде Финта он слабо улыбнулся. Финт протянул бедолаге первую бутылку, загодя ее открыв; содержимое с долгим бульканьем потекло в Дедулину глотку. Кое-что, впрочем, вылилось изо рта обратно, когда он кивком попросил вторую, говоря:

— Во, отлично, мне как раз хватит, самое то, так тошери и полагается помирать. — Голос его

понижился до шопота; одной относительно целой рукой он вцепился в Финта и промолвил: — Я ее *видел*, парень; саму Госпожу — туточки она стояла, во всей красе, вот где ты сейчас; вся в багрянце и золоте, и сияла, как солнышко на со-верене. Послала мне воздушный поцелуй, по-манила меня к себе — и драпанула прочь, но только этак изящно драпанула, как истинная леди, сам понимаешь.

Финт не знал, что тут сказать, — но все-таки сумел найти нужные слова:

— Ты многому научил меня, Дедуля. Ты рас-сказал мне про Крысиную Королеву. Так что, знаешь, сплюнь-ка ты изо рта сточную воду — и думается, я смогу перетащить тебя отсюда в местечко получше. Давай хотя бы попробуем, ну *пожалуйста*.

— Ни шанса, парень. Сдается мне, если ты меня сейчас с места стронешь, я ж на куски раз-ваюсь; ты бы лучше просто посидел со мной чуток, если не слишком торопишься. — В тем-ноте опять забулькало; Дедуля снова прило-жил к огненному бренди и продолжил: — Из тебя чертовски хороший ученик вышел, этого не отнимешь; ну то есть у ребят по большей части просто нюха нету на это дело; а на тебя я смотрел все эти годы, и прям душа радовалась: для тебя ж ремесло тошера — что для прохфес-сора книги. Ты только глянешь на кучу дерьма, и глазенки так и засветятся: знаешь доподлин-но — под ней точно что-то стоящее. Так мы и

работаем, парень, — те, что почище нас, выбрасывают ненужное, а мы в отбросах находим по-настоящему ценное. Вот и с людьми так же. Видал я тебя за работой, парень, и сразу понял: у тебя тошерство в крови, прям как у меня. — Он закашлялся, и части его изувеченного тела заходили ходуном в жутком танце. — Меня, Финт, королем тошеров прозвали. На то похоже, теперь им стал ты, и мое тебе благословение. — Старик усмехнулся остатками рта. — Ты ведь папашу своего не знал, парень?

— Нет, Дедуля, — откликнулся Финт. — И я не знал, кто мой папаша, и мамаша небось не знала; да и ее я тоже не знал. — С потолка капало; глядя в никуда, Финт выговорил: — Но ты всегда был мне Дедулей, я это знаю доподлинно, и если б ты не обучил меня тошерству, мне б в жизни не отыскать всех здешних укромных уголков, и Мальстрем, и Королевиной Спальню, и Золотой Лабиринт, и Совершенную улицу, и Пуговичный волчок, и Дыши-Легко. Эх, сколько раз это местечко меня выручало, пока я еще только уму-разуму набирался... Спасибо тебе за это, Дедуля. Дедуля?... Дедуля!

Финту померещилось какое-то движение в воздухе или, может, неуловимо тихий звук, вот он есть — а в следующий миг плавно сошел на нет. Но что-то еще осталось; Финт придвинулся поближе — и, с последним своим вздохом, подрагивающим на губах, Дедуля, где бы он уж ныне ни находился, промолвил:

— Я вижу Госпожу, парень, я вижу саму Госпожу...

Дедуля улыбался ему — и продолжал улыбаться, пока свет в его глазах не погас, а тогда Финт наклонился, почтительно разжал Дедулин кулак и забрал наследство, теперь принадлежащее ему по праву. Отсчитал две монеты — и торжественно положил на глаза покойному, потому что, ну, так надо, так всегда делалось. А затем посмотрел в темноту и произнес:

— Госпожа, посылаю к тебе Дедулю, хороший он старикан; он обучил меня всему, что я смыслю в тошерстве. Ты уж не обижай его: ругается он страшно.

Финт проворно выбрался из канализации — словно за ним гнались сам ад и все его демоны. Опасаясь, что это в самом деле так, мальчишка пробежал бегом то небольшое расстояние до Севен-Дайалз* и относительно цивилизованной мансарды доходного дома, где жил, работал и вел дела Соломон Коган, в комнатухе на самом верху лестничного пролета, — с такой высоты перед ним открывался вид на многое такое, чего он, вероятно, видеть не очень-то и хотел.

---

* Севен-Дайалз (буквально «Семь циферблатов») — название известного перекрестка в Уэст-Энде, где сходятся семь улиц (в центре перекрестка установлена колонна с шестью (не семью) солнечными часами). Это же название неофициально используется для обозначения близлежащего района. В XIX веке этот район представлял собою криминальные трущобы (красочно описаны Ч. Диккенсом в «Очерках Боза»). (Прим. перев.)

ГЛАВА 3

**Финт приобретает костюм,
который жмет в области неназываемых,
а Соломон выходит из себя**

Когда Финт добрался наконец до мансарды, снова пошел дождь — мерзкая унылая морось. Он нетерпеливо переминался с ноги на ногу снаружи и, как только старик проделал все замысловатые манипуляции по отпиранию двери, пулей влетел в дом, едва не сбив с ног Соломона. Соломон был стар и мудр: он не стал докучать Финту расспросами — пусть полежит бесформенной вонючей грудой на старом соломенном тюфяке в глубине мансарды до тех пор, пока этот сгусток горя не будет готов ожить снова. А тогда Соломон, мудрый, как его тезка, сварил супу, и аромат супа поплыл по комнате, так что Онан, мирно спавший рядом с хозяином, проснулся и завыл: звук был такой, словно из чудовищной бутылки вытаскивают жуткую пробку.

Финт выбрался из-под одеяла, с благодарностью принял миску с супом, молча поданную ему Соломоном, а старик вернулся к своему

верстаку, к токарному станку с педальным приводом, и очень скоро вновь слышался уютный бойкий стрекот, который напомнил бы Финту кузнечиков в поле, если бы тот хоть раз в жизни видел кузнечика или поле, если на то пошло. Но, с чем его ни сравнивай, мерный стрекот звучал утешительно, и по мере того как суп оказывал свое целительное действие и танцевали кузнечики, Финт рассказал старику — ну, почти все и рассказал, — и про девушку, и про Чарли, и про миссис Куикли, и про Дедулю, — а Соломон не произнес ни слова, пока слова не закончились у Финта, и только тогда проговорил:

— Таки трудный денек у тебя выдался, бубеле, и как же жалко друга твоего, Дедулю, мmmm, пусть его душа упокоится в мире.

— Но я бросил его там на съедение крысам! — простонал Финт. — Он сам мне велел!

Порою Соломон изъяснялся так, словно только что проснулся и о чем-то вспомнил: очередную фразу предвосхищал чудной звук «mmm», похожий на чириканье пташки. Финт так до конца и не разобрался, что значит это непроизвольное «mmm». Вполне дружелюбное, кстати; пареньку казалось, будто Соломон заводит внутри себя некий механизм, готовясь к следующей мысли; со временем к этому звуку привыкаешь, а не услышав, начинаешь по нему скучать.

Соломон же отвечал:

— Ммм, а чем лучше или хуже угодить на съедение червям? Увы, такова участь всего рода

человеческого. Ведь ты, ммм, его друг, был с ним, когда он умирал? Таки хорошо. Знавал я этого джентльмена, ему таки было, мmmm, ах да, тридцать три? Такой хороший возраст для тошера, пусть он будет счастлив; и ты говоришь, ему повезло увидеть свою Госпожу. Как ни печально, мне самому уже, ммм, пятьдесят четыре, хотя я-то, по счастью, пребываю в добром здравии. Тебе повезло познакомиться со мной, Финт, а мне повезло повстречать тебя. Ты научился содержать себя в чистоте и откладывать деньги на черный день. Мы кипятим питьевую воду, и не премину отметить, что я, ммм, донес до тебя мысль о необходимости чистить зубы, благодаря чему, ммм, милый мой, у тебя еще осталось какое-то их количество. Дедуля умер так же, как и жил, так что ты вспоминай его тепло, но не горюй по нему слишком. Тошеры мрут молодыми; а чего и ждать, если полжизни возюкаешься в грязюке? Ты видел среди тошеров хоть одного еврея? — таки нет, потому как что тошерно — то не кошерно! Вспоминай, говорю, своего друга Дедулю с теплотой, и пусть его жизнь и смерть послужат тебе уроком.

И кузнечики снова с легким потрескиванием затанцевали в воздухе.

Где-то внизу, на улице, завязалась драка. Ну так драки — дело обычное; драки множатся как плесень, обычно потому, что в этих жалких, грязных трущобах людей битком набилось, а ежели уж дошел до крайнего предела, так и до

беспредела остался один шаг. Иные утверждают, что всему виной выпивка; а как прикажете не пить пива? Да, пивом, если не знать меры, можно напиться допьяна; но с другой стороны, глотнув воды из колонки, можно и вовсе копыта отбросить, — разве что сперва ее вскипятишь, то есть если у тебя есть деньги на уголь или дровишки. А они стоят на очереди после еды и пива (обычно, правда, порядок обратный).

«Наверное, Дедуля и впрямь умер так, как хотел, — подумал Финт. — Но разве можно хотеть для себя такой смерти? Мне вот она совсем не по душе». И тут в голове мелькнула новая мысль: «Если я хочу не этого, тогда к чему мне надо стремиться-то?» Эта неожиданная мыслишка застала Финта врасплох: такие таятся где-то не на виду — и вдруг прорываются, точно прыщ. Финт вроде как заложил ее за ухо — подумать на досуге.

А Соломон между тем продолжал:

— Ммм, что до твоего мистера Чарли, слышал я про него в синагоге. Ох и хитрый поц, ох и хитрый, востер как бритва, мудр как змий, так мне рассказывали. Говорят, он на тебя только глянет, и сразу все про тебя понял: на лету схватывает — и как ты разговоры разговариваешь, и как в носу ковыряешь. Он и с полицией дружбу водит, прямо запанибрата с ними, так что вот о чем старый Соломон думает: зачем бы такой важной птице поручать работу полицейского, ммм, сопливному тошеренку вроде тебя? Да, нос

у тебя таки сопливый — а я ведь знаю, что ты знаешь, как пользоваться платком, ммм, я сам тебя научил; а на мостовую сморкаться некошерно. Ты меня слушаешь или нет? Так вот, если не хочешь кончить дни свои так же, как бедняга Дедуля, тогда неплохо бы тебе прийти к чему-то другому, а для начала, ммм, недурно бы по-другому выглядеть, особенно, ммм, если ты собираешься поработать на этого мистера Чарли. Так что пока я тут ужин стряпаю, я хочу, чтоб ты сбегал к моему доброму другу Иакову в лавку старьевщика. Скажи ему, это я тебя послал: пусть оденет тебя с головы до пят в приличный шмуттер за один шиллинг, включая ботинки, — и последнее слово ни в коем случае не забудь. Можешь считать, что потратил часть своего наследства, ммм, от покойного мистера Дедули. И, кстати, прихвати с собой Онана — ему бы поразмяться, бедолажечке.

Финт собирался было заспорить, но тут же понял, что спорить — глупо. Соломон прав: если ты живешь на улице, там ты и сдохнешь, ну или под ней, как в случае старины Дедули. Отчего-то казалось, что правильно будет потратить часть Дедулиного подарка — и часть канализационных щедрот — на то, чтоб прифрантиться малость; ведь и в самом деле, если он не прочь опробовать новый род занятий, надо бы выглядеть поприличнее... Финту очень хотелось верить, что от мистера Чарли ему еще что-нибудь перепадет. Кроме того, если помо-

гаешь деде в беде, так неплохо бы при этом взглянуть на все сто.

И Финт пустился в путь в сопровождении Онана: пес себя не помнил от радости, что его взяли на прогулку среди бела дня; оставалось только надеяться, что тот от избытка чувств не натворит дел. Все собаки пахнут — это главная, прямо-таки неотъемлемая составляющая собачьей сущности, ведь псу чрезвычайно важно как унюхать, так и быть унюханным; но надо сознаться, что Онан не только пах как любая другая собака; он сдабривал букет щедрой долей своего собственного, чисто онанского духа.

А направлялись они в лавку старьевщика, в гости к Иакову и, если память Финта не подводила, к странноватой жене Иакова, чей парик, с какой стороны ни посмотри, сидел вкривь и вкось. В придачу к лавке старьевщика Иаков держал еще и ломбард; Соломон, похоже, подозревал, будто Иаков скупает кой-какое барахлишко, не спрашивая, откуда оно взялось; хотя на чем основаны его подозрения, Соломон Финту так и не объяснил.

Ломбард — это такое место, куда ты несешь свои инструменты, если остался без работы, и где ты выкупишь их обратно, если на работу вернулся, потому что хлебушек жевать проще, чем молотки. А если уж ты совсем на мели, так заложить и лишние шмотки; ну, хотя бы несколько. Не выкупишь — так отправится твой заклад прямиком в лавку старьевщика, где

Иаков с сыновьями целыми днями напролет шьют, чинят, кроят и латают, превращая старую одежду ну если и не в новую, то по крайней мере во что-то приличное. С Финтом Иаков и сыновья всегда были — само дружелюбие.

Иаков поприветствовал Финта недешевой улыбкой: такую продавец адресует покупателю в надежде, что удастся что-нибудь ему впарить.

— Чтоб я так жил, да кто ж это, как не мой молодой друг, который однажды спас от верной смерти моего старейшего друга Соломона, и... собаку оставь снаружи!

Онана привязали на заднем дворике за лавкой и даже косточку дали погрызть — и удачи ему в этом непростом начинании, — подумал про себя Финт, поскольку в старом Лондоне если собаке кость и перепадает, так вся ее питательность давным-давно ушла в суп. Онан, впрочем, нимало не расстроился: он жизнерадостно приняхивался да хрустел, а Финта между тем вновь пригласили внутрь, поставили на тесном пятачке посреди лавки и принялись обхаживать его ну ровно лорда в каком-нибудь пижонском магазине на Сэвил-роу или Ганновер-сквер, хотя в таких местах костюм, который ты на себя напяливаешь, вряд ли до тебя носили еще четверо, а то и пятеро.

Иаков и его сыновья мельтешили вокруг Финта, как пчелы, критически на него щурились, встряхивали перед его носом «белыми», лишь самую малость пожелтевшими сорочками

и сей же миг убирали их с глаз долой, прежде чем, словно по волшебству, появлялся следующий портной, помахивая парой крайне подозрительных штанов. Предметы одежды так и мелькали перед глазами и исчезали навсегда, ну да что с того — ведь появлялись все новые! «Примерь-ка вот эти... нет, ни в коем случае!» или «Как насчет вот этого? Подойдет прямо как перчатка — ох нет, ну да ладно, для нашего героя найдется сколько угодно еще!».

Но, по правде сказать, какой из него герой-то? Финту хорошо запомнился тот день, три года назад дело было, сколько ни тошерился, весь вечер не везло, хоть убей, а тут еще и дождик полил, и, по слухам, кто-то подобрал соверен вот прям у него из-под носа, так что Финт негодовал и злился и только и ждал, на ком бы сорвать досаду. И вот вылез он наверх, в волглый туман лондонских улиц, глядь — двое парней душу выколачивают из какого-то бедолаги, распростертого на мостовой. Очень вероятно, что в те дни, когда раздражение его прорывалось наружу посредством пинков и кулаков, если бы только какое-нибудь колесико в его голове повернулось не в ту сторону, он, вероятно, помог бы парням, просто чтобы дать выход ярости. Но так уж вышло, что колесико завращалось в другом направлении, к мысли о том, что двое ублюдков, нищелюбов притравивших, избивают беспомощного старикана, который уже и встать не может, только лежит и стонет.

Так что Финт вмешался и славно поработал лопаткой, прям не хуже, чем прошлой ночью, уж вломил гадам, так вломил, даже запыхался, отмутил по первое число, пока те не обратились в бегство, а он решил, что слишком устал и гнаться за ними не станет.

Это, конечно, было чистой воды безумие, порожденное досадой и голодом, хотя Соломон уверял — десница Божья; Финт, впрочем, ему ни разу не поверил, поскольку Бог на здешних улицах — гость нечастый. Финт помог старику дойти до дома — хоть он и изя, — и Соломон сварил супу, все это время рассыпаясь в благодарностях перед своим спасителем. А поскольку старикан жил один и в мансарде его нашлось лишнее местечко, все устроилось как нельзя лучше; Финт иногда бегал по Соломоновым поручениям, добывал дровишки для печурки, если повезет, так и уголь тырил с барж на Темзе. А Соломон Финта кормил или хотя бы готовил то, что Финт *промыслил*, причем такой вкуснящей стряпни Финт в жизни не едал.

Кроме того, за добытое в ходе тошерских вылазок Соломон давал Финту гораздо лучшую цену; проблема в том, что старый еврей *обязательно* спрашивал, не краденое ли добро покупает. Ну то, что добыто в канализации, — с ним все в порядке, кого угодно спросите. Это деньги, спущенные в трубу, они для человечества все равно что потеряны, они уже на пути к морю, их считай что нету. Тошеры, понятное дело, ча-

стью человечества не считаются, это вам тоже кто угодно подтвердит. Но в те времена Финт не брезговал и подворовывать по мелочи и притаскивал домой очень, очень подозрительное барахлишко, со всей определенностью «некошерное», как скажет Соломон.

Всякий раз Соломон дотошно уточнял, а тошерством ли оно добыто, и Финт неизменно отвечал «да», но по выражению глаз Соломона всегда мог определить, поверил ему старикан или нет. А хуже всего то, что Соломоновы глаза никогда не ошибались. Барахлишко он все равно забирал, но после того в мансарде некоторое время царил холодок.

Так что теперь Финт тырил главным образом то, что можно сжечь, выпить или стрескать: то, что плохо лежит — например, на рыночных прилавках, и отношения вроде как потеплели. Кроме того, в синагоге Соломон почитывал газеты, и порою в рубрике «Потери и находки» попадались печальные объявления о потере обручального кольца или еще какой побрякушки. А такая ювелирка всегда ценится дороже, ну потому что это ж *обручальное* кольцо, так? — а не просто кусок желтого металла. Порою тут же маячили волшебные слова «Нашедшему гарантируется вознаграждение», а если правильно провести переговоры, учил Соломон, то за вещицу можно выручить куда больше, чем у скупщика краденого. Ведь к кошерному ювелиру ты ювелирное украшение не

понесешь, полиция в тебя так и вцепится, даже если ты просто-напросто «нашел» его, а вовсе не стибрил. Порою честность — сама по себе вознаграждение, наставлял Соломон, но Финт думал про себя, что если к ней еще и деньжата прилагаются, то тоже отказываться не след.

Деньги деньгами, но Финт вдруг обнаружил, что по-настоящему счастлив в те дни, когда в самом деле удавалось помочь кому-нибудь воссоединиться с любимой подвеской, или колечком, или еще какой дорогой сердцу побрякушкой; он прямо ног под собою не чуял от радости — что только в плюс, если задуматься, во что ступали эти самые ноги в канализационных туннелях.

Помнится, одна дама даже расцеловала его от избытка чувств — совсем недавно она зарумянившейся новобрачной садилась в карету, чтобы ехать в свой новый дом, и обручальное колечко, на беду, соскользнуло с ее пальчика. Тогда Финт спросил у Соломона, потому что другие тошеры парня безжалостно дразнили: «Ты правда пытаешься спасти мою душу?» А Соломон, с характерной такой усмешечкой, что с его лица почитай что и не сходила, отвечал: «Ммм, пока что я исследую возможность ее наличия».

Эта небольшая перемена привычек здорово помогла скрепить его дружбу с Соломоном, а это означало, что Финту — в отличие от многих других тошеров — не приходилось дрожать

ночами под дверью, или ныкаться под куском брезента, или платить за гнусную, вонючую полпенсовую веревку* в ночлежке. Все, что Соломон от него хотел, — это немного общения по вечерам да изредка деликатно просил проводить его к кому-нибудь из заказчиков, когда нес какие-нибудь механизмы, ювелирку и прочие опасно дорогостоящие вещи. Слух о непредсказуемом характере Финта уже распространился по всей округе, так что им с Соломоном по пути никто не докучал.

Соломонова работа Финту нравилась. Старикан мастерил разную мелочовку — хитрые штуки, обычно на замену другим хитрым штукам, ценным и дорогим сердцу хозяина, что, на беду, сломались или потерялись. На прошлой неделе на глазах у Финта тот починил дорожную музыкальную шкатулку, битком набитую шестеренками да проводочками. Шкатулка казалась безнадежно испорченной: рабочие уронили ее при переезде владельцев в новый дом, — и Финт заворуженно наблюдал, как старик возится с каждой деталькой, как невесть с

---

* Т.е. место в дешевой ночлежке по полпенса за койку. Как объяснял Сэм Уэллер, персонаж «Записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса, «хозяева протягивают во всю длину комнаты две веревки, футов шесть одна от другой и фута три от пола, а постели делаются из полотнищ грубой материи, натянутых на веревки.<...> Утром в шесть часов веревки с одного конца отвязывают, и ночлежники валяются все на пол. Ну, значит, сразу просыпаются, очень спокойно встают и убираются!» (*Прим. перев.*)

каким сокровищем, — чистит, обтачивает, чуть сгибает — медленно и неспешно, словно к его услугам все время мира. Поврежденную инкрустацию слоновой кости на шифоньерке розового дерева Соломон восстановил, приладив где надо кусочки из своего небольшого запаса, и отполировал так аккуратно, что дама-заказчица заплатила ему сверх условленного лишнюю полукрону.

Ок, кой-кто из Финтовых приятелей обзывал его шабес-гоем, но Финт зато подметил, что еда ему перепадает всяко получше, чем любому из них, и, кстати, куда дешевле, ведь на рынке Соломон торговался так, что даже кокни сдавался, — и помощи Небеса тому торговцу, который Соломона обвесит или продаст ему черствый хлеб или гнилые яблоки, не говоря уже об отваренном апельсине* и прочих торгашеских плутнях вроде воскового банана. Так что, памятуя о вкусной здоровой еде, устроился Финт прям на зависть; да и простужаться ему не с руки.

Иаков с сыновьями наконец-то закончили жонглировать в воздухе штанами, рубашками, носками, жилетками и ботинками, отошли на шаг и разулыбались друг другу, гордясь отличной работой, а Иаков промолвил:

---

* Один из видов рыночного жульничества: мелкие апельсины отваривали, чтобы они разбухли. (*Прим. перев.*)

— Ну вот прямо даже и не знаю. Чтоб я так жил, да мы ж волшебники, как есть волшебники! Сыновья мои, мы нынче своими руками создали джентльмена, такого джентльмена — его в любом обществе с распростертыми объятиями примут, если, конечно, никто не возражает против легкого запахка камфоры. Но тут уж либо запахок, либо моль, это всякому понятно, даже Ее Величеству, и что вы себе думаете, мои хорошие? — если бы Ее Величество таки сейчас вошла в эту самую дверь, она бы сказала: «Добрый вечер, юный сэр, мы с вами, кажется, где-то встречались?»

— В паху малость жмет, — пожаловался Финт.

— Так не думай шаловливых мыслишек, пока не растянется, — посоветовал Иаков. — Я скажу, что я сделаю: только для тебя, ни для кого другого, я добавлю вот эту замечательную шляпу, и размер в точности твой, если малость подбить изнутри, чтоб на ушах не висла; и я ни разу не удивлюсь, если не сегодня завтра этот стиль опять войдет в моду. — Иаков отступил назад, очень довольный совершенным превращением. И, склонив голову набок, заметил: — А знаете, что я вам скажу, молодой человек? Вам таки теперь надо прилично подстричься, и я вам клянусь, у вас от девушек отбою не будет!

— Да меня Соломон подстригает, когда слишком жарко делается и хочется, чтоб баш-

ка поостыла, — отозвался Финт. Иаков шумно фыркнул — такой звук способен произвести только оскорбленный в лучших чувствах еврейский торговец, экспрессией затмевающий даже француза в неудачный день. В целом, если этот звук попробовать записать, начнется он с чего-то вроде «фуууйёу», а на конце замаячит смачный плевок.

— Ой, я вас умоляю, молодой человек, это никакая не стрижка, — взвыл Иаков. — Вас все равно что ножницами для стрижки овец обкорнали! Как будто вы только что из казенного дома! Да если бы вас увидела королева Виктория, чтоб она была здорова и счастлива, она бы полицию кликнула, не сходя с места! Послушайтесь доброго совета, следующий раз сходите к настоящему цирюльнику! Послушайтесь совета вашего старого друга Иакова, он зря не скажет!

И вот, в сопровождении пса Онана, который все так же жизнерадостно тащил в зубах кость, Финт снова вышел в огромный мир. Конечно, одежда с чужого плеча — она с чужого плеча и есть, с какой стороны ни посмотреть; сойдет, конечно, но не бог весть что. Но другого, как говорится, не завезли. И все-таки, приодевшись в новое, Финт сразу почувствовал себя совсем по-другому, невзирая на проблему в паху и покалывание в подмышках, и уж конечно, этот костюмчик не чета всем его предыдущим шмоткам и, хотелось бы надеяться, достоин девушки, спасенной в грозовую ночь.

Финт дошагал до переулка, поднялся по шаткой лестнице в мансарду, где Соломон встретил его словами:

— А вы кто такой, молодой человек?

По столу рассыпалось содержимое игры «Счастливые семьи».

— Ммм... интересно, очень интересно, — рассуждал Соломон. — Ты мне принес прелюбопытное и, мmmm, смертельно опасное изобретение. Простота его, мmmm, обманчива, очень скоро начинают сгущаться тучи.

— Чего? — не понял Финт, разглядывая яркие разноцветные карточки на столе. — Это ж вроде развлекаловка такая для детишек — хотя на фургончик «Счастливая семейка» совсем непохоже, странно. Всего-навсего детская игра, разве нет?

— Увы, да, все так, — кивнул Соломон. — И сейчас я изложу свою теорию. Каждому игроку сдаются карты из общей колоды, а задача его, по-видимому, состоит в том, чтобы собрать одну из семей полностью, *счастливую* семью, просто-напросто спрашивая других игроков, есть ли у них определенная карта. На первый взгляд — занятная игра для детей, но на самом-то деле родители, сами того не ведая, делают все, чтобы ребенок их вырос либо игроком в покер, либо политиком.

— Чего?

— Позволь мне откомментировать происходящее, юноша, — отозвался Соломон и,

встретив непонимающий взгляд собеседника, поправился: — То есть позволь мне объяснить. Игруют, по-видимому, так. Чтобы, ммм, составить счастливую семью, надо выбрать какую-то одну; так что, предположим, ты решил собирать, ммм, семью пекаря. Ты, возможно, думаешь, что надо всего-то навсего снова дожидаться своей очереди и честно попросить соседа отдать тебе следующую нужную тебе карту. Допустим, это мисс Багет, дочка пекаря. А почему? Да потому, ммм, что в начале игры, когда сдавались карты, тебе достался мистер Багет, пекарь, так что его дочка — это шаг в нужном направлении. Но остерегись! Твои противники, ммм, если ты просто-напросто назовешь мисс Багет, чего доброго, станут в свою очередь просить у *тебя* кого-нибудь из Багетов; очень может быть, что сами они Багетов не собирают, а, скажем, пытаются составить, ммм, семью Клистиров, глава которой — доктор мистер Клистир. Итак, они просят у тебя какого-нибудь Багета, хотя на самом-то деле им нужен кто-то из Клистиров, потому что они заметили твой интерес к Багетам и, несмотря на насущную потребность в Клистире, воспользуются своим ходом, ммм, чтобы сбить тебя со следа и заодно лишить тебя одного из драгоценных Багетов.

— А я тогда совру: скажу, что у меня его нет, — предположил Финт.

— Ага! Но по мере того, как игра худо-бедно движется к завершению, неизбежно обна-

ружится, что оспариваемый Багет все-таки у тебя на руках, ммм, так и выйдет! И ты этому не порадуешься. Ты должен говорить правду: не скажешь правды, так и не выиграешь. Разгорается страшная битва, ты решаешь отказаться от Багетов и попытать счастья с, мmmm, семейством мистера Солода, пивовара; несмотря на то, что в твоей собственной семье все трезвенники. Ты надеешься хотя бы одного из своих недругов ввести в заблуждение относительно своих истинных намерений и одновременно подозреваешь, что все они, с виду — воплощенное чистосердечие, на самом-то деле измышляют одну стратегию за другой, лишь бы помешать твоим планам! И жуткое следствие продолжается! Сын учится обманывать отца, сестра привыкает не доверять отцу, а мать пытается проиграть, лишь бы сохранить мир, и тут ей впервые приходит в голову, что выражение притворной радости или предвкушения в лицах ее детей, сбивающее противников с толку, способно, чего доброго, мmmm, направить по ложному следу.

— Так это все равно что торговаться на рынке, — возразил Финт. — Все так делают.

— И вот игра заканчивается, причем наверняка со слезами, кто-то сорвался на крик, кто-то дверью хлопнул. Таки как она способствует семейному счастью? Чего именно удалось достичь? — Соломон умолк, лицо его заметно по-розовело от огорчения.

Финт на минуту задумался, но наконец нашелся:

— Но это же всего-навсего карточная игра; сущая ерунда. Игруют-то понарошку.

Соломона такой ответ не устроил.

— Я в эту игру отродясь не играл, но я тебе вот что скажу: ребенок, играя с родителями, неизбежно учится их обманывать. А ты говоришь, это всего-навсего игра?

Финт снова призадумался. Игра, стало быть. Не азартная игра, вроде «Короны и якоря», где можно полные карманы выиграть. Но игра, в которую всей семьей играют? Это у кого ж есть время для семейных игр? Разве у малышни немышленой или у детей важных господ.

— Это всего-навсего игра, — запротестовал он, и ответом ему был Соломонов взгляд, который, если не остережешься, пробьет тебе лоб и выйдет из затылка.

— А что с того, если тебе всего семь лет от роду? — гнул свое Соломон. Старик весь покраснелся и грозил Финту пальцем, прямо как перстом Божьим. — Юноша, игры, в которые мы играем, — это уроки, которые мы усваиваем. То, что мы принимаем на веру, то, от чего отмахиваемся, то, что пытаемся изменить, — делает нас такими, какие мы есть.

Библейская муть, в общем. Но Финт задумался: а в чем, собственно, разница? Вся наша жизнь — игра. Но если жизнь — игра, тогда кто ты — игрок или пешка? Постепенно до него до-

ходило: а ведь Финт может стать куда большим, нежели просто Финт, если малость расстараться. Это призыв к оружию, и гласит он: «Хватит на заднице рассиживаться!»

«Одно можно сказать про этот грязный старый город, — размышлял про себя Финт, выходя из мансарды вместе с Онаном и гоголем выступая в новом костюме, — как бы ты ни осторожничал, кто-нибудь обязательно что-нибудь да увидит. На улицах всегда толпы народу, отираешься в толпе, пока, того гляди, в порошок не сотрут; а сегодня хорошо бы малость поотираться в «Говяжьем филее», или «Козе и шестипенсовике», или любом другом сомнительном питейном заведении, где можно надраться за шесть пенсов, ужраться вусмерть за шиллинг — и с вероятностью просто помереть только потому, что хватило глупости переступить порог».

В таких местах тошеры и мусорщики болтаются с девчонками — в прямом смысле слова болтаются, потому что у половины небось уже зад из штанов свисает. В таких местах тратишь время и деньги, чтобы хоть ненадолго позабыть о крысах, и о вездесущей грязюке, и о запахах. И хотя спустя какое-то время ко всему привыкаешь, трупачи, поплавав в реке, приобретают собственный неповторимый аромат, и эту вонь гниения и распада ни с чем не спутаешь и не позабудешь, она к тебе так и липнет, вязкая и

тяжелая, и отчаянно не хочется снова ее вдохнуть — хоть ты и знаешь, что никуда от нее не деться.

Как ни странно, запах смерти живет своей собственной, непонятной жизнью, он куда угодно просочится, а избавиться от него чертовски трудно. В каком-то смысле он сродни запаху Онана, который преданно семенил по пятам за Финтом: его продвижение отслеживалось по реакции людей в толпе: они начинали озиаться, пытались понять, откуда эта вонища, и надеясь, что не от них.

Но сейчас светило солнышко и парни с девчонками выпивали в «Дочке канонира», рассевшись снаружи на старых бочках, на бухтах троса, на заброшенных штабелях гниющего дерева и грудах прочего прибрежного мусора. Порою Финту казалось, что город и река — это одно и то же существо, просто одни его части куда мокрее других.

Здесь, в этом сумбурном, пахучем, но обычно развеселом беспорядке, Финт заметил Кривого Генри и Люси-Щипачку, Однорукого Дейва, Проповедника, Энни-за-Полпенни, Джули-Грязнулю и Кромсало, а те, уж что бы они там ни подумали про себя, все сказали ровно то, что люди везде и всегда говорят в сходных обстоятельствах — когда кто-то из их компании вдруг больно шикарно вырядился. Что-нибудь в духе: «Ой, и кто же этот пригожий джентльмен?» и «Ну надо ж, ты, никак, всю улицу скупил! Ну,

надушился, аж в нос шибает!». И уж всенепременно: «Ты нам шиллинг, часом, не одолжишь? Отдам в день святого Неверия». И так далее, до бесконечности, а выжить в такой ситуации можно только одним способом: смущенно-глуповато поулыбаться и смириться с неизбежным, зная, что в любой момент ты в силах положить конец веселью; так Финт и сделал.

— Дедуля помер, — сообщил Финт — как обухом по голове ударил.

— Да ладно! — охнул Кривой Генри. — Я ж с ним тошерился только позавчера, аккурат перед грозой.

— А я его нынче видел, — отрезал Финт. — Он прямо на моих глазах и помер! Ему было тридцать три! И не смейте мне тут говорить, будто это не так, потому что покойник он, ясно? Там, внизу лежит, под Шордичем, неподалеку от Мальстрема!

Энни-за-Полпенни расплакалась: хорошая она была девушка, по виду так скажешь, что вообще не отсюда и только что приехала. В сезон она продавала дамам фиалки, а в остальное время торговала всем, чем придется. Карманы опять же преловко чистила: на нее посмотришь — ни дать ни взять ангелок, стукнутый по голове чем-то тяжелым; кто ж такую заподозрит; но, как ни крути, зубов у нее было всяко побольше, чем мозгов, причем зубов — раз, два и обчелся. Что до остальных, они разве что погрустнели малость и, избегая смотреть Финту в

глаза, пялились в землю, словно предпочли бы оказаться где угодно, лишь бы не здесь.

— Он отдал мне свою добычу, сколько нашлось, — продолжил Финт. И, чувствуя себя неловко, словно сказал недостаточно, добавил: — Я ж за этим сюда и пришел: поставить вам всем портера с пирогом, чтоб выпили за его здоровье. — Эта новость всех заинтересованных лиц здорово взбодрила, тем более что Финт пошарил в кармане и исторг из себя шестипенсовик, который словно по волшебству превратился в пивные кружки на всех: в них плескалась жидкость такая густая, что за еду сойдет.

Пока кружки осушались с разными вариациями на тему «буль-буль», Финт заметил, что Энни-за-Полпенни все еще шмыгает носом, и, будучи пареньком добросердечным, он тихонько шепнул:

— Энни, если тебе с того полегчает, так он ушел с улыбкой; сказал, что Госпожу увидел.

Но этой информации, по-видимому, оказалось недостаточно; между всхлипываниями Энни пожаловалась:

— Двойной Генри только что заходил подкрепиться и бренди хлебнуть, сказал, еще одну девчонку пришлось из реки вылавливать.

Финт вздохнул. Двойной Генри был лодочником: греб себе по Темзе туда-сюда: не понадобится ли кому перевозчик. Остальные Эннины новости, к сожалению, считались делом

обычным. Ровесники Финта, с которыми он водил компанию, были как на подбор крепкими орешками, потому и выжили; а вот со слабаками город и река не церемонились.

— Говорит, она, видать, сиганула с моста в Патни, — всхлипнула Энни. — Небось залетела.

Финт снова пришибленно вздохнул. Так с ними обычно и бывает, забрюхатели — пиши пропало, подумал он про себя: эти девчонки из далеких мест со странными названиями вроде Беркхамстед или Аксбридж, они приезжают в Лондон в надежде, что здесь жить получше, чем среди деревенщин неотесанных. Но стоит им тут оказаться, и город сжирает их самыми разными способами — и выплевывает, чаще всего в Темзу.

А это, сказать по правде, участь незавидная — ведь то, что в реке, называешь «водой» только потому, что для грязи она слишком текучая. Когда трупы всплывают наконец на поверхность, нищие старики-лодочники и грузчики вылавливают их багром и тащат к коронеру одного из округов. За доставку этих жалких останков в коронерную службу полагалась премия; Двойной Генри как-то рассказывал, что иногда выгодней оттащить трупак подальше, в тот округ, где платят больше, хотя обычно обращались к коронеру в Фор-Фартингзе. Коронер даст объявление о смерти; Финт слышал, иногда оно даже в газеты попадает. А тела девушек упокоятся на кладбище Кроссбоунз или

еще на каком-нибудь бедняцком погосте или, как известно всем и каждому, чего доброго, угодят в клиническую больницу под скальпель студентов-медиков.

Энни все еще всхлипывала; щедро сдабривая слова соплями, она простонала:

— Жалость-то какая! У них у *всех* длинные белокурые волосы. У всех деревенских длинные белокурые волосы, и они, это, ну, в общем, все невинные девушки.

— Я тоже когда-то была невинной девушкой, — перебила Джули-Грязнуля. — А толку? Потом-то я поняла, чего не так делаю, — и добавила: — Но я родилась туточки, на улице, знала, чего ждать. А у этих бедных простушек нет ни шанса, когда первый же добряк-джентльмен напоит их допьяна.

Энни-за-Полпенни снова всхлипнула.

— Один такой джент как-то попытался напоить меня допьяна, да только у него денюга закончилась, а чего при нем оставалось, я прихватила, когда он задрях. Таких шикарных часов с цепочкой мне в жизни не выпадало. Но эти бедолажечки, они ж не то что мы, они не здесь родились — и ни шиша не смыслят.

Ее слова напомнили Финту про Чарли. А затем мысли его обратились к Солу и к тому, что старик уже озвучил раньше. И Финт произнес, скорее в пространство, нежели обращаясь к кому бы то ни было:

— С тошерством надо завязывать...

Голос его прервался. Сейчас он говорил сам с собою, и только. «А чем еще я мог бы заняться? — размышлял Финт. — В конце концов, всяк должен работать, кушать-то всем надо, хочешь жить — умей вертеться!»

А та улыбка на лице Дедули; что он такого увидел, что улыбнулся напоследок? Госпожу он увидел. Любой тошер знает кого-нибудь, кому якобы посчастливилось увидеть Крысиную Королеву; никто не видел ее своими глазами, но все равно любой вам расскажет, как она выглядит. Она высокая, в сверкающем таком платье, вроде шелка; у нее красивые голубые глаза, вокруг нее вроде как зыбкий туман клубится, а если скосишь глаза вниз, так у нее на туфлях крысы сидят. Говорят, если посмотреть на ее ступни, увидишь крысиные когти. Про себя Финт знал, что никогда не отважится взглянуть: а вдруг и правда когти? Или, что еще хуже, а вдруг — нет?

Все эти крысы сидят, с тебя глаз не спускают — и на нее оглядываются. Может статья — Финт не знал доподлинно, — стоит ей слово сказать, и, если ты был плохим тошером, она на тебя крыс натравит. А если ты был очень, очень хорошим тошером, она тебе улыбнется, поцелует в губы (кое-кто уверял, что поцелуй — это только начало!). И с этого самого дня такому тошеру всегда будет сопутствовать удача.

Финт снова вспомнил о несчастных девушках, которые топят в Темзе. Многие и впрямь

ребеночка ждали; а поскольку барометр Финтовой души всегда склонялся к отметке «ясно», в эту сторону он предпочел не думать. Вообще говоря, он всегда пытался сохранять дистанцию между собою и горем; кроме того, у него же срочное дело есть.

Ну да не настолько срочное, чтобы не поднять кружку и не заорать:

— За Дедулю, куда бы уж там его черти ни занесли!

Все собравшиеся эхом подхватили тост — зная их, можно было с легкостью предположить, что в уповании на новую порцию бесплатной выпивки. Но все остались разочарованы — Финт продолжил:

— Ребята, послушайте-ка меня. В ночь большой грозы кто-то попытался убить девушку — видать, одну из тех невинных бедняжек, про которых вы только что рассказывали, — только ей удалось сбежать, а я ее вроде как нашел и о ней позаботился. — Финт запнулся: стена молчания воздвиглась перед ним, — и заговорил снова, теряя надежду: — У нее золотые волосы... ее избили, а я хочу узнать почему. Я хочу душу вытрясти из тех молодчиков, кто это сделал, — вы уж помогите мне.

На этом месте Финту выдали роскошный образчик уличного театра, почти без слов, зато в трех действиях, где первое — это: «Я ничо не знаю», второе: «Я ничо не видел», и, наконец, доброе старое: «Я ваще ничо не делал»; и

на бис, совершенно забесплатно, проверенный временем старый бородатый анекдот: «Меня там ваще не было».

Финт ожидал чего-то подобного даже от случайных приятелей. Ничего личного; просто никто не любит лишних вопросов, а то, чего доброго, в один прекрасный день вопросы начнут задавать про тебя. Но для Финта это было делом великой важности, так что он щелкнул пальцами, подавая Онану сигнал порычать немного — такой звук ожидаешь услышать не от средних размеров пса, но от какого-нибудь чудища, выплывающего из морских глубин, с вероятностью голодного. Было в утробном рокоте нечто неприятно-урчащее — и конца-края ему не предвиделось. А тут и Финт вступил, и голос его звучал столь же ровно, сколь урчание — перекастисто:

— Послушайте меня, а? Это я, Финт — так? — ваш *приятель* Финт. Это была девушка с золотыми волосами — а лицо у нее аж почернело от синяков!

Во всех глазах отразилась паника, словно все решили, Финт умом тронулся. Но тут крупные, округлые черты Джули-Грязнули начали неуловимо меняться, как будто она пыталась совладать с чем-то для нее непривычным, например с мыслью.

Мыслями она была, прямо скажем, небогата; чтобы рассмотреть их все, вам бы, пожалуй, понадобился микроскоп — Финт однажды видал такую штуковину в балагане. Балаганные пред-

ставления везде пользовались популярностью, и на одном таком давали посмотреть в удивительный аппарат. Глядишь в стакан с водой, и чуть глаза попривыкнут, начинаешь различать в воде крохотных вертких тварей, они плавают вверх-вниз, вертятся волчком, отплясывают джигу и так резвятся, что хозяин балагана все приговаривал: сами видите, какая хорошая в Темзе вода, раз в ней уживается столько крохотных развеселых малявок.

Примерно так Финту представлялся Джулин разум: по большей части пустота, но изредка возникает какое-то шевеление.

— Ну же, Джули, — ободрил он.

Джули оглянулась на остальных; те усердно отводили глаза. Финт отчасти понимал, в чем дело. Кому охота засветиться как болтуну, который трезвонит обо всем, что видел, — а то, чего доброго, окажется, что о некоторых вещах распространяться не след, ведь тут и там ходят люди похуже, чем тошеры и мусорщики, — у таких всегда наготове заточка или опасная бритва, а в глазах — ни искры жалости.

Но вот во взгляде Джули-Грязнули засветилась непривычная для нее решимость. Золотыми волосами она похвастаться не могла — собственнно, никакими не могла особо похвастаться; те жалкие лохмушки, что еще остались, слиплись от грязи и закручивались в нелепые завитки. Она потеребила такой «локон», вызывающе зыркнула на остальных и проговорила:

— Я тут побиралась на Мэлле за день до грозы, глядь — катится мимо шикарная карета с открытой дверцей, а эта девочка как выпрыгнет, и ну бежать вниз по улице, точно на ней одежда горит, так? А два типчика скок наружу, вот и припустили за ней, как в жопу ужаленные, с дороги всех растолкали, будто так и надо. — Джули-Грязнуля умолкла и пожала плечами: дескать, это все. Остальные праздно озирались по сторонам, намеренно не глядя на нее и словно давая понять, что уж они-то к этой малахольной, опасно болтливой особе вообще никакого отношения не имеют.

— Что за карета? — настаивал Финт.

Он не сводил глаз с Джули, потому что отлично знал: стоит на миг отвернуться, как на нее тут же накатит непрошибаемая забывчивость; но получил он, после того как основательно встряхнул Джулины воспоминания, всего-то навсего: «Дорогушая, шикарная, две лошади». Джули-Грязнуля решительно захлопнула рот и явно не собиралась открывать его снова — разве что на горизонте замаячит бесплатная выпивка. Финту ничего не стоило прочесть ее мысли — с такими-то пробелами поди не прочти! Он побренчал оставшимися в кармане монетами — а это язык международный, — и в круглом, щекастом, унылом лице Джули снова вспыхнул свет.

— А карета-то со странностью; стронулась с места, а одно колесо как взвизгнет, как за-

скрипит, словно поросенка режут. Я этот звук всю дорогу слышала.

Финт поблагодарил ее, вложил ей в руку несколько медных монеток и покивал остальным; те глядели так, словно здесь, перед ними, только что совершилось кровавое убийство.

А Джули-Грязнуля, зажав монеты в кулаке, вдруг заявила:

— Я чего еще вспомнила. Девушка что-то кричала, но я не поняла что, потому что не по-нашенски. И кучер тоже ни разу не англичанин. — Джули устремила на Финта цепкий, многозначительный взгляд, и тот вручил ей еще пару фартингов, гадая про себя, а не удастся ли стясти часть накладных расходов с мистера Чарли. Только придется строгий счет вести, Чарли точно не из тех, кому можно лапшу на уши вешать.

Шагая прочь, Финт прикинул, а не сходить ли с ним повидаться; в конце концов, у него же теперь есть ценные сведения, так? А ценные сведения стоили денег — изрядных денег, а глядишь, и того больше, если блеск навести. Хотя Финт понимал в душе: неразумно слишком уж заноситься насчет выплат в самом начале...

Он пошарил в кармане — вместилище для всего, что удавалось туда впихнуть. Ага, вот он: картонный прямоугольничек. Финт тщательно сложил все буквы одну к другой, и цифры тоже; в конце концов, кто ж не знает, где тут Флит-стрит? Там все газеты печатаются, но для Финта

это был вполне сносный тошерский район, а рядом еще парочка полезных туннелей. Сама река Флит была частью канализационной системы, и вы просто не представляете, что там порою оседало... Финт с удовольствием вспомнил, как однажды нашел браслет с двумя сапфирами и в тот же день еще целый соверен: счастливое место, учитывая, что приличный дневной улов тошера зачастую сводится к горсти фартингов.

И Финт отправился в путь; Онан по-прежнему послушно трусил за ним по пятам. Юноша шагал, погрузившись в задумчивость. Джули-Грязнуля, конечно, ни за что не вспомнит такую полезную деталь, как герб — из тех, какие красуются на каретах знатных лордов. Но тут Финта осенило, что в любом случае, если карета используется для грязных делишек, скажем, чтобы отвозить молодых леди туда, куда им ехать не следует, вряд ли кому-то захочется помечать карету своим гербом. А вот скрипучее колесо так и будет скрипеть, пока его не починят. Времени у Финта немного; а это — единственная ниточка в его руках, при том что в городе сотни карет и разных прочих экипажей.

«Видать, придется непросто, — подумал он, — но, раз уж я за это дело взялся, скрипучее колесо придется подмазать, как говорится, не подмажешь — не поедешь, а смазка — это я, Финт, и есть. А если повезет, — мечтал он про себя, — кое-кто сведет близкое знакомство с Финтовым кулаком...»

ГЛАВА 4

**Финт находит неожиданное применение
спице с Флит-стрит и набивает
полный карман сахара**

На Флит-стрит жизнь кипит днем и ночью, по причине такого количества газет; а река Флит нынче не столько течет, сколько сочится по открытой сточной трубе в самом центре улицы. Финт много чего слышал про здешние канализационные туннели, например историю про свинью, которая однажды сбежала из мясной лавки, забралась вниз и потом где только не рыскала, ведь там, в канализации, еды полным-полно, если ты свинья; так что она здорово разжирела и одичала. Забавно было бы попробовать ее отыскать; а может, лучше не надо — клыки у этих тварей острые! Но прямо сейчас, как рассказывают, единственные чудовища на Флит-стрит — это печатные станки; от их грохота аж мостовая содрогается, и каждый день ненасытные пасти требуют особой диеты — новостей про политику, крррровые убийства и смерти.

Конечно, есть и другие события, но ведь всем подавай кррровавые убийства, нет? Повсюду вдоль улицы газетчики толкали тележки, нагруженные огромными пачками, или резво бегали взад-вперед, крепко прижимая к себе пачки поменьше, и торопились во что бы то ни стало объяснить миру, что именно произошло и почему и что должно было произойти на самом деле, а иногда — почему не произошло ничего, хотя на самом-то деле очень даже произошло; и, конечно же, спешили поведать о бесчисленных жертвах кррровавых убийств. Суматошное место, что правда, то правда, а теперь Финту предстояло отыскать во всем этом хаосе «Кроникл»: задача и без того непростая затруднялась еще и тем, что читал Финт неважно, тем паче этикие длиннющие слова.

В конце концов какой-то печатник в квадратной шляпе указал ему дорогу, одарив на прощанье взглядом, что яснее слов говорил: «И только попробуй там чего-нибудь стырить». Возвел, понимаете ли, напраслину на честного парня, ведь тошерство — это никакое не воровство, кто ж этого не знает-то? Все знают — если сами они тошеры.

Финт привязал Онана к перилам, будучи уверен, что на такого пахучего пса никто не польстится, и поднялся по ступенькам в издательство «Морнинг Кроникл», где ему предсказуемо преградил путь один из тех людей, в чьи обязанности входит останавливать тех, кто

должен быть остановлен. Работа ему, похоже, нравилась; в доказательство тому на голове его красовалась шляпа, а физиономия из-под шляпы рявкнула:

— Твоему брату тут не место, парень, тут ты ничего не своручешь, так что вали-ка промышлять куда подальше, вместе со своими обносками. Ха, ты этот костюмчик, часом, не с мертвеца снял?

Финт, нимало не изменившись в лице, с достоинством выпрямился и отвечивал:

— У меня дело к мистеру Диккенсу! Он мне миссию поручил! — И, пока швейцар пялился на него во все глаза, он достал из кармана Чарлину визитку и пояснил: — Мистер Диккенс мне свою карточку дал и велел прийти к нему сюда; до-ехало, мистер?

Швейцар смотрел на него волком, но имя Диккенса явно произвело должный эффект, потому что к Финту вышел кто-то очень занятой, смерил Финта взглядом, покосился на карточку, напоследок еще раз оглядел Финта и заявил:

— Ладно, заходи, да смотри не вздумай чего-нибудь стырить.

— Благодарю вас, сэръ, я очень постараюсь, — заверил Финт.

Его проводили в тесное помещение, заставленное столами и битком набитое сотrudниками, и у всех был вид чрезвычайно занятой, и все распространяли вокруг себя ощущение крайней срочности и важности, как и те ребята с пачками на улице. Клерк за ближайшим столиком —

похоже, он тут был над всеми главным — следил за Финтом, как лягушка за змеей, не отводя руки от звонка.

Финт уселся на скамью у двери и стал ждать. Поднимался туман — как всегда в это время дня — и понемногу просачивался сквозь открытую дверь. Ни дать ни взять воздушная река Темза — туман свивался в кольца и тускло мерцал, словно кто-то вывалил на улицу целое ведро змей. Марево бывало по большей части желтым, а зачастую и черным, особенно если работали кирпичные заводы. Ближайший к двери клерк встал, сердито зыркнул на Финта и демонстративно притворил дверь. Финт жизнерадостно улыбнулся в ответ, что клерка явно разозлило; так ведь в этом-то весь смысл!

Но «находить» тут было и впрямь нечего. Только бумаги — прорва всяких бумаг, и шкафы с выдвижными ящиками, и кружки, и запах табака, и книги с вложенными между страниц бумажными закладками, где кто-нибудь отмечал нужное место. Что бросилось Финту в глаза — так это спицы на каждом письменном столе. Это еще зачем? Каждая просто торчала вверх над деревянной подставкой, но зачем бы расставлять по всем столам острые шутовины длиной в двенадцать дюймов, от которых того и жди неприятности?

Указав на ближайшую из спиц, Финт спросил одного из клерков — изображая честного простака, взыскующего знаний:

— Мистер, простите великодушно, а это вот еще зачем?

Юнец презрительно усмехнулся.

— Ты вообще ничего не смыслишь? Это чтоб на столе порядок был, вот и все. В газетной редакции на спицу насаживается все то, что для работы больше не нужно и с чем уже закончили.

Финт отнесся к информации со всем вниманием и любопытствовал:

— А почему бы просто не выбросить бумаги за ненадобностью, зачем же комнату-то захламлять?

Клерк смерил его уничтожающим взглядом.

— Ты дурак, что ли? А вдруг потом окажется, что это очень важная бумага? Тогда ее просто отыщешь на спице, и вся недолга.

Прочие клерки ненадолго подняли глаза, прислушиваясь к разговору, затем вернулись к своим загадочным занятиям, но сперва смерили Финта грозными взглядами, давая понять, что это они тут — важные персоны, а он — пустое место. Однако Финт отметил про себя, что их одежда немногим лучше его собственного перелицованного шмотья; отметил — но благоразумно промолчал.

Итак, Финт сидел смирно и ждал. Вплоть до того момента, как какой-то тип в полумаске прорвался мимо швейцара — тот, верно, отошел в переулок облегчиться, потому что теперь, спотыкаясь, спешил обратно, впопыхах застегивая ширинку, — и ввалился в издательство.

Злодей наставил на заведующего редакцией здоровенный нож и прорычал:

— Гони деньги, а не то я тебя как устрицу выпотрошу. Ни с места, вы все!

Нож был внушительный — хлебный нож с зазубренным краем, для дома — самое то, если, например, буханку надо нарезать; пожалуй, чтоб человека раздербанить, тоже стодится, подумал Финт. Но в наступившем потрясенном молчании он вдруг понял, что вооруженный ножом незнакомец сам перепуган до смерти: злоумышленник свирепо зыркал на клерков, а на Финта внимания не обращал.

«Он растерян, он не знает, что делать, — думал Финт, — но он уверен, что, чего доброго, придется пырнуть одного из этих олухов, которые на него глазами хлопают, да в штаны от страха того гляди наделают, — а уж тогда болтаться ему на виселице в Ньюгейте*». Все эти мысли пронеслись в голове у Финта как железнодорожный поезд, а за ними, так сказать в тормозном вагоне, подоспело воспоминание: а ведь он знает и этот голос, и сопутствующий запах дешевого джина. Знал он и то, что человек этот не из худших на самом-то деле, и знал, что толкнуло его на это дело.

Финт сделал единственно возможное. Одним стремительным движением он схватил

---

* Ньюгейт — знаменитая лондонская тюрьма; вплоть до середины XIX века перед ней публично вешали осужденных. (Прим. перев.)

со стола спицу для бумаг и легонько кольнул острием вспотевшую шею злоумышленника. Тихо и жизнерадостно он прошептал на ухо незадачливому грабителю — так, чтобы клерки не расслышали:

— А ну, бросай нож сейчас же и давай деру, или дышать будешь через три ноздри. Слышь, это я, Финт — ты ж Финта знаешь. — А вслух заявил: — Мы тут такого не потерпим, подлый негодяй!

С этими словами Финт выволок грабителя из редакции в туман: тот прямо-таки источал облегчение, заодно с избытком джинных паров. Клерки подняли ор, а Финт громко крикнул через плечо:

— Я его держу, не беспокойтесь!

Он стремительно повлек злоумышленника мимо пристыженного швейцара, свернул в ближайший переулок, протащил за собою вора-неудачника еще несколько ярдов — того, надо признать, заметно стесняла деревянная нога с металлической нашлепкой на конце — и втолкнул его в темный угол.

В переулке пахло, как обычно пахнет в переулках: главным образом отчаянием и раздражением, а теперь еще и Онаном, который в знак протеста дал выход хандре и не только, обогащая переулочный букет первосортным амбре. По счастью, туман окутал их вроде как одеялом. Воняло мерзко, но в том числе и от злоумышленника, чьи штаны так кишели жизнью,

что того и гляди пойдут прогуляться сами по себе.

Финт с облегчением услышал, как стукнул о землю брошенный нож. Он пинком отшвырнул его в тень, затем ухватил одноногого грабителя за шкурку, поволок в дальний конец переулка и снова притиснул его в угол.

— Обрубок Хиггинз! — рывкнул Финт. — Чтоб мне провалиться, если в целом свете найдется вор глупее тебя. Слышь, следующий раз, как ты перед судьей окажешься, качаться тебе в петле, как пить дать, дубина ты стоеросовая! — Финт принюхался и застонал. — Да чтоб тебе пропасть, Обрубок, ну и грязен же ты, а! Ты вообще моешься хоть когда-нибудь? Ты бы хоть под дождичком постоял или штаны в кои-то веки сменил! — Он заглянул в помутневшие от катаракта глаза и вздохнул. — Ты когда в последний раз ел-то?

Обрубок забормотал себе под нос, что он-де не нищий и побираться не станет, и Финт уже готов был махнуть на бедолагу рукой, но перед его мысленным взором вдруг замаячил Дедуля — словно наяву.

— Слышь, вот шестипенсовик, — промолвил Финт. — Этого должно хватить и на приличную жарчку, и на место в ночлежке, ежели всего не пропьешь. Ок, бедный ты дурень, вали отсюда — никто за тобой не гонится, так что знай шевели ногами и убирайся из этого квартала подальше. Я тебя в жизни не видел, вообще

не знаю, кто ты такой, да судя по твоему виду, Обрубок, ты и сам этого не знаешь, старый ты чертяка. — Финт вздохнул. — И если когда-нибудь еще пойдешь на дело, так нажираться полагается после, а не до, заруби себе на носу!

Вот, собственно, и все. Финт вернулся в редакцию «Кроникл», а там уже и полисмен явился, не запылится, и клерки наперебой описывают ему вышепоименованного Обрубка, причем на тот момент деревянная нога среди особых примет не значилась. Из всей этой невнятной разноголосицы Обрубок представал персонажем не в пример более грозным, нежели Финтов знакомец, а хлебный нож, похоже, уже превратился в самый настоящий меч. Полицейский пытался записать подробности, но галдеж ему здорово мешал, да и слова он выводил очень медленно, одним глазом приглядывая за Финтом: может, грамотностью полицейский и не блистал, зато таких, как Финт, распознавал с первого взгляда.

Финт ожидал неизбежного с минуты на минуту, и вот вам пожалуйста: полисмен ткнул пальцем в его сторону и поинтересовался:

— Этот джентльмен — сообщник грабителя, так?

Клерки оглянулись на Финта, а заведующий редакцией неохотно признал:

— Вообще-то нет, на самом деле, правду сказать, это он прогнал негодяя, пригрозив ему спицей.

— О, так этот человек тоже вооружен? — живо откликнулся полицейский. Финту он нравился все меньше и меньше.

Заведующий редакцией пояснил:

— Нет, вообще-то нет, я имею в виду спицу для бумаг, у нас на каждом столе такая.

Заскрипела лестница у двери — и раздался знакомый голос:

— Этот юноша работает на меня, констебль, и, да будет мне позволено заметить, мистер Финт пользуется моим неограниченным доверием. Как я вижу, перед нами — герой воистину эпических масштабов, спасший «Кроникл» от посягательств кровожадного головореза, о котором только что шла речь, как я слышал, — вероятно, юноша заслужил медаль; я поговорю с издателем. А между тем, джентльмены, у мистера Финта есть для меня конфиденциальная информация; так что мы перейдем в кофейню напротив, где я смогу выслушать его без помех. Прошу нас простить, но мы вынуждены вас покинуть.

С этими словами Чарли кивнул полисмену и сошел вниз по ступеням; потрясенный Финт следовал за ним по пятам, а за ним рысил Онан, с неистребимым оптимизмом надеясь, что путь Финта по туманным улицам, возможно, лежит навстречу косточке. Жизнь нечасто одаривала Онана желанными наградами; Финт привязал его к фонарному столбу, и стало ясно, что сегодняшний день приятным исключением не ста-

нет. Финт вновь дал себе слово раздобыть псу вкусную кость при первой же возможности.

Кофе Финт прежде не пробовал, но Соломон говаривал, что это просто грязная муть и ничего больше и в любом случае ему не по карману. А в кофейне этого питья было страсть сколько, равно как и людей, и болтовни, и, главное, шума.

Чарли толкнул Финта на стул, сам уселся рядом и заявил:

— Здесь никто не услышит того, что вы скажете, потому что здесь все тараторят одновременно, а те, что не тараторят, подбирают слова да ждут своей очереди. Есть ли смысл пытаться вызнать у вас правду насчет того пикантного маленького эпизода — или, может, лучше задернем над ним завесу тайны? Вы, случайно, не слышали о парне по имени Наполеон? Берите еще сахару, не стесняйтесь; когда вазочка опустеет, принесут новую; это новомодное изобретение, сахар-рафинад — превосходная штука, вы не находите?

Финт перестал лихорадочно распахивать сахар по карманам.

— Наполеон, да как же, генерал лягушатников, это из-за него у нас тут старые солдаты вынуждены побираться на улицах, а то и за нож хвататься, верно?

— Так вот, помимо всего прочего, он прославился высказыванием о том, что в своих генералах ищет удачливости, — откликнулся

Чарли, — а вы, мистер Финт, удачливы, чертовски удачливы, потому что эта эскапада пахнет неважно, по мне, так посильнее старого сыра. Думается мне, Финт, я вас вижу насквозь, так что я и впрямь подскажу издателю, что тут уместна небольшая премия, возможно, в размере полусоверена, а то и двух, — но попытаюсь убедить его не помещать ваше имя в газеты, потому что подозреваю, из-за этого у вас в будущем могут возникнуть проблемы с друзьями, ведь помощь полиции не слишком украшает *curriculum vitae* в тех мрачных закоулках, где вы обретаетесь. Вам везет, Финт, и чем больше вы мне поможете, тем больше вам повезет. — Чарли запустил руку в карман — и послышалось недвусмысленное звяканье. — Так что вам удалось узнать?

Финт рассказал и про карету, и про девушку; Чарли внимательно выслушал все до последнего слова.

Когда же Финт закончил, Чарли подвел итог:

— То есть герба на карете она не видела? А что за иностранный акцент? Французский? Немецкий?

К вящему изумлению Чарли, Финт решительно заявил:

— Мистер Чарли, я знаю, что бывает на каретах, и я способен опознать большинство языков, но, видите ли, сейчас мы с вами в равном положении — я имею дело с осведомительни-

цей, которая не слишком умна и, стало быть, не знает всего и не все замечает.

Чарли воззрился на Финта так, как взирают на какой-нибудь досадный казус, и отметил:

— Таких, как вы, Финт, называют *tabula rasa* — «чистая доска» по-латыни; вы в самом деле умны, вот только умничать вам не о чем! И меня это несказанно удручает; хотя я вот вижу, у вас хватило здравомыслия разжиться новой одеждой — самой лучшей, что только нашлась у старьевщика. — Поймав взгляд собеседника, он заулыбался и продолжил: — Как? Вы полагаете, такие, как я, не знают, что такое лавка старьевщика? Поверьте, друг мой, в этом городе не так много глубин, которых бы я по долгу службы не измерил. Но хватит о грустном; я полагаю, вам приятно будет услышать, что спасенная вами юная леди чувствует себя гораздо лучше. Сдается мне, до сих пор никто не заявил о ее пропаже — а по ряду признаков она не бродяжка какая-нибудь, ее исчезновение просто *не могло* пройти незамеченным. Понимаете? И хотя говорит она пока с трудом — кажется, она не в состоянии рассказать, что с ней случилось, — английский она явно понимает. Я, собственно, думаю, что она иностранка — очень непростая иностранка, — хотя не могу объяснить вам, почему мне так кажется. И подозреваю я, что это дело вызвало некоторый ажиотаж в высших сферах. Герб на ее кольце наводит на интересные мысли, а мой хороший друг сэр Роберт Пиль упорно отмалчивается: сдается мне, тут ведется

какая-то игра. Как вы знаете, я пишу для газет, но не все, что известно газетчику, попадает в печать.

Игра, насторожился Финт. Надо вступить в эту игру — и выиграть! Но что еще за игра — избивать девушку до полусмерти? *Такой* игре он должен положить конец. В шуме и дыме кофейни он, немного смущаясь, прошептал молитву к Крысиной Королеве: «Я с тобой, Госпожа, вживую не знаком, но ты знаешь Дедулю, а я надеюсь, он сейчас с тобой. Ну так, а я — Финт, а Дедуля назначил меня королем тошеров, так что ты уж помоги мне малость, очень надо. Заранее благодарствую, твой Финт».

И хотя шум в кофейне стоял такой, что он своих мыслей почти не слышал, не говоря уже об ответе или о каком-либо продолжении из уст Чарли, Финт сумел-таки выговорить:

— Так если никто не подал заявления о пропаже, то либо о пропаже еще не знают, либо надеются найти пропавшую до того, как ее отыщут другие, если понимаете, к чему я клоню?

— Мистер Финт, вы настоящая находка! Между нами, к полиции я отношусь достаточно тепло, а вы, я так понимаю, нет; но что мне в полицейских действительно нравится, так это их установка — а они ее придерживаются, хорошо, пусть не все, но некоторые, — установка на то, что закон распространяется на всех, а не только на бедняков. Я знаю, что в трущобах полицию не жалуют; но вообще-то в высших сферах найдутся такие, кто не жалуется еще

больше. — Чарли помолчал. — Значит, вы говорите, со слов вашей осведомительницы, будто девушка уже пыталась бежать из кареты, запряженной парой лошадей, причем карета была шикарная. Отыщите мне эту карету, друг мой, и тех, кто ссудил карету для преступлений этого недоброго дня, и мир, возможно, станет чище и лучше, особенно для вас.

Снова раздалось характерное звяканье, Чарли выложил на столик две полукроны и улыбнулся, глядя, как они в один миг исчезают в Финтовом кармане.

— Между прочим, мой коллега и друг мистер Мэйхью и его жена очень бы хотели снова с вами встретиться; как насчет завтра? Они убеждены, что вы — ангел, пусть и с замызганной физиономией, зато с благородным характером и, вероятно, впереди у вас — достойная карьера; а я, как вы понимаете, почитаю вас первосортным прохвостом и жуликом, продувной бестией и плутом: такой шустрый малый всегда своего добьется, не мытьем, так катаньем. Но мир меняется, нам нужны новые люди. Так кто вы на самом деле такой, Финт, и какова ваша история? Если вы не возражаете, конечно? — И он вопросительно воззрился на Финта.

Тот очень даже возражал, но мир и впрямь так стремительно вращался, что Финт решил:

— Если я вам расскажу, мистер, вы никому больше не скажете, обещаете? Я могу вам довериться?

— Клянусь честью журналиста, — ответствовал Чарли. И, помолчав, добавил: — Строго говоря, Финт, мне полагалось ответить «нет». Я — писатель и журналист, а это статья особая. Однако ж я возлагаю на вас большие надежды, и жду от вас многого, и никоим образом не стану мешать вашему продвижению. Простите... — Чарли внезапно выхватил из кармана карандаш и блокнотик, нацарапал в нем несколько слов, а затем вскинул глаза и чуть смущенно улыбнулся. — Прошу меня извинить, но мне всегда хочется записать строчку-другую, пока слова не позабылись... А теперь, будьте так добры, продолжайте.

Финт, неуютно поерзав, заговорил:

— Стало быть, я в приюте рос. Сами знаете, как оно бывает: найденыш, матери в глаза не видел. А я еще и росточком не вышел, а там в задирах недостатка не было. Ну, я и научился финтить, уворачиваться и прятаться, так сказать, потому что большие ребята потешались над моим настоящим именем, а если я жаловался, то мне трепку задавали будь здоров, стоило надзирательнице отвернуться. Когда я чуток подрос, от меня до поры отстали, а потом однажды снова ко мне прицепились, ну еще бы! И тут я решил: с меня хватит, и поднялся, и хватать табуретку, и полез в драку. — Финт помолчал, заново переживая в душе тот драгоценный момент, когда за все грехи последовала кара; и даже надзирательница ничего не смогла

с ним поделаться. — В тот день я оказался на улице; тут-то и началась настоящая жизнь.

Чарли внимательно выслушал эту тщательно урезанную версию и отвечал:

— Чрезвычайно любопытно, Финт, но имени своего вы мне так и не назвали.

Пожав плечами — похоже, выхода не было, — Финт прошептал Чарли свое имя, ожидая взрыва смеха, но ответом ему было лишь:

— О, понимаю. Да, безусловно, это многое объясняет. Разумеется, что до этой темы, мои уста пребудут навеки запечатаны. Однако могу ли я поинтересоваться вашей дальнейшей судьбой?

— А вы все запишете в свою записную книжечку, мистер?

— Не слово в слово, мой юный друг, но меня всегда интересуют люди.

Правило номер один: не болтай лишнего. Этому правилу Финт следовал свято. Но он в жизни своей не встречал «чужого», который бы так мастерски умел сойти за «своего», и потому в мире, который то и дело менял направление, Финт решил не скромничать.

— Ну, поступил я в обучение к трубочисту, раз уж таким тощим да вертким уродился, — рассказывал он. — А потом сбежал — только сперва спустился по трубе в одну шикарную спальню да влез обратно с бриллиантовым кольцом — свистнул его с туалетного столика. И скажу вам, сэр, поступка умнее я в жизни не совершал, потому что в трубах подростку не место,

сэр. Сажа, она везде лезет, сэр, прям вот везде. В любую царапину и ссадину просачивается, сэр, а сажа — штука опасная, с неназываемыми ужас что творит, уж я-то знаю, видал я ребят, которые остались в трубочистах, и плохо они кончили, но, спасибо Госпоже, я-то дешево отделался. — Финт пожал плечами и продолжил: — Такова жизнь, как говорится. Что до бриллиантового кольца, притащил я его скупщику краденого, а тот видит, я парень не промах, ну и определил меня в змееныши, а змееныш, сэр, это...*

— Я знаю, кто такой змееныш, мистер Финт, спасибо. Но как так случилось, что вы сменили специальность и стали тошером?

Финт набрал в грудь побольше воздуха, вдыхая пепел прошлого.

— Да незадача вышла, гуся спер, а за мной «ищейки» погнались — только потому, что я был весь в перьях, — я и спрятался в одном из канализационных туннелей, вот. «Ищейки» туда даже не сунулись, куда им, слишком толстые и, мне показалось, еще и поддатые. Так я узнал насчет тошерства; ну вот, сэр, и все более или менее.

Финт так и впился глазами в лицо Чарли, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь за маской

---

* Небольшого роста мужчина или мальчик, способный протиснуться в узкую открытую форточку или фрамугу над дверью — особенно во фрамугу над дверью, их часто оставляют открытыми, чтобы проникнуть в здание; потом он впускает сообщников, и они крадут все, что можно украсть. (Прим. автора)

невозмутимости, и тут Чарли словно бы проснулся и промолвил:

— Финт, а что бы вы делали, если бы вас звали иначе? Скажем, мастер Джефффри Смит или, к примеру, мастер Джонатан Бакстер?

— Не знаю, сэр. Может, вырос бы нормальным человеком.

На это Чарли, улыбнувшись, отвечивал:

— Сдается мне, вы человек необыкновенный, друг мой.

Неужели лицо Чарли осветилось неподдельной улыбкой? С Чарли ни в чем нельзя быть уверенным; так что этот вопрос так и остался не проясненным, между тем как эти двое покинули кофейню и разошлись в разные стороны. Чарли отправился по своим делам, а Финт — обратно домой, осчастливив по дороге Онана покупкой сочной косточки у мясника, когда тот уже закрывал лавку на ночь. Онан, исходя слюною, бережно потащил в зубах добычу домой.

Неплохой денек выдался, думал про себя Финт, поднимаясь вверх по лестнице в мансарду. Еще и денег перепало, не говоря уж о полном кармане сахара.

ГЛАВА 5

Герой дня снова встречается с девой в беде
и срывает поцелуй у одной восторженной особы

Поднявшись в мансарду, Финт застал Соломона все еще за токарным станком. Странное зрелище представлял собою Сол за работой: он словно куда-то исчезал. Нет, разумеется, он был здесь и никуда не девался; но мозг его временно сосредотачивался в кончиках пальцев: старик ни на что не обращал внимания, кроме своего кропотливого труда, так что со временем все это начинало казаться частью некоего природного процесса, столь же незаметного и неспешного, как, скажем, трава растет. Финт завидовал этой его умиротворенной отрешенности, но ему она точно не подошла бы.

Равно как и Соломонова одежда; ну уж нет, ни за что на свете Финт бы на себя такое не напялил! Отправляясь в синагогу, старикан облачался в мешковатые панталоны и поношенное габардиновое пальто что зимой, что летом; а благополучно возвратившись в свое мансардное обиталище, надевал панталоны еще более

длинные, бог весть откуда, с жилеткой, которая — надо отдать Соломону должное — обычно бывала настолько бела, насколько позволяли обстоятельства. А еще Соломон переобувался в прихотливо вышитые комнатные туфли из заморских стран, где, по-видимому, когда-то жил и, с вероятностью, откуда едва унес ноги. А еще на нем, конечно же, был фартук с огромным карманом спереди, так что вся хитрая дорогостоящая мелочовка если и скатывалась с верстака, то туда.

Из котла на плите распространялся аппетитный аромат — баранине миссис Куикли нашлось достойное применение. Финт непроизвольно облизнулся. У него просто в голове не укладывалось, как Соломону это удастся: старик мог состряпать вкуснящий обед из половинки кирпича и деревяшки. Однажды Финт не удержался и спросил, на что Соломон отвечал: «Ммм, надо думать, это все блуждания по пустыне; таки волей-неволей приучишься пускать в дело то, что есть».

Финт провалялся на своем тюфяке не смыкая глаз едва ли не всю ночь напролет; благо не смыкать глаз — дело несложное: внизу, во дворах, то и дело завязывались драки — это мужики по домам возвращались; орали младенцы, тут и там вспыхивали скандалы и ссоры; вся эта какофония в Севен-Дайалз служила колыбельной. «Счастливые семьи, — думал Финт. — А такие вообще бывают?» А над ули-

цами плыл колокольный звон, рассыпаясь по всему городу.

Финт глядел в потолок, размышляя о карете. От Джули-Грязнули ничего нового не добьешься; пожалуй, единственный способ узнать больше — это продолжать расспрашивать в надежде привлечь внимание тех самых людей, которые не любят, когда вопросы задают, а уж тем паче, когда на них отвечают. Вот им наверняка кое-что известно.

С чего начать, с чего начать? Скрипучее колесо и шикарная карета. А был ли на ней герб? Например, с орлами? Может, если бы удалось снова увидеться с девушкой, она бы вспомнила больше?..

«Так-так-так, — думал Финт, — мистер Мэйхью зовет меня к себе, и его жена тоже, так, пожалуй, смысленный молодой человек мог бы прифрантиться малость, и на ботинки марфет навести, и умыться перед выходом, в надежде, что хорошему мальчику с этого визита перепадет побольше, чем чашка чая, — может, пожрать дадут. И как знать, глядишь, если он будет вести себя паинькой, со всем, так сказать, уважением, ему разрешат снова увидеть ту девушку с чудесными золотыми волосами».

А поскольку плутовство по заказу не отключается, Финтов внутренний голос предательски нашептывал: «А может, и денег еще подкинут, хорошему-то мальчику». Кроме того, ему казалось, он мистера и миссис Мэйхью раскусил:

как ни странно, попадают иногда богачи, которым вправду есть дело до уличной бедноты — и которые оттого чувствуют себя слегка виноватыми. Если ты беден, и, скажем, не забудешь руки хорошенько отмыть, и нету у тебя ни стыда ни совести, так что ты состряпаешь слезливую историю своих бедствий не хуже Финта — хотя, по правде говоря, Финту и выдумывать-то ни к чему, ведь его жизнь, которую он описал Чарли почти совсем правдиво, бедствиями была и без того щедро сдобрена, — так эти люди тебя прямо расцеловать готовы, ведь благодаря тебе они почувствуют себя лучше.

Лежа в темноте и думая о девушке, Финт слегка устыдился, что помышляет только о собственной выгоде, ведь спасение девушки — наверняка само по себе награда, но устыдился он разве что самую малость, потому что жить-то надо, чо?

Финт неуютно заворочался, вспомнив про Чарли, который, похоже, принимает Финта за такого короля пиратов; а если вдуматься, так ведь Чарли на самом деле свою игру ведет. Каждый мальчишка хочет, чтобы его считали крутым парнем и крепким орешком, так? Потому что тогда чувствуешь себя, ну, взрослым. Для Чарли слова — это хитрая игра своего рода, может, в ней Финт и не разбирается, но игра все равно остается игрой — а он, Финт, в игре выживания здорово наловчился.

Глядя в никуда, Финт подумал о Дедуле: тот умер с улыбкой на губах в городской канализа-

ции, посреди всего того, что канализация в себе содержит. Не скоро он, Финт, снова сунется в Мальстрем. Крысы — твари мелкие, но их великое множество, а как только весть разнесется по туннелям — они сбегутся отовсюду. Надо выждать хотя бы недельку-другую, прежде чем возвращаться к тому месту, где старикан помер. Помер там, где сам хотел, напомнил себе Финт.

А взять Обрубка — у него ж две ноги было, пока в него не угодило пушечное ядро, когда он сражался где-то в Испании.

А взять его самого — и тут в сознании всплыли слова Чарли, меняя его мир — мир, где ты только что весело тошерился в клоаке, а в следующую минуту, ты и глазом моргнуть не успел, полисмены уже называют тебя героем и ты разгуливаешь по шикарным особнякам, словно у себя дома. Ты уже не тот, кем проснулся поутру. Как будто бы огромная пружина, распрямляясь, тащит его за собой — и, наверное, рано или поздно мальчишке придется решать, что за мужчина из него вырастет. Станет ли он фишкой в игре — или игроком?..

В темноте Финт улыбнулся — и заснул, и снились ему золотые локоны.

Поутру, намывшись почище, Финт направился напрямик к дому мистера Мэйхью. В свете дня особняк выглядел очень даже представительно: не дворец, конечно, но сразу видно — здесь живет тип, у кого достаточно денег, что-

бы называться джентльменом. Да тут вся улица такая: прибранная, чистенькая, нарядная. А вот и полисмен ее патрулирует; к немалому удивлению Финта, бобби, проходя мимо, коротко ему отсалютовал. Ничего особенного, просто легкий взмах пальцев, но вплоть до сего дня полисмены в таких районах обычно велели Финту проваливать отсюда, да побыстрее. Набравшись храбрости, Финт вспомнил, как изъяснялся Чарли, и в свою очередь поприветствовал полицейского словами:

— Доброго вам утра, констебль, погожий нынче денек выдался.

И ничего не случилось! Бобби неспешно прошествовал мимо — и все. Вот это да! Обнадеженный Финт отыскал нужный номер. Он еще мальцом научился ошиваться у задних дверей домов на пижонских улицах и — что очень важно! — умел прослыть за смышленного парнишку. Он рано осознал, что если уж ты голодранец, так можно сделать из этого профессию и преуспеть в ней; если хочешь быть успешным голодранцем, так выучись «горлодрать». Вот и весь секрет. А если собираешься «горлодрать», так тут надо быть настоящим актером. Надо уметь поболтать со всяким и каждым: и с дворецкими, и с поварихами, и с горничными, и даже с кучерами — короче, надо сделаться местным весельчаком, душой-парнем, всегда с шуткой наготове, чтоб все тебя знали. Это сродни театру, где ты — звезда. Такая дорога к богат-

ству и славе не приведет, дело понятное, но и к Тайбернскому дереву* и петле — тоже. Нет, безопаснее всего иметь один-единственный, свой собственный талант, а его талант — это быть Финтом, Финтом до мозга костей. И вот он завернул за угол и подошел к задней двери, надеясь, что, может, повезет опять наткнуться на повариху миссис Куикли и снова разжиться пирожком или шматом баранины.

Дверь открыла служанка.

— Да, сэр?

Финт с достоинством выпрямился.

— Я к мистеру Мэйхью. Мне назначено прийти; меня зовут Финт.

Не успел он это выговорить, как откуда-то из глубины дома послышался грохот, служаночка малость запаниковала, как это за служанками водится (особенно при виде Финтовой жизнерадостной ухмылки), но тут же облегченно выдохнула, ибо на ее место подросла миссис Куикли, давняя Финтова приятельница. Она смерила гостя критическим взглядом и воскликнула:

— Чес-слово, ну и франт, фу-ты ну-ты! Уж извиняйте, если не присяду в реверансе, а то я вся в потрошках аж до подмышек!

Минуту спустя повариха вернулась к двери, теперь уже не обремененная чужими внутренностями. И первым делом шуганула служанку:

---

* Тайберн — место публичной казни в Лондоне, использовалось до 1783 года; Тайбернским деревом называли виселицу. (Прим. перев.)

— Мы с мистером Финтом поболтаем чуток, так что ты беги пригляди за свинными ножками, детка.

Повариха одарила Финта жарким объятием, слегка сдобренным потрошками, затем заботливо обтерла его и возгласила:

— Да ты нынче герой дня, малыш, это уж как пить дать, за завтраком только об этом и говорили! Выходит, ты, шалопай такой, вчера вечером в одиночку спас «Морнинг Кроникл» от разграбления! — Она лукаво улыбнулась. — Ну, я-то про себя подумала, если это тот самый молодой человек, мой давешний знакомец, так помешать краже он может только одним способом, а именно, спрятать ручонки за спину. А тут вдруг оказывается, ты храбро сразился с грабителями и со свету их согнал; так про тебя рассказывают. Ну надо же! Не успеешь оглянуться, а тебя позовут на должность лорда-мэра Лондона. А тогда уж будь добр, возьми меня своей леди-мэршей — не беспокойся, я замужем побывала не раз и не два, так что я в этом деле смыслю. — Заметив выражение его лица, повариха расхохоталась и, посерьезнев, промолвила: — Молодчага, парень. Девчонка тебя проводит наверх, к хозяевам, а будешь уходить, не забудь еще разок сюда наведаться, глядишь, я тебе чего-нить поесть заверну.

Финт поднялся вслед за служанкой по каменным ступеням к двери — к той самой волшебной, обитой зеленым сукном двери, что

служит границей между теми, кто моет полы и теми, кто по полам ходит, — между верхним и нижним этажами мира. По правде сказать, угодил он в ад крошечный, где муж и жена вынужденно выступали судьями в споре между двумя маленькими мальчиками о том, кто сломал чье-го солдатика.

Мистер Мэйхью так и вцепился в гостя и, кивнув жене, которая успела лишь затравленно улыбнуться Финту из эпицентра игрушечной войны, повлек его в свой рабочий кабинет. А там втолкнул его в неудобное кресло, сам уселся напротив и тотчас же приступил к делу:

— Счастлив возобновить наше знакомство, молодой человек, особенно в свете вашего отважного вмешательства вчера вечером: Чарли мне уже все рассказал. — Генри Мэйхью помолчал. — Вы чрезвычайно интересный юноша. Могу ли я задать вам... несколько вопросов личного характера? — Рука его уже потянулась к карандашу и блокноту.

Финт к такому не привык: люди, которым хотелось задать ему вопросы личного характера, такие как «Где вы были ночью шестнадцатого числа?», обычно задавали их, никакого разрешения не спрашивая, и ответа требовали незамедлительно.

— Не возражаю, сэр, — выдавил из себя Финт. — Ну то есть если они не слишком личные.

Мистер Мэйхью рассмеялся, а Финт между тем обвел взглядом комнату, недоумевая: зачем одному человеку такая пропасть бумаги? Книжки и стопки бумаг лежали на всех горизонтальных поверхностях, включая пол, — повсюду на полу, но *аккуратно*.

— Я так понимаю, сэр, вы не были крещены? — поинтересовался мистер Мэйхью. — Мне кажется, что вряд ли. Мистер Финт — это имя, которое вам... досталось?

Финт решил отвечать по возможности честно. В конце концов, он уже проходил все это с Чарли, так что он выдал слегка урезанную версию «истории Финта», потому что незачем болтать лишнего.

— Нет, сэр; я найденный, сэр; Финтом меня прозвали в приюте, потому что я больно верткий, сэр.

Мистер Мэйхью открыл блокнот: гость подозрительно сощурился. Карандаш уже завис над бумагой, того гляди прынет вниз, так что Финт заявил:

— Не в обиду будь сказано, сэр, если кто за мной чего пишет, меня прям в дрожь бросает и язык отнимается. — И зорко оглядел комнату в поисках запасных выходов.

Однако, к вящему его изумлению, мистер Мэйхью промолвил:

— Молодой человек, я приношу свои извинения за то, что не спросил вашего разрешения. Разумеется, я не стану делать записей, не спро-

сив предварительно вас. Видите ли, я много чего записываю по работе, или, правильнее будет сказать, в силу моего призвания. Речь идет об исследовании — о проекте, над которым я работаю вот уже какое-то время. Я и мои коллеги надеемся открыть правительству глаза на ужасное положение дел в нашем городе; ведь если задуматься, это богатейший, самый могучий город мира, и однако ж, многие живут в условиях немногим лучше, чем в Калькутте. — Заметив, что Финт не изменился в лице, мистер Мэйхью уточнил: — Возможно ли, молодой человек, что вы не знаете, где находится Калькутта?

Финт уставился на карандаш. Ну ладно, видать, не отвертишься.

— Точняк, сэр, — признался он. — Без понятия, сэр, уж простите.

— Мистер Финт, это не ваша вина. Действительно, — продолжал мистер Мэйхью, словно рассуждая сам с собою, — невежество, неудовлетворительное состояние здоровья, отсутствие правильного питания и питьевой воды ведут к тому, что ситуация ухудшается еще больше. Так что я просто-напросто расспрашиваю людей об их жизненных обстоятельствах и да, об их заработках, ведь правительство никак не сможет проигнорировать тщательную подборку данных! Как ни странно, представители высших слоев общества, которые обычно щедрой рукой жертвуют на церкви, благотворительные фонды и прочие великие начинания, не слыш-

ком любят опускать взгляд вниз, себе под ноги, ограничиваясь разве что раздачей супа для добродетельных бедняков.

При упоминании о еде у Финта в животе опять забурчало. Забурчало, видимо, достаточно громко, чтобы даже мистер Мэйхью расслышал; заметно смутившись, он спохватился:

— Глубокоуважаемый сэр, вы же наверняка проголодались; я это предвидел — сейчас позвоню, горничная принесет вам ветчины и парочку яиц. Мы небогаты, но, по счастью, и не бедны. Хотя надо отметить, что у всех в этом вопросе своя арифметика. Видал я людей, которые, на мой взгляд, прозябали в беспросветной нищете, а между тем уверяли, что дела у них идут неплохо; с другой стороны, знаю я и таких, которые живут в огромных особняках и доход имеют немаленький, и тем не менее считают, что они в двух шагах от долговой тюрьмы! — Улыбнувшись Финту, он позвонил в колокольчик и полюбопытствовал: — А вот взять вас, мистер Финт, вы, как я понимаю, тошер, но не брезгаете и другими случайными подработками по возможности? Вы считаете себя богачом или бедняком?

А вопрос-то с подвохом, догадался Финт. Мистер Мэйхью, возможно, не так чертовски хорошо знает жизнь, как Чарли, но и недооценивать его нельзя; так что паренек решил на крайнее средство — честность.

— Пожалуй, мы с Солом не то чтоб совсем бедны, сэр. Видите ли, мы зарабатываем понем-

ножку тем и этим, кое-что перепадает, так что, думается, нам грех жаловаться в сравнении с многими другими, да.

Похоже, испытание он выдержал: мистер Мэйхью остался доволен. Он покосился на блокнот и уточнил:

— Сол — это ведь тот джентльмен, еврей по религиозным убеждениям, с которым вы живете под одним кровом, как мне рассказывал Чарли?

— Ой, не думаю, что его пришлось долго убеждать, сэр. Кажется, он так евреем и родился. По крайней мере, так он говорит.

Финт взять не мог в толк, что так насмешило мистера Мэйхью, и поневоле задумался, откуда это Чарли столько всего знает, что даже сообщает приятелю о его, Финта, местожительстве: причем сам Финт что-то не помнит, чтобы об этом рассказывал. Но все эти пустяки тотчас же вылетели из головы, едва за дверью послышались шаги служанки и громохание подноса. Так может громохать только тяжело нагруженный поднос — добрый знак! И чутье Финта не подвело. Мистер Мэйхью сказал, что уже позавтракал, так что Финт жадно накинулся на ветчину с яйцами, времени зря не теряя.

— Чарли возлагает на вас большие надежды, как вы сами знаете, — промолвил мистер Мэйхью, — и я должен признаться, что искренне восхищаюсь тем, с какой готовностью вы ринулись на защиту нашей юной леди, тем более что,

как я понимаю, прежде вы знакомы не были. Сейчас я вас к ней провожу. Она, по-видимому, понимает по-английски, хотя я опасаясь, что рассудок ее помутился вследствие пережитой трагедии: по-видимому, она не в состоянии рассказать о злоключениях, ее постигших.

Необычное дело! — Финт задумчиво поглядел на тарелку с едой, не торопясь подъесть все подчистую, — и вместо того сказал:

— Она очень напугана. Она была замужем за каким-то гадом, который плохо с ней обошелся, это точно. И... — Финт хотел было продолжить, но засомневался. Он думал про себя: «Ей здорово досталось, да; ей страшно, да; но что она повредила в уме — это вряд ли. Небось выжидает: пытается понять, кто ей друзья. На ее месте, при том что ее и впрямь избили до полусмерти, я, верно, сообразил бы прикинуться будто мне хуже, чем на самом деле; таков закон улиц. Незачем людям все про тебя знать».

Финт по-прежнему ощущал на себе взгляд мистера Мэйхью; и вот вам пожалуйста, последовал новый вопрос:

— Будьте добры... скажите, где вы родились, мистер Финт?

Ему пришлось подождать: Финт расправился с остатками завтрака, облизал нож с обеих сторон — и только тогда ответил:

— В Боу*, сэз, хотя доподлинно не поручусь.

---

* Район в восточной части Лондона. (*Прим. перев.*).

— А вы бы не рассказали мне о своем воспитании... как вы стали тошером?

Финт пожал плечами.

— Поперву был мусорщиком, таких еще «грязевыми жаворонками» называют — а чем еще мальцу заняться-то? — оно само собой получается, если вы понимаете, о чем я, возишься в речной грязи, подбираешь кусочки угля и всякое такое. Летом оно неплохо, зимой — просто жуть, но если мозгов хватает, так и ночлег себе найдешь, и пожрать промыслишь. Недолго поработал помощником трубочиста — ну да я Чарли рассказывал; а в один прекрасный день начал тошерить — и назад уж не оглядывался. Пристрастился к этому делу, как свинья к помоям, что, в общем, почти то же самое. Тошерона пока не нашел, но авось еще повезет.

Финт рассмеялся и, решив подбросить этому серьезному джентльмену пищи для размышлений, добавил:

— Зато почитай что все остальное, сэр, я находил — все то, что люди выбрасывают, или теряют, или чего им не нужно. Просто дух захватывает, сколько всего там, внизу, можно найти, особенно под клиническими больницами, честное слово! Я могу под землей пересечь Лондон из конца в конец, выбраться наверх где захочу, и скажу вам, сэр, вы мне просто не поверите, сэр, какая ж там красотища! Местами на заброшенные дома похоже, целые лестничные пролеты, а на стенках понаросло всякого — тут и Грот,

и Заветерь, и Королеваина Спальня, и Палата Шепотов, и разные другие места — мы, тошеры, знаем их как свои пять пальцев, сэр, ну, то есть если пальцы хорошенько отмыть с мылом. Когда вечерний свет отражается от реки, там прямо рай, сэр. Вы мне небось не верите, но так оно и есть.

Финт помолчал, прикидывая, не наболтал ли лишнего: здравый смысл подсказывал, что человеку с карандашом наготове лучше не знать насчет мелких покраж и насчет воришки и змееныша; такого рода откровения годятся для Чарли и ему подобных, но для таких, как мистер Мэйхью, разумно слегка лоск навести.

— Однажды я там, внизу, старый остов кровати нашел. И не перестаешь удивляться, как туда свет просачивается, — закончил Финт и улыбнулся мистеру Мэйхью: тот взирал на гостя с видом шокированно-озадаченным и, пожалуй, с толикой восхищения.

— И последнее, мистер Финт, — проговорил мистер Мэйхью. — Вы не могли бы мне сказать, сколько вы зарабатываете своим ремеслом тошера?

Финт ждал чего-то подобного. Он интуитивно сократил свой заработок вполовину и отвечивал:

— Ну, бывают дни удачные и неудачные, сэр, но, думается, я зарабатываю примерно столько же, сколько трубочист, да иногда еще удача подвалит.

— А вам нравится ваш род занятий?

— О да, сэр. Я брожу где вздумается, я ни перед кем не отчитываюсь, и каждый день — своего рода приключение, сэр, если понимаете, о чем я. — И, стремясь подкрепить свое реноме респектабельного юного джентльмена, Финт добавил: — Конечно, мне случается найти там, внизу, вещицу-другую, кем-то потерянную, и до чего ж приятно-то бывает вернуть пропажу хозяину. — «Ведь, строго говоря, так и есть, — подумал Финт про себя, — даже если при этом еще и несколько шиллингов перепадет».

Спустя какое-то время мистер Мэйхью, откашлявшись, произнес:

— Мистер Финт, благодарю вас за ценную информацию. Вижу, с завтраком вы уже покончили: тарелка прямо блестит; так что, вероятно, настало время вам снова увидаться с нашей гостью. Кстати, а вы знакомы с такой вещью, как ванна? Я вынужден уточнить, учитывая, что для вашего рода деятельности вы выглядите относительно чистым.

Финт самодовольно ухмыльнулся.

— А это спасибо Соломону, сэр, ну, тому старикану, у которого я живу. Он до чистоты злой как черт, потому как он же ж из избранного народа. И да, у нас в задней комнате есть ванна, сэр, — такая маленькая, в ней только стоя мыться, сверху вниз пройдешься ветошкой, сэр, и даже с мылом, мать честная! Я слышал поговорку, чистоплотность-де сродни праведности,

но сдается мне, Сол считает, что чистоплотность праведности сто очков вперед даст.

Мистер Мэйхью глядел на Финта во все глаза, как будто в горсти фартингов вдруг обнаружил шестипенсовик. Наконец он выговорил:

— Вы меня просто поражаете, мистер Финт; вы не иначе как головня, исторгнутая из огня. Будьте добры, следуйте за мной.

Минутой позже Финта ввели в довольно темную комнату для горничных наверху. Золотоволосая девушка полусидела на одной из постелей, точно только что поднялась; комната внезапно озарилась ярким светом от ее улыбки, во всяком случае, для Финта, чье сердце, пусть и тронутое ржавчиной, забилося часто-часто.

— А вот и юная леди, которая, я счастлив отметить, чувствует себя гораздо лучше, — возвестил мистер Мэйхью. И указал на вторую находящуюся в комнате даму: — А это, как вы уже поняли, моя жена Джейн; сдается мне, вы с ней уже встречались, но представлены не были. Дорогая, это небезызвестный тебе мистер Финт, спаситель страждущих дев.

Финт не всегда бывал уверен, что понимает мистера Мэйхью, но сейчас на всякий случай решил уточнить, а то ведь потом неприятностей не оберешься:

— Сэр, страждущая дева была только одна — это если «страждущая дева» означает леди. Но всего одна, сэр, точняк.

Миссис Мэйхью, что устроилась подле девушки, держа миску с супом и ложку, встала и протянула руку.

— Безусловно, мистер Финт, страдающая дева, числом одна. И с какой стати мой муж вообразил, будто их было больше? — Они с Генри обменялись улыбками, и Финт задумался, а не упустил ли он какую-то шутку, но миссис Мэйхью еще не закончила.

Финт знал, что такое семьи, и мужа, и жены; жены частенько помогали своим мужчинам, которые торговали на улицах всякой всячиной вроде вареной картошки и сэндвичей — вареная картошка, это ж настоящее лакомство! — и в игорном бизнесе целые семьи бывали заняты. Финт — а у него на такие вещи глаз наметан — наблюдал за членами семьи, отслеживая выражения их лиц и то, как они обращались друг к другу. Иногда ему казалось, что хотя глава семьи — мужчина, как оно и полагается, но если приглядеться и прислушаться, то увидишь, что брак — он как баржа на реке, а жена — ветер, подсказывающий капитану, куда барже плыть. Может, миссис Мэйхью и не ветер, но знает, когда надо подуть в нужном направлении.

Итак, супруги поулыбались друг другу, и миссис Мэйхью удрученно произнесла:

— Боюсь, что от жестоких побоев, которые перенесла эта юная леди — и я подозреваю, что не в первый раз, — разум ее отчасти затмился, поэтому, к сожалению, я не могу предста-

вить вас должным образом. Пусть она зовется Симплисити*, пока мы не узнаем больше. Это хорошее христианское имя; и оно мне дорого — так звали одну мою старинную подругу. Наша гостя еще очень молода; можно надеяться, что она быстро поправится. Однако сейчас я держу занавески плотно задернутыми почти все время, чтобы с улицы не доносился шум карет — потому что Симплисити пугается. Однако ж я рада отметить, что ее физическое здоровье вроде бы постепенно восстанавливается, а синяки сходят. К сожалению, я так понимаю, ее жизнь в последнее время была... не столь безмятежна, хотя по ряду признаков складывается впечатление, что некогда все было куда... благополучнее. В конце концов, кто-то, по-видимому, любил ее достаточно сильно, чтобы подарить ей такое роскошное кольцо.

Финту незачем было знать особую систему сигналов между мистером Мэйхью и его женой, он и без того видел, что состоит этот шифр по большей части из многозначительных взглядов от одного к другому, причем среди сообщений было и такое: «В присутствии этого паренька не стоит говорить о дорогом кольце».

— Она беспокоится, когда слышит кареты, верно? — промолвил Финт. — А как насчет дру-

---

* В Викторианскую эпоху вошли в моду имена, обозначающие ту или иную добродетель или свойство характера. Имя Симплисити буквально означает «простота», «простодушие». (*Прим. перев.*).

гих уличных шумов? Лошади там или бочки золотарей* — они ведь тоже здорово громяхают?

— Вы очень проникательный юноша, — заметила миссис Мэйхью.

Финт так и вспыхнул.

— Прошу прощения, мадам, мои парадные брюки сегодня в стирке.

Ничуть не изменившись в лице, миссис Мэйхью пояснила:

— Нет, мистер Финт, я имела в виду, вы все схватываете на лету и вы знаете жизнь, или, вернее сказать, Лондон, что, в сущности, одно и то же. Мистер Диккенс, как я понимаю, не сомневается, что вы сумеете помочь нам раскрыть эту тайну. — Она снова переглянулась с мужем и добавила: — Я полагаю, вам уже известно про самое ужасное во всей этой сатанинской истории. — Она замялась, словно пытаясь перетасовать в голове неприятные мысли, и наконец выговорила: — Я так понимаю, вы не остались в неведении о том, что юная леди была... она была... она потеряла... — Окончательно смутившись, миссис Мэйхью в смятении выбежала из комнаты. Повисло молчание.

Финт оглянулся на Симплисити и обратился к мистеру Мэйхью:

---

* Примерно во времена Финта канализационные трубы в Лондоне в большинстве своем выводили в выгребные или канализационные ямы. Содержимое ям вычерпывали — и вывозили в специальных ассенизационных бочках. (Прим. автора).

— Сэр, если вы не возражаете, мне бы очень хотелось побеседовать с Симплисити один на один. Я бы заодно ее супом покормил. У меня такое чувство, что со мной она снова поговорит чуток.

— Боюсь, что оставлять юную леди наедине с вами в спальне просто недопустимо.

— Точняк, сэр; а избивать леди до полу-смерти и пытаться утопить ее в сточной канаве тоже недопустимо, но не я это сделал. Так что, думается мне, под вашим респектабельным кровом можно было бы добавить к правилам чуток... человечности?

Миссис Мэйхью нерешительно перетаптывалась на лестничной площадке; Генри Мэйхью, совершенно сбитый с толку, встрепнулся и сказал:

— Я не буду закрывать дверь, сэр. Если мисс Симплисити не возражает.

От кровати тотчас же донеслись знакомые интонации Симплисити:

— Пожалуйста, сэр, мне бы очень хотелось по-христиански поговорить со своим спасителем.

Верный слову, мистер Мэйхью в самом деле оставил дверь слегка приоткрытой, и, в кои-то веки отчаянно застеснявшись, Финт уселся в кресло, покинутое супругой Генри Мэйхью, и неловко улыбнулся Симплисити, а та заинтересованно улыбнулась в ответ. Затем он подобрал суповую ложку и передал ее девушке, говоря:

— А чего бы вам хотелось от жизни теперь?

Улыбаясь все шире, Симплисити очень осторожно взяла ложку, поднесла к губам, выпила суп. И, понизив голос, проговорила:

— Хотелось бы мне сказать, что я была бы рада поехать домой, но у меня больше нет дома. И мне нужно разобраться, кому я могу доверять. Могу ли я доверять вам, Финт? Думается, я могла бы довериться человеку, который храбро вступился за незнакомую женщину.

Финт сделал вид, что это все сущие пустяки, дело житейское.

— Знаете, я ничуть не сомневаюсь, что вы можете доверять мистеру и миссис Мэйхью.

Но, к вящему его удивлению, девушка возразила:

— Нет, не думаю. Мистер Мэйхью предпочел бы, чтобы мы с вами не разговаривали. Он, похоже, опасается, что вы, Финт, каким-то образом злоупотребите моей беспомощностью, а я считаю, это... — девушка на миг замялась, подбирая нужное слово, — это просто немыслимо! Вы меня спасли, вы за меня вступились, а теперь вы причините мне вред? Они, безусловно, люди хорошие, но хорошие люди, к примеру, могут считать, что им следует передать меня доверенным лицам моего мужа, потому что я его жена. В таких вопросах некоторые люди совершенно бескомпромиссны. Наверняка кто-то предъявит что-нибудь ужасно официальное, с внушительной печатью и подписью, — и мистер и миссис Мэйхью против закона не пойдут.

Против закона, волей которого меня заберут из страны, где родилась моя мать, и отвезут обратно к мужу, который стыдится меня и не смеет возразить отцу.

По мере того как она говорила, голос ее набирал силу, и, внезапно осознал Финт, он еще и зазвучал как у уличной девчонки — у той, что знает правила игры. Легкого немецкого акцента как не бывало, теперь в интонациях ее слышались гласные Англии, и делала она ровно то, что делает всякий, у кого мозги на месте: осторожничала и не выбалтывала лишнего.

Финт никак не мог сообразить, что же это за акцент такой. Он знал, что на свете бывают и другие языки, но, как порядочный лондонец, в глубине души их не одобрял, ведь всякий, кто не англичанин, понятное дело, рано или поздно окажется врагом. Если изо дня в день отираешься в порту, так обязательно поднахватаешься не языков как таковых, так хотя бы их звуков; вслушайся внимательно и поймешь: голландец говорит иначе, чем немец, и шведа, конечно же, сразу отличишь, а финны, разговаривая с тобой, всегда позевывают. Финт здорово наострился различать языки, но ни один так и не потрудились выучить, хотя к двенадцати годам затвердил слова, означающие. «А где тут веселые девочки?» на нескольких языках, включая китайский и несколько африканских. Даже портовые крысы эти слова знали; а веселые девочки, случалось, подбрасывали тебе фартинг

за то, что направил джентльмена на верный путь. Став постарше, Финт осознал, что иные сказали бы — на *ложный* путь; ну да есть разные точки зрения, а вот если голодаешь — тогда всего одна.

На лестничной площадке возникло какое-то движение, Финт тут же взвился с места, шустро, как гвардеец, и практически отсалютовал крайне удивленному мистеру Мэйхью и его супруге.

— Сэр, мадам, я тут потолковал немного с девушкой. Как вы сами говорите, ее, похоже, пугает шум карет. Может, если бы я сводил ее подышать свежим воздухом, она бы своими глазами убедилась, что кареты, которые ездят у вас под окнами, — это самые обычные кареты?.. Так что, если вы не возражаете, можно мне пригласить ее на прогулку?

Повисло такое молчание, что Финт понял: кажется, идея была не из лучших. А за этой мыслью последовала и другая: а я ведь разговариваю с этим джентом как с равным! Просто удивительно, как костюм от старьевщика и яйца с ветчиной поднимают дух! Да только я все еще тот самый парень, который поутру проснулся тошером, а они все еще — джентльмен и его супруга, владельцы этого огромного дома, так что мне бы надо поосторожнее, а то они, чего доброго, вдруг решат, что я снова тошер, и выставят меня за порог. Однако ж он добавил про себя голосом очень даже дерзким: «Я никому не принадлежу, никто не вправе мной коман-

довать, перед пилерами я чист и ничего постыдного не совершил. Да, я не так богат, как они, ну еще бы, мне до них как до луны, но я ничем не хуже их».

Миссис Мэйхью, помявшись, заговорила, тщательно подбирая слова:

— Что ж, рано или поздно Симплисити и впрямь понадобится выйти на свежий воздух, так что, вероятно, это можно будет устроить, мистер Финт. Но вы наверняка понимаете, что такая прогулка возможна только в присутствии сопровождающего лица. Видите ли, оставлять девушку наедине с молодым человеком — каким бы храбрецом он себя ни выказал — в приличном обществе не принято. В этом отношении мы абсолютно непреклонны, хотя я, разумеется, верю, что ваши намерения абсолютно чисты.

Мистер Мэйхью глядел так же смущенно, как и его жена, и Финт, все еще полагаясь на свою удачу, самым подкупающим тоном промолвил:

— Что ж, дорогая моя миссис Мэйхью, я вам обещаю никакие шуры-муры не разводить: потому как что такое «шуры», я вообще не знаю, а кота у меня нету, только собака.

На мгновение ее стальной взгляд снова смягчел, и миссис Мэйхью промолвила:

— Вы, мистер Финт, опережаете события.

— Надеюсь, что так, миссис Мэйхью; иногда мне и впрямь кажется, что меня так и тянет впе-

ред помимо моей воли. Однако ж, миссис Мэйхью, вы, я думаю, согласитесь, что опережать события куда лучше, чем от них отставать. Сдается мне, я к мисс Симплисити со всей душой. А еще мне подумалось, мы ведь все хотим отыскать тех парней, что ее избили, так что если бы я прошелся с ней по городу, может, она бы увидела или услышала что-нибудь такое, что подбросило бы мне ключ к разгадке. Я знаю, что карета, из которой девушка сбежала, издает приметный звук — я в жизни не слышал, чтоб каретное колесо так скрипело. Вот я и говорю: отыщется карета, отыщется и ключ.

Мистер Мэйхью, оглянувшись на жену, ответил:

— Ваше красноречие делает вам честь, мистер Финт, но мы — то есть моя жена и я — считаем, что ситуация сложилась неоднозначная.

Финт с достоинством выпрямился.

— Да, сэр, боюсь, что так и есть; сдается мне, что и мистер Чарли с вами согласится. Не знаю, что такое «красноречие», зато я хорошо знаю Лондон, сэр, вплоть до последнего грязного дюйма, знаю, где безопасно, а куда лучше не соваться. Все знают Финта, сэр, и Финт знает каждую собаку. Так что Финт выведает все, что надо.

— Да, мистер Финт, — кивнула миссис Мэйхью, — я не сомневаюсь, что так, но мой муж и я считаем, что по отношению к этой юной леди

мы выступаем *in loco parentis*^{*}, поскольку о ней, по-видимому, некому больше позаботиться, так что светские условности должно соблюдать.

Финт понятия не имел, что такое *in loco parentis*, так что он просто пожал плечами и промолвил:

— Как скажете, мадам, но завтра я тут буду проходить мимо, в аккурат после ланча, — и добавил, чуть повысив голос: — На случай, если кто-то передумает.

Мистер Мэйхью догнал его уже у кухни.

— Моя жена сегодня несколько перенервничала, если вы понимаете, о чем я.

На это Финт смог сказать только:

— Не понимаю, — и, как и подобает двум джентльменам, продолжать эту тему они не стали. Обменявшись с мистером Мэйхью рукопожатием, Финт нырнул в кухонную дверь; голова у него до сих пор кружилась при мысли о том, что ему позволили высказаться со всей откровенностью. Будет чего порассказать Солу!

При виде гостя кухарка нисколько не удивилась.

— Да ты, дружок, у нас восходящая звезда, прямо запанибрата с теми, кто тебя постарше да почище будет! Вот и молодчина! Сдается мне, я перед собой вижу уже не тошера, а смышленого молодого человека, для которого мир

---

^{*} Вместо родителей, в качестве родителей (лат.).
(Прим. перев.).

открывает безграничные возможности. — И она сунула Финту промасленный сверток, приговаривая: — С деньгами у нас нынче не густо — не лучшие времена настали; тебе-то, конечно, знать неоткуда, но вторую служанку рассчитали. Если дела пойдут еще хуже, я так понимаю, следующая на очереди миссис Шарплис, невелика потеря, а потом, видать, дойдет черед и до меня, хотя даже вообразить себе не могу, чтоб миссис Мэйхью здесь, внизу, сама хозяйничала. Но я тебе завернула, чего от стола осталось: тут холодная картошка с морковкой и добрый кус свинины.

Финт принял сверток со словами:

— Большое вам спасибо, я крайне признателен.

Заслышав такое, миссис Куикли широко раскинула руки в попытке прижать гостя к груди.

— Вот речи истинного джентльмена. А поцелуйчик мне, часом, не перепадет?.. — с надеждой спросила она.

Так что Финт поцеловал кухарку — даму весьма пылкую, что в поцелуях толк знала, — когда же ему удалось наконец высвободиться, миссис Куикли промолвила:

— Как вознесешься до небес, смотри не забывай тех, кто внизу остался.

ГЛАВА 6,

в которой на шесть пенсов покупают много супа,
а иностранным золотом платят шпиону...

Чувство неловкости преследовало Финта до самого дома, равно как и аромат потрошков. Отчего-то он уже не был уверен, кто он такой — оборвыш из городской канализации или тот, кто запросто болтает с аристократами, — хотя у него хватало опыта понять, что мистер и миссис Мэйхью, не то чтобы аристократия, несмотря на дом и слуг. Дом у них, конечно, всяко получше тех, где доводилось жить Финту, но местами малость обшарпанный. Не грязный, нет; но видно, что с деньгами в семье не густо, как сетовала миссис Куикли, каждый пенни на счету.

Да, миссис Мэйхью сильно озабочена, но Финту показалось, что озабоченность эта вроде как заложена в ее натуре и дело не только в Симплисити. Он досадливо пожал плечами. Может, так и надо, подумал он. Чем больше у тебя есть, тем тревожнее тебе живется — не ровен час все потеряешь. Если денег вдруг не-

достаает, начинаешь всерьез беспокоиться, что того гляди лишишься своего уютного домика вместе со всеми симпатичными безделушками, расставленными тут и там украшения ради.

Финт никогда и ни о чем особо не тревожился, кроме самого важного: сытно поесть и поспать в тепле. На что сдался дом, битком набитый милыми безделушками (а у Финта был глаз наметан на милые безделушки, особенно такие, которые нетрудно подцепить и проворно сунуть в карман и так же быстро перепродать). Но зачем они нужны-то? Показать, что ты можешь себе их позволить? И тебе от этого станет сильно приятнее жить на свете? Ты в самом деле почувствуешь себя счастливее?

Дом семьи Мэйхью исполнял свой долг с холодной чопорностью, но особо счастливым не выглядел — ощущалась в нем какая-то напряженность, Финту не вполне понятная, даже в воздухе разливалось уныние, — и, как ни странно, Финт тоже ни с того ни с сего слегка загрустил, бог весть почему. Несчастье как состояние души обычно было ему чуждо. У кого, спрашивается, есть *время* на уныние? Ему случалось подсадовать, взбелениться и выйти из себя, но это же просто тучи на небе; рано или поздно они расступались. И надолго не задерживались. Но, идя куда глаза глядят прочь от дома Мэйхью, Финт чувствовал, что тащит за собою груз чужих забот.

А единственное лекарство от такого недуга — это спуститься в канализацию, потому что если уж оказался по уши в дерьме, так чего бы не пощупать вокруг, вдруг шестипенсовик подвернется. Только надо бы домой заскочить, переодеться, — в его гардеробе впервые завелся такой дорогой и парадный предмет, как костюм от старьевщика, в таком на работу не ходят, правильно?

Но... Симплисити. Финт думал о ней не переставая. Гадал, кто она такая и кому может быть известно, что с ней случилось и почему. И, само собою, кто ее обидел. Вот это ему просто позарез надо выяснить. А в многолюдном городе всегда найдется кто-нибудь, кто краем уха что-нибудь да слышал.

Полиция наверняка ничего не знает — еще бы, кто ж, будучи в здравом уме, станет разговоры разговаривать с пилерами. Нет, изредка среди них попадаются ничего себе, но доверять им не стоит. А вот с Финтом люди охотно поговорят — со славным стариной Финтом, особенно если ссудить им шестипенсовик до дня святого Неверия.

Так что, шагая в мансарду переодеться путем не просто кружным, но прямо-таки окольным, обходным и объезжим, он нашел время потрепаться с местным отребьем; и с кокни, которые продают яблоки и которых хлебом не корми, дай всей оравой сцепиться с пилерами в драчке на добрый старый лад, где все средства

хороши и любое оружие сгодится. Потолковал с уличными торговцами, торгующими мало не себе в убыток. Поболтал с дамами, что слоняются там, ничем особенно не занятые, и всегда обрадуются джентльмену при деньгах, который выкажет девушке похвальную щедрость, особенно после того, как в питье ему кой-чего подмешают, — а после того ему, глядишь, посчастливится отбыть в долгое путешествие вниз по Темзе в дальние дали, где он с вероятностью познакомится с разными интересными людьми, которые, чего доброго, попробуют его на зуб, если слухи не врут. А если джентльмену очень не повезет или он обидит кого-то вроде миссис Холланд с Банксайда* — то вниз по Темзе он поплывет без лодки.

Потом еще были парни, предлагавшие сыграть в «Корону и якорь», — но здесь хотя бы есть надежда на выигрыш, если ты трезв и кости выпали в твою пользу. Не такова другая игра, на которую зазывает развеселый бодрячок: при нем только и есть что плоская деревянная доска, а на ней три наперстка и одна горошина. На этом маленьком ратном поле ты делаешь ставку на местонахождение пресловутой горошины, надеясь, что зорким взглядом непременно отследишь ее путь, пока наперстки крутятся и вертятся в руках болтливого бодрячка. Но тебе

---

* Район Лондона на южном берегу Темзы. (Прим. перев.).

никогда в жизни не угадать правильно, потому что где горошина на самом деле, известно только бодрячку да Господу — да и Господь, пожалуй, не вполне уверен. Если ты уже принял на грудь, ты будешь пытаться снова и снова, все повышая и повышая ставки, потому что рано или поздно, даже если ты просто-напросто угадываешь, горошина *непременно* должна оказаться под указанным тобою наперстком. Но увы, этого не произойдет ни за что и никогда.

Или есть еще кукловод из «Панча и Джуди» — вот умора эти «Панч и Джуди», особенно теперь, когда от палки мистера Панча достается еще и полисмену. Детишки хохочут, взрослые тоже хохочут, да всяк захохочет, когда хохочущий мистер Панч завопит «Так тебя, так!» своим писклявым голоском, под стать какой-нибудь хищной птице... или каретным колесам.

Повзрослев, ты понимаешь, что Панч на самом-то деле выбросил из окна младенца и бьет жену... Конечно, бывает и такое; жен, во всяком случае, частенько поколачивают, а уж что порою случается с младенцами — это тема вообще не для детей: это вам не счастливые семьи.

А нынче Финт, в чье сознание медленно поползала жуткая сияющая тьма, обступившая удивительную девушку с золотыми волосами, проходя мимо балаганчика, с трудом сдерживался, чтобы не отколотить треклятую визгливую куклу. Он прямо затрясся от негодования — но заставил себя вернуться на грешную

землю. Для него все это не внове; так было *всегда*. Но Симплисити... вот в истории с Симплисити он, наверное, сможет что-нибудь сделать. Причем не только для Симплисити, но и для себя тоже — хотя при чем тут он сам, Финт покамест до конца не разобрался.

Однако если ему так уж не хочется зрелищ, от которых зло берет и с души воротит, так он лучше полюбуется на ребят с собаками, которые разным штукам обучены, или на силачей, которые гири тягают, или на бокс — без перчаток, понятное дело.

Но сегодня — сегодня Финт задавал вопросы. И прямо-таки самого себя превзошел. Потолковал с двумя дамами, поджидающими джентльмена. Поболтал с держателем «Короны и якоря», который знал его по имени, и даже с тяжелоатлетом — тот аж захрюкал от удовольствия. Кому-то даже напомнил про шестипенсовик, выпрошенный в долг ради бедной старой мамочки, и тонко ввернул:

— Да не, не парься, я ж знаю, ты расплатишься, когда сможешь.

Короче, Финт шагал по миру — или по крайней мере по той его части, что втиснулась между лондонскими борделями, — оставлял за собою жирный Финтов след, вроде как кот территорию метит, — и вопросы повисали в воздухе. Так что, если кто услышит ненароком скрипучую карету, даст знать Финту; а еще лучше, думал он, если владелец скрипучей кареты,

той самой, что скрипит — как свинья визжит, когда ее режут, — захочет разобраться с человеком, который задает все эти вопросы. Это все равно что бросать крошки в реку — проверяя, не клюнет ли кто; способ хороший, но есть одна проблема: из глубин может выплыть акула.

Тут Финт вспомнил про фургончик «Счастливая семейка». На этой мысли Финт задержался, пытаясь сообразить, где и когда он видел «Счастливую семейку» в последний раз: небось на каком-нибудь мосту, где всегда кипит передвижная торговля. Эта «Счастливая семейка» на самом деле просто волшебство какое-то: небольшая повозка с целым зоопарком внутри, и все зверье мирно уживается вместе. Надо будет при первой же возможности сводить туда Симплисити — ей точно понравится. Тут Финт осознал, что плачет: перед его мысленным взором вновь возникло прелестное личико, все в синяках, словно девушка с лестницы скатилась. Кто-то тому виной; высморкавшись в тряпицу, Финт поклялся, что в один прекрасный день непременно доберется до ее мистера Панча, и загонит его в угол, и поучит хорошим манерам, будьте покойны!

Тут Финт очнулся от раздумий: кто-то потянул его за штанину. Он недовольно оглянулся: двое детишек, может, пяти лет или шести, смотрели на него снизу вверх, протягивая ладошки. Прямо сейчас эта немая сцена прилась совершенно некстати, но каждый из малышей

тянул к нему одну ручонку, а второй крепко держался за приятеля. Финт не забыл, как сам когда-то попрошайничал точно так же, но приставал только к тем, кто выглядел побогаче, — хотя, если ты голоден и тебе пять лет от роду, у кого угодно побольше денег, чем у тебя. В своих шикарных шмотках Финт, понятное дело, на тошера уже не смахивал. И все равно ты — тошер, напомнил себе Финт, но не просто тошер; а прямо сейчас ты побудешь джентльменом на сумму в размере шестипенсовика.

Так что он отвел детишек к ларьку Мари-Джо, которая наливала наваристого супу всем без разбору, кто только мог выложить несколько фартингов, — а может, и того меньше, если повариха расщедрится.

Мари-Джо была женщина хорошая, а такие всегда наперечет. Про нее много чего рассказывали: якобы некогда она была знаменитой актрисой в стране лягушатников, и вправду, в ней по сей день сохранилась какая-та чудинка, этакий шалый блеск в глазах. По слухам, она когда-то была замужем за солдатом и тот погиб в какой-то войне, но, к счастью, успел ей шепнуть, где спрятал всю добычу, захваченную во многих походах.

Так вот, Мари-Джо, с ее-то порядочностью — хоть она и пробыла столько лет замужем за лягушатником! — открыла этот свой ларек, вполне заслуживающий доверия: уж будьте покойны, в супе не плавают ни крысы,

ни чего похуже; супом с кусочками собачатины и кошатины она не торгует, еще чего! Суп Мари-Джо был щедро сдобрен чечевицей и всякой прочей всячиной: может, оно и разварилось в месиво, но в целом идет только на пользу и согревает изнутри. Ну ладно, положим, иногда куски конины попадают, у лягушатников так принято, зато нажористее выходит. Говаривали, будто даже пижонские едальни нынче сдают обеды Мари-Джо, зная, что у нее все пойдет в дело. Это все ее французские плутни, говорили люди, она любым фу-ты ну-ты шеф-поваром вертит как хочет, но — «Вот и молодец девка», — твердил народ, ведь все добытое шло в огромную вместительную кастрюлю; а Мари-Джо помешивала содержимое всю ночь напролет, отвлекаясь только на то, чтобы зачерпнуть половник для очередного покупателя. А платили вы ровно столько, сколько она считала нужным, и поскольку никому не хотелось, чтобы ему пригрозили половником за жадность, торговаться никто не пытался.

Так что, когда Финт объявился перед нею с двумя мальцами на буксире, Мари-Джо смирилась его взглядом и воскликнула:

— Ну надо ж, мы, никак, при деньгах, а, Финт? И у кого ж ты их стырил?

Она смеялась, понятное дело, ведь оба наверняка помнили те времена — много лет назад, еще до того, как волосы ее совсем побелели, — когда Финт и сам был от горшка два вершка и

ошивался вокруг ее ларька, протягивая руку этак жалобно, но с надеждой, в точности как доставленная им парочка.

— Мне не надо, Мари-Джо, но накорми вот этих двоих досыта сегодня и завтра на шесть пенсов, ладно?

На лице ее появилось странное выражение. Под стать продаваемому ею супу, в нем можно было усмотреть что угодно, но преобладало удивление. Однако улица есть улица, и Мари-Джо потребовала:

— Сперва покажи шестипенсовик, юный Финт.

Финт бросил монету на прилавок, Мари-Джо посмотрела на шестипенсовик, потом на Финта, потом на детишек, у которых аж слюнки потекли в предвкушении, потом снова на красного от смущения Финта и тихо промолвила:

— Как же ж так, ну надо ж, точно, ничего не попишешь, и что же мне теперь прикажете делать? — Тут от улыбки ее по всему лицу разбежались лучики-морщинки, и Мари-Джо заявила: — Для тебя, Финт, я этих козявок накормлю и сегодня, и завтра, и, может, даже послезавтра, но, мать моя женщина, что такое случилось-то? Аллилуйя! Мир перевернулся, а я-то и не заметила! Только не говори, что ты в церковь ходишь, — никакая исповедальня не вместит того, что ты способен порассказать! Да что ж творится-то на белом свете? Мой маленький Финт вырос и стал ангелом.

Мари-Джо произносила его имя как «Фэнт» — и всякий раз по спине его пробегали серебристые отзвуки. Мари-Джо знала всех и каждого, знала все про всех и каждого, и теперь она глядела на Финта, опасно улыбаясь, но с ней всегда приходилось играть по ее правилам, так что он улыбнулся в ответ и запротестовал:

— Да ладно тебе, Мари-Джо, хватит обо мне трепаться-то! Нечего обелять мое честное имя! Но я ж тоже когда-то был мальцом, ты ведь понимаешь, о чем я? Вот что: если ты будешь вести счет тому, что им скормишь, я обязательно расплачусь с тобой позже, чес-слово.

Мари-Джо послала ему воздушный поцелуй, благоухающий мятой, наклонилась поближе и прошептала:

— Я про тебя, парень, слыхала разное. Ты смотри там, поосторожнее! Во-первых, твоя вчерашняя разборка с Обрубком. Он, понимаешь, похвάζεται направо и налево. — Мари-Джо еще больше понизила голос. — А потом был один джентльмен. А уж я-то джентльмена с первого взгляда распознаю. Расспрашивал про человека по имени Финт — и не думаю, что он для тебя подарок заготовил. Дорогой такой джентльмен.

— Его, часом, не Диккенсом звали? — уточнил Финт.

— Не, этого я знаю — мистер Чарли, газетный репортер, с пилерами запанибрата. Один из этих ваших невыносимых англичан. А тот

джентльмен — я бы сказала, он больше на адвоката смахивает. — И, как ни в чем не бывало, Мари-Джо обернулась к следующему покупателю, про Финта словно позабыв.

А Финт зашагал дальше, на каждом углу встречая знакомого, — пошутит тут, поболтает там, а заодно и вопросец задаст — на самом деле ничего важного, пустяки, просто вспомнилось ни с того ни с сего — насчет золотоволосой девушки, что сбежала из кареты в грозовую ночь.

Нет, *ему-то* никакого дела нет, ясен пень; просто слышал краем уха, как говорится — *ему-то* оно, понятно, без надобности. Это же славный старина Финт, Финта все знают — а Финт любопытствует насчет кареты и девушки с золотыми волосами. Теперь придется держать ухо востро, ну и что с того? Он и так всегда на чеку. А прямо сейчас он уже стоит у основания шаткой лестницы, что ведет наверх, в мансарду.

А вот и дом; и Соломон, как всегда, сидит за работой. Он всегда работает; причем работа в его руках не столько кипит, сколько тихомирно тушится на маленьком огне — он почти всегда корпит над какой-нибудь мелочью, для которой требуются миниатюрные инструменты и изрядный запас терпения, и легкая рука, а порою и большая лупа. Онан свернулся калачиком под стулом — так, как умел сворачиваться только Онан.

Старик не торопясь снова запер дверь и только тогда сказал:

— Ммм, опять трудный денек выдался, друг мой, надеюсь, что таки прибыльный?

Финт предъявил щедрое пожертвование из кухни Мэйхью, и Соломон одобрительно отозвался:

— Ммм, недурно, очень недурно; и еще кус свинины, такой хороший кус; пожалуй, на мясную запеканку пойдет. Молодец мальчик.

Несколько лет тому назад притащив домой шмат свинины, чудом выпавший из кухонного окна прямо в невинные руки Финта, который всего-то навсего проходил мимо, мальчишка спросил Соломона:

— А я думал, вам, евреям, свинину есть запрещено, нет?

Если Онан сворачивался как бог, то Соломон пожимал плечами как один из его ангелов.

— Строго говоря, возможно, что и так, ммм, но есть и другие правила, — отвечал он. — Во-первых, это дар Господень, а щедрые дары отвергать не подобает, и во-вторых, свинина, кажется, неплохая, получше, чем обычно, а я — старый человек и, ммм, очень голоден. Порою мне думается, что правила, придуманные много веков назад, чтобы благополучно переправить через пустыню моих легковозбудимых драчливых праотцов, чтоб они были здоровы на том свете, не то чтобы применимы в этом городе, с его смогом, дождями и туманами. Кроме того, я уже немолод, и я изрядно проголодался, и я таки

скажу об этом дважды, а знаешь, почему? — потому что, по мне, так это имеет самое прямое отношение к делу. Сдается мне, в создавшихся обстоятельствах Бог все поймет, или Он — не тот Бог, которого я знаю. Это я к тому, чем хорошо быть евреем. После того как моя жена погибла при погроме в России, а я бежал в Англию, прихватив одни только инструменты, я, заведя белые утесы Дувра, один, без жены, сказал так: «Господи, сегодня я в тебя больше не верю».

— А Бог что на это сказал? — любопытствовал Финт.

Соломон театрально вздохнул, словно затрудняясь с ответом, а затем улыбнулся:

— Ммм, Бог сказал: «Соломон, я все понимаю; когда передумаешь, дай мне знать». И я таки остался много доволен, потому что мне дали выговориться, мир стал лучше и чище, а теперь я сижу в месте хоть и довольно грязном, зато я свободен. И да, я свободен есть свинину, если уж Господь распорядился так, что свинина оказалась в моей кастрюле.

А Соломон между тем вернулся к работе.

— Я, чтоб ты знал, делаю зубчатые колесики, мальчик мой, вот для этих часов. Эта работа трудоемкая, требует значительной координации руки и глаза, но по-своему еще и очень успокаивает, вот почему я таки охотно берусь за колесико-другое. Выходит, я помогаю времени узнать, что оно такое, точно так же, как время знает, чем стану я.

Повисло молчание, нарушаемое лишь убаюкивающими звуками Соломоновых инструментов; оно и к лучшему, потому что Финт не знал, что тут сказать; он гадал про себя: это все потому, что Соломон еврей, или потому, что Соломон так стар, или то и другое вместе, и наконец заявил:

— Мне надо бы подумать малость, я ведь тебе сейчас не нужен? Я, понятное дело, переоденусь.

А все потому, что Финт не сомневался: лучше всего думается, пока тошеришься. Прошлой ночью прошел дождичек, но не сильный; и теперь ему хотелось немного побыть наедине с собой.

Соломон только отмахнулся:

— Ступай, мальчик, на меня не оглядывайся. И Онана с собой возьми, будь так добр...

Чуть позже чуть в стороне приподнялась решетка сливного люка — и Финт ловко спрыгнул в свой мир. Поскольку прошел дождь, внизу было не так уж и плохо, а поскольку все еще стоял белый день, по туннелям гуляло эхо, о да, много эха. Там чего только не услышишь — а голоса разносятся от края до края. И от каждого звука остается умирающий призрак, и отлетает — кто знает, в какую даль?

А прибавьте к этому еще и шумы с улицы: иногда можно было целый разговор подслушать, если собеседники стояли у самого люка и болтали без умолку, даже не подозревая о том,

что внизу затаился тошер. Однажды какая-то дама выходила из кареты, споткнулась, выронила кошелек, а он возьми и раскройся. Тошерское счастье не подвело: несколько монет скатились в ближайший водосток. Юный Финт услышал ее вопли и проклятия на голову лакея, который якобы плохо придержал дверь, и поспешил на звук — а звенело уже в туннеле, и, словно манна небесная, ему чуть ли не в руки упали полсоверена, две полукроны, шестипенсовик, четыре пенса и фартинг.

В ту пору Финт здорово вознегодовал из-за фартинга: что, скажите, фартинг делает в кошельке знатной леди при кучере?! Фартинги — они для бедноты, и полуфартинги тоже!

Такие удачные дни выпадали нечасто; а вот по ночам... по ночам канализационные туннели словно бы оживали. Тошерам нравились ночи, слегка подсвеченные луной. В такую пору они иногда прихватывали с собой потайной фонарь — с маленькой дверцей, чтобы прикрыть свет, если не хочешь, чтобы тебя заметили. Но фонари дороги и громоздки, а тошеру порою приходится действовать быстро.

Ведь там, в темноте, водятся не только славные честные тошеры, о нет, скажете тоже! Есть там и крысы, понятное дело, — это их естественное обиталище, и крысы не то чтобы рады встрече с тобой, а ты — с ними, но следом за крысами приходят крысоловы, они ловят крыс для собачьих боев.

А дальше начинается по-настоящему ужасное...

В городе еще осталось немало мест, где канализационные стоки открыты, проложены над землей и некоторые притворяются реками; то есть глухой ночью туда может упасть или свалиться все, что катится и не тонет. Благоразумный тошер от таких районов держался подальше, но были и другие люди, которые использовали эти глухие места и канализационные стоки в своих целях — обычно такие люди не станут лишний раз с пути сворачивать, чтобы гробануть тошера, но, с другой стороны, под настроение вполне могут — просто смеха ради.

А посмеяться они любят...

Мысли Финта вновь вернулись к тому, что рассказала Мари-Джо. Кто-то — с виду адвокат — расспрашивал о человеке по имени Финт. А Мари-Джо мозгов не занимать; не то бы не выжила.

Эти мысли пронеслись в его голове подобно приливу (та еще помеха для тошеров в прилегающих к Темзе районах). И тут же пришел ответ.

Здесь — его владения; он изучил все до одного туннели этого города вдоль и поперек; каждую нычку, которую так просто не заметишь, если не знаешь, куда смотреть; участки, частично перекрытые, так что про них никто и не догадывается. Чес-слово, он может находить дорогу по одним только запахам — и всегда в

точности знает, где находится. «Если меня кто-то ищет, — подумал Финт, — если мне предстоит с кем-то драться, так пусть это произойдет на моей территории. Я — Финт; а здесь, внизу, финтить — милое дело».

Прямо сейчас в туннеле воздух был более-менее свеж, — ну, в сравнении со всем тем, что особой свежестью не отличалось, за исключением разве что Онана, который, понятное дело, принес с собою собственные ароматы. Финт издал особый свист — две характерные ноты, любой тошер их знает, — и прислушался в ожидании ответа. Ответа не последовало, значит, сейчас, по крайней мере, весь этот участок в его полном распоряжении — как оно обычно и бывало.

Почти машинально он подобрал булавку для галстука и фартинг меньше чем в двух ярдах друг от друга; удача ему сопутствовала; уж не потому ли, что он только что сделал доброе дело? Не успел Финт додумать эту мысль, как Онан шумно засопел, заскулил и принялся разгребать завал старых битых кирпичей. Дзынь! — под носом Онана что-то звякнуло. Глядь — а у пса в зубах что-то блестит — золотое кольцо с огромным каменюкой! Небось не меньше соверена стоит!

Славный старина Онан! И Госпоже спасибо. Ну да в жизни бывает всякое — порой повезет, порой нет, и ничего тут не поделаешь. Если думать иначе, так с ума сойдешь.

В полумраке, вслушиваясь в звуки надземного мира, обшаривая туннели, Финт был в своей стихии и Финт был счастлив.

В других местах иные не сказали бы о себе того же.

В комнате горело много свечей, но ни одна не освещала лицо того, кто сидел рядом с гобеленом. Это здорово раздражало человека, известного его особым клиентам как Ушлый Боб — разумеется, отнюдь не этим именем он пользовался, занимаясь обыденными юридическими вопросами. Ему хотелось видеть нанимателя своими глазами; с другой стороны, золотых соверенов ему тоже хотелось, и они-то никакой тревоги не вызывали — золотым соверенам он был завсегда рад. Сейчас два таких сверкали прямо перед ним на низком столике: свет лампы выхватывал их из тьмы. Но взять монеты он не спешил, потому что думал про себя: «Если я протяну к ним руку до того, как этот неописуемо изысканный голос мне прикажет, мне, того гляди, костяшки пальцев отобьют, если не что похуже».

Место ему не нравилось. А уж как ему не понравилось ехать с завязанными глазами в тряской карете! — тип с иностранным акцентом, сидевший напротив, пригрозил ему крупными неприятностями, если он только попытается снять повязку. Ему вообще не нравилось работать на людей с иностранным акцентом, если на

то пошло. Таким доверять нельзя. Это вам не то что дела вести с добрыми, честными, богобоязненными англичанами — вот с ними Ушлый Боб управляться умел. Ему не понравилось, что сюда ехали кружными путями, петляли, поворачивали обратно, то и дело меняли направление — как вор в бегах. И мысль о том, что после разговора все повторится сначала, душу тоже не грела.

Место-то шикарное — это точно; даже пахнет шикарно. То и дело за его спиной проходили какие-то люди, и это Ушлого Боба тоже злило, потому что оглянуться он не смел. Жуть, прям мурашки по коже. Он тут десять минут проторчал в ожидании, прежде чем этот хмырь, кто бы уж он там ни был, бесшумно прошел к креслу по ту сторону огня — о чем Ушлый Боб узнал только потому, что обитое кожей кресло пожаловалось легким неприличным треском: такой издают только самые лучшие кожаные кресла под тяжестью задницы. Ушлый Боб узнавал хорошее кресло на слух, ведь ему уже доводилось бывать в домах сильных мира сего, хотя и не по такому делу.

Тишина всколыхнулась: опасливый хмырь по ту сторону огня, которому так хотелось остаться невидимым, надумал заговорить. В этот миг Ушлый Боб осознал, что если тут у кого и есть повод для опасений, так только у него самого, а следом накатило ужасное предчувствие: рано или поздно понадобится отлить.

Это едва не случилось само собою, когда невидимый голос изрек:

— Итак, мистер Ушлый Роберт, вы, кажется, заверяли нас, что ваши люди без труда справятся с одной заурядной девчонкой. Тем не менее, друг мой, похоже, она дважды от вас сбежала, а поймать ее вам удалось только раз. Вы, надеюсь, меня не осудите, если я отмечу, что это не лучшим образом сказывается на вашей репутации; вам так не кажется?

Было что-то в этом голосе, что действовало Ушлому Бобу на нервы. Голос звучал по-английски, но не совсем по-английски, как если бы иностранец выучил английский в совершенстве, но не перенял всех тех оборотов и словечек, что отличают урожденного англичанина. Собственно, его английский был слишком хорош. Прямо-таки безупречен. В нем не хватало шероховатостей и неправильностей, которыми пересыпают речь урожденные англичане. Ушлый Боб сидел в луже тьмы — по счастью, пока только тьмы — и оправдывался:

— Видите ли, сэр, мы-то ожидали девчонку, но у этой особы кулаки будь здоров, одного моего парня она просто вырубилa. А среди них был и профессиональный боксер, сэр! Она смышленная и верткая, сэр, дерется как черт, а вы ж сами наказали погрузить ее на корабль целой и невредимой, одним куском, типа. Честно скажу, сэр, мои парни, к сожалению, тоже хотели вернуться домой целыми-невредимыми. Гово-

рят, в жизни не видывали такой стервы — пинается, и плюется, и кулаками машет что надо, один из моих ребят так и ходит согнувшись и с подбитым глазом, а второй двух пальцев недо считался. Ну то есть в первый раз она застала нас врасплох, но тогда она просто сбежала, ребята ее вернули, затолкали в вашу карету и связали. Конечно, на корабль мы к тому времени опоздали, вот поэтому и везли ее к вам.

Ушлый Боб чувствовал, что ступает на опасную почву, потому что, в конце концов, все это не его вина.

— И как я уже докладывал вашему коллеге, сэр, — продолжал он, — при второй попытке все должно было сойти гладко, но она выбила дверь и выскочила наружу, в самый разгар ужасной грозы. Ваш кучер, сэр, не смог остановить лошадей — в такой-то дождь. Очень необычные обстоятельства. Непредсказуемые.

В тишине послышался шорох переворачиваемой страницы, и голос промолвил:

— Как я понимаю, мистер Ушлый Роберт, некий... — страницы зашуршали. — Некий Финт ранил двоих ваших людей, а одного едва не утопил в сточной канаве. Сдается мне, нам следовало нанять его, а не вас.

Человек, которому нравилось представлять себя Ушлым Бобом, хотя прямо сейчас особой ушлости он в себе не ощущал, промолвил:

— Я вам еще пригожусь, сэр, памятуя, что вы мне уже много должны за то, что мы ее с

самого начала выследили. Ведь мой счет за эту услугу все еще у вас?..

Незримый заказчик вторую часть фразы пропустил мимо ушей:

— Мне бы хотелось верить, что у вас есть новости касательно этого небольшого затруднения. Я так понимаю, наш возмутитель спокойствия снова заявил о себе? Пожалуйста, просветите меня, будьте так любезны!

Ушлый Боб тотчас откликнулся:

— Он задает много вопросов, сэр, и делает это, можно сказать, методично, сэр.

Ушлый Боб остался очень доволен характеристикой «методично», но отнюдь не порадовался, когда голос, излишне резко на его вкус, отвечивал:

— Боже правый, вы, надеюсь, способны сами проявить инициативу, не так ли?

Ушлый Боб знал, что такое инициатива, но прямо сейчас таковой остро недоставало. Он с надеждой промолвил:

— Этот парень, который вопросы задает, он не невеста кто, если вы меня понимаете; у него обширные *связи* на улице, что несколько усложняет дело.

Голос зазвучал рассерженно, и мочево-му пузырю Ушлого Боба это не понравилось. Лучше не стало, когда из темноты донесся вопрос:

— Он что, на полицейского работает... на пилера, как вы их называете?

Пилер! Всегда напоминайте про пилеров озабоченному джентльмену удачи! Чертовы, чертовы пилеры. Их не подкупишь, с ними не задружишься — это вам не добрые старые «ищейки» с Боу-стрит, — а пополняют их ряды главным образом ветераны войны. А если вы побывали на какой-нибудь из последних войн и вернулись в целостности и сохранности, руки-ноги и прочие детали на месте, стало быть, вы крепкий орешек — или вам баснословно везет. Чертов мистер Пиль разослал их по всему городу, этих проныр, они везде свой нос суют; ответа «нет» они не принимают, да вообще никакого ответа не принимают, кроме разве: «Вы меня взяли с поличным, сэр; сдаюсь, сэр». Если вы в неладах с пилерами, можете звать на помощь мамочку, тетушку, можете все глаза выплакать, а эти паразиты помочь вам их на место вставить и не подумают; пьют как сапожники, шумят как сам дьявол и дружбу ни с кем не водят — как ни странно, даже со знатью. А среди знати всяко есть и такие, у кого по части законности рыльце в пушку, вроде него самого; когда-то он полагался на добрых старых «ищеек» с Боу-стрит, они-то народ, ну, понимающий... особенно под звон монет.

А что можно поделаться с поганцами-пилерами, которым никто не указ, кроме самого сэра Роберта Пиля? При одной мысли о них моче-вой пузырь Ушлого Боба болезненно сжался. Страх уже потек тонкой струйкой по его ноге,

пока Боб, тщательно подбирая слова, пытался объяснить:

— Нет, сэр, не на пилеров, сэр. Это просто пацан из трущоб, сэр, хотя парень-жох, сэр, если вы схватываете мою мысль.

Повисло ледяное молчание, а затем послышалось:

— Ничего вашего я хватать не собираюсь, мистер Боб. Что такое жох? — Слово прозвучало так, словно говорящий вытащил из супадохлую мышь, или, еще точнее, половинкудохлой мыши.

Ушлый Боб, в создавшихся обстоятельствах осознавший, что имя его соответствует истине только наполовину, отчаянно пытался выкрутиться. Кто ж не знает, что такое жох? Да все на свете знают! Ну, во всяком случае, любой лондонец. Жох — это... это жох! Это все равно что спросить: а что такое пинта пива? Или: что такое солнце? Жох это жох, хотя Боб понимал, что над определением придется потрудиться, прежде чем он даст ответ опасному голосу из тьмы.

Он снова откашлялся.

— Так, жох, ну, в общем, жох — тот, кого все знают, и он знает всех, и небось про всех знает что-нибудь такое, чего никто не хочет, чтоб про него знали. Хм, так вот, он ушлый, себе на уме, не то чтоб вор, но к нему в руки все как-то само собою попадает. Может натворить дел и на улице себя чувствует как рыба в воде. Этот

Финт, он... ну, в общем, Финт еще и тошер, стало быть, он знает, что происходит внизу, в канализации, — тошер, сэр, это тот, кто спускается под землю искать монеты и прочую мелочовку, все то, что потерялось и утекло в трубу. — При упоминании канализации Ушлый Боб еще беспокойнее заелозил и добавил: — Я чего хочу сказать, сэр, такой пацан, что бы ни случилось, он всегда тут как тут, можно сказать — заводила; интересный тип, если понимаете, о чем я. А этот в последнее время еще и тусуется с благородными.

Исходя потом и все еще ерзая на стуле, Ушлый Боб ждал приговора. Сердце оглушительно стучало, но ему показалось, он слышит за стеной огня тихие перешептывания. То есть здесь, с ним в комнате, не один человек! Он заерзал еще сильнее — не к добру это все!

Наконец голос изрек:

— Интересные типы нас не интересуют; они могут представлять опасность. Однако если этот Финт задает вопросы про девчонку, то он ее либо нашел, либо знает, где она сейчас, поэтому я попрошу вас озаботиться, чтоб с него днем и ночью глаз не спускали, ясно? И, разумеется, он ни в коем случае не должен догадаться, что за ним следят. Я достаточно ясно выразился, мистер Роберт? Обычно мне это удается. Дело очень тонкое, и мы будем *чрезвычайно* разочарованы, если оно не придет к счастливому концу. Я не намерен сейчас вдаваться в под-

робности, но вы, безусловно, понимаете, что окончательный провал повлечет за собою необратимые последствия. Нам нужна эта девчонка, мистер Боб. Нам нужно ее вернуть. В этой связи, мистер Боб, один из моих помощников сейчас бережно возьмет вас за руку и отведет в место, где вы, что называется, облегчитесь. Можете забрать соверены в залог вашей добросовестности; мы надеемся, что вы их заслужите.

Иностранное золото, подумал Ушлый Боб, не хуже всякого другого, а вот с иностранцами держи ухо востро; то-то он порадуетя, когда все наконец закончится.

Забрав соверены и обрета блаженное облегчение в отхожем месте, Ушлый Боб вынужден был опять втиснуться в треклятую карету, и, судя по ощущению, она снова исколесила весь Лондон вдоль и поперек, прежде чем его довольно грубо вытолкнули неподалеку от его конторы. По дороге он перебирал в уме все, что знает о пареньке по имени Финт.

Один из невидимых джентльменов, затаившихся в темноте, придвинулся поближе и, перейдя на родной язык, осведомился:

— Вы вполне уверены насчет этого человека, сэр? В конце концов, мы могли бы нанять Анонима. Я навел справки; в настоящее время он свободен.

— Нет. Аноним работает слишком грязно, это опасно; дело может принять... политическую окраску, если станет известно, что мы

воспользовались его услугами. Мы бы предпочли избежать... инцидента. Нет, Аноним — это крайнее средство. Мне рассказывали, что он сделал с семьей греческого посла... совершенно неоправданная жестокость. Я ни в коем случае не стану прибегать к помощи таких, как он, пока мы не исчерпаем все прочие возможности. Если мелкий пакостник снова нам напакостит или втянет в эту историю других... ну что ж, тогда, возможно, нам придется передумать. А пока давайте удовольствуемся мистером Робертом Ушлым. Вряд ли ему так уж трудно отыскать для нас эту девчонку? И проследить за грязным маленьким беспризорником? Позже мы всегда сможем от него избавиться, если он станет... неудобен.

ГЛАВА 7

**Финт оказывается на волосок от гибели
и становится героем дня (опять!);
а Чарли разжился материалом для статьи —
и загубил лучшие брюки**

Финт вернулся домой, сполоснул лицо, вымыл руки, а Соломон между тем разложил по тарелкам мясную запеканку. О своих скитаниях по другим странам Соломон почти ничего не рассказывал, но вот готовить он в путешествиях здорово выучился, что правда, то правда, — причем использовал специи и травы, о которых Финт слыхом не слыхивал.

Однажды Финт спросил Соломона, почему тот решил перебраться в Англию, и Соломон объяснил: «Ммм, видишь ли, друг мой, я так понимаю, в затруднительной ситуации правительства в большинстве своем принимаются стрелять по своим подданным, но в Англии правительству нужно-таки сперва спросить разрешения. А самый цимес в том, что никому нет до тебя особого дела, если ты не слишком шумишь. Ммм, такая страна мне нравится. —

Старик помолчал. — Однажды, когда я, как водится, спасался бегством, помню, повстречался мне один довольно лохматый юноша, чтоб он был здоров, который заверил меня, что в один прекрасный день мы покончим со старым миром. Мы тогда от казаков прятались. Порою я, ммм, гадаю, что случилось с молодым Карлом...»

После ужина — такого вкусного, что просто пальчики оближешь, — Соломон с Финтом пошли выгулять Онана, пока солнце катилось к горизонту. Поучительное зрелище представлял собою Соломон, запирающий дверь. Лестница была узкой и шаткой, как и весь дом, как и все вокруг по большей части, но, войдя в мансарду, вы подмечали разницу: стальную арматуру по периметру дверного проема и замок, с виду простенький, а на самом деле чрезвычайно сложный — Соломон его сам смастерил. Чтобы вломиться внутрь, понадобилась бы небольшая армия, и даже Финту приходилось стучаться особым образом, прежде чем Соломон ему отперет. Некогда мальчишка спросил Соломона, зачем столько хлопот, старик ответил: «Живу долго» — и пояснять не стал.

В медовом зареве вечернего солнца улицы немного смахивали на волшебную страну — очень и очень немного, надо признаться. Но солнце словно бы исцеляло город от грызни, свар и обид дня; несколько ларьков еще не закрылись, и хозяева зажигали лампы по мере

того, как свет угасал. Вокруг царили мир и благодать — но ты-то знал, что это лишь пересменок, следом за людьми дня придут люди ночи, в точности как ночь приходит следом за днем, вот только день в общем и целом не имеет привычки шарить в карманах ночи.

Финт с Соломоном выпили пивка в винной лавке; и Онану тоже перепало. Финт рассказал Солу об Онановой находке в канализации и о своих планах наведаться в особняк Мэйхью, чтобы пригласить Симплисити на прогулку по возможности уже завтра. Наконец усталые друзья зашагали обратно в мансарду.

По пути Финт заметил, как что-то ослепительно-яркое сияет в дымном воздухе, и полюбопытствовал:

— Сол, это чего такое? Ангел небось?

Спросил он скорее в шутку, но Соломон ответил:

— Ммм, мой опыт общения с ангелами довольно ограничен, мальчик мой, хотя я верю, что они существуют, ммм; однако именно этот ангел, если не ошибаюсь, таки планета Юпитер.

Финт, сощурившись, вгляделся в светящуюся точку.

— А это еще что за зверь такой?

Сол ему чего только не рассказывал; но тут запахло чем-то новеньким.

— А ты не знаешь? Юпитер — это огромный мир, гораздо больше нашей Земли.

Финт вытаращил глаза.

— Ты хочешь сказать, Юпитер — это мир, в котором живут люди?

— Ммм, полагаю, на этот счет у астрономической науки готового ответа нет, ммм, но я таки допускаю, что живут, иначе на что такой мир сдался? И знаешь, что я тебе скажу? Ммм, я скажу тебе, что это таки лишь одна из нескольких планет, то есть миров, которые обращаются вокруг солнца.

— Чего? Я думал, это солнце вращается вокруг нас. Мы ж своими глазами это видим; разве может быть иначе?

Финт окончательно запутался, а вдумчивый голос Соломона между тем продолжал:

— Ммм, таки сомневаться не приходится; это доподлинно установленный факт. Тебе, возможно, также небезынтересно будет узнать, что у планеты Юпитер есть четыре луны и все они обращаются вокруг нее, как наша луна вокруг Земли.

— Это еще как? Ты же только что сказал, это мы вращаемся вокруг солнца. А луна тогда куда вращается? Тоже вокруг солнца, нет?

— Действительно, луна вращается вокруг Земли; они вместе вращаются вокруг солнца, и действительно, ммм, я таки могу заверить тебя, что насчет лун Юпитера все чистая правда, потому что я, в бытность свою в Голландии, своими глазами наблюдал их в телескоп.

Финту казалось, у него голова того гляди лопнет. Надо же, чего выясняется-то! Ты вста-

ешь поутру, ты ходишь по своим делам, ты думаешь, будто знаешь все, что только можно, и вдруг оказывается, что там, вверху, в небесах, все вращается волчком. Финт прямо готов был возмутиться, что его не посвятили в эту тайну раньше. По дороге он жадно слушал, пока Соломон извлекал из недр памяти разнообразные астрономические сведения. Процесс закончился, когда Финт спросил:

— А мы в этих мирах побывать можем?

— Ммм, очень маловероятно, они таки слишком далеко.

Финт призадумался.

— Дальше, чем Бристоль, да? — Про Бристоль он слышал — кажется, это крупный портовый город, но уж всяко поменьше Лондона.

Соломон вздохнул.

— Увы, Финт, гораздо, гораздо дальше Бристоля; даже еще дальше, чем Земля Ван-Димена* — а это, сдается мне, самая удаленная от нас точка, на другой стороне земного шара.

Финту казалось, что все, о чем рассказывает Соломон, впивается в него на манер серебряной булавки: не больно, но здорово будоражит. Перед ним открывался огромный мир, раскинувшийся далеко за пределами подземных туннелей, — и в мире этом полным-полно всего такого, о чем он, Финт, до нынешнего дня даже

---

* Первоначально название острова Тасмания; переименована в 1856 г. (*Прим перев.*)

не подозревал. Его словно встряхнуло: а ведь ему *хочется* обо всем об этом узнать. Подумал Финт и о Симплисити: вдруг она еще больше заинтересуется молодым человеком, который в таких вещах сечет, — и осознал, до чего ж ему не терпится снова ее увидеть.

Поднимаясь по лестнице, Соломон обронил:

— Если бы ты, Финт, лучше разбирался в буквах, я, пожалуй, мог бы заинтересовать тебя трудами сэра Исаака Ньютона. А теперь пойдем внутрь, что-то сыrovато становится. Ммм, ты меня про ангелов спрашивал; ангелы — это, ммм, посланники, так что, думается, все то, что дает тебе новые знания, может считаться ангелом, милый мой Финт.

— А я думал, они носят послания от Бога?

Соломон вздохнул, приступая к нелегкому процессу отпираания двери.

— Ммм, ну что ж, — промолвил он, — если однажды ты перестанешь возиться в... невесть чем, я, пожалуй, потолковал бы с тобой о трудах философа Спинозы, который таки помог бы расширить твой кругозор — насколько я вижу, в голове у тебя свободного места хоть отбавляй — и познакомил бы тебя с понятием атеизма, что со всей определенностью оспаривает веру в Бога. Что до меня, бывают дни, когда я в Бога верю, а бывают, когда нет.

— А так разве можно? — удивился Финт.

Соломон толкнул дверь — и, едва войдя внутрь, принялся суетливо ее запирасть.

— Финт, тебе не понять уникальной договоренности между еврейским народом и Богом. — Старик оглянулся на Онана и добавил: — Мы таки не всегда друг с другом согласны. Вот ты спросил про ангелов. А я говорю о людях. Но кто такие люди, скажите на милость, чтобы наделять способностью к любви только себе подобных? Где есть любовь, ммм, непременно должна быть и душа; однако Господь, как ни странно, по-видимому, считает, что души есть только у людей. Я Ему долго втолковывал, почему Ему следует, ммм, пересмотреть Свою позицию в этом вопросе, тем более что какое-то время назад, задолго до того, как я повстречал тебя, однажды я столкнулся с одним перевозбужденным джентльменом, вооруженным убежденностью в том, что всех евреев надо мочить — а тако же и весомым железным прутком, — и надо отметить, что подобная ситуация была мне, ммм, не внове. Онан, в ту пору еще щенок, доблестно тяпнул перевозбужденного джентльмена за неназываемые и тем самым отвлек внимание на себя, так что я сумел сбить его с ног с помощью одного, ммм, приема, усвоенного в Париже. Кто скажет, что этот поступок не был подсказан любовью, тем более что, пытаясь любой ценой защитить меня, Онан в награду за свою самоотверженность получил сокрушительные удары, которые, возможно, и сделали его таким, каков он есть. Ммм, а теперь я таки устал и намерен погасить свет.

В темноте Финт ворочался на своем тюфяке; Онан жадно следил за ним, в надежде, что сегодня как раз одна из таких ночей, когда достаточно зябко, чтобы Финт захотел разделить тонкий тюфяк с пахучей собаченькой. Во взгляде его светилась безоговорочная любовь: такую способна испытывать только собака — собака, несомненно, наделенная душой. Но Онан был собакой до мозга костей, так что метафизика его по сложности заметно уступала человеческой, хотя иногда у него приключался некоторый кризис двоебожия: был бог старый, от которого пахло мылом, и молодой, от которого восхитительно пахло всем на свете — во всяком случае, когда он возвращался из туннелей, и для чувств Онана Финт был что радуга в калейдоскопе. Исполненный надежды пес сосредоточил на Финте всю мучительную искренность своей любви, и Финт сдался — как всегда.

В комнатухе воцарились тишина и тьма; лишь тихонько похрапывал Соломон, да сумеречный свет просачивался сквозь грязное оконце, да звучал запах Онана — каким-то непостижимым образом его улавливало даже ухо.

Снаружи, на улице, застыл одинокий наблюдатель, жалея про себя, что рядом нет второго такого же, потому что одинокий наблюдатель поутру, чего доброго, окажется одиноким трупом, если, конечно, трупы способны ощутить себя трупами — такого рода философские парадоксы очень любил Соломон.

Наверху, в мансарде, Финт спал и во сне слушал, как над головой кружатся планеты, перемежаясь видениями девушки с золотыми волосами.

На следующее утро Финт подскочил еще раньше Соломона; обычно, если никаких планов на день у него не было, он нежился под одеялом до тех пор, пока Онан не принимался вылизывать ему лицо — а ощутить такое дважды никому не захочется.

Соломон не сказал ни слова: он стряпал суп, которому суждено было послужить завтраком, — но Финт заметил, что старик улыбается про себя. Благодаря Соломоновой магии и его связям в Ковент-Гардене самая обычная каша-размазня превращалась в изысканный суп: Финт полагал, что вкуснее никто не сварит, даже Мари-Джо. Но вот Финт отложил ложку.

— Спасибо, Сол, было очень вкусно, но мне пора.

— Ммм, никуда тебе не пора, пока ботинки не почистишь. Ты ж теперь почти джентльмен, по крайней мере при очень плохом свете, и на тебя возложена миссия, ммм, великой важности, так что тебе надо выглядеть как картинка, тем более сегодня, в преддверии новой встречи с мисс Симплисити. В этом городе и без того трудно быть представителем избранного народа; еще не хватало, чтоб меня обвинили в том, что отпускаю такого справного паренька из дому без прилич-

ного шмуттера; да меня опять камнями забросают! И только попробуй запачкать костюм — чтоб когда вернулся, на нем ни пятнышка не было! А теперь ботинки, мальчик. — Соломон отпер один из сейфов и протянул Финту металлическую коробочку со словами: — Вот это — настоящая вакса, самое то, даже пахнет приятно, ммм, не то что этот твой поганый свиной жир! Придется тебе потрудиться в поте лица своего: таки будешь надраивать свои подержанные ботинки до тех пор, пока не сможешь разглядеть в них свою не первой свежести физиономию; кстати, о физиономии, вот чем ты займешься после: с физиономией твоей придется повозиться не меньше, чем с ботинками, поскольку вчера вечером ты, ммм, не умылся как следует.

Не давая Финту возразить, Соломон продолжил:

— А потом, пора бы тебе зарубить на носу: то, что ты называешь своими волосами, на самом деле хуже, ммм, монгольских штанов, а это, уж поверь мне, штаны не для слабых духом, сплошь шерсть и ошметки яка; скажу больше, молоком яка монголы, как я понимаю, умащают волосы по особым случаям. Так что, поскольку мне таки не хотелось бы бежать в другую страну, ммм, после того как ты приведешь себя в порядок и станешь похож на доброго христианина — потому что, милый мой мальчик, шансы сделать из тебя приличного еврея, по счастью, невелики, — предлагаю тебе пойти найти насто-

ящего цирюльника и подстричься и побриться у профессионала, а не с помощью, ммм, старика, у которого от усталости руки дрожат.

Финт умел худо-бедно бриться самостоятельно, — хотя, по правде сказать, брить ему было покамест почти нечего, — но он в жизни не стригся как следует, в настоящей цирюльне. Обычно он делал все сам — забрав волосы в горсть, оттяпывал лишнее ножом, а Соломон служил говорящим зеркалом: старик просто стоял перед ним и говорил, где откромсать побольше. Результат, понятное дело, оставлял желать много лучшего — много, очень много; а потом еще полагалось пройтись расческой-вошегонкой, неудобная штука, и это еще мягко сказано, зато зуд унимается. И до чего ж приятно видеть, как мелкие тварюки сыплются на пол, и потом попрыгать по ним, зная, что на ближайшие несколько дней, по крайней мере, ты уже не вшивый олух.

Финт запустил пальцы в волосы — Соломон называл этот метод «германской расческой» — и вынужден был признать, что Сол прав — вот здесь, над бровями, есть простор для совершенствования.

— Я знаю одну цирюльню: видел давеча на Флит-стрит.

Времени еще полно, думал про себя Финт, надраивая ботинки, как велено, в поте лица своего заодно с новообретенной ваксой. Соломон стоял тут же, не давая отлынивать; он упомянул

к слову, что ваксу купил в Польше. Похоже, нет числа странам, где Соломон побывал — и откуда в спешке уносил ноги; нечестно вынуждать его снова сниматься с места.

Финт вдруг вспомнил, как Соломон однажды достал из сейфа пепербокс — многоствольный револьвер.

«Тебе он на что?» — спросил мальчишка тогда. А Соломон, помнится, отвечал:

«Пуганая ворона куста боится. Ну да не так уж и боится, на самом-то деле...»

Начистив ботинки к вящему удовлетворению старика — а угодить тому было непросто, — Финт бегом кинулся в направлении Флит-стрит. На улицах потеплело; и до чего же приятно было чувствовать себя чистым, хотя подержанные шмотки кое-какие сомнения вызывали: все тело свербело и чесалось! Выглядел костюм сногшибательно, очень хотелось пройтись по улице с этакой валяжной небрежностью, но все впечатление портил тот факт, что каждую минуту Финт принимался почесываться. Зуду на месте не сиделось, игривый такой зуд попался, ему хотелось поиграть в прятки, он то шмыгнет в ботинки, то обнаружится за ушами, а то проворно проберется в пах, где с ним довольно сложно побороться в публичном месте. Наконец Финт решил, что стоит ускорить шаг — глядишь, станет легче, — и, чуть запыхавшись, вскорости уже стоял перед цирюльней, которую заприметил вчера. Он впервые взглянул на

именную табличку на двери — и с трудом разобрал: «Мистер Суини Тодд, брадобрей».

Финт вошел внутрь; помещение казалось пустым — но вот он углядел бледного беспокойного человечка; забившись в парикмахерское кресло, он что-то пил: как оказалось, кофе. При виде Финта брадобрей вздохнул, отряхнул фартук и с вымученной веселостью воскликнул:

— Доброе утро, сэр! Превосходное утречко! Чего желаете?

По крайней мере, он честно *попытался* вложить в приветствие хоть сколько-нибудь веселья, но с первого взгляда было понятно — чего нет, того нет. Финт в жизни не видел такой скорбной мины, если не считать того случая, когда Онан опозорился больше обычного, сожрав Соломонов ужин, едва старик отвернулся.

Мистер Тодд был со всей очевидностью не из породы весельчаков; уныние к нему словно прилипло; мать-природа скорее предназначала его на роль немого плакальщика, в чьи обязанности входит с подобающе горестным видом сопровождать гроб на кладбище, не произнося ни слова — иначе на два пенса дороже выйдет. Если бы мистер Тодд признал очевидное и не пытался изображать бодрячка, всем было бы легче; это ж все равно что череп нарумянить. Финт заворуженно наблюдал. «Может, цирюльнички все такие, — думал он про себя. — В конце концов, мне всего-то нужно, что постричься и побриться».

С замирающим сердцем Финт опустился в кресло, а Суини набросил на него белую простыню — жест этот можно было бы назвать театральным, если бы Суини справился с первого раза. Финт вдруг ощутил какой-то смутный, неотвязный запах — откуда-то потянуло гнилостной вонью, к которой примешивались ароматы мыла и лосьонов в баночках. «Тут ведь не мясная лавка, — подумал Финт, — так что держу пари, владелец дома взял да и пробил дыру из сортира прямо в канализацию — как только людям не стыдно!»

Простыня обмоталась вокруг Финтовой шеи — злополучный Суини тотчас же ее снял, многоречиво извиняясь и заверяя, что больше такого не повторится. Повторилось. Причем дважды. На третий раз простыня накрыла Финта более-менее приемлемым для обоих образом, и вспотевший Суини приступил к работе. Кто-то когда-то, вероятно, сказал мистеру Тодду, что цирюльник, в придачу к парикмахерским умениям, должен заучить целую библиотеку шуток, анекдотов и разнообразных острот, в том числе такие, что содержат пикантные замечания о юных барышнях — если в кресле окажется джентльмен подходящего возраста и характера. Однако тот, кто дал подобный совет, просто не учел, что Суини напрочь лишен всего того, что называется живостью, веселостью, беззаботностью или хотя бы элементарным чувством юмора.

Тем не менее Финт видел: мистер Тодд очень старается. Ох ты ж, как же он старался, прямо из кожи вон лез, пока правил бритву на ремне, — перевирал анекдоты, забывал ключевые фразы и, о ужас, хохотал над своей же шуткой, так неуклюже пересказанной. Но наконец Суини посчитал лезвие достаточно острым — и настал черед пены для бритья; ею цирюльник занялся, едва отложив бритву, сверкающим лезвием строго на север — чтобы не затупилось.

Прикованный к креслу Финт благоговейно наблюдал за происходящим; мысли его то и дело перескакивали от зрелища цирюльниковых приготовлений к образу более отрадному: то-то восхитится Симплисити при виде того, как он прифрантился — елы-палы, ни дать ни взять настоящий молодой джентльмен! Вдруг Финт заметил, что пальцы брадобрея все покрыты шрамами; хотя эта небольшая проблема ему, похоже, не мешала: Суини проворно взбивал пену с маниакальным энтузиазмом циркового клоуна. Пена летела во все стороны; перенасыщенная воздухом, она казалась почти управляемой, под стать дирижаблям: она плыла по ветру, словно стремясь поскорее вырваться за пределы этого места; то же самое желание теперь обуревало и Финта — тем более что снова потянуло гнилостным запахом: тяжелый и неприятный, он постепенно заполнял собою комнату.

— Вы в порядке, мистер Тодд? — спросил Финт. — У вас руки слегка дрожат, мистер Тодд.

Лицо цирюльника напоминало стальную маску, если, конечно, сталь способна потеть; Суини раскачивался из стороны в сторону, а глаза его, словно две дыры в снегу, глядели в нездешнюю даль, неведь куда, неведь на что. Финт принялся украдкой выпутываться из простыни, не сводя бдительного взгляда с мистера Тодда. Ох ты ж, вот те на, а теперь мистер Тодд забормотал что-то себе под нос: слова мешались друг с другом, пытаясь вырваться на волю, а некоторые так торопились удрать от раскачивающегося брадобрея, что обгоняли сами себя.

Глядь, а Суини уже стоит между Финтом и дверью на улицу и размахивает блестящим лезвием, как новобрачная по завершении обряда, высматривая, кто поймает букет...

Финт, надеясь, что не выдаст себя оглушительным стуком сердца, спокойно проговорил:

— Мистер Тодд, расскажите, что такое вы видите; наверняка что-то ужасное. Я могу вам помочь?

Бум, бум, колотилось сердце, но Финт словно не слышал. И Суини Тодд, к несчастью, тоже; его бормотание временами начинало звучать чуть более внятно. Стараясь не делать резких движений, Финт медленно и осторожно приподнялся с кресла и встал на ноги, размышляя про себя: может, опиум? Он принюхался — лучше бы он этого не делал! — нет, спиртом от этого человека тоже не пахнет. Как можно более мягким голосом Финт произнес:

— На что вы такое смотрите, мистер Тодд?

— Они... они возвращаются. Да, да, возвращаются, хотят забрать меня с собой... Я их помню... Вы, сэр, знаете, на что способно пушечное ядро? Иногда они подпрыгивают вверх-вниз, так забавно, ха, а еще — катятся по земле, и какой-нибудь парнишка... да, совсем зеленый парнишка с фермы в Дорсете или Ирландии, у которого голова битком набита всяким вздором про бои и битвы, а в кармане — неумело нарисованный портрет его девушки, а он ведь и впрямь запал ей в душу, как же — храбрый воин, едет сражаться с Бони... Этот юный герой видит, как страшное ядро катится по траве, — ни дать ни взять игра в кегли! — и как распоследний идиот зовет своих приятелей, тех, что выжили, и бежит пнуть его хорошенько, зная не зная, сколько в том ядре еще осталось силы. Хватит, чтобы оторвать ему ногу, и не только ногу. Цирюльник и хирург, это я, скорее хирург, чем цирюльник на поле боя, оно отчасти сродни скотобойне, но платят малость получше... Я их вижу перед собой, наяву... люди изломанные, изувеченные, творения Господа, изуродованные до неузнаваемости, страшно, страшно... вон они идут... они идут, они всегда идут, наши славные герои, одни служат глазами тем, кто ослеп, другие тащат тех, кто обезножил, а третьи кричат за тех, кто лишился голоса...

Бритва кружила и танцевала в воздухе, гипнотизируя взгляд, взад и вперед, туда-сюда, а

Финт медленно подбирался к вспотевшему цирюльнику.

— Бинтов не хватало, лекарств не хватало, не хватало самой... жизни... — бормотал Суини Тодд. — Я пытался. Я никогда не угрожал оружием другому, я только пытался помочь, там, где лучшая помощь — это милосердный нож, и все-таки они приходят... они приходят сюда... все время... ищут меня... Говорят, что они не мертвы, но я-то знаю. Мертвы, а ходят. Ох! Как жалко, как жалко...

Тут Финтова рука, что уже некоторое время следовала за прихотливым полетом непредсказуемого лезвия, мягко поймала кисть, его сжимавшую, и Финту показалось, будто он и сам видит этих солдат — так гипнотизировало волнообразное движение бритвы; он чувствовал, будто его против воли тащат к какому-то ужасному финалу, — но тут внутренний Финт, мастер по части выживания, очнулся, отсалютовал, взял под контроль Финтову руку и аккуратно и осторожно вынул бритву из пальцев Суини Тодда.

Тот продолжал раскачиваться: он словно ничего не заметил. Неотрывно глядя туда, куда так не хотел смотреть Финт, он просто выпустил бритву и рухнул в кресло. Вокруг него тихо оседала пена.

Лишь тогда Финт осознал, что они не одни, — пока он погружался в призрачный мир Суини Тодда, в дверном проеме — и вели они

себя на диво тихо для своего брата! — возникли двое пилеров: обильно потея, они пялились во все глаза на него и на бедного брадобрея. Один из пилеров воскликнул: «Матерь Божья Пресвятая Богородица!» — и оба отпрыгнули назад, — а Финт сложил бритву и убрал ее в карман от греха подальше. А затем обернулся, жизнерадостно улыбнулся пилерам и поинтересовался:

— Я могу вам чем-нибудь помочь, джентльмены?

После чего мир обезумел — ну, чуть больше, чем до того. Финта обступили люди, в тесную цирюльню пилеров набилось, что сельдей в бочке; они устремились в глубину комнаты, загремел замок, гроыхнул удар ноги, где-то вдалеке послышались страшные ругательства. Волна трупной вони поистине кладбищенского размаха прокатилась через все помещение под вопли толпы, Финта внезапно затошнило — и при этом, как ни странно, он слегка подосадовал, что так и не удалось подстричься.

Снаружи засвистели полицейские свистки, в цирюльню ворвались еще пилеры, двое подхватили опрокинувшегося и, вероятно, бесчувственного мистера Суини Тодда; по лицу его бежали слезы. Его тут же выволокли наружу, а Финт остался в кресле в эпицентре тарарама, достаточно шумного, чтобы приписать к нему еще одно «ра», а то и «рам». Со всех сторон на Финта глядели чьи-то лица, стоило ему ше-

вельнуться, и над толпой прокатывалось сдавленное аханье; все еще не вполне понимая, на каком он свете, он смутно слышал голос одного из пилеров, что как раз вышел из подвала со словами:

— Он просто стоял. В смысле, вот просто стоял как влитой, лицом к лицу с этим типом, не моргнув и глазом, выжидая удобного момента, чтобы выхватить страшное оружие! Мы ни слова не смели произнести, потому что видели: преступник вроде как во сне — во сне размахивает смертельным оружием! Что я могу сказать? Умоляю вас, леди и джентльмены, не нужно спускаться в подвал. Не нужно, прошу вас; потому что если спуститесь, вы там такое увидите, что не порадуетесь. Фред, не пускай их! Назвать это кровавой бойней — значит ничего не сказать. Поверьте моему слову, я знаю, что говорю, — я ж в прошлом солдат. Я при Талавере* сражался — и там был ад крошечный. Но там внизу меня прям наизнанку вывернуло, точно говорю. В смысле, такая там вонь стоит. Неудивительно, что соседи начали жаловаться. Да, сэр, вы, сэр, чем я могу вам помочь?

Словно в тумане, Финт увидел, как следом за пилерами явился не запылился Чарльз Диккенс.

---

* Битва при Талавере (27–28 июля 1809 г.) — сражение между объединенными испано-португало-английскими войсками под командованием сэра Артура Уэсли, будущего герцога Веллингтона, и войсками Французской империи в ходе Пиренейских войн. (*Прим. перев.*)

— Меня зовут Диккенс, — представился Чарли, — и я знаю юного Финта за человека во всех отношениях превосходного и достойного доверия; это тот самый герой, что спас редакцию «Морнинг Кроникл» не далее как позавчера вечером; наверняка вы все об этом уже слышаны.

Финту слегка полегчало, тем более что загремели оглушительные аплодисменты; он ожился еще больше, когда кто-то в толпе заорал:

— Предлагаю устроить подписку для храброго юноши! Даю пять крон!

На этом этапе Финт попытался подняться на ноги, но Чарли Диккенс, склоняясь над ним, мягко толкнул его обратно в кресло, придвинулся совсем близко, так что его губы оказались у самого Финтова уха, и зашептал:

— Было бы уместно слегка застонать, друг мой, вследствие пережитого вами ужаса. Доверьтесь мне как журналисту: вы снова герой дня; жаль будет неосторожным высказыванием испортить весь эффект. — Он придвинулся еще на дюйм и еле слышно добавил: — Вы только послушайте, как они наперебой сулят герою золотые горы; а теперь я осторожно помогу вам подняться на ноги и уведу под сень роскошных чертогов редакции «Кроникл», где настрою такую статью — ничего подобного из-под пера не выходило со времен Цезаря!

Чарли заулыбался. Вот хитрющая лиса, подумал Финт — пока непостижимый мир стреми-

тельно вращался вокруг него и оглушал какофонией звуков. А Чарли наклонился еще ближе и сообщил:

— Кстати, мой бесстрашный друг, вам не-
безынтересно будет узнать: мне только что
сообщили, что мистер Суини Тодд этой своей
бритвой перерезал глотку шести джентльме-
нам, что заходили к нему на неделе подстричься
и побриться. Если бы не ваша почти волшебная
реакция, вы бы стали седьмым. Это были мои
лучшие брюки! — взревел, или, скорее, завопил
он, потому что Финт внезапно изверг из себя
завтрак прямо на Чарли.

Спустя какое-то время Финт уже воссе-
дал за длинным столом в кабинете редактора
«Кроникл», мечтая поскорее поспешить к Сим-
писити. Напротив него устроился Чарли —
он почти не злился, потому что с тех пор, бу-
дучи человеком со средствами, приобрел себе
новую пару брюк, а пострадавшую отослал в
чистку. Внутренняя перегородка кабинета до-
ходила до половины высоты стены, так что
работники отдела новостей, проходя мимо,
видели, что происходит внутри, — а сейчас
любопытные шастали туда-сюда прямо толпа-
ми. И задерживались тоже: каждый писатель,
журналист и печатник находили повод погла-
зеть на юношу, который, если верить волшеб-
ному уличному телеграфу, уложил на обе лопат-
ки кошмарного Демона-Цирюльника с Флит-
стрит.

Финта все это начинало не на шутку раздражать.

— Да я его, почитай, пальцем не тронул! Просто осторожно толкнул вниз и отобрал из рук треклятую бритву, вот и все! Честно! Он ведь, казалось, словно опиума наелся или что-то вроде, потому что он видел мертвых солдат — мертвецы шли к нему навстречу, клянусь, и он с ними разговаривал — ему вроде как стыдно было, что он не сумел их спасти. Сущая правда, мистер Чарли, я вам клянусь, я их тоже видел, если на то пошло! Бедолаги, которых взрывом на ошметки разорвало! Хуже того, люди, которых разорвало только до половины, они кричали от боли! Он не демон, мистер, хотя, сдается мне, побывал в аду, а я никакой не герой, сэр, ну вот нисколько не герой. Он не гад, он не в себе, ему плохо, он в уме тронулся. Вот и все, сэр, вся подноготная, сэр. И эту самую правду вам надо записать. В смысле, я никакой не герой, потому что мне думается, он не злодей, сэр, если понимаете, к чему я клоню.

В сияющей чистотой комнатухе повисла тишина, отчасти заполненная пристальным взглядом Чарли. Тикали часы; даже не оборачиваясь, Финт чувствовал: сотрудники редакции по-прежнему не упускают случая на него полюбоваться — на скромного и непритязательного героя дня. Чарли неотрывно смотрел на него, поигрывая пером. Наконец он со вздохом проговорил:

— Дорогой мой мистер Финт, правда — штука непростая; это, чтоб вы знали, сложная конструкция под стать Небесам. Нам, журналистам, простым работникам пера, приходится вычленять из нее те истины, что человечество — а оно не под стать Богу — сумеет понять. В этом смысле все на свете люди — писатели и журналисты: каждый сочиняет внутри собственной головы повесть о том, что видел и слышал, не смотря на то что человек, сидящий напротив, возможно, составит совершенно иное представление о природе события. В этом — спасение журнализма и его проклятие: осознание того, что на голову ломку почти всегда можно взглянуть с разных точек зрения.

Чарли еще поиграл пером — и со смущенным видом продолжил:

— В конце концов, мой юный Финт, кто вы такой? Благородный молодой человек, отважный и решительный и, очевидно, вообще не знающий, что такое страх? Или, может быть, — предположу, что так! — уличный голодранец, в избытке наделенный звериной хитростью и удачливостью самого Вельзевула. Так я скажу вам, мой друг, что вы — и то и другое, включая все многообразие оттенков между ними. А мистер Тодд? Он в самом деле демон? — те шестеро из подвала подтвердили бы, что да! Если бы, конечно, могли заговорить. Или он жертва, как вы предпочитаете думать? Где же правда? — спросите вы, если бы я дал вам шанс

заговорить; а я пока что не дам. Мой ответ вам таков: правда — это туман, в котором один видит небесное воинство, а другой — летающего слона.

Финт попытался запротестовать. Никаких небесных воинств он в жизни не видел, равно как и слонов — он понятия не имеет, что это, — хотя готов поставить шиллинг, что Соломон, верно, в своих странствиях повидал и то и другое.

Но Чарли как ни в чем не бывало продолжал:

— Пилеры видели, как молодой человек одолел убийцу, размахивавшего кошмарным оружием, и на данный момент это — правда, которую нам следует напечатать в газете и восславить. Однако я добавлю ноту — скажем так, несколько иного свойства — и сообщу, что герой дня тем не менее сжалился над несчастным, понимая, что тот повредился в уме, насмотревшись на ужасы недавних войн. Я напишу, как вы красноречиво доказывали мне, что мистер Тодд сам — жертва войны, как и покойники из его подвала. Я доведу ваше мнение до сведения властей. Война — это страшно; многие возвращаются домой израненными, пусть раны их и не видны взгляду.

— Это вы здорово придумали, мистер Чарли, — менять мир с помощью росчерка пера по бумаге.

Чарли вздохнул.

— Не факт, что получится. Его либо повесят — либо отправят в Бедлам. Если не повезет — потому что я сомневаюсь, что у него

хватит денег оплатить комфортное там пребывание, — то в Бедлам. Кстати, я буду очень признателен, если вы заглянете завтра в «Панч», чтобы наш художник, мистер Тенниел, нарисовал ваш портрет для печати.

Финт пытался осмыслить услышанное.

— Вы устраиваете представления с Панчем и Джуди?

— Нет, я не устраиваю никаких представлений. «Панч» — это новое периодическое издание, журнал про политику, литературу и юмор, а юмор — на случай, если вы не знаете, — это то, что способно рассмешить и по возможности заставить призадуматься. Один из основателей «Панча» — мистер Мэйхью, наш общий друг. — У Чарли внезапно отвисла челюсть, и он лихорадочно нацарапал несколько слов на листе бумаги. — Ну, ступайте, радуйтесь жизни и, будьте так добры, возвращайтесь сюда завтра как можно раньше.

— Прошу прощения, сэр, но у меня в любом случае сейчас назначена деловая встреча, — промолвил Финт.

— У вас назначена *деловая встреча*, мистер Финт? Право слово, вы очень разносторонняя личность.

Уже выбегая из издательства, Финт гадал про себя, что такого Чарли имел в виду. Черт его подери, если он подступится к Чарли с вопросом; но он выяснит, что это значит, как можно скорее. Так, на всякий случай.

ГЛАВА 8

Молодой человек приглашает свою девушку
на оздоровительную прогулку, а миссис
Шарплис становится послушной и кроткой

Финт со всех ног бежал к особняку Мэйхью, а перед его мысленным взором маячили развеселая физиономия и крючковатый нос мистера Панча, который избивает жену, мутузит полицейского и выбрасывает из окна младенца — а все дети хохочут. Чего тут смешного? — недоумевал Финт. Чего тут *вообще* смешного? Он прожил на улицах семнадцать лет и знал — смешно там или не смешно, но это правда жизни. Не всегда, конечно, но частенько, если человек опустился совсем низко, ему не приходит в голову ничего лучше, как драться: он бьет жену, бьет ребенка и рано или поздно попытается ударить палача, да только этот удар никогда не достигнет цели, и, о, как хохотали дети над мистером Панчем! Но Симплисити не смеялась...

Припустив быстрее, Финт добрался до места, если верить лондонским колоколам, при-

мерно к тому времени, когда с ланчем только что покончили. Расхрабрившись, Финт направился к парадной двери — в конце концов, он юный джентльмен, которому назначена *деловая встреча*, — и позвонил в звонок. Он шагнул назад — дверь открыла миссис Шарплис, выдала ему ненавидящий взгляд и тут же захлопнула дверь, расписки не дождавшись.

Несколько секунд Финт глядел на демонстративно закрытую дверь и думал: «А я откладываюсь в это верить». Он выпрямился, отряхнул пиджак и снова схватился за шнурок звонка; и трезвонил до тех пор, пока наконец дверь не открыла та же самая особа. Но Финт был к тому готов; она еще и рта в полную ширь не открыла, как он выпалил:

— Нынче утром я победил Демона-Цирюльника с Флит-стрит, и если вы меня не впустите, посмотрим, что скажет на это мистер Диккенс в своей газете! — Экономка кинулась в дом, а Финт крикнул ей вслед: — Большими буквами!

Он еще подождал у открытой двери, и очень скоро навстречу ему вышла миссис Мэйхью, улыбаясь так, словно не была вполне уверена, уместна ли тут улыбка. Не доходя нескольких шагов, она, понизив голос, осведомилась тоном человека, ожидающего услышать в ответ самую что ни на есть вопиющую ложь:

— Это правда, молодой человек, что нынче утром вы победили кровожаднейшего из злодеев на Флит-стрит? Мне кухарка рассказала; и,

если верить мальчишке из мясной лавки, о новостях уже весь Лондон судачит. Неужели это в самом деле были вы?

Финт вспомнил, как Чарли объяснял про туман. Подумал о том, что хочет снова увидеть Симплисити, попытался принять вид одновременно застенчивый и героический. Но все же заставил себя признаться:

— Ох, миссис Мэйхью, оно все прямо как в тумане.

Это сработало; миссис Мэйхью заговорила снова:

— Полагаю, мистер Финт, вы не слишком удивитесь, что сама Симплисити после вашего недавнего визита ясно дала нам понять, что хотела бы выйти на солнышко на оздоровительную прогулку вместе с вами, как вы тогда предложили. Поскольку денек выдался такой погожий, а здоровье мисс Симплисити явно идет на поправку, я не нашла в себе сил отказать ей в просьбе. Но, как мы уже говорили, отпустить вас без присмотра я не могу: вас будет сопровождать компаньонка.

Финт позволил небольшой паузе воцариться — и тут же отречься от престола. Он попытался воспроизвести тот характерный звук, с которого Соломон начинал разговор, добавляя ему приятности и задушевности, и промолвил:

— Ммм, я вам бесконечно признателен, мадам, и, раз уж зашла речь, если вы не возра-

жаете, мне бы где-нибудь посидеть тихонько, прийти в себя да отдышаться, пока Симплисити собирается. Мне все-таки здорово досталось.

Миссис Мэйхью тотчас же по-матерински захлопотала над гостем.

— Ох, бедный, милый мальчик! — воскликнула она. — Как вы, должно быть, страдаете! Вы серьезно ранены? Не послать ли за доктором? Может, вы приляжете?

Финт поспешил задавить грядущий кошмар в зародыше и, не переводя дыхания, запротестовал:

— Нет-нет, пожалуйста, не надо, мне бы просто побыть одному минуту-другую, чтоб оправиться, если не возражаете. Мне сразу легче.

Суется, как курица вокруг единственного цыпленка, миссис Мэйхью повела гостя по коридору и открыла дверь в комнатку, всю отделанную белой и черной плиткой, с великолепным клозетом, не говоря уже об умывальном тазике. Тут же стоял кувшин с водой.

Едва оставшись один, вдали от посторонних глаз, Финт попытался с помощью воды хоть что-нибудь сделать с волосами, которых, по счастью, не коснулись заботливые руки мистера Тодда, кое-как привел себя в порядок и воспользовался клозетом. И подумал: что ж, в глазах миссис Мэйхью он герой, но речь-то идет о Симплисити, верно? А сама Симплисити вроде бы отлично поняла все то, что он сказал

накануне, — и сама была крайне заинтересована в этой прогулке.

Финт в жизни не слышал афоризма «цель оправдывает средства», но, учитывая, где и как он рос, этот принцип вошел в плоть и кровь. Так что, выждав некоторое время и картинно постолав малость, Финт вновь перевоплотился в героя и вышел из отхожего места, готовый к встрече со своей юной леди.

Миссис Шарплис ждала в прихожей; на сей раз она взглянула на Финта не без робости — как и полагается смотреть на человека, попавшего в новости, и какие новости! А поскольку день выдался такой хороший, у Финта хватило великодушия одарить ее сдержанной улыбкой; ответом ему была жеманная гримаска, наводившая на мысль, что военные действия хоть и не вовсе позабыты, но по крайней мере временно приостановлены. В конце концов, он сейчас — раненый герой, а это что-нибудь да значит, даже для таких, как миссис Шарплис.

Однако Финт заметил, что миссис Шарплис взяла со столика в прихожей записную книжечку — люди такими пользуются для заметок, к ним еще крохотный карандашик на шнурке крепится. Значит, экономка полагает, у нее будет *повод* что-то записать. Финт, который всегда держался от алфавита подальше, внезапно пожалел, что так и не занялся вплотную столь занудным делом, как чтение, — оно всяко лучше, чем разбирать буквы медленно, по одной за раз.

Поздно, слишком поздно! — наверху лестницы возникло какое-то движение, и миссис Мэйхью сошла вниз, ведя за руку Симплисити, — она спускалась очень осторожно, сперва нащупывая одной ногою нужную ступеньку и только потом переставляя вторую ногу. Это заняло какое-то время, по ощущениям Финта, где-то с год, пока обе дамы наконец не оказались в прихожей.

Миссис Мэйхью улыбнулась ему улыбкой, которая оставляла желать, но Финт глядел только на Симплисити. Он отметил, что миссис Мэйхью заботливо снабдила ее капором и шалью, почти закрывавшими лицо, а значит, по большей части и синяки, которые уже постепенно сходили. Поймав взгляд Финта, Симплисити так и засияла — о да, это было самое настоящее сияние, потому что капор окружал ее на манер ширмы так, что лицо было словно подсвечено.

Финт подал даме руку.

— Здравствуйте, Симплисити; я так рад, что вы согласились выйти со мной на небольшую прогулку.

Симплисити протянула ему ладошку, легонько сжала его пальцы и сказала... что-то, чего Финт не расслышал; она повернула голову чуть в сторону, так что он заметил синяки на ее щеке, и тот груз, что он носил в себе, почти не замечая, внезапно ожил и зашептал ему: «Гады тебе за это ответят!» В тот миг ему померещилось, будто в глазах Симплисити что-то блес-

нуло, как вспыхивает падучая звезда на пути к земле; он такую видел только раз, очень давно и очень далеко, на Хампстед-Хит, а других с тех пор и не случилось, потому что если ты тошер, так на падучие звезды особо рассчитывать не приходится. А Симплисити так и не выпустила его руку, что было необыкновенно приятно, но непрактично, разве что Финт собирался всю дорогу пятиться спиной.

В конце концов Финт осторожно высвободился, обошел девушку кругом, взял за другую руку, все одним движением — никто не пострадал! — и бережно повел ее к калитке, на цыпочках пробираясь через крохотный палисадничек перед домом, где несколько роз пытались изменить мир к лучшему. В наши дни такое все чаще видишь, думал про себя тошер; люди, у которых наконец-то достало денег поселиться в приличном квартале, пытаются даже свои маленькие садики превратить в миниатюрное подобие Букингемского дворца.

Неспешно гулять по Лондону ему доводилось нечасто; в конце концов, он же Финт, проворный и верткий, он нигде не задерживается подолгу, чтоб не сцапали. Но сейчас на руку его опиралась Симплисити, и он понимал, как ей нужна его поддержка, и замедлял поступь, а в результате замедлялись и мысли, так что кусочки головоломки сходились аккуратно и четко, а не наспех и как попало. Финт оглянулся на миссис Шарплис: она шла позади, чуть поот-

став. Время едва перевалило за полдень, в этой части Лондона гулять было одно удовольствие; в ясном солнечном свете он чувствовал себя до странности счастливым и совершенно в своей стихии — под руку с девушкой. Симплисити подстроилась под его шаг; всякий раз, как Финт к ней оборачивался, она улыбалась ему, и вокруг царили мир и покой, которые в трущобах воцаряются разве что к часу ночи, когда мертвецы уже свое откричали, а живые вдребезги пьяны и плевать хотели на всех и вся. Внезапно Финту стало все равно, опознает Симплисити что-нибудь важное или нет; довольно было уже того, что они рука об руку прогуливаются по улице.

Однако ж некая часть Финта, которая финтить и уворачиваться никогда не разучится, направляла его глаза и уши, заставляла вслушиваться в каждый шаг, вглядываться в каждое лицо и наблюдать за каждой тенью, просчитывать, прикидывать, оценивать и делать выводы. Но тут впереди замаячила старуха по прозвищу Дряблая Молли, и Финт сосредоточил внимание на ней.

Дряблая Молли долго представляла для Финта неразрешимую загадку: тошер все ломал голову, откуда берутся цветы, которыми она торгует на улицах, — эти ее хрупкие, изысканные букетики и бутоньерки. Однажды старуха, по лицу которой во все стороны разбегались непоседливые морщины, рассказала ему откуда,

и с тех пор Финт никогда более не смотрел на кладбища прежними глазами. У него аж мурашки пошли по спине; но он рассудил так: наверное, когда ты так стар, что будешь постарше многих, похороненных под твоими ногами, и, стало быть, и сам какого-никакого уважения заслуживаешь, так почему бы и не «позаимствовать» цветочки, рассыпанные по надгробиям свежих могил. Кому с того хуже-то? А если задуматься, так цветы, украденные у незабвенных усопших, которые, посмотрим правде в глаза, уже едва ли способны вдохнуть аромат, тем не менее помогают выжить славной старушке.

Грустно подумать и жутко вообразить, как Молли ночами на кладбище методично собирает цветочные венки, чтобы осторожно развешивать их под покровом тьмы и любовно составить букетики для живых. Так ли важно для судеб мира, что мертвецы недосчитаются своих цветов, которых даже не видят, если бедная старая Дряблая Молли, у которой, похоже, последний зуб остался, продержится в живых еще хотя бы ночь. Кроме того, решил Финт, некоторые венки с виду ни дать ни взять целая цветочная лавка, так что цветочком больше, цветочком меньше, для них без разницы; и при этой мысли Финт почувствовал себя чуть лучше.

Вот почему он мягко повлек за собою Симплисити напрямик к старухе, которая с жалким, несчастным видом скорчилась на тротуаре — ей даже притворяться особо не надо было. Финт

отдал шестипенсовик — да, целых шесть пенсов! — за букетик благоуханных цветов. А если покойнички и перевернулись в гробах, так разве потихоньку, спасибо им большое; кроме того, поразмяться им только на пользу.

Вручая цветы Симплисити, он смог сказать только: «Это вам подарок», а она воскликнула — в самом деле воскликнула! — «Ой, розы!» — Финт был уверен, что ему не послышалось. Губы ее задвигались, губы ее сами превратились в розу, произнося эти слова, и сомкнулись снова; кажется, Симплисити сама себе удивилась, а Финту в глубине души снова отчаянно захотелось набить кому-то морду.

И тут девушка произнесла:

— Финт, умоляю вас, я слышала их разговор. Я очень признательна миссис и мистеру Мэйхью, но... все именно так, как я боялась. Я слышала, как они говорили, что будут очень рады, когда меня отошлют назад, под защиту мужа. — В лице ее отразился неизбывный ужас.

Финт оглянулся через плечо на экономку: та держалась в нескольких шагах позади, крепко сжимая записную книжку, и прошептал:

— Сдается мне, вы все-таки не настолько больны, как кажется, да?

Ответом было немое: «Да». На что Финт еле слышно отозвался:

— Не выдавайте себя: им об этом знать незачем. Доверьтесь мне, я позабочусь, чтобы вы от них переехали.

Лицо Симплисити засияло, и девушка тихонько произнесла — так, чтобы никто, кроме него, не услышал:

— Ох, Финт, я так счастлива снова вас видеть. Я каждую ночь плачу, когда вспоминаю ту грозу и как вы прогнали этих ужасных людей, которые... — здесь она чуть замялась, — которые были такими недобрыми, назовем это так.

Этот нежный голос пронзил Финтово сердце, описал круг, вернулся на прежнее место и проделал все сначала. Неужели Симплисити вправду ему почти верит, когда он говорит, что хочет ей помочь? Верит, что он ни в какую игру не играет?

— Я знаю, что ненавидеть дурно, — продолжала девушка, — но их я ненавижу, да! Это из-за них я не могу воспользоваться своим настоящим именем и не смею его кому-нибудь назвать — даже вам пока нет. Пока я должна оставаться Симплисити, хотя не думаю, что я так уж проста.

И хотя солнце сияло по-прежнему и в воздухе разливался мед, Финту померещилось, что за ними следит не только миссис Шарплис; кто-то крался следом. Финт знал об этом просто потому, что на улицах выучиваешься такие вещи затылком чувствовать — это кто-то с протянутой рукой или, не приведи Боже, пилер. Жохом кого попало не назовут — у жоха глаза на заднице, да и лишняя пара на макушке тоже не помешает. Да, кто-то за ними идет, точняк; и не-

бось этот кто-то — тоже при миссии, причем при своей собственной.

Финт выругал себя за то, что не подумал об этом раньше; но, чес-слово, как успеть подумывать обо всем на свете, если ты герой? Быстро сработано, ничего не скажешь; он ведь с расспросами на улицу вышел не далее как вчера. Кто-то очень торопится. Прямо сейчас Финт ничего предпринимать не стал: он просто шел себе вперед, не сбиваясь с шага, — молодой простофиля прогуливается со своей девушкой, моцион совершает и море ему по колено, — а в голове у него уже вертелись колесики, становились под ружье войска, составлялись планы и отыскивались новые перспективы.

Преследователь, кто бы он ни был, держался на расстоянии; и как бы дело ни обернулось, Финт твердо знал: никто не должен обнаружить, где Симплицити живет. Кто бы ни были эти люди, покамест они недостаточно уверены в себе, чтобы напасть прямо здесь, тем более с миссис Шарплис на буксире; этот ее недовольный вид герцогу Веллингтону целого батальона бы стоил.

Так что все трое безмятежно шли себе да шли, как самые обыкновенные люди, но тут старая кошелка подала голос:

— Сдается мне, мы нагулялись, молодой человек; пора бы повернуть *в спять*. Симплицити еще совсем слабенькая, дурную услугу вы ей окажете, если ее сквозняк прохватит.

Голос ее звучал уже не так враждебно, как раньше, и Финт решил, что им ничего не остается, кроме как довериться миссис Шарплис. Он протянул руку, подтащил экономку ближе, к немалому ее удивлению, и зашептал:

— Дамы, сдастся мне, нас преследует какой-то джентльмен — и явно с дурными намерениями. Может, он злоумышляет против Симплисити, а может, и против меня. Ради всего святого и ради вашей службы, умоляю вас, теперь, не говоря ни слова, сверните на следующем углу и подождите там, пока я с этим хмырем разберусь.

К его изумлению, миссис Шарплис зашептала в ответ:

— Я вас недооценила, молодой человек. А если ублюдок полезет в драку, будьте так добры, пните его как следует по неназываемым. Чтоб запомнил! — И лицо ее вновь обрело привычное выражение неприязни ко всем без исключения.

Симплисити фыркнула и промолвила:

— Финт, если получится, утопите его в сточной канаве.

Юноша перехватил изумленный взгляд миссис Шарплис, а Симплисити решительно выпрямилась, словно изготавившись к драке.

Финт был изрядно озадачен, но покамест слегка подуспокоился; он держал ухо востро, а женщины шли себе вперед как ни в чем не бывало, даже с шага не сбившись: улучив момент, он резко свернул за угол и нырнул в переулок, про-

пуская дам вперед. Вжавшись спиной в стену, он ждал; едва преследователь опасливо обогнул угол, Финт ухватил его за горло, пнул ногой повыше, туда, где звякает, — и был вознагражден стоном. Затем рывком заставил его вновь выпрямиться и подтащил к себе так близко, что в нос ему ударил запах чужого пота. Здесь, более-менее на свету, Финт мог теперь разглядеть добычу, а не только обонять ее.

— Вот тебе на, Грязный Бенджамин, не верю глазам своим, и носу тоже. Никак, вышел прогуляться среди благородных? Что ты такое нынче замышляешь, а? Потому что ты идешь за мной след в след, уже семь углов миновал, а на одном я даже сменил направление. Занятно, не правда ли, что тебе пришло в голову пройти тем же кружным путем, гадский ты, мерзкий коротышка! Шпион! Господи Иисусе, от тебя воняет, как от дохлой собаки, ты хрипишь, как загнанная свинья, и если я так и не услышу от тебя ни слова, я тебе так вмажу, что своих не узнаешь.

Тут Финту с запозданием пришло в голову, что бедолага не в силах ничего выговорить, потому что вторая Финтова рука крепко сжимает ему горло. В самом деле, Бенджамин, казалось, того гляди лопнет. Финт слегка ослабил хватку и затолкал злополучного Бенджамина поглубже в переулок.

Переулок был узкий, вокруг — ни души, так что Финт заявил:

— Ты ж меня узнаешь, так, Бенджамин, даже в новых шикарных тряпках? Меня — славного старину Финта, от которого ты зла в жизни не видел, а одно только добро. Я думал, ты мне друг; правда думал. Но друзья за друзьями не шпионят, нет?

Грязный Бенджамин словно к месту прирос. Наконец он с трудом выдавил из себя:

— Слух идет, ты замочил этого брадобрея — ну, того, у которого подвал битком набит трупаками, да?

Финт замялся. В канализационных туннелях жизнь на порядок проще, но за последнее время он кое-что выучил, а именно: правда — это действительно туман, как объяснял Чарли, и люди придают ему ту форму, какую хотят. Он, Финт, до сих пор никого не убивал, но это как раз неважно, потому что туману правды дела нет до того, что бедный мистер Тодд, неплохой в общем-то человек, навидался таких ужасов под началом у герцога Веллингтона, что разум его ныне изувечен так же, как предьявленные ему трупы. Бедолага скорее кандидат в Бедлам, нежели на виселицу, хотя любой, у кого хватает здравого смысла, но не денег, — о нет, не те несчастные, которые в Бедлам все-таки попадают! — всяко предпочел бы петлю. Но туман правды неудобных деталей не признает, так что в истории непременно должен быть злодей — а значит, и герой.

И хотя это страх как досадно, прямо сейчас, пожалуй, польза в том есть. Финт сурово воз-

зрится на Грязного Бенджамина и ответственвал:

— Вроде того, да не совсем. А теперь, если ты мне друг, говори, зачем ты за мной следил, потому что если не скажешь, так я ж тебя на котлеты пущу.

Подло было поступать так с Бенджамином, Финт издавна знал его как белочника*, — воровал тот с веревок главным образом дамское белье, вовсе не имея амбиций, кроме разве одной-единственной — дожить до завтра, — и был на побегушках у любого, кто повыше ростом и при деньгах. После встречи с таким человечешкой хочется руки вымыть; червяк, одно слово. Способен только извиваться да корчиться. Пропащая душа, одна из тех, что прятались за дверьми, когда Господь проходил мимо; такие щиплют себе травку на пастбище мира, его почти не тревожа, и всегда чего-нибудь да боятся.

Прямо сейчас Грязный Бенджамин был перепуган насмерть, и Финт сменил гнев на милость:

— Ну ладно, может, не на котлеты, я ж тебя знаю, Бен, и ты, конечно же, скажешь, кто тебя послал следить за мной, я прав? Если скажешь, я тебя не трону.

Тени всколыхнулись и задвигались; Финт и его пленник разом обернулись: из-за угла вы-

---

* Вор, похищающий развешанное для сушки белье. (Прим. перев.)

глянула миссис Шарплис, и с ней — Симплисити.

— Извините, что прерываю ваше *завещание*, джентльмены, — заявила экономка, — но думаю, нам пора домой, если вы не возражаете?

Финт вновь повернулся к злополучному злодею.

— Бенджамин, — сурово произнес он. — Я против тебя ничего не имею. Это твой последний шанс. Скажи, на кого работаешь и зачем, а я уж тебя не выдам.

Грязный Бенджамин плакал — и не только плакал, судя по запаху. Он рухнул на землю жалкой беспомощной грудой.

Финт склонился над ним и прошептал:

— У меня тут в руках бритва Суини Тодда, брадобрея, и покамест я лезвия не открывал. Но лезвие меня кличет, Бенджамин, оно кличет, велит пустить его в ход... Так что теперь, Бенджамин, я настоятельно советую сказать мне, на кого ты работаешь. *Ты меня понял?*

Слова посыпались так быстро, что по пути сшибали друг друга. Но Финт все же разобрал:

— Это Гарри-Шлепок с Хакни-Марш, но ходит слух, какие-то важные шишки очень хотят знать, где ты есть и нет ли при тебе девчонки. Вот все, что я знаю, Богом клянусь. И вроде как даже награда обещана.

— Кто назначил награду? — спросил Финт.

— Без понятия. Гарри-Шлепок мне ничего не сказал, просто велел сообщить ему, и все. Пообещал мне долю в прибыли, вот оно как.

Финт взгляделся в его лицо. Нет, Бенджамин не врет. Бенджамин — олух и тряпка.

— Ладно, Бенджамин, раз ты мне друг, смотри не говори Гарри-Шлепку, что меня видел. Я на тебя рассчитываю. — Скорчившийся на земле несчастный коротышка лихорадочно закивал. — Да, и еще одно. Я сказал, что не причиню тебе вреда, но вот это, — и Финт размахнулся ногой, — вот это тебе от миссис Шарплис. Прости, но она меня попросила.

Финт был вознагражден утробным стоном от Бенджамина и, как ни странно, широкой, жутковатой ухмылкой на лице миссис Шарплис.

— Браво, молодой человек, а теперь еще разок!

Финт размышлял про себя: самое время побыть героем, спасшим мир от мистера Суини Тодда. И он тихо произнес:

— Симплисити, и вы тоже, миссис Шарплис, послушайте. У меня есть основания опасаться, что некие люди разыскивают Симплисити, чтобы причинить ей зло, потому я забираю ее из-под заботливой опеки супругов Мэйхью. Я не сомневаюсь, что Мэйхью к ней добры, но меня просто в дрожь бросает при мысли, что однажды вы откроете дверь очень неприятным парням.

— Но она на их попечении, мистер Финт, — возразила миссис Шарплис.

Финт открыл было рот, но вместо него заговорила Симплисити. Не громко, но и не шепотом.

— Я — замужняя женщина, чей муж показал себя слабым и глупым мальчишкой, миссис Шарплис, и я считаю, Финт прав. Так что давайте вернемся назад как можно скорее.

— Да, действительно, — кивнул Финт. — Надеюсь, вы согласны, миссис Шарплис?

Миссис Шарплис покосилась на Грязного Бенджамина.

— А с этим что делать?

Обращаясь к лежащему на земле Бенджамину, Финт заявил:

— Послушай, дружок, я знаю, кто ты такой, и я знаю, где ты живешь, не сомневайся! Небось всё корсеты тыришь? Так поверь моему слову, вот что ты сделаешь, как только сможешь встать, — ты пойдешь по этой самой дороге все прямо и прямо, никуда не сворачивая, нигде не задерживаясь, и оглянешься назад не раньше — я повторяю, не раньше! — чем настанет глубокая ночь, ясно? Потому что ты меня знаешь, я — Финт. Новый Финт. Тот самый Финт, который уделал мистера Суини Тодда. Тот самый Финт, который забрал себе его бритву! И если ты меня надуешь, однажды ночью я приду к тебе с этой самой бритвой — приду снизу, из подвала, и позабочусь о том, чтоб ты больше не проснулся.

Бенджамин застонал.

— Я вас в жизни не видел, мистер, и Богом клянусь, хотелось бы мне, чтобы так. Со мной у вас проблем не будет.

Финт и его дамы пошли назад кружным путем, и лишь заведя мальчишку, продающего газеты и вопящего во всю глотку: «Крррровавое убийство! Читайте в подробностях! Доблестный герой спешит на помощь!» — Финт в полной мере осознал, что жизнь становится все сложнее и запутаннее.

Наконец они оказались перед калиткой в палисадник Мэйхью, Финт быстро оглядел улицу на предмет слежки — и никого не обнаружил. Только тогда он открыл калитку, пропуская Симплисити, а она сказала:

— Большое, большое спасибо, милый Финт! — и послала ему воздушный поцелуй, совершенно беззвучный, но в Финтовой голове разом затрезвонили все колокольни Лондона.

Разговор с супругами Мэйхью прошел куда глаже, чем Финт смел надеяться, особенно после того, как юноша осторожно намекнул, что кто-то разыскивает Симплисити — и такому гостю семья явно не порадует.

— Так что, — заключил Финт, — будьте так добры, помогите мисс Симплисити в ее недолгих сборах, найдите нам извозчика, и я тотчас же отвезу ее к Чарли, где мы в безопасности обсудим наш следующий шаг. И, миссис Мэйхью, мистер Мэйхью, простите, но в компаньонке мы не нуждаемся.

— Боюсь, я вынуждена возразить, — начала было миссис Мэйхью. — Это не вполне прилично...

Финт открыл было рот, чтобы достойно ответить, но Симплисити шагнула вперед, поцеловала миссис Мэйхью и заявила:

— Джейн, я замужняя женщина, и я могу сказать во всеуслышание, что мой муж хочет заполучить меня обратно как рабыню — или убить. Я поеду с Финтом. Это мой выбор и моя вина, и мне не хотелось бы думать, что этот дом из-за меня постигла какая-то беда.

Супруги уставились на нее так, как смотрят на собаку, которая внезапно запела песню, но внезапно здравый смысл возобладал, и мистер Мэйхью промолвил:

— Дорогая миссис Шарплис, будьте так добры, раздобудьте кеб, а ты, дорогая, помоги нашей гостье — багаж у нее весьма спартанский; и будьте все готовы, экипаж подадут в любой момент.

Финту казалось, экипажа они не дождутся никогда. А когда наконец карета с грохотом подъехала к двери, мистер Мэйхью сам, без подсказки, вложил в руку Финта полукрону.

— Браво, сэр, вы молодец!

Пока кеб, погромыхая, катился к Флит-стрит, Симплисити спросила:

— Милый Финт, почему вы спасли меня тогда, в дождь?

Вопрос привел его в замешательство, но Финт кое-как подобрал слова:

— Потому что я не люблю, когда люди дубасят других людей, за которых некому заступиться и отдубасить обидчика. Я этого вдосталь нахлебался еще мальцом, а вы ж еще и девочка.

Голос ее изменился.

— Я — женщина, Финт. Вы ведь знаете, что я потеряла ребенка?

Финт совсем смешался и с трудом выговорил:

— Да, мисс, в смысле, миссис. Мне страшно жаль, что я не подросел раньше.

— Финт, вы явились из сливного люка словно бог. Кто примчался бы на помощь быстрее? — И на сей раз поцелуй не понадобилось посылать по воздуху. Симплисити доставила его сама, так сказать, напрямую.

В «Кроникл» Чарли не оказалось, но в его кабинете обнаружился мальчишка, один из тех бесчисленных юнцов, которых газета нанимает бегать туда-сюда со стопками бумаг, изображая крайнюю занятость. Этот уставился на Финта, точно увидел перед собою архангела Гавриила, и хрипло зашептал:

— Это правда, что вы задушили чудовище его же собственным галстуком? А вы не могли бы расписаться вот здесь, на этом листке, будьте так добры! Мне для альбома.

Чумазая мальчишечья физиономия, равно как и его одежда, недвусмысленно свидетельствовала о том, что в этом здании на чернила не скупятся. Финт не знал, что ответить, и прибег к правде:

— Слушай, парень, это был просто очень больной старик, так? Он думал, что убивает мертвецов, которые возвращаются докучать ему, и я его пальцем не тронул, так? Просто отобрал у него бритву, а пилеры его увели, вот и все, слышишь?

Паренек чуть попятился.

— Я знаю, это в вас скромность говорит, сэр. А мистер Диккенс сказал, если вы сегодня опять объявитесь и о нем спросите, вы его найдете в здании парламента, он сегодня протокол заседаний готовит. Мистер Финт, он сказал, что велит охране впустить вас, если вы на него сошлетесь, а если что, скажите, вы из «Кроникл», а автограф вы мне все равно дайте, ну пожалуйста! — Парень карандашом чуть не в нос Финту тыкал, так что Финт смягчился, мальчишке достались каракули, а Финту — мальчишкин карандаш.

— Я не вполне уверен, где именно мистер Чарли сейчас, но вы всегда можете спросить у пилеров. — Паренек ухмыльнулся. — Там их пруд пруди.

Спросить у пилера! Ему, Финту? Нет, это в нем говорит прежний Финт, подумал он. В конце концов, вследствие двух заведомых недоразумений

он стал героем по крайней мере в глазах мальчишки с перепачканными чернилами лохмами, а герой должен уметь постоять за себя и поговорить с пилером как мужчина с женщиной, разве нет? Герой посмотрит пилеру прямо в глаза, и, кроме того, ведь Симплисити его поцеловала, а за еще один такой поцелуй он пилера хоть в зад пнет. Надо просто продолжать в том же духе, жизнь обязательно наладится, а еще лучше бы заручиться помощью мистера Диккенса.

Финт обернулся к Симплисити и промолвил:

— Прошу прощения, но, похоже, нам предстоит еще одна поездка.

Ничего не оставалось, как снова взять экипаж — снаружи их тут стояло в изобилии — и ехать на Парламентскую площадь.

ГЛАВА 9

Финт пронесит смертоносную бритву в здание парламента и знакомится с человеком, который пытается занять правильную позицию

Парни, охранявшие то, что осталось от здания парламента, те, что в мундире, и те, что без, отчего-то не спешили впустить их внутрь — может, заподозрили в них французских шпионов или даже русских. Финт не был ни тем ни другим, но вместо того, чтобы послать охрану ко всем чертям, как он поступил бы прежде, когда Симплисити еще не опиралась на его руку, он с достоинством выпрямился, стараясь казаться как можно выше, и заявил:

— Я — мистер Финт; мне необходимо повидаться с мистером Чарли Диккенсом.

Со всех сторон раздались смешки да хмыканье, но Финт просто стоял, не трогаясь с места и не отводя взгляда, и тут кто-то вспомнил:

— Финт? Не тот ли это парень, который нынче утром уложил на лопатки Демона-Цирюльника — там, на Флит-стрит?

Тот, кто заговорил первым, подошел ближе.

— Да уж, люди говорят, пилеры и те туда побоялись войти! Я слышал, герою уже почти десять гиней по подписке собрали!

Снова собралась толпа, а Финту оставалось лишь повторять снова и снова:

— Мне нужен мистер Диккенс — по очень важному делу. — Про себя он решил, что все, что от него требуется, — это стоять на своем, не сдаваться, пожимать протянутые руки, кивать и улыбаться — и ждать, пока кто-нибудь приведет Чарли.

Тактика сработала: внезапно появился какой-то франтоватый деловитый тип — и с сокрушительным презрением произнес:

— Если это и есть герой — *дважды* герой с Флит-стрит, если верить газетам, — достойный же прием мы ему оказываем, вам не кажется?

Это последнее «кажется» сопровождалось отрывистым «гм!»; вокруг заплодировали, и тут и там раздавалось что-нибудь в духе:

— Отлично сказано, мистер Дизраэли, браво! В конце концов, где наши манеры?

Наконец кто-то подвел итог:

— Ну, не знаю насчет вас, джентльмены, но мне кажется, что у такого героя не иначе как при себе та страшная смертоносная бритва! — При этих словах сердце у Финта ушло в пятки: неужели его застукали? В голове промелькнули видения всевозможных последствий, но тут человек, это предположение высказавший, расхохотался и добавил: — И придет же такое в голову!

— В самом деле, — пробормотал Финт в ответ, рассмеявшись за компанию.

Вот так Финт и Симплисити проникли в парламент, что характерно, действительно имея при себе смертоносную бритву, — и проникли при помощи лжи, что вполне в порядке вещей, учитывая, сколь многие попадают в парламент именно так. Финт по-прежнему затруднился бы ответить, почему во всеобщей суматохе он забрал бритву мистера Тодда себе, но ему чудилось, что лезвию сейчас самое место в его кармане. Все равно он уже не успел бы от бритвы избавиться: мистера Диккенса позвали, тот не замедлил явиться, театрально поздоровался с Финтом за руку, и, оглянувшись на Симплисити, проговорил:

— Уж не та ли это юная леди, которую я в последний раз видел всю в синяках три дня назад? — И добавил, что у него срочное дело к юному паладину, что бы это ни значило.

Гостей проводили через завешанные коврами залы — и ввели в небольшой кабинет со столиком. Пока Диккенс расставлял кресла и усаживал Симплисити, Финт не сводил глаз с мистера Дизраэли. Мистер Дизраэли отчасти напомнил Финту Соломона, только на порядок моложе — а еще он изрядно смахивал на кота, который набрел на блюде сливок и вылизал все до капли. Да, точно, так и есть: он — тот еще финт, не финт вроде Финта, но финт другой разновидности, такого сразу распознаешь.

Острый ум и язык острее бритвы; знаем мы таких, толковый тип, но явный жох.

Разглядывая Дизраэли, Финт поймал его взгляд, и мистер Дизраэли подмигнул — один финт отдавал должное другому, не иначе. Финт позволил себе улыбнуться, но подмигивать в ответ не стал — парнишечка, вздумавший подмигивать джентльменам, того гляди в неприятности влипнет. До сих пор это место — все эти статуи, и поглощающие звук ковры, и все эти картины на стенах — портреты седовласых старцев, которые, судя по выражению лиц, страдают острым запором, — действовало Финту на нервы, отторгало его, внушало ему, что он — никто, сущее ничтожество, жалкий червяк. Подмигнув гостю, Дизраэли развеял чары, недвусмысленно дав понять: здесь — те же трущобы, пусть побольше, и потеплее, и всяко побогаче, здесь явно лучше кормят, судя по округлым брюшкам и красным носам, но на самом-то деле это просто-напросто еще одна улица, где люди локтями пробивают себе дорогу к власти и выгоде, и лучшей жизни если не для всех, то хотя бы для себя, любимых.

Финт не сдержал усмешки, вцепившись в эту мысль, как в волшебное кольцо, которое наделяет могуществом неведомо для всех прочих. Но за взлетом последовало и падение: эти трущобы полны слов, это место битком набито книгами, а у него, как назло, слова с языка не шли.

В этот момент на плечо ему легла рука, и Чарли промолвил:

— Что ж, друг мой, дело не ждет. Вы можете свободно говорить со мною в присутствии моего доброго приятеля мистера Дизраэли, многообещающего политика, на которого мы возлагаем большие надежды и который, безусловно, в курсе нашей насущной проблемы. Кстати, как поживаете? Не желаете ли подкрепиться? — Пока Финт отчаянно подбирал слова, Симплисити вежливо кивнула, Чарли отошел к двери и дернул за шнурок звонка. Тотчас же появился слуга, шепотом переговорил с Чарли и вышел снова.

Чарли устроился в огромном удобном кресле, Дизраэли — тоже. Дизраэли Финта прямо-таки завораживал, иначе и не скажешь. Финт не знал слова «всепроникающий», но само впечатление было ему знакомо: присутствие мистера Дизраэли ощущалось, куда ни повернись; он вроде бы и с места не трогался, но внезапно оказывался где-то еще, а в следующий миг — везде и всюду. Короче, опасный человек, подумал про себя Финт, но тут же вспомнил, что такое лежит в кармане его рубашки.

В отсутствие слуги Чарли заявил:

— Да ради всего святого, сядьте наконец, юноша, кресла не кусаются! Я безмерно рад видеть, что наша юная леди идет на поправку, медленно, но верно, и это превосходные новости.

— Прошу меня простить, но кто эта юная леди? — перебил Дизраэли. — Неужели это?..

Не мог бы меня кто-нибудь представить, будьте так добры?

Он поднялся на ноги, Чарли тоже встал и подвел Дизраэли к Симплисити, говоря:

— Мисс... Симплисити, позвольте представить вам мистера Бенджамина Дизраэли.

Финт, устроившись на самом краешке кресла, недоверчиво наблюдал за происходящим. В Севен-Дайалз ничего подобного не проделывали. А Чарли между тем добавил:

— Бен, мисс Симплисити — та самая леди, о которой шла речь.

А Симплисити нежным голоском спросила:

— И что же за речь обо мне шла, подскажите, пожалуйста.

Финт вскочил было на ноги, готовый, если понадобится, защищать Симплисити, но Чарли резко прикрикнул:

— Финт, сядьте. Предоставьте это дело мне; так будет лучше; но вы вольны в любую минуту вмешаться. — Чарли оглянулся на Симплисити. — Разумеется, к вам это тоже относится.

Он откашлялся и начал:

— Мы — здесь, в Англии, — располагаем следующими фактами: вы проживали за пределами страны вместе с матерью: она, как мы понимаем, преподавала английский язык за границей. После ее кончины вы относительно недавно некоторым образом вступили в брак с принцем одного из государств Германского союза. — Чарли вскинул глаза на девушку, слов-

но опасаясь взрыва, но она лишь кивнула, и он продолжил: — Нам также известно, что вскорости после того вы, мисс, бежали из страны и высадились здесь, в Англии, где, как мы понимаем, родилась ваша мать.

Симплисити сверкнула на него глазами:

— Верно. А уехала я, джентльмены, потому что мой муж, как только мы поженились, превратился в тряпку и плаксу, жалкое подобие мужчины. Он даже попытался возложить вину за наш так называемый брак на меня — а этот трюк, как вы, джентльмены, наверняка знаете, стар, как Эдем.

Финт оглянулся на Дизраэли: тот возвел глаза к небесам. Даже Чарли, похоже, почувствовал себя неловко и развивать эту тему не стал, но продолжил:

— Далее мы выяснили — как именно, я сейчас уточнять не стану, — что двое работников с фермы, свидетели брака, были обнаружены мертвыми, а священник, совершивший церемонию, вероятно, поскользнулся, инспектируя церковную крышу, и сорвался вниз на верную гибель.

Побледнев, Симплисити пояснила:

— По-видимому, речь идет об отце Якобе — это был честный порядочный человек и, скажу я вам, не из тех, кто ни с того ни с сего сорвется с крыши. Свидетели — это Генрих и Грета. Про них мне рассказала горничная, которая приносила мне поесть. У вас, сэр, по-видимому,

не хватает слов, но я подозреваю, вы сейчас попытаете сообщить мне на свой витиеватый британский лад, что мой муж требует жену обратно. Помимо священника, Генрих и Грета — единственные, кто знал о нашей свадьбе, а теперь они мертвы. Вот это, — Симплисити стянула с пальца кольцо и продемонстрировала его собравшимся, — единственное доказательство нашего брака. Я так понимаю, сэр, вы пытаетесь объяснить мне, что мой муж — точнее, его отец — хочет вернуть это кольцо любой ценой.

Дизраэли и Чарли обменялись многозначительными взглядами, и Дизраэли признал:

— Да, мадам, насколько нам известно.

— Но видите ли, сэр, есть еще одно свидетельство брака. Это я сама, сэр. Только я не вернусь туда, потому что я отлично знаю, что, скорее всего, просто исчезну. Это если вообще доживу до конца путешествия — путешествия на корабле, джентльмены. Потому что, видите ли, если я — это последнее оставшееся доказательство, так ли сложно будет устранить меня заодно со всеми прочими свидетельствами?

Симплисити вновь надела кольцо на палец и гневно воззрилась на мужчин.

— Джентльмены, здесь, в Англии, двое очень милых приятных людей, не зная моего настоящего имени, назвали меня Симплисити, но я далеко не так проста. Я знаю, что мой свекор был вне себя, когда обнаружил, что его сын и наследник женился, как сам он говорил, по

любви, на девчонке, которая даже во фрейлины не годится, не то что в принцессы. Что ж, сэры, не тому ли учат нас волшебные сказки? А мне казалось, я в самом деле в сказку попала, когда впервые познакомилась со своим мужем. С тех пор я узнала доподлинно, что принцы и принцессы в политике Европы имеют определенный вес, когда заходит речь о делах государственных. Людям отчего-то кажется, что если «наша» принцесса вышла замуж за «вашего» принца, то двум державам, уже готовым объявить войну друг другу, теперь вовсе не обязательно это делать. И мой тщеславный глупый муж — и глупая я, что ему поверила! — погубил превосходную возможность продаться телом за выгодный договор.

Финт глядел на Симплисити, открыв рот. *Принцесса?* Да для того, чтобы принцессу хотя бы спасти, нужно быть самое малое рыцарем, так? Чарли и Дизраэли смущенно заерзали в креслах. Тут в дверь деликатно постучали: это вернулся слуга, неся чашки с кофе и тарелочки с пирожными.

— Полагаю, сэры, — продолжила Симплисити, едва они вновь остались одни, — я — то, что называется словом «беженка», и в этой стране у меня есть враги. С тех пор как я приехала в Англию, меня дважды пытались похитить, и только благодаря Финту и, я так понимаю, благодаря вам, мистер Диккенс, я сегодня здесь, а не плыву на корабле обратно к мужу. Моя мать —

да, она была англичанкой — рассказывала, что в Англии любой человек свободен. Я была бы счастлива остаться здесь, сэр, хотя даже здесь я страшусь за собственную безопасность — теперь, когда выясняется, что я представляю какую-никакую ценность. Но я содрогаюсь от ужаса при мысли о том, что со мною станется, если я вернусь обратно. Я в полной растерянности, джентльмены, — мне везде грозит беда. Даже здесь, в Англии, где, как мне говорили, никто и никогда не будет рабом. Я полагаю, джентльмены, что к дамам это тоже относится.

Чарли пересек комнату и оперся о каминную полку.

— Бен, что вы об этом думаете?

Мистер Дизраэли выглядел так, словно на голову ему сбросили увесистый камень, и политик, пусть лишь на краткий срок, утратил дар речи. Наконец он неохотно выговорил:

— Видите ли, мадам, вы попали в непростое положение, и мне страшно жаль это слышать, но нас, то есть британское правительство, заверили, что, если вы вернетесь, вам не причинят вреда.

Финт так и взвился над креслом:

— Да врут они все! Кроме того, не причинять вреда — одно дело, а упрятать человека под замок — другое. Ну то есть вы, парни, словами жонглировать умеете. За обещанием «не причинять вреда» кроется много всяких пакостей.

— Но как мы можем гарантировать безопасность мисс Симплисити, пока она остается на нашем берегу? — возразил Дизраэли. — Мы все понимаем, что ни правительство, о котором идет речь, ни наше собственное правительство не могут открыто... вмешаться в это дело. Но это не значит, что каждая из сторон не вольна нанять третьих лиц и поручить им, так сказать, действовать в своих интересах. И если мисс Симплисити будет причинен вред, пока она находится в нашей стране, это не поспособствует улучшению... взаимоотношений между двумя правительствами. — Дизраэли сглотнул, словно опасаясь, что сказал лишнее.

Финт обернулся к Чарли.

— Вот поэтому, сэр, я... ну то есть мы... взяли на себя смелость забрать Симплисити из дома мистера и миссис Мэйхью, хотя они и были к ней добры, просто чтобы не пострадали еще и они. Те, кто ищут Симплисити, — они, боюсь, не самые приятные люди. А мне вы можете доверять, сэр, я не отступлюсь. Если я отыщу злодеев, которые обошлись с ней так жестоко, и задам им перцу, ей ведь не придется ехать назад, правда? Я сумею ее защитить.

Мистер Дизраэли поерзал в кресле и многозначительно глянул на Чарли.

— Видите ли, мой дорогой сэр, тут все довольно сложно. В настоящий момент правительство, о котором идет речь, требует возвращения этой леди, которая, в конце концов,

замужем и, следовательно, является законной собственностью своего мужа. Даже здесь есть люди, которые считают, что следует отослать ее прочь во имя мира между нациями. — Финт открыл было рот, чтобы протестовать. — Мистер Финт, вспомните, что за последнее время мы навоевались достаточно — вы, полагаю, и сами хорошо это усвоили после стычки с нашим мистером Тоддом — и слишком многие войны начинались из-за сущего пустяка. Вы, безусловно, понимаете всю затруднительность ситуации.

«Затруднительность? — подумал Финт, с трудом сдерживая гнев. — Да они обращаются с Симплисити, как будто она вообще не человек, а жетон в политической игре. Даже держатель «Короны и якоря» даст больше шансов на выигрыш!»

Внезапно Финт надвинулся на Дизраэли, оказавшись с ним нос к носу — тот аж в кресло вжался.

— Ничего сложного тут нет, сэр, вообще ничего! — закричал он. — Даму избил ее супруг, старый хрен; ей это не по вкусу, и она уж всяко не вернется туда, где получит добавки. Чес-слово, в трущобах такое то и дело случается, и никто не пошевелинет и пальцем, кроме разве старого хрена, который внезапно вынужден сам стирать свои подштанники.

Но не успел Дизраэли ответить, как наконец-то вмешался Чарли:

— Бен, вы наверняка сумели бы ненадолго отсрочить решение по этому вопросу, дав нам всем возможность обдумать наш следующий шаг. Но есть проблема, которую необходимо уладить срочно, здесь и сейчас. Наш Финт живет в Севен-Дайалз, у престарелого домовладельца и с... хм, занятой собакой. Леди там не место, а ведь нет никакого сомнения в том, что мы имеем дело с юной леди, жизнь которой в опасности. При самом худшем раскладе ее могут даже убить, причем при свете дня, потому что наш мистер Финт, как бы расторопен он ни был, не в силах оказаться в нескольких местах одновременно. Так что прямо сейчас нам нужно принять решение, верно? То есть прямо сейчас придумать, Бен, где этой леди — *принцессе*, Бен! — приклонить голову в уверенности, что, когда она проснется, голова никуда не денется. И вы, и я знаем, к кому можно обратиться в подобных обстоятельствах.

Дизраэли поднял глаза — словно кто-то вручил ему ведро с водой как раз в тот момент, как ногу его охватило пламя.

— Вы ведь имеете в виду Анджелу?

— Ну конечно! — Чарли обернулся к Финту, который замер на страже рядом с Симплисити, изготавившись к атаке, и продолжил: — У нас есть одна полезная знакомая, которая, я уверен, будет счастлива предложить мисс Симплисити приют, надежную охрану, и кров, и стол. Я со своей стороны в ней абсолютно уверен, потому

что, как я понимаю, этой женщине нет дела до того, что там думают политики или даже короли, если на то пошло. Кеб доставит нас туда меньше чем за час, разве что на улицах большое движение. Вы поедете с нами. Я сопровожу вас обоих и объясню ситуацию.

— Откуда мне знать, что вам стоит доверять, Чарли, — осведомился Финт, — даже если мы можем довериться этой загадочной даме?

— Ну, в ряде вопросов мне доверять и впрямь не стоит, — отозвался Чарли. — Говорю вам как на духу, чистую правду. А правда, сами понимаете, это туман — но неужели вы считаете, вправду считаете, что в *нашей* ситуации на меня полагаться не стоит? А куда еще вы заберете эту леди? Может, в канализацию?

Не успел кто-либо вставить хоть слово, как раздался звонкий голос Симплисити:

— Я должна доверять *вам*, Финт. Может, и вам пора выказать малую толику доверия.

Вокруг здания парламента извозчиков всегда полным-полно, так что вскорости все трое уже катили по улицам — на запад, как показалось Финту.

Ехали молча — но вот тишину нарушила Симплисити:

— Мистер Диккенс, мне не слишком понравился ваш друг мистер Дизраэли: он из тех людей, для которых на каждый вопрос есть две точки зрения; они стремятся угодить и тем и

этим. Он вроде как плывет по течению, если вы меня понимаете; как будто все на свете — ну, вроде куска ткани, который можно встряхнуть и сложить снова. Мама говорила, такие люди не злы — но опасны. — И, помолчав, добавила: — Я прошу прощения, но мне кажется, это правда.

Чарли вздохнул.

— Политику изобрели как средство предотвращения войны, и в этом смысле политики по большей части полезны. Ничего другого-то не придумали. Но у Бена связаны руки. В его положении совершенно невозможно делать некоторые вещи — равно как и не хотелось бы оказаться к ним причастным. Вы оба, вероятно, очень удивитесь, но эта страна кишмя кишит агентами иностранных держав; да и мы тоже шлем шпионов в другие страны. Обе стороны об этом знают и опять-таки, в общем и целом, как ни странно, поддерживается хрупкий мир. Однако, — продолжал Чарли, — когда королю и королеве объявлен шах, выиграть партию может простая пешка.

Финт просто не верил ушам своим.

— То есть мы постоянно шпионим за нашими врагами?

В темноте кареты раздался смешок.

— Вообще-то нет, Финт, потому что мы и так знаем, что наши враги думают; опасаться нужно друзей. Это вроде как качели: вверх-вниз, вверх-вниз. Сегодня наши враги нам друзья, а завтра наши друзья станут врагами. Что

до агентов, то про них все знают. Даже сами *агенты* знают про агентов. Должен признаться, я понятия не имею, что в таком случае способна поделаться дипломатия. Безусловно, Симплисити могут разрешить жить здесь, но я не верю, что на том дело и кончится, поскольку то, второе правительство, в лице ее свекра, похоже, так просто не отступится. Вероятно, мы сумели бы тайком переправить ее на корабле в Америку, Северную или Южную, или в Австралию, хотя здесь я уже рассуждаю как романист.

— В Америку? — взорвался Финт. — Слышал я про эти ваши Америки! Там же сплошь дикари! Вы не можете отослать ее туда! Там она совсем без друзей останется! Насчет Австралии я мало что знаю, но Сол мне рассказывал, она на другой стороне земли, так что люди там не иначе как вниз головами ходят. А даже если мы и посадим ее на корабль, кто-нибудь непременно о том прознает; Чарли, вы ж сами понимаете, что так; есть люди, которые отслеживают все, что происходит в порту, — когда-то и я таким был.

— Она наверняка может поехать под чужим именем, — предположил Чарли. — Или, — добавил он, — вероятно, разумнее всего будет затаиться до тех пор, пока пресловутого свекра не хватит наконец апоплексический удар. А судя по тому, что удалось разузнать Дизраэли, с довольно неприятным сыном дело иметь окажется куда проще.

Из угла, где сидела Симплисити, донесся тихий решительный голос:

— Прошу прощения, джентльмены. Я хочу всего-навсего остаться здесь, в Англии, где родилась моя мать. Других точек зрения здесь нет, и от разговоров они не появятся. Я не намерена никуда ехать.

Финт выслушал это заявление со всем вниманием. Симплисити здорово избили, она была больна, и все это время Финт думал о девушке только в этом ключе, но сейчас в голове его всплыло какое-то смутное воспоминание.

— Чарли, — промолвил он, — помнится, мне кто-то рассказывал, что когда тут римляне канализацию строили, была одна девчонка, она гонялась за ними на колесницах и колесами им ноги оттяпывала; вы человек книжный, не подскажите, как ее звали?

— Боадичея, — усмехнулся Чарли, — и думаю, это вы точно подметили. Мисс Симплисити — молодая женщина, которая знает, чего хочет, и ей нужно помочь выстоять в столкновении с теми, кто ей препятствует.

Карета замедлила ход и остановилась напротив громадного, ярко освещенного особняка — таким он явился глазам Финта. Чарли постучал; открыл дворецкий. Они пошептались о чем-то, затем Финта и Симплисити провели в чистенькую комнатку у двери, а Чарли поспешил в дом следом за дворецким, которого именова́л Джеффри.

Не прошло и минуты, как Чарли вернулся в сопровождении дамы, которую представил как мисс Анджелу Бердетт-Куттс. Выглядела она очень моложаво, а одета была как женщина в летах; Финт подумал, такой палец в рот не клади. Она под стать Чарли. С первого взгляда видно, что с этой дамой нужно либо говорить прямо и начистоту, либо молчать; судя по ее виду, в спорах она неизбежно одерживает верх.

Женщина протянула руку.

— Дорогая, вы, должно быть, Симплисити; я очень рада знакомству. — Она повернулась к Финту. — Ах да, герой с Флит-стрит, Чарли рассказывал мне про ваши подвиги в «Кроникл», а о вашей храбрости нынче утром все только и говорят; и уж поверьте, я хорошо себе представляю, что происходит, — люди такие болтливые. Очевидно, что первым делом необходимо накормить нашу юную леди... — она тут же поправилась, — эту молодую женщину и дать ей возможность выспаться в теплой, а главное, надежно защищенной спальне. — Тут Анджела сочла нужным добавить: — В этот дом никто не попадает без моего дозволения, а любой, кто попытается проникнуть сюда с недобрым умыслом, пожалеет, что на свет родился, или скорее, если окажется способен мыслить более избирательно, пожалеет, что на свет родилась я. Симплисити здесь — желанная гостья, или, скажем так... я рада принять в гостях дочь старого друга из провинции и

здесь, в безопасности, под моим крылышком, помочь ей понемногу освоиться в этом недобром городе, средоточии всевозможных пороков. У вас, мистер Финт, несомненно, работы по горло: я так понимаю, герои — чрезвычайно занятые люди; но я буду очень признательна, если завтра вы придете ко мне сюда на званый ужин.

Финт слушал открыв рот. Но тут Чарли отвер его в сторону:

— Дорогая Анджела, не будет ли уместным позволить этому юноше, при всей его занятости, прийти завтра в сопровождении своего друга и наставника, Соломона Когана? Этот превосходный ювелир и часовщик пользуется заслуженной известностью.

— Великолепно. Я буду просто счастлива с ним познакомиться. Сдается мне, я о нем слышана. Что до вас, Чарли, вы же знаете, вы приглашены в любом случае; а сейчас мне бы хотелось потолковать с вами наедине, после того как мистер Финт нас покинет.

Слово «покинет» прозвучало достаточно категорично, но Финт вдруг осознал, что поднял руку, а раз уж рука все равно поднята, он заявил:

— Простите, мисс, вы не позволите мне взглянуть на ту комнату, где будет спать мисс Симплисити?

— Зачем, простите?

— Видите ли, мисс, сдается мне, я сумею пролезть почитай что в любое окно этого горо-

да, а если сумею я, значит, сможет кто-нибудь похуже меня, если вы понимаете, о чем я.

Он ждал упрека, но Анджела одарила его широкой улыбкой.

— Вам, похоже, никто не указ, так, мистер Финт?

— Не вполне понимаю, о чем вы, мисс, но, видите ли, мне хочется убедиться, что Симплисити в безопасности.

— Похвально, мистер Финт. Я прикажу Джеффри показать вам комнату и решетки на окнах. Я тоже незваных гостей не жалую и как раз подумываю, не нанять ли вас или кого-нибудь из ваших ровесников, дабы выявить доселе неразведанные возможности доступа в дом. С вероятностью, мы поболтаем об этом завтра. А сейчас мне предстоит долгий разговор с Чарли.

ГЛАВА 10

Финт работает головой

Финт бежал домой, окрыленный недавней встречей, тем более что Чарли шепнул ему на прощанье, будто у Анджелы денег больше, чем у кого угодно другого, за исключением разве что короля с королевой. Званный ужин, конечно, задачка не из простых, все равно что навороченный сейф вскрыть. Финт мчался, не сбавляя шага, пока не оказался рядом с первым сливным люком — вратами в свой мир. Мгновение спустя люк с характерным лязгом упал на место, а Финт однозначно исчез — невзирая на щегольской костюм.

Он находил дорогу на ощупь, по эху и, конечно же, по запаху — каждый канализационный туннель в городе пах по-своему; Финт различал их на вкус, как ценитель — дорогие вина; так он прокладывал маршрут к дому, поменяв направление только раз, когда на его тошерский свист из двух характерных нот последовал ответ: в этом туннеле кто-то уже работал. Еще стоял белый день, что здорово помогает, когда

проходишь мимо очередной решетки или люка, шагать было легко — сегодня по земле бежала лишь тонкая струйка; проходя мимо тайной ниши, Финт рассеянно пошарил в ней. Нашел шестипенсовик: верный знак, что кто-то или что-то за ним приглядывает.

Над головой в сложном и непонятном мире раздавался цокот копыт, эхо шагов, иногда проезжал экипаж или карета, и вдруг из ниоткуда донесся звук — жутковатый металлический скрежет, — от которого Финт замер как вкопанный. Металл жаловался на свою тяжкую участь, словно что-то пошло не так или, может, что-то застряло в колесе; и теперь оно с лязганьем тащилось по камням, и звук этот опалял душу: кто его услышал, вовек не забудет.

Карета! Посмотреть бы, куда она поехала, и он бы наверняка отыскал гадов, избивших Симплисити. Финт в предвкушении сжал кулаки: погодите, вы еще отведаете моих кастетов...

Карета катила по улице над ним; Финт выругался — до следующего сливного люка в этом направлении бежать было далековато, но, к счастью, по относительно чистому туннелю, где, как убеждал себя тошер, подержанный костюм нисколько не пострадает. Он мчался по коридору, не задержавшись ни на миг даже ради шиллинга, и остановился только тогда, когда увидел над головой решетку люка. Финт достал было ломик, но не успел откинуть люк, как раздалась тяжелая поступь копыт и звяканье

упряжи. Что-то огромное закрыло собою спасительный кружок света, распространяя вокруг вязкий и ядреный запах навоза: телега пивовара наехала на люк и прочно обосновалась там — точно старый хрен, наконец-то после долгого ожидания засевший в сортире. Сходству содействовал еще и тот факт, что громадные вспотевшие тяжеловозы, впряженные в телегу, единодушно решили помочиться — очень гигиенично, чего уж там. Зверюги были крупные, день выдался долгим, так что ливень прошел не за секунду-другую, но какое-то время низвергался таким элегантным дуэтом богине облегчения. К сожалению, поскольку единственный путь вел вниз, Финт просто не успел увернуться — не до того было.

Вдалеке, постепенно вливаясь в уличный грохот и гвалт, пронзительный скрежет колеса звучал все тише. Как бы то ни было, мускулистые рабочие с пивоварни начали сгружать по деревянным скатам тяжелые бочки, и это громоухание заглушило все прочие звуки.

Финт знал заведенный порядок: как только ребята вынесут из паба все пустые бочонки и заменят их на полные, они, знамо дело, разопьют по пинте пива. В этом жизнеутверждающем предприятии к ним присоединится сам трактирщик, якобы того ради, чтобы всем прийти к согласию касательно качества искомого нектара, хотя, по правде сказать, настоящая причина-то в том, что, поворочав тяжелые бочки, человек

заслужил глоток пивка, разве нет? Этот ритуал, наверное, так же стар, как само пиво. Случается, работники с пивоварни и трактирщики выпьют и по второй — твердо вознамерившись убедиться наверняка, что пиво действительно отменное. Да что там, Финт это пиво уже чуял: такой аромат не перешибешь даже запахом лошадей, его и некая конская эссенция не заглушит; у тошера прямо слюнки потекли.

Финт всегда любил запахи туннелей, проложенных неподалеку от пивоварен. Один парень по имени Жмурик, по профессии крысолов, как-то рассказал ему, что самые крупные и жирные крысы водятся как раз под пивоварнями, причем за пивоваренных крыс еще и платят дороже — уж больно они свирепы в драке.

Однако как ни крути, Финт понимал: треклятую карету ему уже не догнать. Наверху ребята усердно трудились над определением качества пива; да, он, конечно же, может добежать до другого люка, да только добыча его к тому времени как пить дать затеряется в уличном шуме Лондона. Оставалось лишь злиться да досадовать из-за упущенной возможности.

Финт побрел дальше — тем более что громадные тяжеловозы умеют не только мочиться; вот почему уличные голодранцы бегают за ними с ведром. Часто слышишь, как они нахваливают свой товар у домов побогаче, с палисадниками, и повторяют нараспев: «Пенни за ведерко, хозяйка, хорошо утрамбовано!»

Теперь оставалось лишь побыстрее дойти до следующего люка и выбраться на поверхность. И вот, после того как он целый день финтил да уворачивался, он тащился теперь по лабиринту улиц усталый, изголодавшийся, и притом отлично сознавая, что на подержанном костюме и впрямь *ни единого* пятнышка, потому что он весь — одно сплошное пятно. Иаков с сыновьями, конечно, что угодно отчистят, но тут им придется здорово попотеть. Ну да ничего тут не попишешь, сам виноват.

Финт мрачно шагал дальше, по ходу дела отслеживая головы, мигом исчезающие из поля зрения, едва смекнув, что их засекли, или мутных личностей, торопливо ныряющих в переулки. Так поступает парень-жох: он знает, что суетливая, суматошная толпа просто занята своим делом, ну да, памятуя о возможности влезть и в чужое, если возможность подвернется. Финт высматривал вопрошающий взгляд, взгляд прицельный, зоркий, взгляд, читающий улицу как раскрытую книгу.

Прямо сейчас вокруг все было чисто — насколько это возможно на улице; и по крайней мере на эту ночь Симплисити в безопасности, утешал себя Финт. Если, конечно, из дома — ни ногой. Чего только не случается на улицах у всех на виду — просто ужас что такое!

Финт хорошо помнил, как в недалеком прошлом переоделся маленькой цветочницей; он был еще довольно юн, чтобы сойти за девоч-

ку — золотисто-каштановые кудри так очаровательно выбивались из-под платка, причем даже не его собственные — Финт одолжил их у Энни-за-Полпенни: та могла похвастаться недурственными светлыми волосами. Волосы у Энни росли как грибы — и смотрелись примерно так же. Но она неплохо зарабатывала каждые несколько месяцев, продавая их изготовителям париков.

А затеял Финт этот маскарад потому, что цветочницам — а некоторым было всего-то четыре годочка от роду, — скажем так, докучали джентльмены определенного склада. Цветочницы торговали в сезон фиалками и нарциссами — славные они были девчоночки, Финт питал к ним самые теплые чувства и опекал их по возможности. Конечно, подрастая, они вынуждены были зарабатывать на хлеб, как и все прочие, и надо сказать, что в определенных обстоятельствах некоторые шуры-муры со старшими девочками были вполне уместны, при условии, что где тут шуры, а где муры, решали они сами. Однако младших своих сестричек они защищали неистово, и тут-то Финта и уговорили впервые в жизни надеть платье.

Так что, когда франтоватые джентльмены, которым нравилось захаживать к бедным цветочницам поглядеть, не расцвело ли тут новых бутончиков им на забаву, заявлялись в надежде опоить их спиртным, чтобы гнусно с ними обой-

тись, их ненавязчиво направляли к робкой, трепетной фиалочке — то есть к Финту.

Вообще-то надо признать, он играл свою роль с блеском: парень-жох ведь всегда актер, так что из Финта трепетная фиалочка получалась куда убедительнее, чем из других цветочниц, которые, как бы так сказать, обладали не в пример лучшими данными. Финт уже почти распродал все свои фиалки — голос у него еще не ломался, и при желании он мог изобразить самую настоящую маленькую девственницу. Спустя несколько часов девчонки подсказали ему, где рыщет особенно гадкий денди: этот вечно ошивался вокруг девочек помладше, и вот гадкий денди уже направляется напрямик к нему, в пижонском пальто и при трости, позвякивая монетами в кармане. Вся улица аплодировала, когда маленькая цветочница, неожиданно мускулистая, ухватила скользкого ублюдка за грудки, вдарила ему кулаком, затащила в переулок — и позаботилась о том, чтобы еще какое-то время в его карманах звенеть было нечему.

Это был один из самых удачных дней в Финтовой жизни, потому что, во-первых, он сделал доброе дело цветочницам, так что от одной-двух, глядишь, перепадет поцелуй и обнимашки, как между друзьями водится. Во-вторых, джентльмен остался лежать и стонать в переулке, лишившись всего вплоть до неназываемых, а Финту перепали золотые часы, одна гинея, пара соверенов, немного мелочи, трость чер-

ного дерева с серебряной насечкой и одна пара пресловутых неназываемых*. А главная прелесть в том, что этот хмырь никогда в жизни не побежит жаловаться пилерам. Ах да, забыл, джентльмен еще золотой зуб выплюнул, Финт, помнится, гаду от души вмазал — вот был удар так удар, таким ударом впору по гроб жизни гордиться, — и зуб поймал прямо на лету. Цветочницы все ладони себе отбили, аплодируя, а Финт чуть петухом не закукарекал. Он сводил нескольких цветочниц постарше поужинать устрицами; словом, любой молодой человек на его месте сказал бы, что день удался. Добрый поступок всегда окупается; хотя дело было еще до того, как Финт спас Соломона, который отдельных деталей этого предприятия никак не одобрил бы.

А поскольку Финт уже практически добрался до дома, до своего, так сказать, надела, пусть и почерневшего от копоти, он позволил себе слегка расслабиться, — и тут на плечо ему легла рука, на удивление хваткая, учитывая, что ее владелец применял силу главным образом к пишущему перу.

— Вот те раз, мистер Финт! Вы не поверите, сколько мне пришлось выложить извозчику, чтобы добраться сюда побыстрее. Должен отметить, что канализация ваш костюм не по-

---

* Довольно грязных, но тем не менее превосходно пошитых; Финт их потом еще долго носил — ну, то есть сперва отстирав хорошенько. (Прим. автора)

щадила. Нет ли здесь поблизости кофейни, как вы думаете?

Финт думал, что нет, но предположил, что в какой-нибудь местной пирожковой, может, чего и найдется, прибавив:

— Вот за вкус не поручусь. Наверное, малость сродни мясным пирожкам; да, пожалуй, на мясные пирожки очень даже похоже; ну то есть если зверски проголодаться, то сойдет, если понимаете, о чем я.

В конце концов он повел Чарли в паб, где можно было поговорить, не опасаясь, что тебя подслушают, и где вероятность того, что кто-нибудь попытается обчистить Чарлины карманы, была не столь высока. Переступив порог, Финт вошел внутрь этаким козырем. Тем самым козырем, которому все под масть — пики ли, трефы, бубны или черви, — это был Финт в лучшем виде, парень-жох, друг всем и каждому в здешних трущобах. Он пожал руку Квинсу, хозяину паба, и нескольким завсегдатаям сомнительной репутации, — пожал горячо и рьяно, давая понять тем, у кого есть глаза, что здесь владения Финта и никого другого.

В целом Чарли держался неплохо, и все-таки здесь он был в трущобах, сюда даже пилеры заходят с опаской, и никогда — по одному. Здесь Чарли смотрелся так же неуместно, как Финт поначалу чувствовал себя в здании парламента. Два разных мира.

На самом-то деле, если задуматься, Лондон не так уж и велик: одна квадратная миля ла-

биринтов в окружении еще улиц, и людей, и... возможностей... а снаружи — россыпь пригородов, которые вообразили себя Лондоном, но только никакой они не Лондон, еще чего! — по крайней мере, не на взгляд Финта. О, иногда он выбирался за пределы квадратной мили — не поверите, на расстояние целых двух миль! — где тщательно драпировался в непрошибаемую самоуверенность жохства. Тогда он был само дружелюбие с теми, с кем стоило водить дружбу, и жох призывал жоха, жохи Внешних Пустошей, как Финт называл эти улицы, были тебе не то чтобы друзья, но ты уважал их границы в надежде и уверенности, что они уважат твои. Понимание достигалось с помощью взглядов, намеков и время от времени — обмена жестами, которые в словах не нуждались. Но это все просто показная видимость, игра такая... и когда он не был Финтом, он порою гадал, а кто он на самом деле. Ведь на поверку Финт куда сильнее его.

Время от времени какой-нибудь завсегдатай косился на Чарли, переводил взгляд на Финта, тотчас же все понимал и отворачивался. *Никаких проблем, никто ничего не говорит, босс, твоя правда.*

Когда стало ясно, что боевых действий не предвидится, и перед гостями поставили две пинты портера, в кои-то веки в чистых стаканах, раз уж тут у нас джентльмен, Чарли заявил:

— Юноша, закончив наши дела с Анджелой, я поспешил напрямик в издательство, и что же

я обнаружил? А вот что: мой друг мистер Финт, отважный герой, — очень богатый человек. — Чарли наклонился поближе и прошептал: — Собственно, тут у меня в кармане звонкой монеты на сумму в пятьдесят соверенов плюс то, что теперь покажется вам мелочью, — все аккуратно завернуто, чтоб не звякало; и, по-видимому, будет еще.

Финт наконец справился с собственным ртом, что на секунду-другую совершенно вышел из повиновения. И прошептал:

— Но, Чарли, я ж никакой не герой.

Чарли приложил палец к губам.

— Вы там поосторожнее с возражениями; вы же знаете, кто вы и что вы, и я, пожалуй, тоже, хотя я, похоже, добрее к вам, чем вы сами. Но сейчас честные лондонцы собрали эти деньги для того, кого считают героем. Кто мы такие, чтобы отнять героя у честных лондонцев? И кто, если не герой, способен изменить мир к лучшему?

Финт окинул взглядом бар. Никто к ним не прислушивался.

— А бедный старый Тодд — злодей, так? — прошипел он.

— Ну, как вам сказать, — откликнулся Чарли. — Предположим, что именно герой мог бы заявить во всеуслышание, что так называемый злодей на самом-то деле всего-навсего несчастный, страдающий безумец — это война сделала его таким; именно герой мог бы подсказать, что

Бедлам здесь уместнее виселицы. Кто дерзнет отказать герою, тем более если помянутый герой потратит часть своего новообретенного богатства на то, чтобы облегчить бедняге пребывание в стенах Бедлама.

Финт представил себе мистера Тодда в Бедламе, где горемыку, надо думать, запрут наедине с его демонами, безо всяких удобств, разве что Финт сможет себе позволить их оплатить. От этой мысли по спине у юноши побежали мурашки: такая будущность и впрямь казалась не в пример хуже ньюгейтских виселиц, особенно с тех пор, как там освоили искусство располагать узел петли так, чтоб шея ломалась мгновенно. А это значит, что всем заинтересованным лицам уже не нужно часами болтаться тут же, и висельнику не приходится больше полагаться на друзей, чтобы те дернули его за пятки, пока он в петле отплясывает фанданго. По слухам, хороший карманник разживется ужином, просто прогулявшись за спинами зевак, желающих насладиться зрелищем по полной. Финт и сам такое попробовал разок и остался не в накладе, но, к вящему своему удивлению, отчего-то постыдился использовать такое событие в корыстных целях и отдал преловко вытщенные деньги двум нищим.

— Никто не станет меня слушать, — возразил он.

— Вы себя недооцениваете, друг мой. И недооцениваете могущество прессы. А теперь за-

кройте рот, пока туда что-нибудь не влетело, и помните, завтра утром я жду вас в редакции «Панча», чтобы мистер Тенниел нарисовал портрет (а рисует он в довольно забавном ключе): ведь наши читатели жаждут полюбоваться на героя дня.

Чарли хлопнул Финта по спине — и тотчас же об этом пожалел, поскольку ладонь его при-
шлась на особенно духовитый фрагмент Финтова костюма.

— Карета, — вспомнил Финт. — Я ее снова слышал. Чуть не догнал. Я этих гадов разыщу, Чарли. Они Симплисити и пальцем не тронут.

— Что ж, в данный момент она в безопасности у Анджелы, — улыбнулся Чарли. — И я надеюсь, я уговорю Бена помолчать денек-другой, пока я навожу дальнейшие справки. Мы с вами команда, мистер Финт, мы — команда! Игра в разгаре, так что давайте надеяться, что мы — на стороне победителей.

С этими словами Чарли вышел из паба и то-ропливо зашагал к ближайшей широкой улице, способной вместить в себя кеб, а Финт так и остался сидеть с открытым ртом — и с карманами, битком набитыми вожаделенной и блестящей звонкой монетой. Спустя несколько секунд богини реальности и самосохранения сообща накнулись на него, и счастливый владелец целого состояния опрометью помчался через Севен-Дайалз и забарабанил в Соломонову дверь.

Постучался Финт условленным стуком, тут же раздался ликующий лай Онана, послышалось шарканье Соломоновых туфель, громынули засовы. Финт знал, что лондонский Тауэр — крепость, которую ему никогда не хотелось осмотреть изнутри, — на ночь запирают с пышными церемониями стражники-йомены, известные под прозвищем «бифитеры». Но при всей своей сложности эти их церемонии наверняка далеко уступали Соломонову ритуалу отпирания-запирания двери в скрупулезности и дотошности. Дверь, кстати, наконец-то открылась.

— Ох, Финт, таки поздновато ты сегодня. Ничего, жаркому только на пользу постоять на огне чуток подольше... Ой-вэй, *что* ты сотворил с почти совсем новым костюмом от Иакова!..

Осторожно сняв пиджак, Финт по настоянию Соломона повесил его на вешалку — дожидаться, пока им займутся вплотную, затем медленно повернулся, открыл кошелек, врученный ему Чарли, и высыпал содержимое на Соломонов верстак.

А затем отступил на шаг и заявил:

— Думаю, Иаков со мной согласился бы, что прямо сейчас костюм не так важен. — Он усмехнулся. — Как бы то ни было, всем известно, что капелька мочи одежке только на пользу, так что, думаю, малая толика этой звонкой монеты все уладит лучшим образом, что ска-

жешь? — И пока еще старик не закрыл рта, Финт добавил: — Надеюсь, у тебя в сейфах места хватит!

И тут же подумал, глядя на потрясенного Соломона, который временно утратил дар речи, — а ведь, пожалуй, имеет смысл перенести все это богатство куда-нибудь еще, да по возможности поскорее.

Прошло некоторое время. На столе остались стоять две пустые миски из-под жаркого — и тут же целое состояние: аккуратные столбики монет, выстроенные в порядке номинала — от одного-двух полуфартингов вплоть до гиней и соверенов. Соломон с Финтом завороченно глядели на столбики, словно ожидая от них какого-то фокуса или, скорее, подвоха: чего доброго, они вот-вот растают в воздухе и вернутся туда, откуда взялись.

Что до Онана, он встревоженно переводил взгляд с одного хозяина на другого, гадая, не замечен ли в каком прегрешении; по правде сказать, обычно так оно и бывало, хотя в данном случае пес пока еще ни в чем не провинился.

Соломон с превеликим вниманием выслушал рассказ Финта о том, что произошло в цирюльне, и обо всех последующих событиях, вплоть до приглашения на званый ужин от мисс Анджелы и вознаграждения, которое Чарли вручил ему в пабе. Иногда, подняв палец, старик задавал уточняющий вопрос, но по большей части по-малкивал и лишь под конец сказал:

— Ммм, таки не твоя вина, что люди зовут тебя героем, но ты молодец, что понимаешь — если он и чудовище, то таким его сделали чудовищные преступления других. Железо на наковальне за молот не отвечает, и, думается мне, Бог поймет, что ты использовал каждую возможность, дабы объяснить ситуацию тем, кто готов слушать. Ммм, а то я не знаю, что люди рисуют себе мир таким, каким им хочется. Им нравится, когда убивают драконов, а если в истории и зияют дыры, то их заполнит народное воображение. Никто тут не виноват. Что до денег, то я тебе так скажу: таким способом общество пытается облегчить свою совесть. И это целительное действие таки имеет свой побочный эффект, а именно превращает тебя в чрезвычайно обеспеченного молодого человека, которому, я считаю, таки просто необходимо положить большую часть этих денег в банк. Ты упомянул про даму по имени мисс Анджела Бердетт-Куттс, пусть она будет счастлива: она в самом деле невероятно богата, ибо унаследовала от деда огромное состояние, и ты поступишь мудро, если станешь вести дела с ее семьей. Думается мне, твой выбор — джентльмены из банка мистера Куттса, так что предлагаю тебе доверить свои деньги им, под процентную ставку; там они будут в безопасности, в наилучшем виде. Такой хороший запас на черный день!

— Ставка, говоришь? А на что деньги делают ставку?

— На новые деньги, конечно, тут уж ты мне поверь, — заверил Соломон. — Это еще «банковский интерес» называется.

— Не хочу, чтобы кто-то мной слишком заинтересовался! — заявил Финт.

Соломон издал особенно смачное «mmm».

— Таки не столько тобой, сколько твоими деньгами. Ммм, видишь ли, дело обстоит так. Предположим, кто-то из этих новомодных железнодорожных джентльменов, назовем его мистер Стивенсон, задумал создать потрясающий новый двигатель. Поскольку мистера Стивенсона интересуют главным образом шкворни и атмосферное давление, в мире коммерции он, вероятнее всего, не слишком сведущ. Ммм, так вот мистер Куттс и его джентльмены находят для него предпринимателей — в данном случае это *ты*, Финт, — которые могли бы ссудить его наличностью, так необходимой, чтоб его гениальная идея превратилась в осязаемую реальность. Мистер Куттс оценит клиента с точки зрения его добросовестности и надежности — короче, позаботится о том, чтобы твои деньги работали на вышеупомянутого инженера, но одновременно и на тебя тоже. Разумеется, банкиры прежде всего посоветуются и удостоверятся, что наш джентльмен с сияющими глазами, в штанах до колен, заляпанных смазкой, насквозь пропахший угольной пылью, — это надежное капиталовложение, но мистер Куттс и его семья — очень богатые люди, пусть они

будут здоровы, и разбогатели они отнюдь не на ошибках и промахах. Это называется финансирование. Поверь мне; я еврей, мы в таких вещах понимаем.

Соломон сиял счастьем, но Финт опасливо возразил:

— По мне, так ничем не лучше азартной игры. А если играешь на деньги, того гляди без штанов останешься.

Онан, про которого все забыли, жалобно заскулил из-под стола.

— Действительно, возможно и такое, но, ммм, я тебе так скажу: азартная игра игре рознь. Вот взять хоть покер. Суть покера в том, что ты наблюдаешь за людьми, а тебе, юноша, в этом деле равных нету. Ты читаешь по лицам. Таки не знаю, как тебе это удастся, — это дар, не иначе. Вот и с финансами то же самое — с людьми нужно держать ухо востро, и «Мистер Куттс и К°» об этом ни на минуту не забывают.

— Тебя послушать, так они жохи вроде меня! — заметил Финт.

Соломон улыбнулся.

— Ммм, это чрезвычайно интересная философия, Финт, но я бы не советовал распространяться о ней перед джентльменами из банка Куттса. Помни, очень трудно удержаться в бизнесе, имея дурную репутацию, а они держатся, и еще как. — Соломон поморщился: ароматы высыхающего пиджака перебивали даже Ононов вклад в атмосферу мансарды.

— Мне страшно жаль, что с костюмом так вышло, — посетовал Финт, но Соломон только отмахнулся, издав нечто вроде «фуууу».

— Из-за Иакова не переживай, — промолвил он. — Чтоб Иаков да рассердился на покупателя, у которого денег куры не клюют? Кроме того, конская моча, как известно, одежду чистит лучше лучшего — не все, правда, это ценят, хотя все знают, что пахнет она как хороший сидр, с фруктовой такой нотой. А теперь предлагаю лечь пораньше, как только ты отмоешься, потому что завтра нам предстоит ужинать с очень важными людьми и я со стыда сгорю, если станут говорить: «Вы только гляньте на этого беспризорника-переростка, сразу видно, он совершенно не умеет себя вести». А ведь того гляди скажут: возможно, ножом и вилкой он пользоваться умеет, но вот, ммм, лопаточку для рыбы отродясь в руках не держал; и примутся перешептываться: «А ведь он наверняка громко чавкает, когда суп ест», а ты, Финт, да позволено мне будет заметить, частенько этим грешишь. Если туда званы такие люди, как мистер Дизраэли, тебе должно быть джентльменом, и, ммм, похоже, у меня меньше дня на то, чтобы тебя в такого превратить. Одними деньгами тут не обойдешься.

Финт поморщился было, но Соломон продолжал громогласно вещать — с ветхозаветной непоколебимостью, потрясая праведным перстом, словно того гляди швырнет наземь скри-

жали Завета. Тогда бы дом точно обрушился — учитывая, что балки и без того поскрипывали и постанывали под весом бессчетных семейств, заплонивших здание.

Воинственно выставив вперед бороденку — точно выдвинув авангард, — Соломон втолковывал:

— Это вопрос гордости, Финт; у меня она есть, а тебе ею еще предстоит обзавестись. Утром мы первым делом сходим навестим мистера Куттса, а потом так посмотрим, не сыщется ли в Лондоне цирюльник, способный наилучшим образом постричь и побрить клиента, не зарезав его при этом бритвой. Я как раз знаю подходящего.

Не успел Финт и слова вставить, перст вновь вознесся, моря расступились, загрохотал гром, потемнели небеса, в панике разлетелись и спрятались птицы. Или, по крайней мере, все это произошло в четырех стенах мансарды и в воображении Финта.

— Не спорь со мной, — свирепо заявил Соломон. — Здесь тебе не клоака. Когда речь идет о финансах и банковском деле и приведении тебя в божеский вид, главный тут я. Таки доказано на опыте. И заруби себе на носу, что впервые за всю твою жизнь я настаиваю и требую! Не время спорить со старым другом. В конце концов, я ж тебе не объясняю, как работать в канализации.

Перст, устав пронзать воздух, присоединился к своим собратьям-пальцам, приборой отхлы-

нул назад, темные небеса уступили место безмятежному, пусть и грязноватому вечернему зареву; грозный перст, исторгающий громы и молнии, в воображении Финта поблек и погас, а Соломон, разом умалившись, попросил:

— Теперь будь так добр, сходи выведи Онана по его надобности, — и можно на сегодня прикрывать лавочку.

Когда Финт с собакой сбежали вниз по лестнице, в небесах еще догорал последний отсвет. Следуя неписаному правилу, юноша спустил Онана с поводка и, отвернувшись, принялся глазеть по сторонам, словно и знать не знал, чем там занята собака. Кое-где мерцали огоньки, но редкие, по пальцам перечесть можно — ведь свечи денег стоят. Уж таковы лондонские плеяды: случайная звезда-другая да свеча в окне, что жертвует толику своего жира неблагодарным улицам. Если в это время суток видишь свечу в окне, значит, какой-то бедолага помер, а не то, так другой бедолага родился. Свет нужен, если позвали повитуху, — и свет обозначает смерть. А если смерть приключилась в не столь мирных обстоятельствах — если случай из тех, каким заинтересуются пилеры, — тогда понадобится коронер, а значит, и вторая свеча.

Размышляя обо всем об этом, Финт прикрикнул на Онана: «фу!» — пес уже нашел чего погрызть, — и тут в голове тихо звякнул звоночек: юноша внезапно осознал, что в темноте

кто-то неслышно к нему подкрался — и теперь к горлу его приставлен нож.

Раздался тихий голос:

— Тебе, мистер Финт, известно местонахождение кой-чего важного, а я слышал, тебя тут побаиваются, потому как все, дескать, знают, ты — парень непростой, раз уделал Суини Тодда. Но я? Я скажу, нет, враки, как есть враки, так? — раз всего-то и надо, что покараулить прямо здесь да пригрозить тебе, когда ты выйдешь проветриться перед сном, дожидаясь, пока вонючая шавка еще больше загадит мостовую, так что законопослушным жителям вроде меня и ступить-то некуда. Не вини себя, мистер Финт; многих бедолаг привычка сгубила, а я слышал, ты парень с мозгами. Так вот, мы тут одни, ты, я и шавка, и жить шавке осталось недолго, после того как ты мне выложишь все, что надо, и я с тобой покончу. Один короткий вскрик посреди трущоб, и все, нету тебя. Тот порадуется мой наниматель, мистер Ушлый Боб. Так вот, мистер Финт, если можешь, выкладывай, где девчонка с золотыми волосами; а если не можешь, все равно тебе крышка.

В теле Финта не дрогнул ни один мускул, если не брать в расчет сфинктер. Но вот в мозгу его пронеслось имя Ушлого Боба, и Финт промолвил:

— Я тебя не знаю. А ведь думал, мне в любом из округов каждая рожа знакома. А вы бы не представились, мистер? В конце концов, я

вряд ли поделюсь с кем-нибудь этими сведениями, так?

Лезвие чуть касалось основания Финтовой шеи. Онан почти наверняка бросится на врага, если подать ему сигнал, но приставленный к шее нож очень способствует тому, чтоб тщательно взвесить все «за» и «против». Шея, как знал Финт, штука крепкая, жилистая, вполне способна выдержать вес крупного мужчины, что наглядно демонстрируют тайбернские виселицы, и проткнуть ее порою непросто, если не знать, куда целиться. Но вот резануть по шее — милое дело.

Невидимка замолчал; если бы Финт не ощущал над ухом чужое дыхание, он, пожалуй, и знать не знал бы, что рядом кто-то есть. Все эти мысли вихрем пронеслись в голове юноши. Невидимке нравится, что Финт беспомощен и полностью в его власти; есть такие люди, что правда, то правда; но этому типу никогда не стать жохом. Если настоящий жох хочет тебя убить, жох рассусоливать не станет.

А невидимка, по-видимому, решил, что самое время помучить жертву еще немного.

— Я никого не тороплю, — проговорил он, — так что ты небось уже смекнул, что из захвата не вырвешься, а я успею здорово подпортить тебе шею, прежде чем твой песик на меня кинется. Конечно, с ним малость повозиться придется, но собаки — не проблема, если свое дело знаешь и оделся как надо. Я не затем

столько лет на ринге провел, чтоб теперь ушами хлопать: я за себя в любой драке постоять сумею! До кастетов тебе сейчас никак не добратся — и до этого твоего ломика тоже, не то что в последнюю нашу встречу. — Он сдавленно хихикнул. — И до чего ж мне приятно будет расквитаться с тобой за ту грозовую ночь. Ты, верно, слышал, что кое-кто с тех пор принял меры, так что мой тогдашний кореш ныне не на этом свете, а на том — а ты ему вот-вот составишь компанию, точняк. А мне к вам, счастливым, присоединяться не с руки, так что выкладывай все, что знаешь. Прямо сейчас.

Финт задохнулся. Так вот он, один из тех гадов, которые избивали Симплисити! И за всем этим стоит Ушлый Боб! Финт слышал это имя — вроде адвокат такой, весьма уважаемый в не слишком уважаемых кругах. Уж не этот ли хмырь разговаривал с Мари-Джо?

В груди всколыхнулся гнев, яростный и неодолимый, и перетек в искрометную, слепящую убежденность, — пока лезвие мягко поглаживало его шею. Внутренний голос шептал: «Этот человек отсюда не выйдет».

Рядом не было ни души. Время от времени где-то раздавался взвизг, вскрик или загадочный вздох — музыка ночи в многоквартирных домах, — но прямо сейчас Финт и невидимка были одни.

— Выходит, я в руках профессионала? — промолвил Финт.

— О да, можно сказать и так, — откликнулся голос за его спиной.

— Круто, — восхитился Финт и резко ударил головой назад с такой силой, что послышался вдохновляющий хруст, — и тут же, стремительно обернувшись, пнул противника ногой. Не слишком заботясь о том, куда пришелся пинок и, собственно, на чем там он топчется, Финт радовался богатому многообразию выбора и в бешенстве пинал и топтал, что подвернется. Если на то пошло, самое разумное, что тут можно сделать, — это остаться в живых, а шансы остаться в живых, если тебе угрожают ножом, обоснованно малы. Лучше расквасить злодею нос и поставить здоровенный синяк, нежели самому превратиться в воспоминание. Боже милостивый, а ведь этот хмырь еще и за воротник залил, прежде чем идти на дело, — идея не из лучших там, где требуются быстрота и точность. Но ведь это — один из гадов, *избывавших Симплисити*; никакой пинок тут лишним не покажется.

Финт подобрал с мостовой оброненный негодяем нож и, глядя сверху вниз на лежащего в сточной канаве противника, объявил:

— Хорошие новости: через пару месяцев ты об этой неприятности и не вспомнишь. Плохая новость: спустя пару недель тебе придется попросить кого-нибудь снова как следует переломать тебе нос, не то тебя родная мать не узнает.

Негодяй засопел; насколько удавалось разглядеть в темноте, сейчас его покрытая шрамами физиономия смотрелась едва ли не лучше, чем прежде. Считается, что измочаленная рожа — признак профессионального боксера, но это не так — это признак боксера-любителя. Хорошие боксеры предпочитают выглядеть красавчиками — чтоб противник потерял бдительность.

Финт со всей силы пнул поверженного врага в пах и, пока тот стонал, по-быстрому обшарил его карманы на общую сумму в пятнадцать шиллингов, шесть пенсов и полпенни. Пнул его еще раз, для ровного счета. Стянул с него башмаки и сообщил:

— Да, мистер, я — тот самый парень-жох, который уделал тебя в грозовую ночь. Тот самый жох, что справился с Суини Тоддом, и знаешь что? При мне его бритва. И чую, в кармане ей спокойно не лежится. Скажи Ушлому Бобу, пусть приходит и сам задает мне свои вопросы, так-то! Я не убийца, но с убийцами я на короткой ноге, и если ты мне здесь еще попадешься или если я услышу, что ты снова полез с кулаками к даме, я ж из тебя душу вышибу и в лаванде зарю. Поплывешь вниз по Темзе без лодки, помни мои слова.

Повсюду вокруг и сверху было слышно, как осторожно приоткрываются окна — осторожно, потому что, чего бы там ни произошло внизу на улице, может, вы на самом деле не хотите

этого видеть, особенно если есть вероятность, что с вопросами придут пилеры. В трущобах необходимо развить в себе особый вид слепоты: чтоб включался и отключался по желанию.

Финт сложил ладони рупором и жизнерадостно завопил:

— Все в порядке, народ, это я, Финт, и какой-то пришлый тип, не из наших, он, представляете, об мою ногу споткнулся. — Про «пришлого» нужно было непременно вернуть, чтобы все, кто слушал, убедились: здешние границы, уж какие ни есть — а прямо сейчас это по большей части грязь вперемешку с остатками недавних Онановых трапез, — под надежной защитой; и совсем не лишне напомнить всем и каждому, что защищает их Финт, славный старина Финт.

В сером сумраке раздались сонные аплодисменты — хлопали все, кроме мистера Слейда, шкипера баржи, который кротостью речей не славился — и, кроме того, на работу ему приходилось вставать ни свет ни заря. День у него явно не задался; глядя вниз, он рывкнул:

— Ок, а теперь сыпь отсюда, засранец, марш спать!

Финт предпочел проигнорировать приглашение сперва справить естественную нужду, а потом идти на покой; вместо того он отчасти отволоч, отчасти перенес на себе негодая за пределы своих границ, как велит закон улиц, затем еще десять минут убил на то, чтобы от-

тащить его подальше от доходного дома — на случай, если пилер затеет расследование. Наконец он прислонил тело к стене и прошептал:

— Свезло тебе, парень. И если я еще раз увижу в наших краях твою рожу, как говорят у нас в профессии, быть тебе и стрижену и бриту. Уяснил? Я так понимаю, это было «да».

Финт свистнул Онану — но сперва пес помочился гаду на ногу; Финт ничего подобного не планировал, но решил, что в создавшихся обстоятельствах это превосходный финал для сценария.

И тут... остался только Финт, и Финту показалось, что события вечера нуждаются в последнем завершающем штрихе, в последней мелкой мелочи, о которой парень-жох стал бы вспоминать с гордостью — и которая придавала бы еще больше блеску его репутации. Пораскинув мозгами и позвеневав в руке уворованными монетами, он зашагал обратно к своему кварталу, подошел к маленькой дверце и несколько раз постучал.

Спустя какое-то время наружу выглянула очень опасливая старушка в ночной рубашке и с превеликим подозрением спросила:

— Кто там? Денег в доме ни пенса, чтоб вы знали. — И тут же сменила тон: — Ох, да это ж юный Финт. Чтоб мне провалиться, я тебя только по зубам и узнала. В жизни ни у кого не видала таких белых.

К вящему удивлению старухи, Финт отвечал:

— Да, это я, миссис Бичем, я знаю, что у вас в доме денег нет, так вот теперь есть. — И высыпал добычу в руки изумленной хозяйки.

На душе стало не то слово как приятно, а беззубая старуха прямо засияла в темноте:

— Благослови вас Бог, сэр, я уже помолюсь за вас утром в церкви.

Финт несколько удивился; никто и никогда на его памяти не предлагал прочесть за него молитву. И мысль об этой молитве в зябкую ночь дарила приятное тепло. Сберегая его в груди, Финт повел Онана по длинной лестнице наверх, спать.

ГЛАВА 11

Финт прихорашивается,
а Соломон выходит чист пред всеми

Соломон еще не ложился: ждал, пока вернется Финт. В числе восторженных зрителей его не было, поскольку ни одна из комнат мансарды на улицу не выходила. Все окна смотрели на какие-то склады; Соломон считал, что этот вид куда предпочтительнее, нежели все то, что можно ненароком увидеть на улице. Друзья обменялись в темноте лишь несколькими словами, Финт плюхнулся на тюфяк — и последняя свечка была погашена.

Свернувшись клубком под одеялом с осознанием плодотворно прожитого дня, Финт следил, как перед его внутренним взором неспешно проплывают мысли. Неудивительно, что мир вращается, — столько всяких перемен произошло! Давно ли он услышал крик и выпрыгнул из бурлящей канализации... сколько дней назад дело было? Он посчитал — три дня. *Три дня!* Похоже, мир движется слишком быстро, смеется над Финтом, дразнится — попробуй поймай!

Ну так что ж, он кинется вдогонку и возьмет свое, и будь что будет. Завтра он идет на потрясающий ужин — туда, где наверняка будет Симплисити. По мере того как нарастала усталость, Финт убеждался: главное во всем этом — то, чем ты кажешься, и он учился производить впечатление. Казаться героем, казаться умницей, казаться достойным доверия. Похоже, ему удалось одурачить всех подряд, а что окончательно сбивало с толку — ведь и с ним самим та же история, что-то неодолимо толкает его вперед, как подспудный двигатель. И все еще осмысливая этот странный вывод, Финт заснул.

На следующий день швейцар, в чьи обязанности входит открывать двери банка «Куттс» перед клиентами, обнаружил перед собой престарелого еврейского джентльмена в поношенном габардиновом пальто и с меркантильным блеском в глазах. Наваждение прошествовало мимо в сопровождении юноши в костюме словно бы с чужого плеча и дурно пахнущей собаки. Прочие клиенты начали было роптать, зачем-де сюда бедняков пускают, но тут выяснилось — после того как все монеты достоинством выше шестипенсовика были должным образом ссыпаны в мешочки и все бумаги подписаны, — что у этих бедных людей очень много денег.

Забрав расписку в получении и новехонькую блестящую банковскую книжку, загадочные двое исчезли так же быстро, как и появились, и Крас-

ное море сомкнулось снова, и планеты доковыляли до своих законных орбит, и весело играли первенцы, и мир был в порядке. Кроме той его части, в которой находился один из старших компаньонов мистера Куттса, внезапно осознавший, что каким-то непостижимым образом согласился на процентную ставку, предлагаемую очень нечасто; впрочем, на тот момент он счел, что дешево отделался, убрав Соломона из здания, прежде чем тот повыгоняет меновщиков. Мысль, конечно, нелепая и совершенно необоснованная, но тем не менее из любых торгов Соломон неизменно выходил победителем, а прочие еще какое-то время не вполне понимали, на каком они свете.

Едва оказавшись на улице, Финт скрепя сердце напомнил Соломону, что ему надо заглянуть в редакцию журнала «Панч»: какой-то там художник должен нарисовать его портрет для обложки.

Мистер Тенниел, как выяснилось, был не намного старше Финта; его каштановые волосы отливали рыжиной. Финт уселся перед ним на стул, и, пока художник работал, они непринужденно болтали о том о сем. Оказалось, что позировать мистеру Тенниелу для портрета в три четверти совсем не сложно — это тебе не четвертование, заметил Соломон. По-видимому, это была шутка, но пояснять Соломон не стал.

«Пожалуй, — думал про себя Финт, — точнее было бы сказать так: сам процесс несложен, но на нервы действует». Мистер Тенниел коря-

бает, корябает по бумаге, и вдруг как вскинет глаза на Финта, как прищиплит его взглядом к стулу, точно бабочку, — и тотчас же снова принимается лихорадочно что-то корябать. Художник склонялся над рисунком — так, что виден был только затылок; а Соломон, устроившись в кресле, попивал себе кофе да почитывал бесплатный экземпляр «Панча».

К вящему изумлению Финта, рисование не заняло много времени; Тенниел наконец добавил к портрету на мольберте несколько последних штрихов и с усмешкой развернул его к Финту.

— Пожалуй, мне даже нравится, мистер... можно звать вас просто Финтом? Думаю, самую суть я схватил, но, понятное дело, обложка пустого места не терпит, нужно будет добавить кой-каких деталей: дать читателям представление о том, что произошло в цирюльне мистера Суини Тодда. Мистера Тодда мне тоже придется нарисовать: публика требует и героя, и злодея.

Финт сглотнул.

— Но на самом-то деле мистер Тодд никакой не злодей, сэр... — начал он.

Тенниел отмахнулся кистью.

— Я слышал, битва при Талавере была сущим адом. Говорят, Веллингтон как одержимый слал своих людей вперед, бросал прямо на пушки, с чудовищными потерями. Остается только надеяться, что жертва стоила стольких жизней, если это вообще возможно. — Тенниел пожал Финту руку и продолжил: — Мистер Диккенс рассказал

мне всю правду о том, что случилось в тот день на Флит-стрит: просто удивительно, как в наши дни публичное восприятие неизменно тяготеет к макабрическому! Кажется, обывателю ничто так не мило, как «кррровавое убийство». — Он помолчал. — Что-то не так, мистер Финт?

Рисуя портрет, Тенниел критически рассматривал Финта, а Финт, в свою очередь, пристально разглядывал его. И видел не только то, что лежит на самой поверхности; в какой-то момент ему явственно померещилось — что-то не в порядке. Финту потребовалось некоторое время на то, чтобы понять, в чем дело, и подобрать нужные слова.

Смущенный тем, что его застукали — ведь пялиться на людей неприлично! — Финт решил отвечать со всей откровенностью:

— Мне кажется, у вас что-то такое с левым глазом, да, мистер Тенниел? Надеюсь, этот изъян вам рисовать не мешает?

Лицо художника застыло — и вновь оттаяло до кривой улыбки.

— Шрам такой маленький; кажется, вы первый из моих знакомых, кто его заметил. Несчастный случай в детстве, сущий пустяк*.

---

* Отец Джона Тенниела был учителем фехтования. В возрасте двадцати лет Тенниел пострадал на тренировке от несчастного случая: кончик отцовской рапиры задел ему глаз. На этом глазу зрение стало падать; в результате Тенниел практически перестал заниматься живописью и полностью посвятил себя графике. (Прим. перев.)

«Не такой уж и пустяк, сдается мне», — подумал про себя Финт, глядя на улыбающееся лицо собеседника.

— Правильно Чарли сказал о вас давеча!

— О? Ммм, и таки что же давеча сказал Чарли про моего друга Финта, будьте так добры, сэр? — пророкотал Соломон, поднимаясь на ноги и пряча журнал в глубины пальто. — Мне чрезвычайно любопытно. — Он, конечно же, улыбался, но слова прозвучали подчеркнуто весомо.

Тенниел, безусловно, интонацию уловил: покраснев, он промолвил:

— Раз уж я проболтался, сэр, придется уж выложить все как на духу — но, пожалуйста, не говорите мистеру Диккенсу, что я его цитировал. На самом деле сказал он вот что: «Мистер Финт так чертовски умен, что в один прекрасный день его имя запомнят на всех континентах — возможно, как благодетеля человечества, а возможно, как обаятельнейшего из прохвостов, что когда-либо качались в петле!»

Соломон рассмеялся — изумленный мистер Тенниел аж отпрыгнул на шаг — и отвечал:

— Что ж, мистер Диккенс отлично разбирается в людях, надо отдать ему должное, а прямота его достойна всяческих похвал. Но если вы встретитесь с ним до меня, пожалуйста, передайте ему, что Соломон Коган делает все возможное в пользу первого из вариантов! Большое спасибо за ваше время, сэр, но теперь

прошу нас извинить, мне нужно сводить этого юного головореза туда, где его отдраят дочиста, как никогда в жизни, и знаете почему? — потому что вечером мы приглашены на очень важный ужин в Уэст-Энде. Доброго вам дня, сэр, и еще раз спасибо, а теперь нам таки действительно пора.

— Не время прохлаждаться, Финт, — объявил Соломон, когда дверь за ними закрылась. — Ты ведь знаешь, сколь большое значение я придаю мытью? Так вот, сегодня мы наведемся в турецкие бани со всеми полагающимися атрибутами.

Финт ничего подобного не ждал, но Соломонова мудрость и его рдения во имя основ гигиены до сих пор помогали ему выжить, так что Финт ни за что бы не стал разочаровывать друга; спорить он не смел, опасаясь, что охваченный праведным пылом Соломон оттащит его туда за ухо. Лучше смириться, чем стать посмешищем всех трущоб и борделей. Так что, сделав хорошую мину при плохой игре, Финт вышел вслед за стариком под морозящий дождичек пополам с дымом. Они отвязали Онана от фонарного столба, где оставляли пса, зная, что никому и в голову не придет его украсть.

Финт почувствовал себя куда лучше, когда вдруг вспомнил слово «турецкий». Кто-то, возможно Джинни-Опоздалка — очень милая девушка, от одного ее смеха щеки сами собою вспыхивали огнем; одно время они были очень

близки, — рассказывал ему про Турцию. Его воображение надолго заполнили волнующие образы танцовщиц и загорелых красавиц в полупрозрачных халатиках. По-видимому, они сперва делают человеку массаж, а потом умащают его, как Джинни сказала, «мослами», и еще «асинциями», что звучало ужасно экзотично, хотя, по правде говоря, в устах Джинни-Опоздалки экзотично звучало все, что угодно. Когда Финт упомянул об этом в разговоре с Соломоном — Финт тогда был намного моложе и все еще довольно наивен, — старик отвечал: «Да неужели! Я не так много путешествовал по странам Леванта, но, что бы уж тамошние жители ни делали со своими козами, я уверен, что ослами они ни в каком виде не натираются. *Asinus* — это, видишь ли, осел по-латыни; а ослы благоуханием никогда не славились. Я подозреваю, ты имеешь в виду «эссенции», то есть вытяжки из ароматических масел. А зачем тебе?»

Финт — тогда еще совсем мальчишка — пробормотал: «Да ни за чем, просто так, на самом деле, просто слово услышал». Но сейчас, как ни крути, слово «турецкий» воскресило в памяти многообещающе-восточные видения, и, преисполнившись оптимизма, юноша сам не заметил, как прошел весь путь до турецких бань на Коммершиал-роуд.

Там, понятное дело, бани встречались на каждом шагу, ими частенько пользовались даже

те, кто был по-настоящему беден, когда — как объяснила одна старуха Финту — «надо бы комья грязи посшибать». Зачастую бани были обустроены в точности как вся остальная часть мира: чем больше платишь, тем выше вероятность получить самую горячую и чистую воду, да к тому ж еще и прозрачную — по крайней мере, пока в нее не добавили мыла. Финт знал, что в некоторых таких местах вода, в которой мылись благородные, перемещалась в купальни для, так сказать, среднего класса, а потом утекала в огромную емкость для низших социальных слоев, куда поступала уже с мылом: если во всем искать положительные стороны, так ведь сплошная экономия получается. И пусть вам не случалось садиться за стол с мэрами, рыцарями и баронами, вы, по крайней мере, пользовались с ними одной ванной, так что лондонец — это звучит гордо.

Дождь зарядил чаще — типично лондонский дождь, он утрачивал чистоту и свежесть, еще не долетев до земли, и возвращал улицам все то, что унесли ввысь дымовые трубы. На вкус — все равно что грязный пенни лизнуть.

К дверям бани вело несколько ступенек, хотя больше ничего в ее пользу не говорило; она явно не выглядела прибежищем томных турчанок. Однако внутри обнаружилась дама — Финт слегка воспрял душой; впрочем, дама оказалась сильно немолода и при усиках, и Финт снова приуныл. Дама и Соломон о чем-то при-

глушенно заспорили промеж себя. Старикан торговался даже за однопенсовую булочку, но в старухе, похоже, обрел достойную противницу: всем своим видом она давала понять, что цена тут одна, «бери или проваливай», и, что до нее, если гость провалится куда подальше, так она только порадуется.

В своем стремлении выторговать самую дешевую цену везде, где можно, Соломон нечасто терпел поражение; Финт ясно расслышал, как тот пробурчал под нос «Иезавель», уже оплачивая, как выяснилось, ключи от двух шкафчиков. Разумеется, Финт и прежде не раз бывал в обычных городских банях, но эта, как он надеялся, окажется приключением поинтереснее. Против перспективы умасливания он нимало не возражал.

И вот, завернувшись лишь в широкие полотенца и шлепая босыми ногами по мрамору, Соломон и Финт вошли в огромное помещение, которое выглядело приблизительно так, как выглядел бы ад, если бы его обустроивали с учетом, что человек заслуживает второго шанса. Там гуляло странное эхо — так бывает, когда пар, камень и род людской сведены воедино. К большому разочарованию Финта, вокруг не наблюдалось вождеваемых дам в полупрозрачных халатиках, но повсюду в туманном полумраке виднелись смутные очертания фигур — фигур явственно мужских. Соломон, тронув Финта за плечо, шепнул:

— Берегись Гнатонов — умный с полуслова понимает.

Это полуслово Финта умнее не сделало; но вот наконец до тошера дошло, и, спускаясь в ближайшую купальню, он заверил:

— Я, знаешь ли, в банях и раньше бывал, но красивее этой пока не видел. А Гнатоны мне никогда не докучали.

— Видать, Бог на них всерьез ополчился, — промолвил Соломон; а горячая вода поднималась все выше, уже почти им по пояс. — Сам я в толк не могу взять почему; сдается мне, они на свой скромный лад оказывают этой маленькой планете что-то вроде услуги, ибо не помогают заполнять ее совершенно лишними людьми.

В банях баня была не одна; были парные, холодные ванны, горячие ванны, а вот сейчас в купальню вместе с ними спустился какой-то завернутый в полотенца джентльмен с бицепсами толще, чем у нормальных людей бедра, и пророкотал, что мельничный жернов:

— Джентльмены, массаж не хотите? Основной, качественный, сплошная польза, эффект сразу прочувствуете, будете потом бодры как огурчики, а?

Финт оглянулся на Соломона. Тот кивнул и промолвил:

— Попробуй обязательно. Здесь они тебя здорово утюжат, зато потом ощутишь в теле приятную теплоту. — Старик кивнул массажисту: — Сделайте массаж и мне, и моему другу

тоже; а мы между тем потолкуем промеж себя и расслабимся.

Впоследствии Финт решил про себя, что ничего расслабительного в массаже не было, вот разве что, когда он наконец закончился, сразу так хорошо стало. Но пока двое массажистов щипали их, мутузили и мяли, иного интереса к своим жертвам, сиречь клиентам, не проявляя, юноша изливал Соломону душу, перемежая рассказ ойканьем и айканьем.

— Хорошо, что Симплисити в безопасности там, где она есть, — говорил Финт, — но жизнь ее окажется под угрозой всякий раз, как она просто прогуляться выйдет. А как я понимаю, в правительстве никто и пальцем не пошевелит, чтоб ей помочь (уй!).

— Ммм, — протянул Соломон. — Это потому, что, ммм, правительство думает главным образом о народе — вот с отдельными личностями у него неважно получается — и в стране, безусловно, есть и такие, кто считает, что если выдать девушку обратно против ее воли, отношения между двумя державами таки заметно улучшатся. Воистину, хоть мне и выговорить такое страшно, это очень даже христианский поступок, потому что, в конце концов, она жена в глазах Господа — хотя, Финт, Богу иногда случается и отвернуться, за что я Ему частенько пеняю. Желания мужа, чтоб ты знал, неизменно считаются, ммм, более важными, чем желания жены.

— Этот вчерашний хмырь работал на парня по прозвищу Ушлый Боб, который (ай!) очень интересуется Симплисити и мной, — рассказывал Финт в промежутках между мощными шлепками. — Он хочет знать, где она, так что небось ему с того какая-то денюга перепадет. Ты его знаешь? Я слышал, он из законников.

— Ушлый Боб, — задумался Соломон. — Ммм, сдается мне, я о нем слышал. И да, он адвокат — для преступников, так скажем. И я не о том, что он отмазывает их в суде. Этим он, безусловно, тоже занимается, но он скорее, ммм, что-то вроде посредника, скажем так. Например, кто-нибудь обратится к нему и, допустим, обронит: «Есть в нашем городе один джент, которому мне бы хотелось доставить некоторые неудобства». Никто ни словом не обмолвится насчет убийства или там отрезания уха; вполне довольно обменяться взглядами, до носа дотронуться — много есть разных знаков, — так что сам Ушлый Боб сможет заявить, что ведать ничего не ведал об этом деле и с какой такой стати чья-то гостиная вся забрызгана кровью. — Соломон вздохнул. — Говоришь, это его люди напали на мисс Симплисити?

— Ага, и теперь мне позарез надо его отыскать. Как только спихнем с плеч наше сегодняшнее дельце. Надо было вчерашнего хмыря выпросить, где этот Ушлый Боб обретается, но я (ой!) как раз пинал его в неназываемые и, грешным делом, позабыл. Думается, я и в нося-

ру ему здорово въехал, по всей роже расплющил, так что он разве что похрюкивать мог.

— Пусть это послужит тебе уроком, — назидательно промолвил Соломон. — Насилие не всегда на пользу делу.

— Соломон, у тебя дома шестиствольный пистолет лежит! — напомнил Финт.

— Ммм, я сказал, не всегда.

— Что ж, если ты знаешь, где его искать, ты мне скажи, потому что завтра я в любом случае им займусь, — попросил Финт. — Он небось думает, кто-то будет рад услышать, что Симплисити мертва. Не потому, что ее ненавидят, а просто потому, что она (уй!) кому-то поперек дороги встала.

Соломон отозвался таким долгим «mmm», что поначалу Финт посчитал его откликом на особый, с вывертом, щипок массажиста, но тут Соломон тихо произнес:

— Так вот, Финт, ты сам только что решил свою головоломку. Пусть эти люди думают, что Симплисити, ммм, мертва. На покойников никто не охотится. Ммм, просто на ум пришло, вот и поделился. Не принимай всерьез.

Финт взгляделся в лицо собеседника: глаза его сияли.

— Что ты имеешь в виду?!

— Я имею в виду, Финт, что ты очень изобретательный юноша, а я всего лишь подбросил тебе мыслишку — обдумать на досуге. Вот и думай. Думай вот о чем: люди видят то, что хотят видеть.

Кулак смачно впечатался в Финтову спину, но тот даже не заметил: мозг его словно взорвался, голова пошла кругом. Финт оглянулся на Соломона и молча кивнул. В глазах его плясали бесенята.

Соломон поднялся на ноги, воздвигся над Финтом, словно кит, потрепал его по плечу.

— Нам пора, юноша. Во всем нужна мера, даже в чистоплотности.

Вытершись хорошенько, они вернулись к своим кабинкам, и Соломон предложил:

— Посидим тут, выпьем чего-нибудь: не стоит выходить на улицу сразу после бодрящего массажа, того гляди сквозняк прохватит. А после того, мальчик мой, я намерен познакомить тебя с Сэвил-роу, где одеваются все важные шишки. Времени у нас не так много, но вчера вечером я послал мальчика к моему другу Иззи, он все сделает в лучшем виде. Его заведение — отнюдь не лавка старьевщика, и он, конечно же, даст хорошую скидку старому другу, который, между прочим, донес его на себе до безопасного места, когда его казаки подстрелили. — И добавил: — Пусть только попробует не дать. Тащил его больше мили, причем бегом, прежде чем мы оторвались от них в снегах, а у нас троих ни у кого даже башмаков не было, разбудили-то нас посреди ночи. После того мы разошлись каждый своей дорогой, но молодого Карла я навсегда запомнил — кажется, я тебе о нем рассказывал? — он мне твердил, что все люди

равны, но безжалостно угнетаемы, причем некоторые так даже угнетают сами себя. Если задуматься, таки он еще много чего наговорил. В жизни не видал, чтоб юноша был так ужасно подстрижен, и глаза такие дикие — на голодного волка смахивал.

Но Финт не слушал.

— Сэвил-роу, это ж в Уэст-Энде! — воскликнул он, словно речь шла о другом конце света. — А мне точно нужны шмотки, как у благородных? Ведь мистер Дизраэли и его друзья, хм, они знают, кто я такой, разве нет?

— Ммм, о, и кто же ты такой, ммм, мой друг? Ты им — подчиненный? Их наемный рабочий? Или, смею предположить, ты им ровня? Молодой Карл, несомненно, сказал бы, что ровня; может, по сей день так говорит. Если, конечно, еще жив. — Финт как-то странно покосился на Соломона, и тот поспешил пояснить: — Ммм, насколько я помню, если объяснять людям направо и налево, как жестоко их угнетают, ты, скорее всего, наживешь себе врагов с обеих сторон: из числа угнетателей, которым это дело нравится и останавливаться они не собираются, и из числа угнетенных, потому что они, как людям свойственно, предпочли бы об этом не знать. А не то разозлятся, мало не покажется.

Финт заинтригованно уточнил:

— А я — угнетенный?

— Ты? Не то чтоб заметно, мальчик мой, да и сам ты тоже никого не угнетаешь; завидное по-

ложение, не так ли? — но на твоём месте я бы не слишком задумывался о политике, а то, чего доброго, расхвораешься. Кстати, я совершенно уверен, что некоторые, пусть и не все люди, с которыми ты познакомишься сегодня, заметно богаче тебя, но, полагаю, в их глазах это не повод считать себя выше таких, как ты, — судя по тому, что я слышал про даму, в чьём доме мы нынче ужинаем. Деньги делают людей богатыми; заблуждается тот, кто думает, будто деньги делают людей лучше — или хуже, если на то пошло. Важно, что люди совершают и что после себя оставляют.

Соломон допил кофе и промолвил:

— Поскольку путь нам предстоит неблизкий, а у меня ноги ноют, возьмем извозчика и таки будем вести себя по-джентльменски, как нам и пристало.

— Но это ж чертова прорва денег!

— И что с того? Прикажешь мне теперь тащиться в этакую даль под дождем? Финт, кто ты такой? Ты — король необъятных просторов — при условии, что просторы эти лежат под землей. Ты подбираешь деньги с земли, чтобы жить, а поскольку находишь ты монетки играючи, думается мне, в каком-то смысле ты навсегда останешься ребенком. Жизнь для тебя — забава, ответственности — никакой; но вот сейчас ты принимаешь на себя ряд обязательств. У тебя есть деньги, Финт: новехонькая блестящая банковская книжка тому свидетельство. И ты надеешься завоевать сердце юной

дамы, ммм, так? Это мужчине полезно; мужчину выковывают на наковальне, имя которой — обязательства.

Едва переступив порог бань, Соломон бросился на помощь почтенной старушке, которая всего-то потянулась погладить Онана. Старик помог ей отчиститься, а когда и платье ее, и Соломонов платок пришли в относительно приличный вид, он помахал кебу, и тот остановился даже вопреки воле кучера: от конских копыт аж искры посыпались.

Благополучно устроившись на подушках внутри и оставив лондонский дождь со всей его вязкой липкостью снаружи, Соломон откинулся назад и посетовал:

— В толк взять не могу, почему эти джентльмены так недобро настроены к своим клиентам. Казалось бы, в извозчики имеет смысл идти тем, кто любит людей, нет?

Дождь полил стеной, небо обрело цвет мятой сливы. Плохой день для тошера, но ночь, может, удачная выдастся; если повезет, то сразу после ужина Финт вернется под землю, туда, где ему и место... Памятуя о недавней Соломоновой лекции, Финт мысленно поправился: туда, где он иногда считает нужным бывать.

А Финт чувствовал, что ему туда надо, — он снова засомневался насчет себя. Конечно, он все еще Финт — но какой Финт? Потому что он со всей очевидностью не тот же самый Финт, что неделю назад. «А если люди так стремительно

меняются, — подумал он, — как можно быть уверенным, что ты выиграешь и что потеряешь? Ну то есть нынче для меня взять извозчика... проще простого; я — парень, который раскатывает по Лондону в кебе, не уличный голодранец какой-нибудь, у которого зад из штанов торчит, который, помнится, бегал за кебами вдогонку, пытаюсь прицепиться. Теперь я даже за проезд плачу; а узнал бы я бывшего мальчишку?»

Казалось, погода готовилась к великой грозе — сродни той ночи, когда Финт впервые повстречал Симплисити. Кучер сидел спереди, под открытым небом, во власти всех стихий, — может, потому и ворчал, — и уж конечно, находить дорогу под сплошным ливнем могла только лошадь. В мире, по всей видимости, не осталось ничего, кроме дождя, и теперь, вопреки всем законам природы, какая-то его часть явно падала вверх, потому что нигде больше места уже не нашлось бы.

В этот самый миг Финт услышал — совсем слабо, еле-еле — тот самый звук, который подсознательно выискивал в городском шуме не первый день: скрежещущий визг терзаемого металла. Раздавался он где-то впереди. Финт кинулся к сдвижному окошечку, позволяющему седокам говорить с кучером, если тот, конечно, соизволит прислушаться, и заорал, не обращая внимания на хлещущие в лицо струи воды:

— Если догонишь карету впереди нас — ту, что со скрипучим колесом, — дам тебе крону!

Ответа не последовало — да кто бы его и расслышал на многолюдных улицах, среди водяных испарений и дождевых брызг? — и однако ж скорость кеба внезапно поменялась, а озадаченный Соломон воззвал:

— Ой-вэй, откуда у нас возьмется лишняя крона?

Финт не слушал; смысленный парень всегда найдет в кебе, за что ухватиться, чтобы, подтянувшись, вылезти на крышу, в данном случае к вящему негодованию кучера, который ругался как сам дьявол и орал, заглушая грозу: пусть-де его удавят собственным галстуком, если он допустит, чтоб какой-то паршивый сопляк лазал туда-сюда по его экипажу. Невзирая на шум дождя и громогласную брань, Финт свесился вниз и заявил:

— Ты небось слышал про парня, который одолел Суини Тодда, Демона-Цирюльника? Так вот, дядя, это я, да, Финт. Ты хочешь поговорить об этом или мне рассердиться? — Финт сполз пониже, чтобы было на что опереться, пока он разговаривает с кучером, и заявил: — Владелец той кареты впереди нас разыскивается по обвинению в покушении на убийство, вооруженном нападении и нанесении тяжких телесных повреждений. А также, возможно, в похищении молодой дамы и смерти ребенка!

Капитан экипажа, мокрый насквозь, прорычал:

— Да черта с два, ты гонишь!

— Это ты черта с два гонишь, прибавь ходу, сэр! — рявкнул Финт. — И если я найду этого гада до того, как им займутся пилеры, тем хуже для него, и, кстати, ты, понятное дело, без награды не останешься.

Кучер, пытаясь кое-как править лошадью среди вспыхивающих молний, искоса зыркнул на Финта: во взгляде этом слились гнев, любопытство и смутное недоверие.

— Ах, стало быть, ты для него страшной пилеров, так? А у пилеров, между прочим, здоровенные дубинки, кому и знать, как не мне! — Он широко разинул рот, в котором торчал единственный одинокий зуб, и добавил: — Эти ублюдки чертовски убедительны, когда им надо, мы на своей шкуре испытали. — Кучер сплюнул, добавив к грозе влаги в количестве примерно трех дождевых капель, с жалостью оглядел Финта и заворчал, беззубо усмехнувшись: — А чем это ты хуже пилеров, малыш, расскажи-ка дяде!

— Я? Да тем, что у пилеров есть правила. А я миндальничать не привык. И если уж дело дошло до драки, меня-то ничто не остановит — в отличие от пилеров!

А вот экипаж, однако ж, вынужден был остановиться. Более того, встал намертво. Кучер выругался себе под нос.

— Затор на Пикадилли-серкус — черт-те что творится, господин, все из-за дождя. Правду сказать, я даже не вижу, за каким ублюдком мы

гонимся, шеф; все так и прут, как на рождественский обед. В толк не возьму, почему на дорогах вечно такое безобразие; небось это все из-за упряжек четверней — их вообще в город пускать нельзя! А тут еще идиоты по дороге расхаживают, как у себя дома, у них же, вообще мозгов нет?

В самом деле, между неподвижными экипажами тут и там пробирались пешеходы, и Пикадилли-серкус украсился прихотливым узором из зонтиков, снующих через непрерывно растущее скопище насквозь промокших экипажей, ни один из которых не мог сдвинуться с места, пока не стронутся остальные. Кони понемногу впадали в панику, а к месту событий между тем подтягивались все новые экипажи, кебы и парочка подвод с пивоварни. И тут в сырой, мятущейся, безумной куче-мале из перепуганных лошадей и растерянных пешеходов кто-то где-то, верно, ткнул зонтиком в лошадиную ноздрю, вызвав к жизни то, что предыдущие эпохи называли бы «вавилонским столпотворением» — а уж то название, что подобрал кучер, на бумагу перенести никак нельзя, потому что она тотчас же вспыхнет огнем.

Вот теперь точно ничего поделать было нельзя. Как объяснил кучер:

— Чтоб все наконец смогли разъехаться, надо бы оттащить в сторону парочку экипажей да разобрать весь этот чертов дурдом.

При этих словах вышло солнце и ярко засияло посреди ясного синего небушка, отчего

положение дел только ухудшилось, потому что люди и лошади, которые до сих пор не вспотели, начали обильно потеть сейчас.

Даже Финт понимал, что добыча ушла из-под носа — и шансов вновь ее отыскать нету. Бесполезно и пытаться. Соломон, высунувшись из окна, помахивал в воздухе массивными карманными часами, недвусмысленно напоминая о времени. Финт внутренне застонал. Если уступить, может быть, ну может быть, повезет, и когда наконец-то этот бурлящий затор рассосется — хорошо бы до того, как где-нибудь опять завяжется драка, — он окажется в нужном месте и опять услышит жутковатый, визгливый колесный скрежет. Это если ему ничего не удастся узнать от Ушлого Боба. Но прямо сейчас Соломон, судя по его виду, того гляди завизжит почище того колеса.

Финт обернулся к кучеру и пожал плечами.

— Сколько с нас, мистер?

К вящему изумлению Финта, кучер хитро ухмыльнулся, взмахнул руками в воздухе, давая понять, что движение гужевого транспорта в этом квартале — не что иное, как мешок с овечьим дерьмом, и заявил:

— Так ты правда тот самый парень, который уделал Суини Тодда? Мне думается, ты врешь, ну да если на то пошло, так я вообще никому не верю. Хо-хм, ладно, подпишись мне вот туточки, указав заодно, что это сделал ты, и будем считать, что в расчете, идет? Сдается мне,

в один прекрасный день такая подпись будет денег стоить.

Что ж, подумал Финт, опять тот самый туман, о котором говорил Чарли; если вся правда как есть тебе не по душе, ты просто пересказываешь ее на иной лад. Кучер терпеливо ждал с карандашом и блокнотом. Взяв в руки и то и другое и аж вспотев от напряжения, Финт очень аккуратно вывел, по букве за раз: «Ето я побидил Свини Тода. Финт, и ето правда».

Едва блокнот вернулся к законному владельцу, Соломон, не церемонясь, стащил Финта на тротуар. Старик лихорадочно пытался открыть зонтик — черную ненадежную штуковину, что напоминала Финту давно сдохшую здоровенную хищную птицу — не увернешься, так того гляди глаз выколет. Финт указал, что прямо сейчас в зонтике нужды нет — разве что для защиты от лошадей повсюду вокруг, которые делали ровно то, что лошади делают регулярно, — и даже чуть больше, учитывая всеобщую панику.

Соломон с Финтом зашагали к Сэвил-роу. Переулки кишели пешеходами больше обычного, все из-за затора, который, по счастью, остался позади. Взмокшие и разгоряченные — что порою, как в данном случае, еще хуже, чем мокрые и иззябшие, потому что еще и липкие и пропахшие лошадьми, — друзья подошли к сверкающим полированным дверям магазина «Дэвис й сын» на Сэвил-роу, дом 38. Онана привязали к фонарному столбу и ради такого

случая выдали ему специально припасенную косточку, в обществе которой пес забывал обо всем на свете.

Оказавшись внутри, Финт ощутил было священный трепет перед миром шмуттера — но тут же постарался взять себя в руки. В конце концов, он же знает, что важные шишки одеваются на порядок дороже и лучше его; но от такого количества роскошного шмотья в одном месте просто голова кругом идет, если не принять мер. Он тут же состроил скучающий вид — дескать, чихать он хотел на эти тряпки, у него этого добра и дома полным-полно, — хотя про себя-то понимал, что отчищенные, но все еще довольно *благоуханные* обноски от старьевщика как бы наводят на другие мысли. Но в конце концов, портной — это портной, а все остальное — только внешний блеск.

Наконец их передали в заботливые руки Иззи: этот тощенький, нервозный коротышка так и пульсировал внутренней энергией, что при иных обстоятельствах привела бы в движение станок. Он стрелой вклинился между Финтом и Соломоном и швейцаром, распахнувшим перед ними дверь, таратора без умолку: дескать, даже и не берите себе в голову, Иззи обо всем позаботится в наилучшем виде, у него все, что надо, есть, все в его руках, положитесь на Иззи, предоставьте дело ему, и останетесь не только премного довольны всем и вся, но рады и счастливы как никогда в жизни, и знаете что? —

наша цена приятно изумит и более чем устроит всех заинтересованных лиц, если — и это важно! — Иззи дадут наконец спокойно работать, спасибо вам всем большое. Он суетливо загнал Соломона с Финтом в одну из примерочных, ни на минуту не переставая мельтешить, беспокоиться и извиняться непонятно перед кем и бог весть за что.

Плечи ему стремительно обвила длинная тряпичная мерная лента; Финта мягко, но решительно вытолкнули в середину комнаты. Иззи оценивающе воззрился на него — в точности как мясник смотрит на особо упрямого бычка, — обошел его кругом и, наскакивая и отбегая, произвел необходимые замеры. За все это время он обращался к Финту исключительно с вариациями на тему: «Сэр, будьте добры повернуться вот так», и сэр это, и сэр то, пока Финт не почувствовал, что дольше не выдержит. Легче не стало, когда вертлявый неугомонный Иззи, надо думать другого выхода не видя, наконец замер, придвинувшись к левому уху клиента, и тоном человека, вопрошающего о местонахождении Святого Грааля, прошептал:

— На какую сторону носите, сэр?

Этот вопрос Финта озадачил: на самом деле он никогда не задумывался о том, что и куда он надевает; в конце концов, ты просто натягиваешь на себя свои шмотки, да и вся недолга. Но коротышка-портной выжидательно взирал на него, словно надеясь услышать, где зарыт клад,

и Финт, собравшись с мыслями, принялся рассказывать:

— Ну, обычно я надеваю сперва правый носок на правую ногу, потом левый — на левую, а потом рубашку, правую руку — в правый рукав, левую — в левый, и застегиваю точно посредине... Нет! Вру... иногда случается носки перепутать...

На этой стадии Соломон пересек комнату с обычной скоростью бога, вознамерившегося покарать нечестивцев, и шепнул что-то Финту на ухо, а тот с некоторым возмущением воскликнул:

— Мне-то откуда знать? Я разве смотрю? Оно все как-то само себе место находит, так? Что это еще за дурацкий вопрос такой?

Соломон громко расхохотался и зашептался о чем-то с непрерывно вибрирующим Иззи — тот, похоже, ни секунды не мог постоять спокойно. Соломон и Иззи беседовали друг с другом на языке, что обошел всю Европу и Средний Восток, но вот наконец Соломон со смехом объявил:

— Финту, как всегда, сказочно везет: Иззи говорит, у него есть для тебя роскошное предложение! Как я понимаю, другому портному были заказаны фрак и элегантная темно-синяя рубашка, но, к прискорбию, один из Иззиных сотоварищей допустил нелепую ошибку, снимая мерку, так что означенные предметы благородному джентльмену не подошли, и мой друг Иззи, — продолжал Соломон, сверля собесед-

ника взглядом, — готов предложить тебе, друг мой, очень выгодную сделку.

Иzzi робко оглянулся на Соломона и, как человек, бросающий косточку льву, который уже нацелился его сожрать, обернулся к Финту и затараторил:

— Могу дать вам превосходную скидку, молодой сэр, на оба этих предмета одежды; они, по счастью, почти готовы, чуть-чуть подогнать по фигуре, буквально стежок-другой, и все; и так хорошо уступим... скажем, пятьдесят процентов?

О, этот предательский вопросец в конце, возвестивший миру о том, что Иззи самую малость сомневается, причем сомнения обуревали Иззи пред неумолимым лицом Соломона — что отнюдь не придавало портному храбрости.

Торговля только началась; не сводя глаз с Соломона, Иззи мудро пошел на попятную:

— Прошу прощения — семьдесят пять, извините, нет, *восемьдесят* процентов. И еще я совершенно бесплатно добавлю к покупке две пары чрезвычайно элегантных неназываемых, идет?

Соломон улынулся — по виду Иззи могло показаться, что ему не только даровали прощение уже на ступенях эшафота, но еще и вручили набитый соверенами кошелек в качестве моральной компенсации за недоразумение. Двадцать минут спустя благодарный Иззи проводил Соломона и Героя Флит-стрит восвояси; Финт прижимал к себе новый шмуттер, Соломон тащил пакет с неназываемыми, а в собственность

Иzzi перешла некоторая часть вознаграждения помянутого героя. Кроме того, за счет заведения Соломонов зонтик обсушили и отчистили; а на улице друзей ждал извозчик.

Ну не то чтобы ждал; он ехал себе по улице, не чуя зла, но тут перед ним воздвигся Соломон, воздевая перст Божий, и лошадь замедлила шаг еще до того, как кучер натянул вожжи, потому что лошади распознают неприятности с первого взгляда. Финт поспешил запихнуть Онана вместе с его косточкой в кеб, прежде чем кучер успел возразить; Онан оставлял по себе память везде, где оказывался.

Удобно расположившись внутри, Соломон приказал:

— В «Лок и К°» на Сент-Джеймс-стрит, будьте так добры, друг мой. — И, обернувшись к ошарашенному Финту, объяснил: — Там мы всенепременно подберем тебе шляпу, мальчик мой. Все важные персоны, или по крайней мере все, кто таковыми считаются, покупают шляпы только там.

— У меня есть шляпа от Иакова!

— Та, подержанная? Да ее, судя по виду, вместо гармоники использовали, а потом завещали клоуну. Тебе нужна шляпа, подобающая джентльмену.

— Но я не джентльмен, — запротестовал Финт.

— Ты куда скорее им станешь, будь у тебя элегантная шляпа для торжественных случаев.

И Финт был вынужден признать, что подержанная шляпа, ну да, подержанная, и этим все сказано. Вообще-то, если ты тошер, с шляпами ты не в дружбе; они то и дело с головы слетают. Финт обычно носил плотную кожаную кепку, в самый раз, чтобы уберечь голову, если вдруг резко выпрямишься в низком туннеле, да и чистить такую несложно.

Шляпы носят все, не ту, так эту; но шляпы в магазине, куда друзья вошли, поражали воображение — попадались среди них и на диво высокие. Так что Финт, понятное дело, указал на самую здоровенную: на ту, что смахивала на дымоход и зывала к нему сладким голосом сирены, никому, кроме Финта, не слышным:

— Сдается, вот эта мне в самый раз будет.

Глянув на свое отражение в зеркале, Финт подумал: о да, шикарно смотрится и сразу понятно — такому палец в рот не клади, остер что бритва. Исполнен самого что ни на есть благородного духа; а ведь еще недавно давал о себе знать не столько дух, сколько душок — потому что, сколько б ты ни мылся, проклятие тошера неизбежно отмечает тебя своей жизнеутверждающей печатью.

О да, эта — в самый раз для него! То-то удивится Симплисити, увидав его в такой роскошной шляпе! Однако Соломон не соглашался, почитая цену в один фунт и восемнадцать шиллингов вопиюще завышенной. Но Финт стоял на своем. Да, это чертова прорва деньжищ за

вещь, ему на самом-то деле не нужную, но это дело принципа. Финт ведать не ведал, что это еще за принцип, но принцип есть принцип, и у принципа есть дело, так что ничего не попишешь. Кроме того, он напомнил, что буквально на днях Соломон, работая над одним из своих маленьких механизмов, сказал: «Этой штуке необходима смазка», и, безжалостно продолжал Финт, только за день до того старик заявил, что маленький токарный станок «желательно» смазать.

— Тем самым выходит, — заявил Финт, — желание — то же самое, что необходимость, так?

Соломон молча, очень медленно отсчитал монеты — и только тогда промолвил:

— Ты точно уверен, что ты не родился евреем?

— Точно, я посмотрел, — отозвался Финт. — Но спасибо за комплимент.

Последний, к кому друзья заглянули по пути домой, был цирюльник — цирюльник вполне здравомыслящий и аккуратный, и никаких тебе дополнительных услуг вроде перерезанной глотки. Однако у бедняги душа ушла в пятки, когда Соломон мимоходом упомянул (цирюльник как раз приступил к бритью):

— Вам, сэр, вероятно, небезынтересно будет узнать, что джентльмен, которого вы в настоящий момент бреете, это не кто иной, как герой, положивший конец злодеяниям гнусного мистера Суини Тодда.

Цирюльник запаниковал — на краткий миг, не более, но если ты только что поднес очень острую опасную бритву к горлу клиента, в панику впадать никак не стоит; так что едва не приключилось очередной кровавой резни в непосредственной близости к Финтовой шее. И царапина-то вроде пустячная, но кровящи вылилось ужас сколько, засим воспоследовало драматическое действо с полотенцами и квасцами. Финт втайне порадовался: наверняка ведь останется шрам: а Герою Флит-стрит подобающая отметина на лице просто необходима.

Теперь, когда Финтова физиономия обрела наконец приличный вид, а Соломон дружелюбно, но твердо выторговал шесть месяцев бесплатной стрижки, друзья опять взяли кеб и доехали до дому, и времени у них осталось только на то, чтобы помыться, одеться и в целом привести себя в порядок.

Обтираясь мокрой губкой с ног до головы, включая складочки, потому что сегодня ж особый случай, Финт поймал себя на том, что размышляет про себя: как бы так исхитриться, чтобы дать кому-то умереть, а потом воскресить его снова? Ну, то есть если ты не Господь Бог.

Тут его внутренний Финт зачем-то вспомнил держателей «Короны и якоря» с игральными костями и бодрячка с горошиной, которую никто и никогда не найдет. А сверх того зазвуч-

чал голос Чарли, уверяющий, что правда — это туман и в нем люди видят то, что хотят видеть; и Финту померещилось, что вокруг всех этих картиночек сама собою плетется интрига. Он затаил дух, чтобы ее не спугнуть, но колесики в голове уже пришли в движение, осталось только дожидаться щелчка.

Новый костюм сидел превосходно, как и было обещано; Финт пожалел, что в доме есть лишь кусочек разбитого зеркала — так ему хотелось полюбоваться на себя в полном параде. Он отдернул занавеску, чтобы спросить мнения Соломона, — и перед ним предстал Соломон во всем своем великолепии.

Старик, который обычно расхаживал в вышитых комнатных туфлях или стоптанных ботинках и в обтрепанном черном габардиновом пальто, внезапно преобразился в старомодно-го, но весьма эффектного джентльмена в пиджаке из тонкой черной шерстяной баратеи, в широких темно-синих панталонах и длинных темно-синих шерстяных чулках, и в старинных, но прекрасно сохранившихся туфлях с блестящими серебряными пряжками. Но что поразило Финта до глубины души, так это огромный темно-синий с золотом медальон на Соломоновой шее. Юноша знал, что на нем за знаки, но даже не догадывался, что старик имеет к ним какое-либо отношение: печать и глаз внутри пирамиды — символы франкма-сонов. Наконец, поскольку Соломон вымыл

и расчесал бороду, все в целом производило сильнейшее впечатление.

И Финт о том не умолчал. Соломон не сдержал улыбки.

— Ммм, однажды, мой мальчик, я назову тебе имя августейшей особы, вручившей мне эти регалии. И позволь отметить, Финт, ты, как всегда, отлично смотришься; прямо-таки за настоящего джентльмена сойдешь.

Оставалось лишь аккуратно накормить Она-на ужином и столь же аккуратно вывести пса наружу по его надобностям. Онана оставили в собачьем раю, одарив еще одной косточкой; теперь предстояло лишь найти кеб и в сгущающемся вечернем тумане вновь ехать на запад, к дому номер один по Страттон-стрит в Мейфэре.

ГЛАВА 12,

в которой Финт возвращается
в высшем свете, Дизраэли принимает вызов,
а Финт оказывается способным учеником

Кеб с громоуханием катился на запад; Финт заворуженно глядел в окно, и на сердце у него запечатлевались письма: «Я снова увижу Симплисити» — во всяком случае, так ему казалось. Внезапно он представил, что Симплисити мертва. Мертва и никому не мешает — и нет никаких причин для войны, и злонамеренным негодьям рыскать по улицам тоже незачем.

Должен же быть какой-то выход! Прямо сейчас эта девушка никому не нужна; ну, то есть никому, кроме него, Финта. Туман, насквозь пропитанный вонью Темзы, защекотал ему ноздри, и в голове что-то перещелкнулось: удачное решение было найдено, теперь остается только продумать мелкие детали. Кой-чего он пока еще недопонимал, но Госпожа на его стороне, а значит, все само собою уладится.

— Незаурядная женщина эта мисс Бердетт-Куттс, — рассказывал Соломон. — Богатая на-

следница и щедрая благотворительница — то есть отдает деньги бедным и нуждающимся, — и заруби себе на носу, молодой человек, к тебе это так ни разу не относится, потому что ты и не беден, и не в нужде, просто иногда по колено в дерьме.

Соломон, похоже, остался очень доволен своей шуточкой, так что не поаплодировать ему было никак нельзя — все равно что пнуть ногой Онана. Финт усилием воли отвлекся от мыслей о Симплисити и похвалил:

— Ха-ха, ну ты скажешь! А какого шута она раздает свои деньги?

Кеб как раз проезжал через Лестер-сквер. Соломон принялся объяснять:

— Потому что ей это кажется правильным. Она содержит школы для бедных, где дети получают хотя бы начальное образование, и финансирует, ммм, стипендии и пособия, а это, скажу я тебе, дает самым способным ученикам шанс поступить в университет и получить образование не в пример лучшее. Вот что про нее знают в синагоге, кроме еще того, что она держит пчел, и вот что я тебе скажу: кто попал с пчелами не управится, тут требуется, ммм, немалое здравомыслие — нужно принимать в расчет то и это, планировать наперед и думать о будущем. Словом, очень дотошная дама, и, я так понимаю, умереть богатой в ее намерения не входит. Что лично я всегда почитал, ммм, благороднейшей амбицией. Необыкновенная дама и притом обладает огромным влиянием.

Соломон помолчал.

— Любопытно, кто еще будет на этом ее маленьком суаре, учитывая, что она водит дружбу со столькими важными персонами. В некотором смысле, сдается мне, ты сегодня окажешься, ммм, в самом центре политического влияния. Безусловно, лорды и выборные члены, чтоб они были здоровы, обсуждают злободневные вопросы в самом парламенте, но я сильно подозреваю, что здесь, в Лондоне, исход дебатов во многом зависит от того, что одни люди скажут другим людям за бокалом вина. Процесс ратификации того, что они уже решили промеж себя, возможно, и является неким вариантом так называемого, ммм, «пропорционального представительства», но в целом система как-то работает, хоть и, ммм, с перебоями.

Соломон явно вошел во вкус.

— Что мне нравится в англичанах, так это то, что они не строят теорий. Ни один англичанин не скажет: «Я мыслю, следовательно, я существую». Хотя, вероятно, он мог бы сказать: «Я мыслю, следовательно, я существую, как мне кажется». В мире слишком много порядка, увы ему. А, вот мы и приехали. Следи за своими манерами и не забывай, что я тебе рассказывал об использовании при еде столовых приборов*, — каковые, повторно подчеркиваю, даже не пы-

---

* По правде сказать, Финт ел по большей части руками — если, конечно, Соломон не заметит и не выбернит.
(Прим. автора)

тайся стибрить. Я знаю, что намерения у тебя самые добрые, но временами ты таки делаешься немного, ммм, рассеян в отношении мелких и легких предметов; Бога ради, воздержись от многолетней привычки хотя бы на этот вечер, будь так любезен!

— Я не вор! — возмутился Финт. — Я разве виноват, что вокруг столько всего плохо лежит? — Он пихнул Соломона в бок. — Да шучу я, шучу. Я буду пай-мальчиком, к чести своих чудесных неназываемых — так удобно в паху сидят, в жизни ничего подобного не носил. Когда б я только знал, как здорово быть джентльменом, так я бы давным-давно билет купил!

Кеб притормозил, чуть-чуть не доезжая до места; частные кареты и экипажи учтиво подталкивали друг дружку, выгружая пассажиров, и даже возчики переругивались не больше обычного. Друзья вышли и поднялись на крыльцо очень симпатичного особняка — вчера вечером Финт даже не разглядел его толком. Соломон поднял было руку, чтобы постучать, но не успел он даже прикоснуться к двери, как она волшебным образом распахнулась, явив взору дворецкого Джеффри.

Главное, думал Финт, держаться рядом с Соломоном: тот явно чувствовал себя в своей стихии. Гости прибывали и прибывали, и большинство знали друг друга, а главное, знали, где тут напитки, так что на Финта с Соломоном внимания никто не обращал до тех пор, пока

Чарли и мистер Дизраэли — уж где бы они там ни обменивались с глазу на глаз ценной информацией — не возвратились наконец в зал.

Дизраэли направился напрямиком к Соломону и воскликнул:

— Как приятно вас здесь видеть!

Джентльмены обменялись рукопожатием, но по их лицам Финт видел: эти двое друг другу ни на йоту не доверяют. Затем Дизраэли, блеснув глазами, обернулся к Финту:

— О чудо, юный тошер преобразился в джентльмена! Превосходно!

Эта фраза Финта слегка царапнула, хотя он не смог бы в точности сказать почему. Тем не менее он отвечал:

— Да, сэр, в самом деле, сегодня вечером я джентльмен, а завтра могу снова стать тошером!

Но едва Финт сам себя услышал, в мозгу вновь что-то щелкнуло, подсказывая: это твой шанс, не упusti его! Широко усмехнувшись, он добавил:

— Я умею быть и джентльменом, и тошером; а вот *вы* умеете быть тошером, мистер Дизраэли?

На мгновение — и, скорее всего, мгновение это прошло незамеченным для всей прочей толпы гостей, за исключением их четверых, — мир оделся в лед и тут же снова растаял, как только мистер Дизраэли решил, что делать — а именно улыбнуться как утреннее солнышко с ножом в зубах.

— Милый мой мальчик, вы думаете, из меня получился бы тошер? Признаться, не совсем та профессия, о которой я когда-либо помышлял!

Он поневоле умолк: Чарли хлопнул его по спине со словами:

— Всего-то и надо, что рыться в грязи в поисках спрятанного сокровища, друг мой; по мне, так политики занимаются ровно тем же самым! На вашем месте я воспользовался бы возможностью узнать о мире что-то новое и ценное. Я вот так всегда поступаю!

Дизраэли покосился на Финта.

— Что ж, если задуматься, возможно, и впрямь настало время познакомиться поближе с лондонским дном.

— Более того, — подхватил Чарли, сияя так, словно уронил шестипенсовик, а подобрал крону, — сдается мне, вы тем самым продемонстрируете, что внимательно прислушиваетесь к общественному мнению в том, что касается канализационной системы этого города, мягко говоря, допотопной и очень нездоровой. Я уверен, дальновидный политик не преминет выказать озабоченность столь постыдным положением дел. Наши друзья в «Панче» всенепременно изобразят вас передовым государственным деятелем, который неусыпно радеет о городе в целом.

Дизраэли с торжественным видом потерев бородку клинышком, словно погрузившись в мысли, а затем ответил:

— Да, действительно, Чарли, думается мне, ты прав.

Юноше показалось, что каждый из этих двоих вынашивает собственные планы: у Финта

был нюх на авантюриста, почуявшего хорошую возможность и прикидывающего, как бы ее использовать себе во благо, — ведь он и сам из таковских. А ведь хитрая лиса Чарли заранее знает — неважно, вылезет ли мистер Дизраэли из канализации в сиянии славы или по уши в дерьме, — сам он разживется отличным материалом для статьи.

Дизраэли просиял, точно свечка-энтузиастка, улыбнулся еще шире, обернулся и заявил:

— Хорошо, мистер Финт, да не скажет никто, будто я отклонил вызов. Если вы готовы, подобно скупцу Харону, доставить меня в подземный мир, я охотно прогуляюсь с вами по туннелям во имя общественных интересов. Дайте подумать... как насчет послезавтра? В конце концов, политик и впрямь обязан служить стране не столько словом, сколько делом!

Дизраэли одобрительно обвел взглядом слушателей, а Финт на всякий случай уточнил:

— Вы заблуждаетесь, сэр, никакой я не скопец, вот хоть у Джинни-Опоздалки спросите! Но я с удовольствием свожу вас на небольшую прогулку и все вам покажу, сэр. Не в районе больниц, понятное дело. Вот пивоварни — дело другое; там, под ними, даже крысы вкусно пахнут!

В этот момент, оделяя вниманием растущую толпу гостей, мимо прошествовала мисс Бердетт-Куттс, и Чарли не преминул сообщить:

— Анджела, вы только представьте себе. Бен и наш юный Финт как раз обдумывают план

в самое ближайшее время спуститься в нашу гнусную канализацию с исследовательской миссией ради общественного блага. Благородное начинание, вы не находите?

— В самом деле? Что ж, надеюсь, прежде чем возвращаться сюда, они как следует отдохнут! — Анджела улыбнулась Финту, протянула руку и промолвила: — Как приятно снова вас видеть, мистер Финт. Вижу, в отношении одежды вы далеко продвинулись. Превосходно!

Финт взял протянутую руку дамы и поднес к губам, к превеликому удивлению хозяйки дома, неожиданно для самого себя — и в назидаение и к вящей забаве Чарли с Дизраэли. Соломон со всей определенностью его этому не учил, но, в конце концов, Финт он или нет? — а мисс Бердетт-Куттс улыбалась так, как будто любимая собачка проделала забавный трюк, но в то же время надо дать собачке понять, что той позволено не более одного укуса. Негласный кодекс гласил: один раз — можно, но второй — уже недопустимая вольность, и хотелось бы верить, что дважды Финту повторять не придется.

Анджела обернулась к Соломону:

— О, высокоученый мистер Коган, я полагаю? Я о вас столько слышана. Если не ошибаюсь, папский нунций рассказывал мне поразительную историю о вашей проникательности. — Хозяйка дома снова повернулась к Финту со словами: — Мистер Финт, мне кажет-

ся, вам было бы небезынтересно познакомиться с мисс Симплисити Пэриш, моей кузиной из провинции.

Сей же миг из-за спины мисс Куттс выступила Симплисити, и для Финта разом исчезли все прочие, только одна Симплисити и осталась. Спустя минуту Симплисити, видимо, осознала, что если она не скажет хоть что-нибудь, Финт так и простоит с открытым ртом до конца вечера, протянула руку и промолвила:

— Подумать только, значит, это вы — знаменитый мистер Финт. Я так рада с вами познакомиться!

Оглянувшись на Финта, Анджела обронила:

— Когда подадут ужин, окажите мне любезность, проводите мисс Симплисити к столу. Вы можете сесть рядом со мною, дабы соблюсти приличия. — И, преловко сведя Финта с Симплисити вместе, мисс Куттс зорко оглядела залу, изучая новоприбывших, — ни дать ни взять взломщик, высматривающий столовое серебро — как бы чего не упустить! — Видите вон того джентльмена у камина? — спросила она, чуть качнув головой. — Это сэр Джордж Кейли, он объяснил нам доподлинно, почему птицы летают, и, похоже, твердо намерен и людей поднять в воздух, хотя я очень подозреваю, что Уильям Хендерсон здесь его обставит — я много слышана о его модели парового воздушно-го экипажа. Если дела у него пойдут успешно, я подумаю о финансировании дальнейших раз-

работок. Что за благодеяние для человечества! Только вообразите — вы сможете долететь до Франции за день!

«Это как с железными дорогами, — подумал про себя Финт. — Если у вас есть деньги, вы находите кого-то, кто, по вашим прикидкам, непременно изменит мир и вернет деньги сторицей, если идея сработает. В конце концов, деньги мало на что способны, если просто лежат на одном месте. А вот если деньги в движении, тогда и только тогда они по-настоящему работают». Финт остался очень доволен своим наблюдением.

В дальнем конце зала кто-то из гостей отпустил шутку, раздался общий смех. Анджела тихо шепнула Финту с Симплисити:

— Видите вон того молчаливого джентльмена — он смотрит так, как будто потерял гиней, а подобрал фартинг? Это Чарльз Бэббидж, он построил машину, которая умеет производить вычисления: устройство чрезвычайно интересное, а я так люблю интересных людей. А вот он людей не слишком жалует, впрочем, что до выбора приятельниц, тут он демонстрирует превосходный вкус. О, вижу, мистер Коган уже беседует с мистером Бэббиджем и его подругой, Адой Лавлейс, — весьма элегантная дама, к чести ее отца. Уверена, им найдется о чем поговорить. Никто так не способен себя отрекомендовать, как мистер Коган. — Внезапно Анджела обрадованно воскликнула: — А вот и сэ

Роберт Пиль! Я так рада, что он смог выбраться. Мне сказали, его задержало какое-то дело в Скотленд-Ярде. — И хозяйку дома поглотила гомонящая толпа.

Сэр Роберт Пиль? Глава над всеми бобби! Тошеры вроде бы ничего противозаконного не делают — Дедуля когда-то объяснял Финту, что монета есть монета и если ты подобрал ее в грязи, что ж, кто знает, чья это была монета? Однако в канализационные туннели сперва надо как-то *попасть*, а это уже правонарушение. Впрочем, никому до того особого дела нет, кроме разве рабочих бригад, которые считают валяющиеся на земле деньжата своей законной добычей. Обществу по большей части плевать; тошеры могут копошиться себе во тьме сколько душе угодно и выныривать на поверхность с медной монеткой-другой — или копошиться во тьме и там же и сдохнуть совершенно забесплатно.

Но пилеры... что ж, порою у них свое представление о духе закона, и некоторые считают своим долгом чутко усложнить жизнь тем вольнолюбивым личностям, которые в общество не вполне вписываются; вот почему пилеры постоянно дерутся с ребятами-кокни, прямо-таки война идет, пусть и небольшая.

Тошеры — рыбешка мелкая, но в трущобах пилер — это, безусловно, *враг*. Финт не знал слова «интуиция», он просто понимал положение дел: с пилерами лучше не связываться, добра с того не будет; а теперь вот он оказался в одной

комнате с их боссом, и Анджела Финта ему как пить дать представит. Финт внушал себе, что ничего дурного не сделал — ну, разве что так, одно-другое по мелочи, о чем и помянуть не стоит, и по большей части давным-давно, но если ты из трущоб, пилеры тебя и слушать не станут.

С другой стороны, подумал Финт, очень может быть, что Анджела возражает против арестов в своем доме.

Финт не паниковал; ведь у тошеров оно как? — паникер рано или поздно треснется лбом или заплутает в туннелях. Но Симплисити следила за ним, улыбаясь чуть встревоженно, и грандиозным усилием воли Финт заставил себя успокоиться, словно ничего не случилось — потому что на самом-то деле и впрямь ничего не случилось — и постепенно почувствовал себя лучше. Надо только не волноваться попусту и держаться как можно подальше от сэра Роберта.

К вящему удивлению Финта, Симплисити погладила его по руке и спросила:

— Финт, с вами все в порядке? Я знаю, вы были так заняты, и все из-за меня, и я вам так признательна.

Чарли и Дизраэли течением отнесло куда-то прочь: в этом зале, похоже, никто не задерживался на одном месте подолгу, но, завидев очередного знакомого, устремлялся к нему. Так сплетни и гости перемещались туда и сюда, словно по воздуху, но Финт с Симплисити на краткий миг оказались как бы в одном пузырьке.

— О, за меня не тревожьтесь, мисс, — с трудом выговорил Финт. — Как вам тут живется?

— Анджела очень добра, — отозвалась Симплисити. — По-настоящему добра и... как бы так сказать?.. Она все понимает.

— Я вас уже спрашивал раньше, а сейчас все поменялось, но вопрос все тот же, — промолвил Финт. — А чего бы вам хотелось от жизни теперь? Вы желали бы здесь остаться?

Симплисити посерьезнела.

— Да, Анджела очень добра. Но я понимаю, что я здесь — потому что представляю собою проблему, а я проблемой быть не хочу. Рано или поздно проблемы решаются. Я все гадаю, как решится моя.

Финт огляделся, но никто не обращал на них ровным счетом никакого внимания, так что он собрался с духом и выпалил:

— А предположим, вы могли бы поехать куда-нибудь, где смогли бы стать кем хотите? Ни для кого не проблемой. Потому что, видите ли, у меня, кажется, есть план. Неплохой такой план, но нынче вечером я только одну часть придумал, так что я над ним еще работаю. План отчасти рискованный, и, возможно, придется немного поломать комедию, но если довериться Госпоже, думаю, все сработает — Госпожа меня до сих пор не подводила. — Тут Финту пришлось объяснять девушке, кто такая Госпожа.

Наконец Симплисити отозвалась:

— Понимаю. Ну то есть мне кажется, что я понимаю. Но, милый Финт, права ли я, полагая: успех этого плана сводится к тому, чтобы нам с вами вместе оказаться где-то в безопасности?

Финт откашлялся.

— Да, таков мой план.

Симплисити вскинула глаза. В ее манере изъясняться, такой торжественно-серьезной, заключалось неизъяснимое очарование. Девушка тихонько промолвила:

— Я считаю, это замечательный план, Финт, а вы?

— Вы согласны? — возликовал Финт.

— О да, конечно, вы добры, очень добры. Насчет любви я пока не знаю; поживем — увидим. У меня было то, что я называла любовью; но оказалось, это все неправда, подделка, фальшивая монета — если не ошибаюсь, это называется так, — а не то, что я думала. — Она замялась. — Блестящий шестипенсовик на поверку оказался фартингом, как сказали бы вы. Но я убедилась, что доброта куда долговечней любви, потому что мама всегда говорила: доброта — это замаскированная любовь. И, Финт, там, где вы, — мир словно играет и пенится. Рядом с вами кажется, что все возможно.

В такой момент Финт — мальчишка, который споткнется о свои же собственные мысли, — не нашел ничего лучше, как ляпнуть:

— Конечно, нам не обязательно быть вместе, если вам этого не хочется.

Симплисити улыбнулась.

— Финт, для вас это, возможно, новость, но бывают моменты, когда вам лучше просто заткнуться.

Финт покраснел до ушей — и тут гостей пригласили к столу.

Мисс Бердетт-Куттс первой прошествовала в столовую в сопровождении высокого джентльмена с суровым как камень лицом. Финт в ужасе заметил, что помянутый джентльмен одет в точности такой же костюм, как у него, — и безотчетно занервничал. Что там говорил Иззи, прежде чем предложить им с Соломоном такую выгодную сделку? «Я могу вам дать очень хорошую скидку на этот замечательный новый костюм плюс роскошные, элегантные неназываемые, потому что какой-то там подмастерье в первый раз перепутал размер».

Да, фрак в точности как у Финта; верх распахнут, так что видна великолепная синяя шелковая рубашка, абсолютное подобие той, что сейчас на Финте, если не считать сущей мелочи — размера; а теперь еще — ой-ой-ой! — раз сам он пялился на гостя во все глаза, гость, в свою очередь, воззрился на него: под этим пронизывающим взглядом у Финта зашевелились волосы в таких местах, где их вроде бы и расти не должно. Но мы же заплатили за шмотки, нет? — все по-честному! У Соломона наверняка есть чек, Соломон чек забрать в жизни не забудет, равно как и покупку.

В этот беспокойный момент Финт увидел, что к ним направляются Генри Мэйхью с супругой, и да, Симплисити уже бежит обнять Джейн Мэйхью.

Генри между тем протянул Финту руки и весело заявил:

— Вот он, герой дня! Мистер Финт, я изучил самые разные классы людей, населяющих Лондон, и сдается мне, вы карабкаетесь по социальной лестнице быстрее, чем шимпанзе, если можно так выразиться. — Генри опасливо улыбнулся и добавил: — Не в обиду будет сказано.

Действительно, Финт совсем не обиделся, потому что он понятия не имел, что такое шимпанзе, и мысленно взял на заметку спросить Соломона.

Финт, слегка нервничая, подал руку Симплисити и проследовал за четой Мэйхью в столовую. Он успешно усадил свою даму ровно там, где рассчитывала Анджела, судя по ее одобрительной улыбке.

Тут Анджела повернулась к нему и промолвила:

— Так вот, Финт, а знакомы ли вы с моим хорошим другом сэром Робертом Пилем? Сдается мне, у вас найдется немало общего. — Глаза ее искрились смехом: она отрекомендовала гостей друг другу так, как будто знакомила две пары одинаковых брюк.

Сэр Роберт Пиль улыбнулся, хотя смятенному Финту улыбка эта показалась скорее гримасой, и промолвил:

— Ах да, знаменитый Герой Флит-стрит. Мне бы хотелось потолковать с вами с глазу на глаз.

Финт встретился с ним взглядом — в лице Пилы крупными буквами читалось: «полиция». «И что, так будет всегда? — подумал юноша. — Я всегда буду тем самым парнем, который победил Суини Тодда?» Да, своя польза в том есть, что правда, то правда, но неловко-то как, все равно что носить чужие брюки — а сейчас в некотором смысле именно это он и делает. А Пиль по-прежнему пристально разглядывал тошера, словно оценивая.

Гости понемногу рассаживались. Финта подтолкнули к стулу рядом с Анджелой, Симплисити уже уселась по другую его сторону, а рядом с ней — Соломон. Сэр Роберт — «милый Боб», как называла его Анджела, — сел по другую ее руку.

— Вас это задевает, да? — понизив голос, спросила Анджела. — Когда вас называют Героем Флит-стрит, вы морщитесь, словно от боли. Вы сами не замечаете? Чарли рассказал, вы настаиваете, что факты не таковы, как кажется; вы, наверное, чувствуете, будто любая похвала вам — это проклятие мистеру Тодду, и должна сказать, это делает вам честь. По-видимому, бывает и другой героизм — которого часто не замечают. Я это запомню, поскольку пользуюсь некоторым влиянием. Порою словечко, сказанное кстати в нужном месте, приносит

свои плоды. — Анджела вдруг улыбнулась и спросила: — А вам нравится рыться в канализации в поисках денег? Скажите правду, как на духу!

— Да мне лгать-то незачем, — отозвался Финт. — Это свобода, мисс, вот вам вся правда, и там довольно безопасно, если не зевать и думать головой. Думаю, я зарабатываю всяко побольше трубочиста, а сажа — дрянь редкостная, человеку совсем не на пользу. И внутри, и снаружи способна вреда наделать, чес-слово! А вот я, когда с тошерства домой прихожу, что ж, доброе старое щелочное мыло мне в помощь. Может, оно не такое душистое, зато чувствуешь себя чистым.

Разговор поневоле прервался: явились официанты, и когда грохот тарелок и столовых приборов — ой, сколько ж их! — наконец стих, мисс Бердетт-Куттс спросила:

— Если верить моим информаторам, вы каким-то непостижимым образом умудряетесь быть везде и влезть во все одновременно, прямо как знаменитый, или, если угодно, печально знаменитый, разбойник Дик Турпин. Вы о нем слышали, молодой человек? И что вы думаете о его невероятной скачке до Йорка верхом на кобыле Черная Бесс? Про него, кажется, даже пьесы есть, публика этого мошенника просто обожает.

Опасливо глядя на поставленное перед ним блюдо, Финт промолвил:

— Да, мадам, я про этого типа слышал, то есть, простите, слышал, и мне по душе его приключения, очень уж они увлекательные. Но мне сдается, он был парень с мозгами, а значит, у него хватило бы ума не скакать черт-те куда в Йорк. Больно опасно, и, хотя из меня-то наездник никакой, рискну предположить, что он бы лошадку за час угробил, если б так гнал. Нет, я себе так думаю: он подскакал к своим друзьям, про которых на самом деле знал, что они ему никакие не друзья, и заорал что-нибудь вроде: «Молитесь за меня, парни, нынче ж ночью я доскачу до Йорка!» Ну и, понятное дело, если за твою голову награда назначена, так можете быть уверены, десяти минут не прошло, как сообщники настучали на него «ищейкам», а к тому времени, готов крону прозакладывать, наш общий друг Дик был уже в Уэст-Энде перекрасил усы и прогуливался себе как ни в чем не бывало под руку с двумя развеселыми дамочками. Вот это, что называется, умно; а просто сбежать не получится; хотя я знаю, что в конце-то концов его все равно сцапали. На его месте я бы переоделся в священника да затихарился где-нибудь, чтоб все про меня позабыли. Простите за лекцию, мисс, но вы ж сами спросили.

Анджела рассмеялась.

— Вы, мистер Финт, уже успели прославиться как юноша отважный и притом понимающий. Вижу, вы и стратегически мыслить умеете; вы прямо как глоток свежего воздуха! — Она тро-

нула его за плечо. — А в церковь вы ходите, мистер Финт?

— Нет, мисс. Но чес-слово, мисс, Соломон верует за нас обоих, не сомневайтесь! Сдается мне, он Всемогущему даже советует, что делать. Но не переживайте, я слышал, Иисус ходил по водам, так что наверняка и тошерился помаленьку; но там, внизу, в туннелях, я его не видел. Не в обиду будь сказано; вообще-то в темноте кого-нибудь еще поди разгляди.

Улыбка Анджели сделалась чуть натянутой, но тут же обрела прежнюю теплоту. От внимания Финта это не укрылось.

— Что ж, мистер Финт, похоже, что неверующий способен посрамить иных верующих.

Из этого Финт заключил, что ему снова все сошло с рук, хотя что такое «все», он сказать затруднился бы.

Наконец-то Финт смог уделить внимание принесенной еде: миске с превосходным овощным супом, еще вкуснее, чем Соломон варит; так он и сказал вслух, заглотав последнюю ложку, но отмечая при этом, что никто другой на суп так жадно не набрасывается.

— Это называется «суп-жюльен», — объяснила Анджела, — понятия не имею почему. У вас завидный аппетит!

Ободренный ее словами, Финт спросил:

— А можно мне добавки? — Краем глаза он подметил знакомое выражение в лице Чарли: тот откровенно забавлялся происходящим.

Анджела проследила его взгляд.

— Чарли пишет книги, вы знаете? Я порою гадаю, где он только берет все свои идеи. Что до супа, не сомневаюсь, его еще много, но сейчас подадут очень недурной палтус, за ним — жареное седло барашка и, наконец, жареных перепелок. Если вы, молодой человек, к тому времени не лопнете, воспоследует вишневый компот — очень-очень сладкий. Вижу, вы к вину так и не притронулись; это довольно неплохой совињон блан; думаю, вам должно понравиться.

Финт потянулся к бокалу, а мисс Куттс обернулась ответить на какой-то вопрос сэра Роберта Пиля, сидевшего по другую ее сторону.

Вино Финту и впрямь понравилось; и, будучи Финтом, он подумал: «Отличная штука, так что буду пить помедленнее». В конце концов, вино ему перепадало нечасто, хотя Соломон, бывало, покупал немного на Песах — такое сладкое, что аж зубы сводило. Финту нравилось пиво или портер — особенно портер зимой; это все простое питье для простого парня; всякие там сложности Финту ни к чему, а если выпить больше одного бокала этого вина, так ведь сложностей не оберешься.

Соломон ему рассказал заранее, что с каждой переменной блюд подают другое вино; и как, ради всего святого, люди по домам потом добираются? Так что, пока Анджела беседовала с сэром Робертом Пилем, а Симплисити изящно доедала суп, Финт лелеял в руке бокал, по-

тягивая вино мелкими глоточками, по одному за раз. О, ему порою доводилось напиваться вдрызг; поначалу кажется, что мысль хорошая, зато после, когда просыпаешься поутру, смотришь на вещи иначе, и тошнить с тяжелой головой несподручно. Конечно, желудок у него крепкий, его почти и не тошнит никогда; а уж сегодня ему менее всего хотелось опозориться перед всеми этими знатными особами — и на глазах у Симплисити. А Симплисити с него глаз не сводила.

А вот и палтус — прежде чем раскладывать по тарелкам, рыбину торжественно обнесли во-круг стола на серебряном подносе. Палтус был большой, толстый; такого унылого выражения Финт ни у одной рыбы не видел, хотя, казалось бы, если ты такой вкусный с пикантным соусом, то можно было бы и взбодриться малость. К тому времени Финт слегка расслабился: ужин шел своим чередом, гости болтали друг с другом, и было очень даже весело. Еще веселее стало, когда подали жареное седло барашка, чуть желтоватое и довольно жирное; сущее удовольствие для такого энергичного парня, как Финт, хотя он даже припомнить не мог, когда в последний раз так наедался. В мансарде Соломон готовил... сытно, и все. Мяса было мало, оно служило скорее приправой, чем полноценным блюдом, и, как правило, составляло основу густого супа или наваристой каши. Финт чувствовал, что в желудке сделалось тесновато, но хо-

рошая баранина — это ж пища богов; и каким нужно быть нечестивцем, чтобы не воздать ей должного!

Все шло лучше некуда; Финт загодя выслушал Соломонову лекцию на тему того, каким ножом и вилкой есть то или иное блюдо*, он заправил за воротник салфетку — и да, он, конечно же, станет поступать так каждый вечер. Но Финт понимал, что не уделяет внимания — как можно? — Симплисити, которая, как он видел, очень вежливо слушала очередной Соломонов рассказ, всем своим видом демонстрируя неподдельный интерес, как оно и следует, потому что Соломон способен поведать много всего удивительного.

Финт оглянулся на Симплисити, и в этот самый момент она оглянулась на него и промолвила:

— Забавно, Финт, что вы одеты как уменьшенная версия сэра Роберта, — она понизила голос до шепота. — Вы куда красивее и не хмуритесь так сердито. Но должна признать, вы смотрите прямо как две горошины в стручке.

— Он куда постарше будет и покрупнее, — возразил Финт.

Симплисити улыбнулась.

— Иногда мне кажется, англичане не слишком вдумываются в то, что говорят; если за-

---

* Соломон говаривал: «Насчет лопаточки для рыбы не беспокойся; ею никто не пользуется, она просто лежит там как украшение — чтоб люди видели, что лопаточка для рыбы у вас есть». (*Прим автора*)

глянуть в гороховый стручок, так увидишь, что горошины все разные. Стручок формирует их, и каждую — по-своему.

Финт глядел на девушку с открытым ртом. Потому что, во-первых, он осознал, что частенько лущил горох для Соломона, но ни разу даже не задумался о том, какой там горошины формы; а во-вторых, Симплисити рассказала ему нечто новое. И ведь не в первый раз, подумал он. Да, Симплисити совсем не так проста.

Девушка тихо рассмеялась.

— Финт, вы ничего обо мне не знаете.

— Так я надеюсь, что кто-нибудь когда-нибудь позволит мне выяснить больше, правда?

— У меня очень толстые ноги! — сообщила она.

В трущобах шансы хоть сколько-то растолстеть невелики; но Финт в жизни не слышал, чтобы девушка жаловалась на слишком тонкие ноги, так что в наступившей внезапно тишине он отвечал:

— Не хочу показаться неделикатным, мисс, но это вопрос личного мнения, вашего, понятное дело; своего мнения я, увы, пока не имел возможности составить.

По залу раскатился хохот — даже не то чтобы раскатился, так, прошелестел, — подумал Финт; тут и там раздавались вариации на тему: «Чтоб мне провалиться!» И тот не поддающийся описанию звук, что издают джентльмены, притворяясь, что шокированы, когда на самом-

то деле им просто смешно, а кое-кто так даже и вздохнул с облегчением. «Великолепно, достойно знаменитого Красавчика Браммела!» — заявил кто-то, кажется, Чарли.

Соломон не изменился в лице, как будто ничего не слышал; Анджела, благослови ее Господь, сдавленно хихикнула. Это очень полезно, подумал про себя Финт, она ведь хозяйка и невероятно богата, и ясно дает понять всем и каждому, что ее все устраивает и пусть кто-нибудь только попробует подумать иначе. В конце концов, кому захочется противоречить одной из самых богатых женщин мира?

Повсюду вокруг воцарился уютный гул: гости доканчивали напитки, а некоторые начинали сначала, и в этот момент Финт осознал, что ему позарез надо в сортир, а он понятия не имеет, где это, кроме как, понятное дело, что на первом этаже. В мире неназываемых — настоящих, непредсказуемых, а порою и невидимых — он, конечно, никак не может спросить даму, где тут можно отлить.

Внезапно он встретился глазами с сэром Робертом Пилем: тот усмехался из-за плеча Анджелы, точно кот, заприметивший мышь. Босс пилеров заявил:

— А, мистер Финт, я подозреваю, судя по вашим исканиям, вы стремитесь в некое дарующее облегчение место; позвольте мне проводить вас, поскольку ту же настоящую потребность ощущаю и я.

Отказаться Финт никак не мог. Сэр Роберт обменялся кивками с Анджелой, увлек Финта из зала вниз по ступеням и наконец ввел в истинный рай: куда ни глянь — красное дерево, сверкающая медь и латунь.

Все искрилось и сияло: дворец как есть. В трущобах сортиры были тесными, грязными и омерзительно воняли; снаружи и то лучше — и многие этим пользовались; а значит, ходить ночами по узким переулкам было приключением весьма рискованным. Соломон, в таких вещах крайне щепетильный, держал переносное ведерко с небольшой отдраенной деревянной крышкой на те моменты жизни, когда надо посидеть спокойно. В обязанности Финта входило выносить ведро в ближайшую выгребную яму, да только они постоянно переливались через край; как бы то ни было, каждую ночь приезжали телеги с бочками для вывоза нечистот, что слегка облегчало положение — рабочие сгребали дерьмо и увозили прочь, заодно с конским навозом. Но как бы часто ни навывались телеги, сколько бы золотари ни чистили отстойники, от вчерашнего ужина тебя отделяло немного. Но здесь — о, здесь царило великолепие, и хотя Финт понимал, для чего в полированном красном дереве проделана дыра, воспользоваться ею казалось святотатством. А это еще что такое? Бумажные листы, уже нарезанные и готовые к употреблению; Соломон точно так же поступает с «Джуиш кроникл»; а

еще тут были зеркала, и маленькие брикетики мыла в раковине, нежные, и пахли так хорошо — Финт не удержался и прикарманил-таки парочку, несмотря на чужое присутствие, — их же тут так много.

Мгновение-другое Финт ошеломленно оглядывался по сторонам — несмотря на переполненность мочевого пузыря и некоторую нервозность при мысли о том, что он заперт в одной комнате с боссом пилеров. А тот, блаженно развалившись в дорожном кресле, как ни в чем не бывало прикуривал сигару.

Сэр Роберт Пиль одарил его улыбкой.

— Будьте так добры, не церемоньтесь, мистер Финт; я не тороплюсь и, как вы, наверное, уже заметили, нахожусь между вами и дверью.

Эта информация — в тот самый момент, когда Финт только подступился к блестящему, вычурно изукрашенному унитазу, — повергла беднягу в состояние, в котором дело насущное вдруг показалось неисполнимым. Он оглянулся через плечо. Сэр Роберт даже не смотрел в его сторону: он просто наслаждался сигарой, как будто все время мира было к его услугам. Но поскольку ничего плохого пока вроде не произошло, Финт обуздал свои страхи и взялся за... ум, дабы на деле оценить безупречную работу этого диковинного нового изобретения. Когда он закончил, сэр Роберт лаконично посоветовал из глубины кресла:

— А теперь потяните за цепочку с фарфоровым набалдашником слева.

Финт давно уже недоумевал про себя, зачем эта штука. Она так и просится, чтоб за нее дернули, верно? Но зачем? Сообщить другим людям, что ты уже все? Или это звонок такой — чтобы, пока ты внутри, никто больше не вошел и тебя не потревожил? Ну ладно, где наша не пропадала; он потянул за симпатичный керамический набалдашник — несильно, но с надеждой — и на всякий случай отступил на шаг: вдруг он натворил что-то не то и грядут неприятности... но в унитазае всего-то навсего заплескалась и забулькала вода, и вот уже на нем ни пятнышка. Здоровская штука, нам бы такую!

Финт стремительно развернулся.

— Да, сэр, я как-нибудь да справлюсь. Я вижу, что вы ведете свою игру, сэр. Но я в толк не могу взять, что вам от меня надо.

Сэр Роберт покосился на кончик сигары, как будто впервые ее заметил, и небрежно обронил:

— Мне бы очень хотелось знать, как именно вы совершили убийство в канализации сегодня днем.

Внутри Финта палтус и все его маленькие друзья устремились было на волю, ноги подогнулись сами собою, и на мгновение Финт испугался, что загадит весь этот сверкающий пол, но тут он напомнил себе: «Я никого и никогда не убивал, не пытался убить, да и времени у меня не было». Так что он отвечал:

— Что еще за убийство? — унимая палтуса и веля ему вести себя паинькой. — Я никого не убивал, вообще никого!

Глава лондонской полиции жизнерадостно откликнулся:

— Ну что ж, забавно, что вы так говорите, потому что я-то вам верю, но, как ни печально, у нас в морге лежит труп — и двое свидетелей уверяют, будто это ваших рук дело. А самое забавное — вы просто обхохочетесь! — им я не верю. Да, налицо мертвое тело, о нем нам сообщил джентльмен, известный в округе как Паскуда Смит — вероятно, ваш знакомый?

— Паскуда Смит? Да он пьет без просыпу, и штаны вечно мокрые. Он кого угодно заложит за пинту портера. Держу пари, второй — это Кривой Энгус, старый солдат, у которого полторы ноги...

Этот человек сказал, что не думает, будто Финт кого-то убил, и это добрый знак, верно? Самый что ни на есть добрый, и все-таки смотрит главный пилер многозначительно — такой взгляд ты приучаешься безошибочно распознавать после стычки-другой с представителями закона. Взгляд этот недвусмысленно говорит: закон доводит до твоего сведения, что закон всегда возьмет верх, так что смотри, веди себя благонаравно, потому что ты — враг закона, разве что закон скажет тебе, что нет.

Мистер Пиль наблюдал за юношей, улыбаясь краем губ — такую улыбку на лице пилера

проигнорировать никак нельзя. Это король пилеров, думал Финт, сам великий Пиль, так что любой финт поймет: тут финтить не с руки. Внимательно следя за улыбкой, Финт промолвил:

— Вы говорите, что не думаете, будто я кого-то убил; но двое свидетелей уверяют, что это был я, так? А чье тело-то? И почему вы верите на слово мне, а не им?

Сэр Роберт невозмутимо отвечивал:

— Признаюсь, мои люди их знают и говорят, что не примут в расчет показания этих двоих, даже если сам архангел Гавриил встанет рядом и отрекомендует их наилучшим образом. — Он улыбнулся улыбкой полицейского, которая лишь самую малость безобиднее тигриной, и добавил: — *А ваше* слово для меня ровным счетом ничего не значит, мистер Финт, но я склонен поверить на слово Соломону Когану: он на прекрасном счету в еврейской общине. Я переговорил с ним некоторое время назад — он со всей очевидностью ничего не знал про обвинение, и я ему ни словом не обмолвился, — но он прелюбезно упомянул, что вы почти весь день провели в его обществе, каковой факт смогут засвидетельствовать несколько уважаемых коммерсантов, в том числе и мой собственный портной, что я, кстати, вижу своими глазами. Но я задаюсь вопросом: если убийство произошло всего несколько часов назад, почему ко мне немедленно поступила информация о подозреваемом, как вы думаете?

Но не успел Финт ответить, как сэр Роберт продолжил:

— Сдается мне, вы нажили себе врагов, потому что, как рассказал Бен, вы совершаете одно героическое деяние за другим, радея о безопасности некоей молодой особы, пока она находится здесь, в этой стране. Я отдаю вам должное; но эта ситуация до бесконечности продолжаться не может. Есть все основания полагать, что... другие люди, вовлеченные в эту историю, понемногу начинают терять терпение.

Сэр Роберт затянулся сигарой и лениво выпустил облачко голубого дыма; дым поплыл по воздуху и закружился вокруг Финтовой головы, словно благоуханный туман.

— Произошло убийство, — заявил глава пилеров, — и я должен сделать все, чтобы виновный предстал перед судом — несмотря на то что помянутый труп при жизни был известен как джентльмен, который обделывает дела за определенную плату, не задавая вопросов и, уж безусловно, ни на какие вопросы не отвечая. Он работал адвокатом — пока другие адвокаты его не разоблачили, — а тогда он стал, как у нас принято говорить, «пособником», и чрезвычайно успешным, поскольку в совершенстве знал все крючкотворские штучки. Он приспособился знакомить тех, кому необходимо, чтобы преступление совершилось, с теми, кто совершает преступления за плату, и, уж разумеется,

взимал деньги на расходы — снимал сливки, так сказать, не замарав собственных рук. А теперь он убит — очень профессионально, то есть чисто и аккуратно, без вовлечения третьих лиц. Комар носа не подточит. Налицо — очень неразговорчивый труп. Убийцы с тем же успехом могли бы посуду помыть и кота покормить, уходя. Звали его Ушлый Боб.

Ушлый Боб мертв! Выходит, кто-то до него добрался, лихорадочно думал Финт. Но тогда возникает целый ряд вопросов. Чего такого Ушлый Боб знал? Он работал на себя, просто деньгу пытался зашибить? Или на кого-то еще? Может быть, на то самое правительство, о котором упоминал мистер Дизраэли?

— Все до одного полицейские вас знают, мистер Финт, — рассуждал сэр Роберт, — как знали все прежние ребята с Боу-стрит: всегда на подозрении, ни разу не пойман с поличным, никогда не бывал под судом. Один знакомый мне старикан сказал как-то: ходят слухи, будто вас защищает Королева Клоаки, и, сдается мне, защита вам сейчас ой как понадобится. Мы не «ищейки» с Боу-стрит, мистер Финт, мы поумнее будем; ваш друг Чарли Диккенс искренне восхищается нашими методами. — Сэр Роберт вздохнул. — Иногда мне кажется, он сам охотно стал бы пилером, если бы я ему позволил; из него бы неплохой полицейский вышел, да только он все пишет, пишет, пишет, не отрываясь. Мы в курсе, что происходит вокруг, мистер

Финт; мы просто не всегда считаем нужным сообщать все, что нам ведомо.

Сэр Роберт помолчал, снова затянулся сигарой и только тогда продолжил:

— А ведомо мне вот что: один-два человека, так или иначе связанные с пресловутым Ушлым Бобом, по слухам, недавно столкнулись с неким джентльменом, известным всем и каждому как Финт, и судьба их была печальна. Один... наемный работник, назовем это так, по-видимому, только вчера утром стал жертвой несчастного случая с летальным исходом — его переехала карета, запряженная четверней, на людной улице неподалеку от вашего квартала. Переехала *дважды*, как я понимаю... и никаких свидетелей.

Финт лихорадочно размышлял. Значит, кто-то добрался до второго из парней, избивших Симплисити, — и этот кто-то не остановился и перед убийством. Похоже, что все, кто с этой историей так или иначе связан, обречены умереть...

— Мы гадаем, уж не появился ли на арене событий новый игрок, — размышлял вслух сэр Роберт. — Беспокойство нарастает; всем хочется, чтобы проблема наконец-то разрешилась. Безусловно, смысленный полицейский по умолчанию решил бы, что помянутый мистер Финт, которому докучали наймиты Ушлого Боба, решил поквитаться с ним самим и с его сообщниками. Однако, как знает весь Лондон, вчера утром вы были заняты совсем другим в за-

ведении мистера Тодда. Вам невероятно везет, Финт. Парень, который на глаза предпочитает не попадаться, в нужный момент внезапно оказывается у всех на виду — и в глаза прямо-таки бросается. — Сэр Роберт помолчал. — Хотя мои осведомители сообщают мне, что у обоих этих покойных джентльменов есть еще один сообщник — его не далее как нынче утром видели с расквашенным носом, и с походкой у него что-то не так — возможно, здесь потребуется дополнительное расследование. Вы меня слушаете? Вижу, вы молчите; очень разумно с вашей стороны.

Босс пилеров встал, стряхнул с сигары пепел в миниатюрную серебряную пепельницу.

— Мистер Финт, я — глава полиции, а значит, я — полицейский; но я к тому же еще и политик. Я уверен, что такой умник, как вы, понимает: политики — которые в теории обладают огромной властью — сталкиваются с немалыми сложностями, когда дело доходит до ее употребления, — ибо знают, что каждый их шаг отслеживают и оспаривают. Иностранные агенты держат под наблюдением каждый порт — Боже правый, да вы и сами это знаете; нет на причале такого беспризорника или мусорщика, который бы не носил кому-нибудь ценные сведения — за сходную плату. Но есть среди нас и такие, кто, хотя публично и поддерживает линию правительства, в душе считает, что ни в чем не повинную персону, ищущую убежища в Британии,

не следует отсылать туда, куда она ехать не хочет. Мы же британцы, Боже правый! Нам ли смиряться с чужими требованиями? Наверняка должен найтись способ разрешить ситуацию, не рискуя ввязаться в войну.

У Финта отвисла челюсть. Война? Из-за Симплисити?

— Мистер Финт, — продолжал глава пилеров, — так вышло, что из-за вас с мисс Симплисити убивают людей. И, вероятно, воспоследуют новые жертвы, если мы не сумеем уладить проблему, и поскорее, поскольку вы наверняка уже осознали, что эта история чревата далекоидущими последствиями, помимо всего того, что касается мисс Симплисити и вас. Так вот, я знаю, что вы задались целью защитить эту юную леди от всякого зла; а как говорит ваш друг Чарли, там, где королю, и королеве, и офицеру, и ладье трудно сделать ход, игру может выиграть пешка. Потому я, заодно с Чарли, верю, что человек, вообще никак не связанный с правительством, вероятно, как раз и поможет нам найти решение. — Он понизил голос и заговорил мягче: — Вы самый независимый из независимых агентов, какого только можно вообразить, и скажу со всей откровенностью, мистер Финт — а если вы повторите мои слова во всеуслышание, я стану их отрицать, и уж будьте уверены, мое слово окажется весомее вашего, — скажу со всей откровенностью, я сейчас беседую с вами, в частности, затем, что-

бы напомнить: чего бы вы уж там ни замыслили, закон нарушать нельзя. Но поскольку я только что вышел за дверь и голос, который вы, возможно, слышите, никак не может принадлежать мне, я, однако ж, вынужден указать вам, что бывают моменты, когда закон... приспосабливается к обстоятельствам.

Сэр Роберт шагнул к двери и обронил:

— А теперь, не обменявшись более ни словом, мы неспешно вернемся к гостям, как будто всего-то навсего обсуждали новые веяния в сфере модернизации водопровода; когда вы мне понадобится, я вас найду. Мы... — сэр Роберт помолчал, — будем с интересом следить за вами. — В лице Финта отразилась паника; глава пилеров снова улыбнулся. — Не беспокойтесь попусту; итак, у нас тут случай насильственной смерти, то есть попросту мертвое тело. Как знать? Возможно, этот человек встречался с клиентом в опасном для здоровья месте и ударился обо что-нибудь головой, а кто-то все неправильно понял. И, мистер Финт, этого разговора и всего, что с ним связано, вообще не было. Вам ясно?

К Финту наконец вернулся дар речи.

— Что мне ясно, сэр?

— Вы схватываете на лету, мистер Финт. Кстати, а у вас ведь, похоже, нет другого имени, кроме как Финт, мистер Финт? Я знаю, что вы росли в приюте, но ведь наверняка имя вам там дали?

«Уж имя так имя, — подумал Финт, — и держу пари, вы его и без меня знаете, мистер Пиль». А вслух сказал:

— Точно, дали. Меня называли Пипка! Что, довольны? Потому что я-то — нет! Как вам такое имечко? Представьте себе, как можно позабавиться за счет маленького мальчика с таким именем; и уж забавлялись от души, мистер Пиль, еще как забавлялись. Это имя так и записано в работном доме, все официально. Мистер Пипка, повезло же, а? Прямо как утопленнику. Но имейте в виду, — добавил он, — если задуматься, так мистер Пипка здорово умеет драться. И финтить. И кусаться, и пинаться, и уворачиваться. И бегать тоже. О, как он умеет бегать, и лазать, и выкручиваться. — Он поколебался и добавил: — Нет, я не говорю, что имя хорошее; еще чего!

Когда Финт наконец вернулся к своему месту, ужин почти завершился. Несколько минут спустя Анджела аккуратно постучала ложечкой по бокалу и возгласила:

— Друзья мои, этикет и заведенный порядок нашего времени требуют, чтобы дамы удалились в гостиную, а джентльмены остались; и, как вы все знаете, я нахожу этот обычай чрезвычайно докучным, потому что мне, например, очень хотелось бы побеседовать с некоторыми джентльменами, и я уверена, отдельные джентльмены предпочли бы поговорить с дамами. В конце концов, времена настали новые, и все мы люди

светские; дерзну предположить, что в нашем избранном обществе в дуэнье или компаньонке никто не нуждается. Я удаляюсь в гостиную — и жду всех, кто захочет к нам присоединиться!

К вящему изумлению Финта, одна из самых богатых женщин мира подхватила его под руку.

— Так вот, мистер Финт, — промолвила она. — Мне бы хотелось потолковать с вами об искусстве чтения. Соломон рассказал мне, что вы нечасто пробуете в нем свои силы и с трудом разбираете слова немногим длиннее вашего имени. Это нехорошо, молодой человек! Юноша ваших достоинств просто не имеет права оставаться неграмотным! Обычно я предлагаю походить в одну из моих школ для бедных, но сдается мне, вы сочтете себя слишком для этого взрослым. Так что, дабы я начала прививать вам любовь к словам и способам их употребления, пообещайте мне, что завтра вечером сопроводите меня и юную Симплисити в театр, на новую постановку «Юлия Цезаря» Уильяма Шекспира.

Анджела выпрямилась и добавила:

— Мистер Коган тоже может присоединиться к нам, если будет так любезен. Вам нужно повысить ставки, мистер Финт, потому что не стоит тратить жизнь попусту, бродя по городской канализации, если можно плыть под парусом по волнам литературы и театра. Повышайте ставки, мистер Финт, повышайте ставки! Пряник вы уже раздобыли, пора подбавить позолоты! — Заметив выражение его лица, хозяйка

дома умолкла. — Вы смотрите на меня, открыв рот, — промолвила она. — Я что-то такое сказала, чего вы не поняли?

Финт замялся, но ненадолго.

— Да, мисс, я сейчас довольно занят, но я буду очень рад пойти с вами посмотреть пьесу, и в какой-то булочной я видел золоченые пряники, но хоть убейте, в толк взять не могу, причем тут они.

— Однажды, Финт, вам следует спросить у Соломона, что такое метафора.

— И еще кое-что мне хотелось бы уточнить, мисс, простите, — продолжал Финт. — Как вы можете быть уверены, что с мисс Симплисити в театре не случится ничего плохого; они ж огромные, и народу там полно.

Анджела улыбнулась.

— Иногда спрятаться лучше всего там, где никому и в голову не придет искать. Но если вдруг придет, тогда, мистер Финт, мы продвинемся на шаг к счастливому завершению этого дела, верно? Симплисити ничего не угрожает — я располагаю способами и средствами сделать так, чтобы все мы наслаждались спектаклем в полной безопасности, даже не сомневайтесь. У моих лакеев есть, скажем так, скрытые таланты. Но тогда от этого выхода в свет мы получим больше, чем просто вечернее развлечение.

Анджела заботливо направила гостя в следующую хорошо обставленную комнату, где не ощущалось недостатка ни в удобных креслах,

ни, если на то пошло, в чем-либо еще. В своей мансарде Соломон держал только то, что необходимо. У старика был рабочий стол и узкая кровать, а у Финта за занавеской — постель-скатка, несколько одеял, а в холодные зимние ночи иногда еще и Онан; пахло, конечно, неважно, но Онан вежливо делал вид, что ничего не замечает. Но в этой комнате было полным-полно... ну, всего! Тут были предметы, на которые, насколько мог судить Финт, полагалось только смотреть; и еще предметы, поверх которых или внутрь которых ставились другие предметы. А еще — целая выставка цветов: грандиозные букеты в огромных вместительных вазах, так что комната изрядно смахивала на Ковент-Гарден. Финт задумался, зачем людям это все, если он, например, все свое добро в котомке может унести, не считая скатки. Наверное, так оно принято, если ты богат; вроде как в доме Мэйхью, только здесь набалдашников побольше.

Но Финт решительно выбросил из головы всю эту ерунду, чтобы освободить место для плана. Хороший был план, прямо блестящий; и он наконец-то сложился — и все потому, что мистер Дизраэли попытался его, Финта, высмеять. Весь вечер Финт собирал план по кусочкам, пытаясь прикинуть, какие детали трудностей, скорее всего, не вызовут — как, например, штаны, — а в какие моменты останется только положиться на удачу, ну, и на Госпожу, конечно.

Трудный денек завтра предстоит.

Финт огляделся по сторонам в поисках Соломона, как вдруг кто-то похлопал его по плечу и учтиво осведомился:

— Прошу прощения, что вмешиваюсь, но я слышал, вы регулярно посещаете канализационную систему.

Неуместный вопрос исходил из уст молодого человека лет на десять постарше Финта: у того едва-едва пробивались вьющиеся усики по современной моде, а судя по тому, каким тоном вопрос был задан, Финт заподозрил, что имеет дело с энтузиастом дренажной системы. Джентльмен желал поговорить о дренажной системе, а ему — то есть Финту — полагалось быть вежливым, так что ничего не оставалось, кроме как мило поулыбаться и сказать:

— Я не эксперт, сэр, но раз уж вы спросили, я — тошер и полагаю, что облазил все туннели, куда только можно протиснуться, в пределах Квадратной Мили, и с лихвой. А вы, сэр?.. — Финт сопровождал вопрос улыбкой, опасаясь обидеть собеседника.

— Ах, боже мой, как я забывчив. Базалджет, Джозеф Базалджет; вот моя карточка, сэр. Позвольте заметить, что, если вы помышляете об очередном путешествии по туннелям, я был бы несказанно счастлив к вам присоединиться. Более того, почел бы за честь!

Финт повертел в руках карточку, наконец сдался и сообщил:

— Я планирую, э, вылазку вместе с мистером Дизраэли и мистером Диккенсом. После-завтра, если не ошибаюсь. Может быть, еще один человек?..

В конце концов, подумал Финт, это отлично согласуется с его планами, особенно если кто-то из вышеупомянутых джентльменов передумает или окажется, что у него «неотложные дела», так, кажется, говорят.

Мистер Базалджет просиял от восторга. Да, энтузиаст как есть! Любитель чисел, колесиков и механизмов, и, с вероятностью, канализационных туннелей. «Этот мистер Базалджет, — подумал Финт, — возможно, послан самой Господней».

— Вы наверняка знаете, — затараторил Базалджет, словно прочитав его мысли, — хотя возможно, что и нет, что первыми эту канализационную систему взялись строить римляне. Более того, они верили в богиню клоаки, которую, если не ошибаюсь, обычно называли Господней, и даже имя ей дали — Клоакина. Вам будет небезынтересно узнать, что не так давно один джентльмен по имени Мэттьюз, здесь, в Англии, написал про нее поэму, по примеру римлян, умоляя помочь ему — как бы это так сказать? — нормализовать функции организма: как явствует из поэмы, каждое утро он испытывал немалые неудобства.

Судя по тому, что Финт слышал, римляне были ребятки умные и понастроили еще мно-

го чего помимо канализации, например дороги. А теперь вот неожиданно оказывается, что они тоже поклонялись Госпоже. Эти римляне, рассказывал Соломон, были суровы, и грубы, и безжалостны к врагам... и они верили в Госпожу. Ну да, Финту случалось обращаться к Госпоже с молитвой, как же иначе, но обычно он это проделывал, ну, без особой убежденности — если и верил, то наполовину. А теперь вот выходит, что все эти могучие воины, когда-то владевшие городом, все преклоняли перед нею колена в надежде, что их шарли помятчают. Лучшего подтверждения и быть не может. Так Финт, более чем когда-либо, — заведомо кружным путем — приблизился к вере.

Мистер Базалджет откашлялся.

— С вами все в порядке, мистер Финт? — встревоженно спросил он. — Вы словно бы не здесь.

Финт заставил себя вернуться к реальности, улыбнулся собеседнику и заверил:

— Все замечательно, сэр.

Тут на плечо его легла рука, и Чарли весело заявил:

— Прошу меня извинить, мистер Базалджет, я тут подумал, надо напомнить нашему другу насчет той вылазки в городскую канализацию. И Бенджамену тоже; нам, его друзьям, не терпится поглядеть, как этому франту понравится в подземельях, особенно если он поскользнется, и, безусловно, я от души надеюсь,

этого не произойдет. Интересно, какую обувь он выберет?

Чарли улыбался — как показалось Финту, с таким добродушным злорадством, — не с неприязнью, понятное дело; так обычно говорят приятелю: мол, ты, брат, зазнался! Финт готов был поспорить, что Чарли в душе надеется: экскурсия по канализационным туннелям окажется не только поучительной, но и весьма занятой.

Гости толпились вокруг, прощаясь друг с другом. Финт обратился к Чарли:

— Вы, джентльмены, все, конечно же, люди занятые, так что давайте перед началом нашего путешествия встретимся в «Льве» в Севен-Дайалз: до нужного нам люка оттуда рукой подать; а извозчик может ждать вас там. Послезавтра, правильно? Скажем, в семь? Солнце будет уже совсем низко: вы поразитесь, увидев, как далеко проникает в канализацию солнечный свет, словно пытается заполнить собою туннели от края до края. — И добавил: — Не считите за обиду, джентльмены, но если я поведу вас под землю и с кем-то из вас приключится какая-нибудь неприятность, я очень расстроюсь — и вы тоже. Так что я заранее днем прогуляюсь туда сам, погляжу, все ли в порядке; а то ведь никогда не знаешь. Если что-то не так, я найду способ вас известить, и тогда мы нашу прогулку отложим.

Чарли довольно усмехнулся.

— Вот это я называю разумная предосторожность. Какая досада, что Генри не сможет

к нам присоединиться! Что до меня, я с превеликим нетерпением предвкушаю нашу небольшую одиссею. А вы, мистер Базалджет?

Глаза инженера вспыхнули.

— Я возьму с собой теодолит, надену самые непромокаемые сапоги, брюки, которых не жалко, и, поскольку знаю кое-что о канализации, всем рекомендую озаботиться еще и крепкими, надежными кожаными бриджами. Огромное вам спасибо, молодой человек. Увидимся послезавтра: жду с нетерпением. А вдруг повезет и с вашей Госпожой познакомиться.

И мистер Базалджет отбыл искать свою карету. Чарли, с непроницаемым, точно маска, лицом, обернулся к Финту:

— И что же это за госпожа такая?

— Мы разговаривали о Госпоже, ну, о Владычице Клоаки, сэр, — торопливо объяснил Финт, — и если вы только потянетесь к своему блокноту, боюсь, я вам пальцы поотрываю, сэр, потому что о таких вещах никто не должен знать, сэр.

— Вы хотите сказать, Финт, что вы в самом деле верите в некую богиню канализации? — удивился Чарли.

— Нет, сэр, она не богиня, только не для таких, как мы, — продолжал Финт. — Боги и богини — они для тех, кто в церковь ходит, сэр. Над такими, как мы, они смеются, а *она* — нет. Она не обещает спасения, сэр, потому что спастись-то не от чего. Но, как я рассказывал, если с ней поладить, в один прекрасный день она, глядишь,

покажет тебе что-нибудь очень ценное. Всем нужно во что-то верить; как же иначе-то! Вот почему я решил спасти Симплисити, понимаете. Ну то есть как я мог услышать крики в шуме грозы? А ведь услышал же. Так что приходится признать, что меня в пути кто-то направляет, а куда ступать, я не всегда знаю, зато знаю, что люди, которым я якобы в подметки не гожусь, хотят запереть Симплисити в каком-нибудь холодном доме, чтобы она им не мешала. А я этого не потерплю, сэр, уж кто бы они ни были. *Я сказал, не смейте ничего записывать!*

Чарли мигом выпустил из рук карандаш, уже нацеленный было в записную книжку, и смущенно заверил:

— Прошу прощения, мистер Финт. Я хотел набросать одну мысль, к мисс Симплисити никакого отношения не имеющую, поверьте слову.

Словно из ниоткуда появилась Анджела — Финт аж подпрыгнул — и произнесла:

— Времена меняются, мистер Финт. Молодая королева на троне, и мир богат на новые возможности. Это ваш мир — если вы сами так решите. — Она придвинулась ближе и зашептала: — Я знаю, что сэр Роберт говорил с вами, и знаю о чем. Колесики завертелись, в ход идут тайные влияния. Берегитесь, не попадите под эти колеса. Меня восхищают люди находчивые, готовые менять мир к лучшему; при случае, как вы знаете, я стараюсь их поддерживать. А еще, мистер Финт, подобно вам, я терпеть не могу

задир. Не люблю, когда притесняют слабых. — Помолчав, она вложила ему в руки бумажный листок. — Мой добрый друг сэр Роберт навел меня на мысль, что вот это место могло бы вас заинтересовать.

Финт смущенно воззрился на листок.

— Простите, мисс, — промолвил он, — это адрес вашей школы для бедных?

Анджела свела брови: вид у нее сделался весьма свирепый.

— Не совсем, мистер Финт; здесь вы сами, возможно, захотите преподавать урок-другой. Но при необходимости обращайтесь ко мне, не стесняйтесь.

Рядом, точно откровение, замаячил Соломон: порозовевший и слегка потолстевший, как Финту показалось.

— Ты со всеми попрощался и всех поблагодарил? Тогда скажи «до свидания» мисс Симплисити, и нам пора; Онан, надо думать, весь исстрадался.

Финт обернулся; перед ним стояла Симплисити. Она простодушно промолвила:

— Как чудесно было увидаться с вами снова, мой герой, и я с нетерпением предвкушаю наш завтрашний поход в театр, правда.

Финт с Соломоном повернулись уходить; Симплисити, задержавшись в дверях рядом со своей новой покровительницей, послала Финту воздушный поцелуй — и юноша внезапно вознесся напрямиком на седьмое небо.

ГЛАВА 13

Часы тикают; загадочная старушка
переплывает реку

Соломон молчал, пока извозчик не отъехал подальше, и только тогда промолвил:

— Вот — юная леди весьма передовых взглядов, скажу я тебе; видать, справедлива пословица: «Свой свояка видит издалека», и, ммм, ты, Финт, был Финтом, а это, скажу я, само по себе искусство. Но будь осторожен; ты, сам того не ведая, оказался в самом центре событий. И хотя в стране кишмя кишат иностранные агенты, они, сдается мне, таки дважды подумают, прежде чем причинить вред мистеру Дизраэли или мистеру Диккенсу, а вот тошеренка небось прихлопнут как муху, не моргнув и глазом.

Финт понимал: Соломон прав. В конце концов, тут замешалась политика, а где политика, там власть и деньги; и, надо думать, власть и деньги поважнее будут, чем какой-то там тошеренок с девчонкой.

— Не забудь, завтра в театр ты таки снова пойдешь прилично одетый, при всем, так сказать, параде, — поучал Соломон. — Кстати, что ты там за бумажонку мнешь в руке? Я прежде не замечал за тобой любви к чтению?..

Финт предпочел сдаться в неравной борьбе:

— Сол, скажи мне, что тут написано, потому что, думается мне, это важно. Боюсь, это те самые люди, которые желают зла Симплисити.

Финт всегда надивиться не мог, как быстро Соломон вбирает информацию со страницы.

— Это адрес посольства, — сообщил старик.

— Что такое посольство? — не понял Финт.

Соломону потребовалась минута-другая, чтобы объяснить Финту само понятие посольства, но к концу объяснения глаза у юноши запылали огнем.

— Слушай, ты знаешь меня и читать умеешь. Можешь просто рассказать мне в двух словах, где это?

— Ох, сомневаюсь, стоит ли, — отозвался Соломон, — но я знаю, ты ж не успокоишься, пока сам не выяснишь. Пожалуйста, пообещай мне хотя бы, что никого не убьешь. Ну, то есть если они первыми не попытаются. — И добавил: — Замечательная женщина эта Анджела, верно? — Он глянул в окно. — Собственно говоря, думаю, можно попросить возчика проехать мимо этого адреса.

Пять минут спустя Финт уже пожирал здание глазами, как уличный воришка — брючные карманы лорда.

— Я сейчас доеду с тобой до дома: хочу убедиться, что ты добрался благополучно, — промолвил он. — А ты не жди меня, ложись и спи.

По пути до Севен-Дайалз, пока экипаж, громыхивая, катил по темным улицам, Финт весь извертелся от нетерпения. Добравшись до дома, он словно бы не заметил затаившуюся в тени одинокую фигуру, да и незнакомец на них никакого внимания вроде бы не обратил. Они поднялись по лестнице: Соломон по пути все ворчал, что час больно поздний. Финт покормил Онана, вывел его на привычную ночную прогулку. Покончив с делом, пес поднялся вслед за ним по лестнице, и вскорости после того уличный наблюдатель отметил, как одинокая свеча погасла.

С другой стороны здания Финт — уже переодевшись в рабочую одежду — спустился вниз по веревке, которой пользовался всякий раз, когда хотел оказаться на земле незамеченным. Он прокрался туда, где наблюдатель по-прежнему следил за окном, неслышно связал в темноте шнурки его ботинок и опрокинул его наземь со словами:

— Привет, я Финт, а тебя как звать?

Незнакомец сперва оторопел, затем рассердился не на шутку.

— Я вообще-то полицейский!

— Формы чегой-то на вас не вижу, мистер полицейский, — усмехнулся Финт. — Слышь, что скажу: мне твое лицо нравится, поэтому я тебя

пальцем не трону, ок? Передай мистеру Роберту Пилю, что Финт сам знает, что делает, ладно?

Итак, если он и не вступил напрямую в конфликт со Скотленд-Ярдом, тем не менее явно вляпался в котел с неприятностями, и ох как же он кипит! Если уж пилеры из Скотленд-Ярда в тебя вцепились, так теперь не скоро отцепятся, а если пойдет слух, что он якшается с пилерами — тем паче с самым великим Пилем! — тогда люди улиц решат, что он угодил в дурную компанию и, чего доброго, начнет стучать на всех и каждого.

Хуже того, за ним *шпионят*! Передетые полицейские! Давно пора запретить такое особым законом, все так говорят; это ж, ну, несправедливо! В конце концов, если рядом прогуливается пилер, ты, пожалуй, подумаешь дважды, а то и трижды, прежде чем лезть в чужой карман или, скажем, в туннели, которые на самом-то деле никому не принадлежат, если на то пошло, или, скажем, стибрить что-нибудь с тачки, пока хозяин отвернулся. В конце концов, присутствие полицейского укрепляет в тебе честность, так? А если они притворяются самыми обычными людьми, они прямо-таки подталкивают тебя совершить преступление-другое, скажете нет? На взгляд Финта, так ужас до чего нечестно.

Ночь выдалась и без того долгая, но есть вещи, которые нужно делать быстро и сразу, а не то взорвешься изнутри. Так что Финт помчался что есть духу по темным улицам к жилищу Джинни-Опоздалки.

Она открыла дверь после третьего удара, будучи весьма не в духе, но тут разглядела ночного гостя:

— А, это ты, Финт, как славно. Эхм, внутрь пока не зову, сам понимаешь, как оно.

Финт, который, безусловно, понимал, как оно, потому что уж что есть, то есть, отозвался:

— Рад тебя видеть, Джинни. Помнишь, я тебе на хранение сверточек с инструментами отдал, когда пообещал Соломону больше не воровать? Он еще у тебя?

Джинни коротко улыбнулась ему, нырнула в дом и вернулась со сверточком, обернутым в промасленную ткань. Чмокнула Финта в щеку и промолвила:

— Я про тебя за последние дни чего только не наслушалась, Финт. Надеюсь, она того стоит!

Но Финт уже выскользнул из дверного проема и помчался во весь дух; бегать он всегда любил, оно и к лучшему, ведь воришка, который на ногу не скор, живет недолго; но сейчас он бежал так, как не бегал никогда в жизни. Он несся по улицам, разогнавшись до головокружительной скорости; время от времени бдительный пилер, заметив бегущего, начинал кричать или свистеть в свисток, после чего чувствовал себя полным идиотом, ведь Финт был стремительно тающей частичкой тьмы в городе, где такого добра полным-полно. Он не просто бежал, он летел; и ноги его выбивали дробь по мостовой чаще, чем сердце в груди. Разлетались потрево-

женные голуби. Какой-то хмырь попытался перехватить его в укромном переулке; Финт вдарил ему кулаком, наступил на тело и поспешил дальше, не оглядываясь, потому что — в общем, к тому времени *все* осталось позади, он направил ярость в ноги и просто следовал за ними... и внезапно вот оно снова. То самое здание.

Финт притормозил, нырнул в тень и посто-
ял там немного, пытаясь отдышаться; в конце концов, он ведь уже на месте, теперь можно не торопиться. В свете потайного фонаря он развернул сверток зеленого сукна, поверх обернутый промасленной тканью, и в глаза ему блеснули все его маленькие друзья — и торсионный ключ, и отмычка-полуромб, и шариковая отмычка, и много чего еще; всегда найдется замок-другой, самую малость отличный от всех прочих; некогда Финт провел немало счастливых часов, возясь с «расческами» и отмычками, изгибая их, и подтачивая, и придавая им нужную форму. Они словно отсалютовали ему, готовые к битве.

Очень скоро во тьме всколыхнулась тьма — и эта ожившая тьма отыскала в более неприглядной части здания металлическую дверцу от подвала. Чуток подмаслив и чуток пошуровав, Финт, можно сказать, взял врага за горло. Он ухмыльнулся — но веселья в усмешке не было; она скорее сошла бы за нож.

Здание тонуло во тьме; но тьму Финт просто обожал. Он с удовольствием отметил, что

кругом ковры: не самый разумный выбор, если ты заведешь посольством и тебе неплохо бы знать, а не ходят ли по коридорам незваные гости; вот мраморные полы куда практичнее, кому и знать, как не Финту; иногда ступишь на них ночью — и они отзываются гудящим звуком, прямо как колокол. Всякий раз, обнаружив мраморный пол, он ложился и осторожно полз, чтоб не раздалось ни звука.

Он прислушивался у дверей, он прятался за шторами, он старался не приближаться к кухням, а то ведь никогда не знаешь, не бодрствует ли кто-нибудь из слуг. И все это время он тырил, и тырил, и тырил. Тырил так же неспешно и методично, как Соломон трудился над изящными мелкими безделушками; при этой мысли он заулыбался, ведь в данный момент благодаря Финту изящные мелкие безделушки исчезали бесследно. Он тырил драгоценности, если попадались под руку, он вскрыл все до единого замки и порывался в содержимом всех выдвижных ящиков в каждом будуаре. Обчистил пару комнат, в которых, как сам он видел, кто-то спал. Ему и дела не было; казалось, его ничто не остановит, или, может статься, Госпожа сделала его невидимым. Он работал быстро и методично и все аккуратно заворачивал по бархатным мешочкам, прежде чем убрать в общий сверток, чтобы ничего, не дай Бог, в неподходящий момент не звякнуло — а то, как шутят среди воришек, у кого хабар — бряк, тот в петле — брык.

В какой-то момент в самой глубине здания в огромном письменном столе — Финт убил чертову прорву времени, прежде чем стол выдал свои тайны ловким Финтовым пальцам и их маленьким друзьям, — обнаружились регистры и стопка мелких книжиц. Выглядели они мудрено; и тут же лежали рукописи и свитки с печатями красного воска, видать, дорогушими. На некоторых документах Финт даже герб опознал, еще бы нет.

Финт стоял посреди этого впечатляющего делового кабинета и думал про себя: что бы такое сделать, чтобы они навек запомнили. И тут его осенило. «Пусть знают, кто это был, — сказал себе он, — потому что, если что, я мог бы сжечь это место дотла. В конце концов, тут на каждом шагу масляные лампы! И повсюду портьеры! И сплошь лестницы, и повсюду люди спят». Финт себя не помнил от ярости, но здесь, в теплой темноте кабинета, он мог быть кем угодно — но не убийцей. «Я расквитаюсь с ними на свой собственный лад», — решил он, — и в этот самый миг все эти люди спаслись от смерти в пламени — если бы они только знали! — и остались в живых только потому, что Финт, безгласный в этом сонном мире, их, так и быть, пощадил.

При таком раскладе Финт почувствовал себя чуть лучше. Неслышно пробираясь к выходу, он думал про себя: «Я всегда говорил, что никакой не герой, и так оно и есть, но если я когда и был героем, так, значит, сейчас, в этот самый миг,

точно, потому что благодаря мне посольство, битком набитое людьми, не сгорело заживо».

И вот наконец, перед самым рассветом, Финт спустился вниз, и выскользнул за дверь, и прокрался в конюшни рядом с посольством. Он знал, что в любой момент может столкнуться с конюхом либо грумом, и тем не менее, двигаясь еще тише, он отыскал каретный сарай, и да, там-то и стояла карета с нарисованным сбоку иностранным гербом. Финт осторожно опустил на колени рядом с нею и ощупал колеса. В одном колесе торчал какой-то металлический штырь; видать, его выбросили, а он застрял и теперь царапал обод. Финт попытался его вытащить, но безуспешно; пришлось пустить в ход очень полезный ломик; штырь наконец выскочил, Финт поймал его на лету, встал, подошел к гербу и процарапал как можно глубже: «МИСТЕР ПАНЧ».

Затем, с потемневшим лицом, преисполняясь железной решимости, он прошелся от денника к деннику, выгоняя их обитателей во двор, — и тщательно запер за ними ворота, потому что, как всем известно, лошади такие бестолочи, что при пожаре кидаются обратно в стойла, думая, что там безопасно: эта привычка наглядно поясняет, почему лошади не правят миром. Они бесцельно слонялись туда-сюда, а Финт чиркнул спичкой, кинул ее на вязанку сена и теперь уже ушел окончательно — вниз по ближайшему переулку, наслаждаясь приятным сознанием того, что поступил правильно, а именно воздер-

жался от дурного поступка. Он неспешно затрусил к реке, а за его спиной, вдалеке, слышалось потрескивание дерева и людские крики.

Разумеется, Соломон растолкал юношу, не дав ему разоспаться сильно дольше обычного — с поправкой на то, что и сам Соломон встал отнюдь не рано после такого славного ужина. Соломон поначалу решил было оставить спящего Финта в покое, а сам между тем изучил содержимое удобной Финтовой котомки, потому что Соломон не был бы Соломоном, не будь он назойливо любопытен. Так что когда Финт наконец был разбужен и вышел из-за занавески, там, за столом, восседал сияющий Соломон, перед ним на бархатной тряпичке аккуратной горкой искрились драгоценности, и тут же рядом лежали книжицы и регистры.

— Ммм, Финт, не знаю доподлинно, что ты там подделывал прошлой ночью, но думается мне, я догадываюсь — а ты ведь знаешь, что Соломон и сам не вовсе обделен мудростью, — что ты надумал свести с кем-то счеты. И хотя ты знаешь, что я не терплю, ммм, воровства в любых его проявлениях, я тут потолковал с Богом, и он со мною согласился, что в подобных обстоятельствах ты мог бы и особняк поджечь.

Финт смущенно потупился — и признался:

— Вообще-то, Сол, я и впрямь подпалил конюшни, там ведь стояла эта треклятая карета.

Соломон горестно поморщился.

— Ммм, надеюсь, ты всех лошадей вывел.

— А как же, — подтвердил Финт.

— И, ммм, в конце-то концов, что такое драгоценности? — оживился старик. — Просто блестящие камушки. У тебя, кстати, глаз — алмаз. Превосходный выбор, просто превосходный. Но смею заметить, некоторые из этих шифров и кодовых книг весьма заинтересовали бы правительство; тут на нескольких языках изложено такое, что в одних кругах причинило бы немалый ущерб, а в других — вызвало бы великую радость.

Все, что смог в этот момент выговорить Финт, это:

— Ты... не возражаешь? — и: — Ты это все умеешь прочесть?

Старик высокомерно воззрился на него.

— Ммм, я читаю на большинстве европейских языков, за исключением, пожалуй, валлийского, который для меня чуток трудноват. Один из этих документов — копия донесения касательно царя Всея Руси, который, ммм, по-видимому, пошалил немного с супругой французского посла... вот так так! — хорошенькие дела! — интересно, что произойдет, если об этом узнают и другие? Финт, если не возражаешь, думаю, оно неплохо было бы, кабы кто-нибудь вроде сэра Роберта получил доступ к этим потрясающим сведениям, а это всего лишь одна из многих подробностей, представляющих немалый интерес для правительства Ее Величества. Я таки позабочусь о том, чтобы он полу-

чил эти документы, ммм, сколь можно более негласным образом.

Соломон помолчал.

— Безусловно, я не вижу повода сообщать ему о драгоценностях. Кстати, их тут — воистину золотые горы, одних только рубинов на огромную сумму. Королевский выкуп, я бы сказал. Или, может статься, подарок от принца и его отца, ммм? Как ты знаешь, я скупкой краденного не занимаюсь, но, сдается мне, среди моих знакомых найдется один-два, кто бы помог нам сбыть эти камешки с рук, и я уверен, что таки смогу выговорить очень приемлемую цену. Все-непременно; они ведь ходят в синагогу, как и я, а рано или поздно любой человек вынужден заключить сделку с дьяволом, в каких-то обстоятельствах Бог склонен помочь человеку хорошую цену выторговать. Полной стоимости ты, понятное дело, не получишь, но, думаю, после того, как я проведу переговоры, ты составишь себе второе состояние. Скажем, как приданое для твоей юной дамы?

Соломон вытащил из стопки один из документов.

— И, ммм, я бы попросил у тебя, друг мой, позволения забрать вот эту бумагу касательно царя: очень может быть, что в один прекрасный день я ею воспользуюсь, когда представится случай, тем более если еще жив мой молодой друг Карл... Ммм, и, между прочим, в другой пачке содержится порочащая информация об

одном из членов нашего собственного королевского семейства... Пожалуй, лучше бросить этот документ в огонь... — Соломон призадумался. — Нет, пожалуй, я лучше сохраню его в надежном месте, ммм, чтоб он никогда не попался на глаза врагам отечества, — он снова усмехнулся. — Безусловно, джентльмены вроде нас такими вещами не занимаются, как можно, но порою иметь в запасе рычаг влияния таки очень даже полезно.

С этими словами старик бережно убрал и украшения, и бесценные документы куда-то в недра своего вместительного пиджака и обернулся к верстаку. Финт сидел и глядел в пространство. Интересно, а если поместить Соломона в комнату, битком набитую законниками, многие ли из нее выберутся и в каком состоянии выползут за порог?

Финт решил не упускать возможности.

— Соломон, — попросил он, — а ты не мог бы для меня кое-что сделать? Расплавить немножко золотишка из моего улова и смастерить золотое кольцо? С приличным рубином там? И может, еще брильянтиками оттенить — этак россыпью?

Соломон поднял взгляд.

— Ммм, я ж со всем моим удовольствием, Финт, и возьму недорого. — Глядя на выражение Финтова лица, старик расхохотался от души. — Право же, друг мой, хорошего ты обо мне мнения! Я ж просто пошутил; уж и пошутить нель-

зя? — И добавил: — Ммм, а может статься, ты еще гравировку сделать захочешь? — Старик хитро сощурился. — Что-нибудь, имеющее отношение к юной даме? А слова мы потом придумаем.

Финт покраснел.

— Ты мысли читаешь, да?

— Ммм, разумеется! Равно как и ты сам; единственная разница в том, что у меня в этом деле больше опыта: я столько мыслей на своем веку перечитал, а уж какие заковыристые да запутанные среди них попадались!

Финт отступил на шаг.

— Я прежде никогда тебя не спрашивал, но ты столько всего знаешь, ты столько всего умеешь. Так почему ты тратишь время на возню с поломанными украшалками да часами и все такое здесь, в трущобах, когда ты мог бы много чем другим заняться?

И Соломон отвечал:

— Вопрос сам по себе заковыристый, но сдается мне, ответ ты, по сути дела, знаешь и сам, ммм? Я наслаждаюсь любимым делом и получаю неплохую компенсацию. То есть поясняю специально для тебя, *деньги* — за то, что доставляет мне немалое удовольствие. — Он вздохнул и продолжил: — Но, наверное, главная причина все-таки в том, что быстро бегать я разучился, а смерть, она такая окончательная.

Последняя фраза заставила Финта резко выпрямиться. Но это был призыв к оружию и начало отсчета: часы затикали, теперь Финт

был человек занятой, не то что прежде; теперь все решало время, так что одевался он в спешке.

Действовать приходилось с оглядкой; Финт доверял многим, но, сами понимаете, есть разные степени доверия: кому-то он доверил бы шестипенсовик, а кому-то и жизнь. Последних было немного, и злоупотреблять их благожелательностью, пожалуй, не стоило, потому что: а) благожелательность, если часто ею злоупотреблять, со временем изотрется; и б) никому не следует знать лишнего о Финтовых делах.

И вот он снова направился к ларьку Мари-Джо: наверняка она в этот час не слишком занята, потому что большинство ее покупателей сейчас на улицах, пытаются заработать на обед попрошайничеством, воровством или — если другого выхода нет — так честным трудом. Но Мари-Джо была на месте, надежная, как колокольный звон в Боу, — так что и Финт, в свою очередь, показал себя человеком надежным и выплатил ей обещанные несколько шестипенсовиков за суп для малышни; и поскольку вокруг народу было немного и подслушивать вроде некому, он, понизив голос, рассказал Мари-Джо о своей надобности.

Отсмеявшись, она произнесла что-то по-французски, чего он не понял, а Финт признался:

— Мари-Джо, я не могу тебе сказать, зачем мне это надо.

Мари-Джо взгляделась в его лицо, снова рассмеялась: смотрела она так, как смотрят

женщины определенного типа, имея дело с нахальным молодым джентльменом вроде Финта: Финт уже научился распознавать это выражение, поскольку посвятил его изучению немало времени в финтовском университете: осуждающее и снисходительное одновременно, в сложной пропорции. Глаза ее заискрились; Финт видел, что она для него что угодно сделает. Но, памятуя об этом, не следует просить слишком многого.

Смерив его взглядом, Мари-Джо осведомилась: «*Cherchez la femme?*» Эту фразу Финт знал и старательно изобразил смущение. Она рассмеялась тем смехом, что пришел из самого ее детства, и велела ему приглядеть за ларьком и пошинковать лук с морковкой, пока она занимается этим его поручением. Конфуз-то какой! Срежь бела дня, на виду у всех прохожих Финт — да, сам *Финт!* — вкалывает в ларьке; хорошо, что людей вокруг не так много.

По счастью, Мари-Джо очень скоро вернулась с маленьким сверточком; Финт его надежно припрятал и еще с полчаса добросовестно чистил и крошил овощи, причем с удовольствием: внимание к деталям позволяло внутреннему Финту обдумать следующий шаг, а именно — он собирался прогуляться к старьевщикам и по ломбардам. Он знал, что ему нужно, но побоялся закупать все в одном месте, хотя ему здорово повезло в какой-то занюханной лавчонке, где пахло грязным бельем, там нашлось именно то,

что надо, а хозяин благоухал джином и Финта, похоже, впервые видел.

Но часы тикали; время поджимало.

Полдень давно миновал. Прогулявшись в «Дочку канонира» и пропустив пару пинт портера с приятелями, с одним в частности, — славный старина Финт не забывает друзей теперь, когда у него в карманах денег завелась после победы над Демоном-Цирюльником, — Финт наконец-то был готов. Хотя Соломон, конечно, обхохотался, на него глядя, — Финт даже слегка обиделся.

Финту доводилось слышать, что Господь все видит: хотя, наверное, в районе трущоб Он все-таки предпочитает закрывать глаза. Если сегодня Господь был не у дел и поскольку люди особо не приглядывались — а вдруг чего заметят, — вероятно, один только человек-с-луны видел, как почтенная старушка — не то слово какая несчастная и жалкая, даже по меркам трущоб, — соскользнула вниз по веревке, превловко приземлилась на мостовую и очень медленно заковыляла прочь.

Насчет этой подробности Финт особо не тревожился: веревку мало откуда было видно; но если ты почтенная старушка, то бегаешь ты небыстро. К прискорбию, у почтенных старушек — у тех, что погрязнее, — денег на извозчика обычно не водится, но черт его подери, если он потащится, хромая, до самой реки, так что старушка, неистово размахивая клюкой,

поймала-таки кеб. Старушенция выглядела так жалко — бородавкам прямо раздолье благодаря театральным хитростям Мари-Джо, — что возчик, вспомнив о своей старой мамочке, прелюбезно подсадил старушенцию — и, на удивление, даже не обсчитал.

Воистину жалкое зрелище представляла собою почтенная старушка; и судя по запаху, дней шесть как не мылась. А бородавки? Кто и когда видал такие жуткие бородавки? А еще на ней был парик, но это как раз дело обычное, ведь старушки так чувствительны, и Боже правый, думал Финт, что за чудовищный парик, гаже ни у одного старьевщика не нашлось.

Старушка захромала прочь. Возчик проводил ее сочувственным взглядом: небось с ногами у бабули беда; чистая правда, потому что Финт подложил в ботинок деревяшку — больно было адски. К тому времени, как он доковылял до ближайшего причала, ноги просто отваливались. Когда-то Мари-Джо, в прошлом актриса, говорила ему, мол, с его талантами ему самое место на сцене; но поскольку Финт знал, что платят актерам неважно, он прикинул про себя, что делать ему на сцене нечего — вот разве что театр обчистить.

Лодочник — по случайному совпадению, тот самый, с которым Финт болтал несколькими часами раньше, — Двойной Генри, завсегда тай «Дочки канонира», перевез славную старушку с бородавками и ужасными, просто *ужасными*

зубами через реку и заботливо помог ей сойти у морга в Фор-Фартингзе, самом маленьком из лондонских округов. Если какой-нибудь житель луны приглядывал за старушкой и дальше, то он, конечно же, проследил ее путь до конторы коронера. Жалкое было зрелище, просто невыразимо жалкое. Настолько жалкое, что даже вечно всем недовольный служитель морга, что живых обычно не жаловал, и тот угостил ее чаем, прежде чем направить в контору коронера, что находилась чуть в отдалении.

Коронер был человеком добрым, что среди коронеров, как ни странно, не редкость, учитывая, как часто они видят и знают то, что обычным людям ни видеть, ни знать не следует. Он внимательно выслушал старушку, которая, заливаясь слезами, рассказывала о пропавшей племяннице. Знакомая была история, в точности сродни той, что Финт слышал от Джули-Грязнули: милая, неиспорченная девушка приехала откуда-то из Кента в надежде подучиться и подыскать себе в Лондоне работу получше. О, эта чудовищная машина — если бы бедняжка только знала! — заглатывает невинных, окрыленных надеждой, а главное — живых девушек и перерабатывает их на... нечто совсем иное.

Коронер, хоть и давно к такому привыкший, был потрясен до глубины души рыданиями и сетованиями в духе: «Я ж ей говорила, говорила, что мы справимся, мы уж перебьемся как-нибудь». И: «Я ж ей не велела разговаривать с

джентльменами на улицах, сэр, строго-настрого запрещала, но вы же знаете, как оно бывает с девушками, сэр, ох, легкая они добыча для первого же блестящего джентльмена с деньгами в кармане. Ох, боже мой, боже мой, если б она только послушалась; я ж себя по гроб жизни винить буду». И: «Ну, то есть деревня — это вам не город, скажу как на духу. Ведь обычно-то оно как бывает? Если парень и девушка натворили дел, а на ней потом поясок не сходится, так ее матушка с ней потолкует по душам, верно? А потом матушка потолкует с ее отцом, а ее отец потолкует с отцом паренька за кружкой пивка в трактире, и все повздыхают и скажут: “Ох, ну, всяко бывает, по крайней мере, бездетными-то они не помрут!”» Если верить старушке, так после того молодая пара отправлялась прямиком к священнику, и ничего страшного, все в конце концов заканчивалось хорошо.

Коронер, умудренный опытом не только житейским, но в некотором смысле и посмертным, не поручился бы, что все так просто, но, конечно же, вслух ничего подобного не сказал. Наконец почтенная старушка дошла до сути: девушка убежала из дома, а она вот теперь, пока старые ноги носят, ходит от моста к мосту в поисках беглянки. Коронер мрачно покивал: все та же трагическая история, один в один.

Он знал, что в сумерках лондонские мосты патрулируют христианские филантропы, высматривая этих злополучных «замаранных

голубок». Обычно «голубкам» выдают брошюру и уговаривают их так не делать; но что их ждет? — работный дом и, скорее всего, разрешившись от бремени, бедная девушка ребенка своего больше никогда не увидит.

Сталкиваясь с такими вещами ежедневно, поневоле обрастаешь носорожьей кожей, и, увы, коронер чувствовал, что справляется неважно; но старушка принялась описывать свою племянницу, и он угрюмо слушал. Рыдания перемежались словами: «Синее платьице, сэр, не новое, зато белье такое хорошее, сэр, с иголкой так ловко управлялась, умница моя... Колечко еще было железное, из подковного гвоздя, кузнецы такие делают; какое-никакое, а колечко. Нет, никаких драгоценностей, но колечко есть колечко, верно, сэр? И вот еще, может, чего важно; волосы у нее светлые, роскошные золотые волосы. Никогда их не подстригала, не то что другие девицы, которые, что ни год, ножницами — чик, и продают на парик. Здесь она как кремень, нет — и все тут; такая хорошая была девушка...»

Выслушав это все, коронер слегка оживился — равно как и Финт, глядя на выражение его лица. Не зря он потратил столько времени, выискивая Двойного Генри, и две пинты портера окупились с лихвой — он все выяснил, до последней подробности.

— С моей стороны некорректно было бы употребить слово «повезло» в таком контексте, мадам, но, по счастливой случайности, возмож-

но, что ваша племянница как раз сейчас находится в нашей мертвецкой, где пробыла вот уже несколько дней. На нее мне как раз указали во время вчерашнего утреннего обхода, и, правду скажу, и я, и дежурный офицер поразились изумительному оттенку ее волос. Увы, повсюду в нижнем течении Темзы столь драматическая ситуация, к сожалению, повторяется слишком часто. В случае этой очаровательной юной девушки я, должен признаться, уже начал отчаиваться, что объявятся ее близкие.

Почтенная старушка зарыдала с новой силой:

— Ох боже ж ты мой, что ж я теперь ее матери-то скажу! Я ж обещала приглядеть за ней, но в наши дни девушки, сами знаете...

— Да, я все понимаю, — торопливо заверил коронер. — Позвольте предложить вам еще чашечку чая, добрая женщина, а после я свожу вас посмотреть на искомый труп.

Это предложение было встречено душевраздирающим стоном и новым потоком слез, причем слезы были настоящие: к тому времени Финт уже настолько прочувствовал драму, что едва не лишился чувств; однако ж он, или, строго говоря, на тот момент *она* осторожно допила предложенный чай, изо всех сил стараясь не смахнуть бородавку. Вскорости после того коронер, преисполненный безмерного сочувствия к ее горю, под руку повел почтенную старушку в морг. Старушке хватило одного только взгляда на лежащую на столе девушку: тело слегка

привели в порядок, так что покойная казалась просто спящей. В лицедействе надобность отпала; или, может статься, актер настолько вошел в роль и настолько с нею сжился, что публика на галерке уже все ладони себе отбила бы, аплодируя.

Старушка, обратив залитое слезами и соплями, поросшее волосками лицо к доброму коронеру, прошамкала:

— Я, по правде сказать, небогата, сэр, совсем не богата. Как Артур-то мой упокоился на Лавендер-хилл, осталась я без гроша в кармане, так что мне еще надо подсобрать средства, сэр, чтоб все сделать по-людски. Иначе ее ж на Кроссбоунз* закопают, сэр?

— Не могу сказать наверняка, мадам, но не думаю, что ваша милая племянница, тем более совсем недавно из деревни, была... — тут коронер откашлялся, засмутился и еле выговорил: — ...была сродни «винчестерским гусыням». — Он вытащил платок, утер слезу — неслыханное дело! — и продолжил: — Мадам, я, безусловно,

---

* Кладбище Кроссбоунз в округе Саутуорк называлось еще «кладбищем женщин-одиночек»: пресловутые женщины-одиночки занимались своим одиноким трудом по лицензии епископа Винчестерского, которому принадлежала эта часть берега, и потому их в шутку называли «винчестерскими гусынями». Безусловно, скромность не позволяет автору описать, в чем именно состоял их труд. Хотя надо отметить, что Церковь того времени в данном вопросе отличалась пониманием, и, можно сказать, передовыми взглядами. (*Прим. автора*)

глубоко тронут вашим горем и вашей решимостью позаботиться должным образом о душе злополучной девушки. Я вам обещаю — в конце концов, льда у нас хватает! — что ваша юная племянница может остаться здесь, ну, не до бесконечности, понятное дело, но на неделю-другую — безусловно, а этого срока вам, полагаю, должно хватить, чтобы связаться с друзьями, которые могли бы помочь вам в вашей беде.

Коронер поспешно отпрянул назад: старушка попыталась заключить его в довольно-таки вонючие объятия, восклицая:

— Благослови вас Господь, сэр, вы настоящий джентльмен, сэр. Да я горы сверну, сэр, безотлагательно, я наизнанку вывернусь, спасибо вам огромное за такую вашу доброту! Я с друзьями поговорю; слава Богу, есть с кем. Может, кто из них поможет мне написать письмо ее матушке, по почте, сэр, а я всех на ноги подниму, лишь бы не доставлять вам лишних неудобств, сэр. Разве ж мы допустим, чтоб кровиночку нашу бросили в общую могилу, сэр. — К тому времени по лицу коронера ручьем бежали слезы. Этого-то Финт и добивался. Порядочный это человек; надо его запомнить.

Коронер отрядил дежурного проводить почтенную старушку на пристань и, уже прощаясь, вложил ей в руку деньги на перевозчика; неведомый наблюдатель с луны проследил, как бедная старушка, хромая, побрела по порочному городу, свернула в переулок и внезапно

словно бы провалилась в недра канализации, где, по-видимому, почтенная престарелая дама скончалась, но тут же — не иначе как Госпожа помогла! — перевоплотилась в Финта, причем до глубины души потрясенного.

Финт привык играть разные роли; ведь быть Финтом — значит иметь множество обличей и мастей, на любой вкус, он всем друг, никому не враг, и все это замечательно до поры до времени, но порою все это пропадает, сходит на нет, и остается только Финт — один, в темноте. Его трясло; внизу, в туннелях под больницами, он слышал, как сквозь решетки люков вливаются звуки Лондона. Он аккуратно свернул в узелок всю старушкину бутафорию, постаравшись запомнить местоположение каждой бородавки. И двинулся дальше.

Финт все еще переживал из-за утопленницы ничуть не меньше почтенной старушки. Жалко ее ужасно; когда все закончится, он непременно позаботится, чтобы бедную безымянную девушку похоронили должным образом; не в общей могиле или чего похуже. По пути Финт рассеянно шарил там и тут, машинально обогатившись на шестипенсовик и еще фартинг.

Итак, с коронером разобрались; но трупы — дело тонкое, они требуют особого внимания, так что ничего не попишешь, придется повидаться с миссис Холланд. А значит, надо идти в Саутуорк, а там даже такой парень-жох, как Финт, должен вести себя с оглядкой. Ну да Финту в этом деле равных нет.

Миссис Холланд. Другого имени у нее не было; ну да она сама себе банда, а если этого недостаточно, так есть еще ее муж, Абердин-Молоток, известный друзьям под кличкой Бряк, который, по всей вероятности, в городе Абердине никогда и не бывал, это где-то на севере, может, в Уэльсе. Кличка пристала к нему, как это обычно случается на лондонских улицах, так же как имя Финт досталось Финту; но Бряк был чернокожим — черным, что твой цилиндр, причем очень черный цилиндр; и вот уже шестнадцать лет как он числился мужем миссис Холланд, по крайней мере теоретически. Их сын, известный всем и каждому под именем Полубряк, бог весть почему, был редкая умница — голова что карцер, битком набитый законниками: и приносил немало пользы семейному бизнесу, главными объектами которого являлись недвижимость и люди.

Но миссис Холланд обладала немалыми организаторскими способностями и богатейшим воображением. Пожалуй, все моряки до единого, что только высаживались в лондонском порту, перебивали в «Стане миссис Холланд», как они называли это место, — обычно ища встречи с молодыми девушками, что украшали собою верхние этажи здания, в то время как миссис Холланд всем распоряжалась из своего кабинета на первом этаже. Разумеется, миссис Холланд — это миссис Холланд; ходили слухи, что моряков, упившихся вдрызг, порою увозили на

судно, нуждающееся в пополнении команды, — и отправляли в восхитительный круиз, скажем, вокруг мыса Горн, а то и на дно морское. Когда же миссис Холланд не занималась организацией долгих увлекательных каникул для мореходов, она улаживала разные другие дела.

В порту миссис Холланд держалась королевой; и кто бы дерзнул оспорить ее власть, когда рядом с ней возвышался Бряк? Точно определить ее нынешний род занятий было довольно сложно, хотя Финт отлично знал, что некогда она исполняла обязанности и больничной сиделки, и повитухи, и, по-видимому, зарабатывала на жизнь тем, что благодаря ей что-то появлялось или чаще пропадало. А если вы из тех, кто попытается разузнать подробнее о ее деятельности, так вам, того гляди, вскорости придется изучать мосты через Темзу с нижней их стороны.

Финт, понятное дело, с семьей ладил неплохо, особенно с Бряком: тот некогда покориł воображение юного Финта, продемонстрировав ему шрамы от кандалов, жестоко натиравших кожу, и еще особую отметину — работоторговцы заклеямили его, точно скотину. Невзирая на такую предысторию, он был человеком мягким и добродушным, хотя прямо сейчас, открыв Финту дверь в ответ на стук, он сдерживал рычащего, брызжущего пеной пса сатанинских размеров — на переднем крае обороны дома. А еще у них был мушкетон размером с валторну: по слухам, заряжали его черным порохом и каменной

солью, а порой, для особых клиентов, равно как и для тех, кто не понимает очевидного, — еще и разномастными гвоздями.

Стояла тут и миссис Холланд собственной персоной, сплошь подбородки и улыбочивые ямочки, а на фоне мушкетона улыбок требуется в количестве. Ярко-синие глаза миссис Холланд, как частенько подмечал Финт, прямо-таки лучились искренностью при самом беззастенчивом вранье. Она отложила мушкетон и радостно воскликнула:

— Финт! Ну надо же, какими судьбами! Заходи, заходи, добро пожаловать!

Очень скоро миссис Холланд уже выслушивала Финтову исповедь — у себя в отдельной комнатке, а пес, именем Джаспер, мирно лежал у ее ног, тем не менее готовый по команде прыгнуть и зарычать. Она на минуту призадумалась, но тут же ответствовала:

— Ну что ж, просто диву даешься, каким живчиком может порою выглядеть покойничек. Сегодня — окоченелый, а завтра — игривее некуда. То, о чем ты рассказываешь, — затея не для непосвященного, но я-то знаю все, что надо, еще бы нет. Мне трупачи не в новинку, сам понимаешь. Так что просто послушай внимательно любимую тетушку, хорошо? Так вот, сперва тебе понадобится...

Финт схватывал на лету; спустя несколько минут он промолвил:

— Я у вас в долгу, миссис Холланд.

Она одарила его широкой улыбкой.

— Сам знаешь, Финт, я тебя всегда считала одним из своих смысленных мальчиков. Что до долгов, как знать? Глядишь, в один прекрасный день тебе представится шанс со мной расплатиться. Не тревожься, я знаю, что ты не убийца, так что на такие дела я тебя не пошлю; но, может, еще что подвернется. Как говорят, рука руку моет.

Финт покосился на ее короткие толстые ручки; похоже, ни та, ни другая не мыли друг друга вот уж с неделю; но Финт понял смысл — и согласился. Здесь расплачиваются услугами, в точности как на улице. А еще он знал, что в ее глазах для Финта всегда блеснет искорка, хотя полагаться на искорку довольно глупо.

Финт уже собирался уходить, как вдруг миссис Холланд заметно помрачнела и очень серьезно промолвила:

— Я так понимаю, ты наделал много шума, мальчик мой. А есть на свете люди, которых я на дух не переносу, едва услышу, сразу дурно делается, и один из таких — некий тип по прозвищу Аноним; ты про него слыхал?

Финт покачал головой, и миссис Холланд сделалось явно не по себе. Она оглянулась на мужа, потом снова на Финта и заявила:

— Я даже не знаю, доводилось ли мне его встречать, не знаю, каков он с лица, но по всем отзывам, он — матерый, беспощадный убийца. Кажется, в Англии он впервые, но до меня доходят слухи, будто он расспрашивает «про

одного типа по имени Финт» и еще про какую-то девчонку. Мне про него мало что ведомо. Кто говорит, он голландец, кто — швейцарец; но все сходятся на том, что он — убийца, выходит из тьмы и во тьму возвращается, получает деньги и исчезает. Никто не знает, как он выглядит, никто не числит его в друзьях; единственное, что про него известно, — он дамский угодник. Говорят, он всегда появляется под руку с девицей, каждый раз с новой. — Она наморщила лоб. — Понятия не имею, почему он ко мне сюда до сих пор не заглядывал, учитывая его пристрастия. Может, еще заглянет. Но никто тебе не расскажет, каков он на самом деле. Ну то есть кто-то уверяет, что встречал его, он-де высокий и худощавый; а в другой раз низенький и коренастый. Я так понимаю, он мастер перевоплощений; а если он хочет с тобой поговорить, так он одну из своих девиц с письмом присылает.

Миссис Холланд надолго уставилась на дгорающие угли в камине. Вид у нее был непривычно встревоженный.

— Пожалуй, я его на одну доску с собой не поставлю, этого Анонима; он скорее ночной кошмар. Он обретается главным образом в Европе, понятное дело; тамошние ничего лучшего и не заслуживают. Мне не нравится, что он вдруг объявился здесь. Ты мне по душе, Финт, ты сам знаешь. Но если Аноним возьмет твой след, так лучше загодя закажи себе лишний кошель ума.

Финт соорудил сколь можно более жизне-
радостную гримасу.

— И что, его никто и никогда не видел?

— Нет, — покачала головой миссис Холланд. — Все как я говорю: видели-то его многие, но все они видели словно бы разных людей.

Она источала прямо-таки осязаемую тревогу; и это — женщина, которая не моргнув и глазом пошлет пьяного матроса на верную гибель — напрямик в могилу под водой, на темное дно. А теперь вот выясняется, что есть в мире такое, от чего даже ей не по себе.

— Ты, верно, удивляешься, мальчик мой, что у гадкой старухи вроде меня есть свои принципы, — промолвила миссис Холланд, — но на твоём месте я бы даже спала с открытыми глазами. А теперь поцелуй меня от души — а то как знать, вдруг больше не доведется!

Финт послушался — немало позабавив тем самым Бряка, и лицо обтер не раньше, чем удалился на почтительное расстояние. Домой он возвращался, выбирая путь по возможности через канализационные туннели.

Итак, кто-то, кого даже описать толком невозможно, охотится за ним и/или за Симплисити...

Ну что ж, пусть занимает очередь, если так.

ГЛАВА 14

Шкипера ждет сюрприз, почтенная старушка исчезает бесследно, а Финт ничего не знает, ничего не слышал и — что неудивительно — его вообще там не было

С^{только} всего еще предстоит сделать, думал Финт, торопясь домой. Надо будет еще подготовиться к походу в театр, но первым делом, и это самое главное, надо помолиться. Помолиться Госпоже.

Финту случалось бывать в церкви, но в общем и целом уличные жители предпочитали держаться от церквей подальше, разве что в перспективе маячила жрачка; в конце концов, ради сытого пуза можно и послушать лишний раз про «Иисус тебя любит». А теперь вот Финт спустился в свою обожаемую клоаку и стоял в растерянности, гадая, а как вообще молятся-то.

Госпожу он своими глазами никогда не видел, хотя Дедуля всегда говорил о ней так, словно они в близкой дружбе, — и он увидал ее перед смертью, а если не верить словам умирающего, тогда чему верить-то? Ну да, Финт просил ее о

помощи почти машинально, без особой убежденности, — но он никогда не молился всем сердцем и всеми печенками. А теперь он стоял там, под землей, над головой у него шумел Лондон, и, похоже, его уже разыскивал наемный убийца, и он отчаянно нуждался в молитве.

Финт начал с освященного веками ритуала — откашлялся, и уже собирался было сплунуть, но передумал: в такие моменты опасаясь кого-нибудь оскорбить ненароком. На колени в канализации обычно не встают, так что Финт, наоборот, выпрямился и проговорил:

— Прости, Госпожа, я прям не знаю, что и сказать, вот чес-слово. Ну то есть я ведь вовсе не убийца, правда? И я обещаю тебе: если Симплисити удастся спастись, эта бедняжка из морга в Фор-Фартингзе упокоится на Лавендер-Хилл, я об этом позабочусь, и в цветах недостатка не будет. — Помолчав, он продолжил: — И еще она получит имя, так что по крайности я ее запомню; хотя бы так, Госпожа, ведь мир жесток и жить в нем куда как непросто; стараешься как можешь — а больше ничего и не поделаешь. А я — просто Финт.

Послышался едва уловимый шорох. Финт опустил глаза: по башмаку его пробежала совсем мелкая крыска. Уж не знак ли это? Ему позарез нужен хоть какой-нибудь знак. Ну бывают же знаки, а раз уж тебе дан знак, так должен быть еще и знак, указующий, что это именно он и был, чтоб ты знал доподлинно. Правду

сказать, в городской канализации крыса, пробежавшая по башмаку, на знак не слишком-то похожа, если призадуматься. Так знак это или просто крыса? Ох, да ладно, какая разница? Госпожа всегда окружает себя крысами; хотя Финт-то втайне надеялся, что на влажных кирпичах туннеля, словно по волшебству, возникнет прекрасное лицо...

Над головой проезжали кареты и повозки; грохот перемежался промежутками тишины: эту многозначительную тишину вдруг настоятельно потребовалось заполнить, так что Финт добавил:

— Дедуля — а ты ж с ним наверняка знаком — рассказывал, ты всегда носишь туфельки: не башмаки какие-нибудь, а настоящие туфельки; если ты по доброте своей подыграешь мне в этом деле, я подарю тебе самую лучшую пару туфель, какую только можно купить за деньги. Заранее благодарный, Финт.

Тем вечером Соломон картинно поизумлялся тому, с каким тщанием Финт собирался в театр.

Финт отмылся дочиста — по несколько раз прошелся по всем складочкам и труднодоступным местам, непрестанно размышляя про себя об Анониме. Юноша о нем не слышал, но с другой стороны, всех-то знать невозможно; и очень маловероятно, что кто-то покусится на них в театре, так? Но позже, в своем потаенном маленьком мирке за занавеской, пока Соломон в свой черед совершал омовение, вольно пле-

саясь, и брызгаясь, и побрякивая, Финт осторожно вынул из тайника бритву Суини Тодда и долго ее разглядывал.

Это бритва, просто бритва. А еще — ужас и легенда. Ее можно с легкостью спрятать в кармане. Иззи знатно поработал: в пиджаке есть внутренний кармашек, для бритвы в самый раз. Интересно, раз костюм изначально предназначался сэру Роберту Пилю, уж не сам ли сэр Роберт Пиль заказал этот внутренний кармашек специально для тех самых предметов, которые могут срочно понадобиться джентльмену на улице: скажем, для пары кастетов.

Финт вздохнул и убрал бритву обратно в тайник. Ему, пожалуй, не улыбается сидеть рядом с Симплисити, имея при себе эту штуку; но, едва так подумав, задетый за живое юноша напомнил себе: мистер Тодд убивал, но убийцей он не был. Может, если бы он не пошел на эту треклятую войну, он бы не спятил. Впрочем, как на дело ни посмотри, сегодня — не совсем тот день, чтобы выгуливать бритву Суини Тодда.

Анджела предупредила Соломона, что за ними заедет карета — и всех отвезет в театр. Финт поймал себя на том, что начал ее высматривать по меньшей мере за час до предполагаемого времени; а когда карета наконец прибыла, он с удовольствием отметил, что к ней прилагаются двое дюжих и мускулистых молодцов-лакеев. Их квадратные челюсти и искушенный взгляд недвусмысленно свидетельствовали: эти

двое будут только счастливы отмутузить любого обитателя трущоб, кто только подойдет к карете на шаг ближе, чем им понравится.

Соломон сел первым. Следом вошел Финт — и совершенно пал духом, не обнаружив внутри Симплисити. Но один из лакеев, просунувшись внутрь, одарил Финта неожиданной улыбкой и объяснил:

— Дамы все еще собираются, сэр, так что нам велели сперва забрать вас. Мне также велено сказать вам, что к вашим услугам закуски и напитки; возможно, по дороге вам захочется подкрепиться. — И куда менее церемонно добавил: — Вот это да! — тот самый парень, который сразился с Суини Тоддом! То-то старушка-мамочка удивится, когда ей расскажу!

Пока Соломон придирчиво изучал небольшой, битком набитый бар внутри кареты — с превеликим одобрением, как выяснилось, — Финт напряженно размышлял. Бог с ним, с Анонимом, но подсознательно он снова и снова прокручивал в голове слова миссис Холланд. Что-то не сходилось; то, что рассказала миссис Холланд, походило, хм, скорее на вымысел, что-то вроде бритвы Суини Тодда, а ведь Финт знал правду о бритве Суини Тодда, так? Нельзя не признать, с сожалением думал Финт, что вымысел этот он частично создал сам, так что теперь он — весь из себя отважный воин в глазах многих, в то время как на самом-то деле он всего лишь парень с головой, — и в глубине души он это отлично сознает.

Мысль вернулась — молниеносно, как удар ножа. Насколько все то же самое справедливо в отношении Анонима? С его-то дамочками? Похоже ли оно на правду? — спросил себя Финт. И тотчас же ответил: нет. Даже миссис Холланд им запугана до смерти; так, может, Аноним создал о себе легенду, дабы казаться значительнее и опаснее, нежели на самом деле. Ну да, наверняка; Финт тотчас же почувствовал себя лучше. Это все показуха такая; только показуха тебя и выручает; а сейчас ему предстояло подготовить свой собственный, насквозь показушный спектакль.

Финт напомнил себе, что ему неизбежно предстоит очень важный разговор с мисс Куттс, дражайшей мисс Куттс. Да, она необыкновенная женщина, денег у нее больше, чем у кого угодно другого, а мужа нет; улыбнувшись про себя, он подумал: хмм, женщина с огромными деньжищами и в замужестве не заинтересованная. В конце концов, если у тебя есть деньги — собственные деньги, — то муж только помеха. Соломон рассказал ему, что мисс Куттс однажды предложила руку и сердце герцогу Веллингтону. Веллингтон, опытный тактик, почтительно и деликатно отклонил предложение. Понял, видать: вот битва, которую ему никогда не выиграть!

Соломон с блаженным вздохом заткнул пробкой декантер с бренди.

— Соломон, мне нужно тебе кое-что рассказать, — промолвил Финт.

Не прошло и пятнадцати минут, как каре-

та добралась до места; почти всю дорогу Финт тревожно глядел на Соломона, пока тот размышлял про себя.

— Ммм, что ж, Финт, должен отметить, ты все тщательно продумал, — наконец произнес старик. — Ты говоришь с человеком, который, пусть сейчас он и дряхл, и немощен, некогда выбрался из тюрьмы, задушив надзирателя его же собственными шнурками. Теперь я об этом сожалею — и в то же время напоминаю себе, что только благодаря этому деянию я сейчас здесь, перед тобою, и рассказываю тебе о своем приключении; и, по правде говоря, мерзавец заслужил свою участь — я ведь видел, что он проделывает с другими. Мой народ воинственно-стью не славится; но при необходимости мы уж как-нибудь расстараяемся. Что до твоего плана, он смел и дерзок, и в описанных тобою обстоятельствах очень может быть, что и сработает. Хотя, дорогой мой друг, имей в виду, что тебе еще предстоит уговорить Анджелу, которая на данный момент считает себя ответственной за нашу Симплисити.

Карета замедлила ход.

— Я понимаю, о чем ты, — откликнулся Финт, — но по закону единственный, кто вправе приказывать Симплисити, это ее муж, а ты сам понимаешь — на его слова мы плевать хотели, потому что дрянь он распоследняя, а не принц. Шарль королевских кровей, вот он кто.

Очередной лакей распахнул дверь, не успел Соломон до нее дотронуться, и гостей провели в гостиную, где обнаружилась Анджела — но,

увы, не Симплисити. Анджела, должно быть, заметила, как Финт изменился в лице, потому что весело прощепетала:

— Симплисити все еще прихорашивается, мистер Финт, ведь она же идет в театр с вами. — Хозяйка похлопала по диванчику рядом с собою. — Присаживайтесь, не стесняйтесь.

Все трое посидели немного в неудобном молчании, — так бывает, когда люди чего-то ждут, а друг другу им сказать вроде бы и нечего, но вот открылась одна из дверей, и вошла горничная, все еще суетясь вокруг Симплисити. Девушка улыбнулась при виде Финта — и весь мир засиял золотом.

— Как вы сегодня очаровательны, дорогая, просто загляденье, — промолвила мисс Куттс, — но боюсь, мы опоздаем на «Юлия Цезаря», если не поторопимся. Да, у нас, безусловно, ложа, но опаздывать все равно неучтиво.

Финту позволили занять в карете место рядом с Симплисити; она все больше помалкивала — не иначе, разволновалась в предвкушении спектакля, а Финт размышлял про себя: «Театральная ложа... это значит, в театре тебя увидит чертова пропасть народу, ох, вот незадача».

Но вскорости по прибытии в театр (достаточно заблаговременно, чтобы никого не беспокоить) двое лакеев — те же или, может, похожие на них как две капли воды — заняли свои места за четырьмя креслами. Наверное, все-таки они же, подумал Финт, потому что, оглянувшись на них, он вроде бы узнал того,

которому не терпелось рассказать про Финта старушке-мамочке. На краткое мгновение, поймав взгляд помянутого Финта, лакей гордо продемонстрировал ему блестящие кастеты — которые, словно по волшебству, вновь исчезли в недрах модной ливреи. Ну, это уже кое-что.

Финту доводилось неофициально бывать в театрах и прежде, но ему понадобилось некоторое время, чтобы вникнуть в происходящее. Соломон загодя попытался дать ему какое-никакое представление о сюжете «Юлия Цезаря», и Финт про себя решил, что это вроде как драка между двумя бандами, только они при этом еще и разговоры разговаривают. Слова проносились над его головой, он пытался ловить их; пьеса мало-помалу завладевала его воображением. Как только попривыкнешь к их манере изъясняться и ко всем этим простыням и все такое прочее, так начинаешь понимать: гады они тут все; дойдя до этой мысли, Финт задался вопросом, а на чьей он стороне, и тут вспомнил, что эти самые римляне построили канализацию и называли Госпожу Клоакиной.

И хотя Юлий Цезарь и прочие парни никаких канализационных туннелей на сцене не прокладывали, Финт задумался, не назвать ли Госпожу тем самым именем, что дали ей римляне; пожалуй, стоит попробовать. Монологи прокатывались над ним словно волны; Финт крепко зажмурился, мысленно вверил себя римской богине клозетов — и вновь открыл глаза в тот самый момент, когда чей-то голос произнес: «В делах людей

прилив есть и отлив, с приливом достигаем мы успеха»*. Он потрясенно уставился на актеров.

Что ж, если нужен знак — такое уж всяко лучше, чем крыска на башмаке!

Соблюдая декорум, мисс Куттс, хозяйка ложи, сидела рядом с ним, а к Симплисити приставили Соломона: будучи престарелым джентльменом, он, теоретически, никак не мог помышлять ни о шурах, ни о мурах. Мисс Куттс очень деликатно подтолкнула соседа локтем и осведомилась:

— С вами все в порядке? Я было подумала, вы спите, а вы едва из кресла не выскочили.

— Что? — откликнулся Финт. — Ах да, я просто понял, что всё сработает, обязательно сработает!

Он тут же изругал себя за глупость, потому что Анджела прошептала:

— Прошу прощения, что именно должно сработать?

— Всё, — пробормотал Финт. И внезапно сосредоточился на действии с новым интересом, гадая, зачем понадобилось столько римлян, чтоб замочить одного-единственного хмыря, тем более что он, как выясняется, вроде бы парень неплохой.

Соломон назвал это «легкой закуской». Что, как выяснилось, на порядок интереснее обычной трапезы. Тут и вкуснейшие консервы, и мясное ассорти, и соленья, и соусы-чатни, так что прямо

---

* У. Шекспир, «Юлий Цезарь» (акт IV, сцена 3); пер. Мих. Зенкевича. (*Прим. перев.*)

слюнки текут — а у Соломона аж глаза заблестели. Покончив с едой, Финт негромко спросил у Анджелы:

— А где ваши слуги?

— Да в лакейской. Если они мне понадобятся, мне достаточно просто позвонить.

— А они нас слышат?

— Никоим образом; и позвольте напомнить вам, молодой человек, — как вы уже знаете, они пользуются моим безоговорочным доверием. Иначе бы я их не наняла.

Финт поднялся на ноги.

— Тогда мне нужно рассказать вам всем о том, что, как я надеюсь, произойдет завтра, если вы, конечно, согласны послушать.

Секрет — дело такое: лучше всего его хранить про себя. На то он и секрет. Но некоторые, похоже, считают, что лучший способ сохранить секрет — это рассказать о нем всем и каждому; ведь что дурного может случиться с секретом, если его оберегает столько народу? Но рано или поздно Финту все-таки придется свой секрет открыть, и этот час ныне пробил. И еще ему нужен союзник — а именно Анджела. Финт решил, что женщина, у которой денег больше, чем у Господа Бога, и которая до сих пор жива-здоровая и счастлива, — наверняка очень умна. Так что Финт тихо и вдумчиво рассказал все как есть, не упустив ни единой подробности, включая и то, что миссис Холланд поведала об Анониме; и когда он наконец умолк, повисло гробовое молчание.

Но вот Анджела, нарочито не глядя на Финта с Симплисити, промолвила:

— Что ж, мистер Финт, при всем моем восхищении вами, моим первым побуждением было категорически запретить вам эту немыслимую и опасную авантюру. Но, уже собираясь с духом, чтобы произнести решительное «нет», я — заметив, какими взглядами обменялись вы двое, и напомнив себе, что Симплисити не ребенок, а замужняя женщина, — осознала: лучшее, что я тут могу сделать, — это поблагодарить вас за то, что посвятили меня в свою тайну. И, положив руку на сердце, даже если мне потом придется собирать осколки, это дело касается только вас двоих. — Она обернулась к Соломону. — А вы что думаете, мистер Коган?

Спустя несколько секунд раздалось:

— Ммм, Финт таки рассказал мне об Анониме; маловероятно, что он отыщет Финта раньше, чем Финтов план осуществится. А план как таковой, на мой взгляд, обладает рядом весьма заманчивых преимуществ, потому что, если он сработает, вряд ли кто-либо захочет впоследствии рыться в этом деле. И, безусловно, я прямо-таки преисполняюсь надежды при мысли о том, что план будет претворен в жизнь на поле битвы, хорошо знакомом нашему молодому другу, который, как мне известно, изучил местность вдоль и поперек. В создавшихся обстоятельствах, ммм, сдастся мне, сам Веллингтон с целой армией не справился бы лучше.

На протяжении всего разговора Финт не сво-

дил глаз с Симплисити. В какой-то момент она нахмурилась, и юноша пал духом, но снова приободрился, когда Симплисити усмехнулась — это была не улыбка, а именно усмешка, причем вызывающе-дерзкая, словно адресованная заведомо слабому противнику.

— Что ж, дорогая моя, вы сама себе хозяйка, и я поддержу вас против любого мужчины, который дерзнет утверждать обратное. Скажите мне, что вы думаете об этой безрассудной затее, а?

Симплисити, не говоря ни слова, подошла к Финту и взяла его за руку: по спине юноши пробежала дрожь, да так стремительно, что тотчас же скрикошетировала обратно.

— Я доверяю Финту, мисс Анджела, — промолвила девушка. — В конце концов, посмотрите, сколько он уже для меня сделал.

Слова ее еще не отзвенели в воздухе, когда Финт произнес:

— Ну, это, спасибо. Но вам придется расстаться с обручальным кольцом.

Симплисити тотчас же схватилась за золотой ободок, в тишине комнаты загрохотали раскаты беззвучия; Финт ждал взрыва. Но тут Симплисити улыбнулась и тихонько произнесла:

— Прелестное кольцо, не правда ли? Как я радовалась, когда он надел мне его на палец. Я полагала, я замужем в глазах Господа. Но что мне думать теперь? Бедный священник, совершивший обряд, ныне мертв, равно как и двое добрых друзей; так что, сдается мне, Господь вооб-

ще не приложил руку к этому браку. Его не было рядом, когда меня избивали, когда меня втащили в ту карету, — и тогда появился Финт. Анджела, я безраздельно доверяю моему Финту. — С этими словами она заглянула ему в глаза, и вложила кольцо в его руку, и отдала его вместе с поцелуем, и Финт про себя решил, что на самом-то деле двадцать четыре карата в поцелуе, а не в кольце.

Анджела оглянулась на Соломона.

— Ммм, похоже, Анджела, сомнения здесь неуместны. У нас тут довольно необычная версия «Ромео и Джульетты».

— Как скажете, — кивнула Анджела, — но, как женщина практичная, я думаю, неплохо бы подбавить к ней чуточку «Двенадцатой ночи». Мистер Финт, перед тем как вы уйдете, нам с вами необходимо обговорить подробности.

Карета Анджелы доставила Финта с Соломоном обратно в Севен-Дайалз; по дороге они едва ли обменялись хоть словом, равно как и после, сводив Онана на ночную пробежку, в темноте почти не разговаривали, погруженные каждый в свои мысли. Наконец Соломон промолвил:

— Что ж, Финт, я в тебя верю; мисс Бердетт-Куттс, похоже, тоже; но мисс Симплисити верит в тебя верой, которая, дерзну предположить, крепче веры Авраамовой.

— Это ты про своего приятеля, жуликоватого ювелира Абрама?

— Нет, Финт, — отозвалась тьма, — я имею

в виду того Авраама, который был готов принести в жертву собственного сына по слову Господа!

— Ну нет, такого мы тут не потерпим, еще чего! — подумав с минуту, отвечивал Финт.

Он попытался заснуть, ворочаясь с боку на бок, но перед его мысленным взором вновь вставало лицо Симплисити, и снова и снова звучали слова, сказанные ею в последнем разговоре: «Я безраздельно доверяю моему Финту».

Эхо этих слов пробирало его до костей.

Поутру Финт насчитал целых трех переодетых полицейских: они изо всех сил старались остаться незамеченными, но, как всегда, не слишком-то преуспевали. Финт притворился, будто их не видит; но сэр Роберт Пиль явно слов на ветер не бросал: вот уже две ночи подряд под окнами кто-то дежурит, а теперь они еще и среди бела дня тут ошиваются! На свой полицейский лад они опробовали новые идеи: например, не выставлять наблюдателя на всеобщее обозрение прямо перед домом, но спрятать парочку прямо за углом, где с ними как пить дать столкнешься. Неужели сэр Роберт занервничал?

Задолго до первого света Финт уже трудился не покладая рук — под прикрытием паров, и туманов, и дымной тьмы. А теперь, пока где-то рядом пробуждался мир, можно было видеть, как мимо полицейских ковыляет нищая старушка — если бы, конечно, кто-нибудь удостоил ее хоть взглядом, ведь, сказать по правде, нищих старух

вокруг — пруд-пруди: они частенько переживали своих мужей и оставались, по сути дела, брошены на произвол судьбы. Финта это весьма удручало; так было всегда; на каждом углу видишь, как старухи, пытаясь заработать на хлеб, роются в горах мусора или просеивают сквозь решето выметённую из дома пыль в поисках хоть чего-нибудь годного*. На улице холодно; но ни у кого из них даже приличного пальтишка нету спину прикрыть. А страшные-то какие! Тянут когтистую лапу, выпрашивая фартинг, зыркают блестящими глазами; беззубые старухи с измождёнными лицами, как две капли воды похожие на ведьм; они повсюду, куда ни глянь, — везде, где можно укрыться от дождя.

Но прямо сейчас по улицам и переулкам ковыляла не в пример более бойкая старушка с тачкой на буксире — а на улицах такое средство перевозки — показатель высокого статуса! — и все суетилась над нею, как это за почтенными дамами водится. Если человек-с-луны и вправду глазел сверху вниз на Лондон, то, конечно же, заметил, как старушка зигзагами добралась до набережной, а там готова была выложить пенни, чтоб баркас переправил ее вместе с тачкой через Темзу. Впрочем, в тот раз, как непременно отследил бы зоркий наблюдатель, она заплатила не больше

---

* Такое зрелище встречалось на каждом шагу. В исследовании Генри Мэйхью подробно описан этот уровень нищеты, в наши дни совершенно немыслимый в таких городах, как Лондон. (*Прим. автора*)

фартинга — официально перевозка стоила больше, но шкипер в жизни не видывал такой несчастной дряхлой старушки, да в таком душевном смятении. У него у самого была старушка-мама, так что сегодня он решил проявить великодушие и даже согласился подождать немного, чтобы забрать пассажирку обратно: когда же она вернулась, внезапно обнаружилось, что к тележке ремнями прикручен одетый в саван труп. По правде сказать, это создавало определенные трудности, но тут один из его напарников как раз причалил к пристани и принялся разгружаться, и, туманно махнув рукой в сторону разбитой горем старушки, шкипер сподвиг приятеля помочь ему с трупом. По счастью, тело еще не утратило гибкости.

Финт — потому что это, конечно же, был он, а никакая не старушка — весьма тому порадовался. И почувствовал легкий укол совести: ведь, в конце концов, коронер Фор-Фартингза лично, вместе с дежурным офицером, вышел помочь почтенной пожилой даме с тачкой и торжественно заверил ее, что с бренными останками ее племянницы обходились в высшей степени уважительно. Вот прям на сердце потеплело, чес-слово.

А теперь еще предстоял обратный путь, на сей раз против течения, и шкипер отлично понимал, что на этой перевозке он, мягко говоря, не разбогатеет, так что грубовато бросил:

— Ладно, голубушка, раз уж взялся за гуж, не говори, что не дюж; по фартингу с каждого, и будем считать, что в расчете.

Переправа много времени не заняла, хотя ветер дул порывистый; когда же шкипер помог сутливой старушке спустить тачку на мостовую, он глазам своим не поверил: бабуля вручила ему целых три блестящих шестипенсовика, причитая, что во всем Лондоне джентльменов не осталось, кроме него. Воспоминание об этом случае еще долго грело ему душу.

Вновь устремив взгляд на правый берег Темзы, наблюдатель увидел бы, как почтенная старушка тянет тачку по темному туманному переулку, словно бы не разбирая дороги, и тут на мостовую легла тень, резко запахло джином и вдрызг пьяный, по уши грязный и очень неприятный с виду хмырь осведомился:

— А для меня чего-нить в мешке найдется, бабуля?

Эту неожиданную сцену наблюдал сквозь сумрак чистильщик сапог: он завтракал, устроившись на краешке тротуара. Он как раз прикидывал про себя, не вмешаться ли, как вдруг случилось нечто очень странное: престарелая дама закружилась в вихре и словно бы исчезла, глядь — а хмырь уже лежит на земле, а она весело пинает его в пах, приговаривая:

— Если я твою рожу тут еще хоть раз увижу, сынок, я ж твои потроха на рашпер намотаю, так и знай!

А затем, кое-как оправив платье, почтенная старая дама вновь преобразилась... ну, в почтенную старую даму в глазах чистильщика сапог, ко-

торый таращился на нее, позабыв про недоеденную картофелину в руке. Милейшая старушка жизнерадостно помахала ему рукой и осведомилась:

— Юноша, кто тут у нас нынче картошечкой торгует?

В результате Финт продолжил путь с котомкой, битком набитой картофелинами в мундире; он раздавал картофелины всем встречным старухам, что с несчастным видом сидели на краю тротуара; это вроде как покаяние такое, решил он про себя. А Господь, который наверняка благосклонно взирал на это доброе дело, устроил так, что уже на следующей улице Финту повстречалась цветочница с лавандой, то есть Финту не пришлось специально ее разыскивать; впрочем, и это дело несложное, поскольку в лондонском зловонии всякий рад прикупить букетик-другой. В тот раз счастливица продала весь свой запас почтенной старушке, осыпала ее благодарностями и отправилась в паб, а старушка, благоухая не в пример прежнему, покатила тачку дальше.

Ворочать мертвое тело непросто в любом случае, но Финт взял на заметку один переулочек с люком в некоем особенно темном углу Севен-Дайалз, для его целей в самый раз. А, понятное дело, едва спустившись под землю, Финт оказался в своей стихии. Теперь он мог преспокойно заниматься своим делом, неведомо для тех, кто расхаживал у него над головой, а вероятность повстречать другого тошера была ничтожно мала. В любом случае он же король тошеров — и, значит, волен

делать все, что заблагорассудится. В туннелях, если знать, где искать, есть места размером с просторную комнату — их тошеры нарекли чудесными именами вроде «Ввысь и Обратно».

Прошлепав в один из туннелей, Финт приступил к самой неприятной части всего предприятия. У этого участка до сих пор названия не было, зато теперь появилось: «Покойся с Миром». В темных закоулках Лондона неумоимо рыскала Смерть; без похоронной процессии не проходило и дня, а это, в свою очередь, порождало своего рода практичность: люди живут, люди умирают, другим людям приходится что-то с этим делать. На этом месте Финт, который очень хотел жить, сбросил с себя личину — под лохмотьями обнаружилась его обычная одежда — и вытащил пару огромных, хорошо промасленных кожаных перчаток, как и советовала миссис Холланд, — и он благодарил судьбу за этот совет и еще за то, что так потрагился на лаванду, потому что, с какой стороны ни посмотри, муторный, тяжелый, приторный запах смерти невозможно выносить долго.

В нескольких футах над его головой грохотало уличное движение, а Финт тянул, и дергал, и мямл, и давил на рычаг, пока не добился, чтобы со стороны все выглядело как надо. Все шло хорошо, но тут, когда он уже размещал останки юной девушки в отведенном ей уголке, она качнула головой и вздохнула. «Если произойдет что-то в этом духе, — подумал про себя Финт, — так пожалуй, хорошо, что мы внутри канализации». На самом

деле это пустяки, дело житейское; миссис Холланд рассказывала, что мертвецам порою случается и пошуметь малость. Газы и все такое; можно даже сказать, что трупы вроде как разговаривают спустя немалое время после смерти. Финт развязал заботливо припасенный мешочек с камфорой и кайенским перцем — чтобы отогнать крыс по крайней мере на достаточное время.

Отступив на шаг, дабы рассмотреть хорошенько творение рук своих, Финт порадовался от души, что ему не придется делать это снова. Ну вот и все; осталось лишь запаковать перчатки. А еще Финт предусмотрительно выбрался из туннелей на некотором расстоянии от места преступления — если такое название тут уместно, добавил он про себя. Отыскав колонку, он помыл руки в лондонской воде — которая, как он знал, доверия не вызывает, если ее прежде не вскипятить, но доброе старое щелочное мыло — спутник надежный, пусть и едкий. После того Финт неспешно зашагал обратно в Севен-Дайалз, как будто всего-то навсего вышел прогуляться под солнышком, которое, кстати, сегодня светило как-то странно, словно в вышних сферах творилось неладное.

Впрочем, Финту было не до вышних сфер; у дома его поджидали двое пилеров, и один заявил:

— Сэр Роберт хочет с тобой потолковать, паренек. — Он принялся к остаткам лаванды — Финт решил забрать их домой, потому что, если рядом Онан, лаванда крайне уместна. — Цветочки для твоей девушки, да?

Финт проигнорировал вопрос. Он ждал чего-то подобного: ведь если пилеры тобою заинтересовались, интерес их уже не угаснет: они, по-видимому, надеются, что рано или поздно ты «сломаешься» и все как на духу выложишь. Это своего рода игра такая; а хуже всего, когда они прикидываются друзьями. И вот, как добропорядочный житель, Финт сопровождал двух блюстителей порядка до самого Скотленд-Ярда; но шагал он вальяжной походкой настоящего жоха — тут уж он расстарался! — и все обитатели трущоб видели: идет он не то чтобы по доброй воле. Надо же репутацию поддерживать: официально числиться героем — само по себе достаточно скверно; но будь он проклят, если на глазах у всех добровольно проследует в самое логово пилеров. Не в первый раз пилеры решили, что Финт наконец-то попался; и не в третий, и не в десятый; и еще подумают как следует.

Сэр Роберт Пиль его ждал. Даже сейчас Финт ему не доверял: сэр Роберт выглядел щеголем, но глаза его посверкивали характерным уличным блеском. Глава пилеров оглядел юношу через стол и осведомился:

— Вы слышали об Анониме, друг мой?

— Нет, — солгал Финт, исходя из того, что полицейскому всегда лучше солгать по возможности.

Сэр Роберт одарил его отсутствующим взглядом и сообщил, что полиция всей Европы очень бы хотела увидеть Анонима за решеткой или, еще предпочтительнее, в петле на виселице.

— Аноним — наемный убийца. Он чертовски

умен, мистер Финт, остер, как его же ножи. На основе всего того, что нам удалось выяснить, мы полагаем, что его чрезвычайно интересует местонахождение мисс Симплисити. И в этой связи еще и ваше. Нам обоим известно истинное положение вещей; и я вынужден предположить, что кто-то где-то изнывает от нетерпения, чему свидетельство — убийство Ушлого Боба и его наемника. У нас время на исходе, мистер Финт. Вы должны понять, что, по мнению очень многих людей, британское правительство поступит совершенно правильно, отослав беглянку-жену назад к ее законному мужу. — Он фыркнул. — Хотя тем из нас, кто осведомлен об обстоятельствах этого омерзительного дела, такое глубоко претит. Часы тикают, друг мой. Власть имущие не любят, когда их планы то и дело срываются; и на данной стадии позвольте обратить ваше внимание на тот факт, что я — один из них.

Раздалось легкое постукивание. Финт ско-сил глаза на левую руку сэра Роберта Пиля: пальцы выбивали барабанную дробь на пачке документов, на удивление знакомой.

Глядя в лицо собеседнику, сэр Роберт произнес: — Я знаю, поскольку это моя работа — знать такие вещи, что две ночи назад было ограблено некое посольство и похищено немало ценных документов и разнообразных ювелирных украшений. После чего злоумышленник — а от нас требуют привлечь его к ответственности — зачем-то счел нужным поджечь каретный сарай.

Лицо Финта сияло простодушным интересом. Сэр Роберт между тем продолжал:

— Разумеется, я послал своих людей на месте выяснить все подробности этого ограбления и умышленного вандализма; похоже на то, что еще до пожара колесо кареты было повреждено, но преступник, по-видимому, нацарапал поверх герба на карете имя «Мистер Панч». Я должен предположить, что вы, безусловно, ничего об этом не знаете?

— Так ведь, сэр, как вы сами помните, тем вечером мы были на торжественном званом ужине, — жизнерадостно напомнил Финт. — Я вернулся домой вместе с Соломоном; я уверен, он подтвердит мои слова, если потребуется.

«Интересно, — подумал он, — а совет ли Соломон полицейскому ради меня? — И в голове молнией пронеслась мысль: — Да Соломон наверняка врал полицейским по всей Европе, при полной поддержке Господа, и в присутствии полицейского небось затруднится вспомнить, какого цвета небо».

Сэр Роберт улыбнулся, но в улыбке его не ощущалось теплоты, а барабанная дробь пальцев зазвучала настойчивее.

— Мистер Финт, я ни минуты не сомневаюсь, что мистер Коган именно так и скажет. А раз уж мы затронули эту тему, вы, случайно, ничего не знаете о некоем еврейском джентльмене, который не далее как нынче утром оставил для меня в приемной сверточек с документами? По словам

дежурного сержанта, он положил сверток на стол и поспешно шмыгнул за дверь, и даже имени своего не назвал. — Воспоследовала очередная улыбка без тени веселья. — Безусловно, в общем и целом, все престарелые еврейские джентльмены в черных одеждах похожи друг на друга в глазах любого стороннего наблюдателя, за исключением их родных и близких.

— Надо же, никогда об этом не задумывался! — подивился Финт. Он откровенно наслаждался происходящим, равно как отчасти и сэр Роберт, пусть и на свой каверзный лад.

— То есть вы ничего не знаете, — подвел итог сэр Роберт. — Вы ничего не знаете, ничего не слышали, и, разумеется, вас вообще там не было. — И добавил: — Любопытные документы, чрезвычайно любопытные. Особенно в свете нынешних дебатов. Неудивительно, что посольство требует их назад. Но я, конечно же, понятия не имею, где они. Надеюсь, Соломон вам сообщил приблизительную стоимость вашей добычи?

— Что, сэр, простите, сэр? Соломон при мне ни про какие документы не упоминал, а я их в глаза не видел, — заверил Финт, думая про себя: «Да за кого он меня принимает? За младенца несмышленного?»

— Да-а-а-с, — протянул сэр Роберт. — Мистер Финт, вам доводилось слышать присловье: «Так остер, что того гляди сам порежется?»

— Доводилось, сэр; так я ж с ножами очень осторожен, сэр, не сомневайтесь.

— Рад это слышать. Вы можете идти. — Но едва Финт взялся за дверную ручку, сэр Роберт обронил: — Второй раз вам это с рук не сойдет, молодой человек.

— Ясное дело, сэр; так я и в первый-то раз ничего такого не делал, — откликнулся Финт. Головой он не покачал, разве что мысленно. «Да-да, они всегда ждут, чтоб вы поверили, будто уже в безопасности, и тут как набросятся! Чес-слово, даже я мог бы научить их паре-тройке фокусов!»

Финт вышел из Скотленд-Ярда и весело проорал, едва переступив порог:

— Я ж вам говорил! Не к чему вам придраться, парни, я вообще ни при чем! — Но про себя подумал: «Итак, часы тикают. Правительственные часы. Часы Анонима. И мои. Для Симплисити будет лучше, если мои пробьют первыми».

А что Аноним? Здесь Финт задумался. Его единственное описание сводится к тому, что этот человек всякий раз выглядит по-разному... И как такого прикажете опознать? Но юноша утешал себя мыслью: «Дело близится к развязке, а Анониму еще только предстоит все обо мне выведать и узнать, где меня искать. Ему придется непросто». Это Финта не вполне успокоило, потому что он тут же вспомнил: Аноним — профессиональный убийца, его, по-видимому, нанимают устранять всяких важных особ; а уж сопливого тошеренка он играючи прихлопнет!

Финт на минуту задумался — и произнес вслух:

— Я — Финт! Так что пусть попробует — все зубы пообломает!

ГЛАВА 15

В руках Госпожи

Ближе к семи часам Финт тщательно проверил, все ли готово, все ли меры предосторожности приняты, и вылез из люка неподалеку, чтоб все видели, как он бодро и весело шагает к пабу «Лев».

Он ничуть не удивился, обнаружив на скамейке перед пабом мистера Базалджета, одетого вполне под стать тому, кто собрался прогуляться под лондонскими улицами. Молодой человек — точь-в-точь мальчишка в предвкушении спектакля «Панч и Джуди» — обвешался разнообразными инструментами, вооружился здоровенным блокнотом, а также весьма предусмотрительно захватил с собою фонарь, хотя Финт загодя одолжил целых три. Придется откупаться мелкими услугами, ну так ведь услуги на то и существуют.

Молодой инженер чопорно нежил в руках пинту имбирного пива — и тут же, с места в карьер, принялся обсуждать с Финтом природу канализационных туннелей, в частности, какой

уровень воды Финт в них наблюдал, и распространенность крыс, и опасности пребывания под землей, и разные прочие подробности, интересные такому энтузиасту, как Базалджет.

— Предвкушаете встречу со своей Госпожой, мистер Финт? — полюбопытствовал тот.

«Да, с обеими», — подумал про себя Финт, но с улыбкой отвечивал:

— Так я же ее никогда не видал, ни разу в жизни. Но знаете, иногда, когда ты один, внезапно почудится, как будто кто-то прошел мимо, и воздух этак колыхнется, опустишь глаза — глядь, крысы удирают со всех ног, и все в одну сторону; а еще бывает порою, смотришь на кусок прогнившей старой кладки, и что-то тебе подсказывает: а не порыться ли вокруг в кирпичном крошеве. Пошаришь — и на тебе! — золотое кольцо с двумя бриллиантами. Вот так со мной однажды и было. — И добавил: — Кое-кто из тошеров уверяет, будто ее видел, но вообще-то считается, что такое возможно только на пороге смерти, а помереть прямо сейчас в мои планы не входит. Вообще-то, сэр, я буду рад и счастлив увидеть ее хоть сегодня, если она укажет мне на тошерон.

Разговор перешел на легендарные тошеры и на то, как они формируются. По счастью, как раз подъехал извозчик и выгрузил Чарли и мистера Дизраэли, который сиял, и лучился, и слегка нервничал, как оно свойственно благо-разумным жителям в непосредственной близости от Севен-Дайалз. Чарли усадил полити-

ка на скамейку, направился напрямиком в паб и вскорости вынырнул оттуда в сопровождении бармена, тащившего на подносе пару пинт пива. Мистер Базалджет потер руки:

— Ну что ж, джентльмены, когда выступаем?

— Вскорости, сэр, — заверил Финт. — Тут у нас план самую малость поменялся. Мисс Бердетт-Куттс хочет, чтобы с нами отправился один из ее молодых лакеев: она всячески поощряет в юноше стремление к самообразованию. — И весело добавил: — Может, он тоже станет инженером, как вы, сэр.

Финт умолк: во двор паба вкатилась нарядная карета с двумя мускулистыми кучерами; дверцы ее распахнулись, и наружу выпрыгнул помянутый молодой лакей, в определенных местах заметно более пухленький, нежели за лакеями водится, и, что примечательно, — да, точно, подумал Финт, — со следами недавнего бритья на подбородке.

Симплисити, а очень возможно, что и Анджела, подошли к спектаклю со всей серьезностью. Все прочие и бровью не повели.

Переодевание удалось неплохо — ведь домашние слуги зачастую и впрямь довольно пухлы, учитывая, сколько им всего со стола перепадает! — но для любого, кто хоть раз видел ее в платье, она была Симплисити, Симплисити с макушки до пят, а в глазах Финта так выглядела еще прекраснее, чем прежде, невзирая на последствия бритья. Но она не права — ноги у нее нисколь-

ко не толстые! Нет, на взгляд Финта, эти ножки отличались безупречной формой; ему пришлось здорово с собой побороться, чтобы отвлечься от этих ног и вернуться к делам насущным.

Финт понятия не имел, что там думает про себя Джозеф Базалджет; скорее всего, думал он о канализационных туннелях; да и Симплисити за ужином почти не разглядел, если на то пошло. А поскольку Анджела была еще тут, то и Чарли с Дизраэли видели — ну надо же! — именно то, чего от них ждали. Это такой политический туман, решил про себя Финт.

Мисс Куттс высунулась из окна кареты.

— Я вернусь за своим лакеем через полтора часа, джентльмены. Надеюсь, вы за ним пригляди-те; мне совсем не хотелось бы отвечать за паренька перед его безутешной мамочкой. Роджер — хороший мальчик, очень застенчивый и все больше помалкивает. — И Анджела многозначительно добавила: — Что с его стороны очень благоразумно.

Окно кареты затворилось; мисс Анджела исчезла. Слово взял Чарли:

— Ну что ж, джентльмены, приступим? Мы в ваших руках, мистер Финт.

Финт знал: все, что планируешь в трущобах, нужно досконально продумать. Вот почему, уже уходя, он рассыпал по мостовой горсть полупенсов и фартингов, чтобы здешним оборванцам нашлось чем заняться, вместо того чтоб следить за джентльменами: и точно, уличные мальчишки

позабыли обо всем на свете, расталкивая друг друга в борьбе за неожиданно-негаданно свалившееся богатство.

Финт шагал бодро, сворачивая туда и сюда, попетлял немного по закоулкам, запутывая след, пока, наконец, не добрался до выбранного им люка и помог спутникам по одному спуститься в туннель, начав с молодого лакея.

Когда все наконец оказались внизу и с любопытством оглядывались по сторонам, рассматривая гниющие кирпичи и странную безымянную поросль, свисающую со стен, он поднес палец к губам, призывая к молчанию, прошел несколько шагов и издал особый свист из двух характерных нот. Отзвук поплыл по туннелям; Финт ждал; ответа не последовало. Сегодня он не ждал встретить тут других тошеров, но будь тут хоть кто-нибудь, он бы отозвался; обычно имело смысл знать, что в туннеле работают и другие.

— А теперь, джентльмены, добро пожаловать в мой мир, — бодро возвестил Финт. — Как вы сами видите, в вечернем свете он словно бы даже золотится малость. Просто удивительно, как только солнце сюда проникает. Что скажете, мистер Дизраэли?

Дизраэли — к некоторому огорчению Финта, у него хватило ума надеть для такого случая надежные, удобные сапоги — наморщил нос и промолвил:

— Ну, пахнет отнюдь не розами и лилиями, но тут совсем не так плохо, как я ожидал.

Слова его вполне соответствовали истине, потому что за последние несколько часов Финт сделал все возможное, чтобы подготовить сколь можно более образцовый участок туннеля к приходу высоких гостей. В конце концов, здесь же пройдет Симплисити.

— В былые-то времена здесь почище было, — жизнеутверждающе откликнулся Финт. — А теперь, когда люди прорубают дыру прямо из дома, стало ужас что такое; потому смотрите внимательно под ноги и, пожалуйста, если я попрошу вас что-то сделать, будьте так добры, выполняйте оперативно и без вопросов. — Словечком «оперативно» Финт остался весьма доволен: Соломон вечно огорошивал его каким-нибудь непонятным словом, но память у юноши была отменная. Он провел своих подопечных чуть дальше и тогда, под стать гиду, глянул вниз и произнес с вкрадчиво-липкими интонациями держателя «Короны и якоря»:

— Вот любопытное местечко, тошеров оно частенько чем-нибудь да одаривает. — Он отступил на шаг. — Мистер Дизраэли, не хотите ли попытать счастья в тошерском деле? Вижу, вы заметили «песчаный нанос», будем великодушны и назовем его так, вон там, на полу, у ручейка; да позволено мне будет заметить, вы молодец, сэр, вот вам палка, попробуйте сами.

Группа придвинулась ближе. Дизраэли, с принужденной улыбкой человека, делающего хорошую мину при плохой игре, принял пал-

ку из рук Финта и опасно подступил к груде мусора. Он присел на корточки и принялся брезгливо ворочать палкой. Финт извлек пару перчаток и протянул их политику со словами:

— Наденьте, сэр, в определенных обстоятельствах перчатки очень полезны, если, конечно, можешь себе их позволить. — Ему показалось, что Дизраэли подавил смешок — в конце концов, в присутствии духа этому человеку не откажешь! — натянул перчатки, закатал рукава и пошарил одной рукою в отбросах. Вознаграждением ему было негромкое звяканье.

— Ну надо же, — подивился Финт. — Правду говорят: новичкам везет. Это деньга звенит, точняк. Посмотрим, что тут у вас.

Все сгрудились вокруг; Дизраэли в превеликом изумлении поднял полукрону — новехонькую и блестящую, словно только что с монетного двора.

— Вот это да, сэр, вот это называется тошерское везение, прям завидно. Вижу, не стоит мне вас больше сюда пускать, а? На вашем месте я бы пошарил еще, сэр; где одна монета, там и две. Как говорится, одна звенеть не будет. Все зависит от потока воды, понимаете; никогда не знаешь наверняка, где сегодня денежки осядут. — Все вытянули шеи; Дизраэли, на сей раз с явным энтузиазмом, порылся в мусорной куче, снова что-то звякнуло — и политик вытащил золотое, с бриллиантами, кольцо. — Вот тебе на, сэр!

Финт потянулся к кольцу, Дизраэли поспешно отдернул руку, но тут же осознал, что это дурной тон, и позволил Финту осмотреть находку.

— Так вот, сэр, это и впрямь золото, — сообщил Финт. — Но не бриллианты, нет; просто стразы. Несправедливо получается, сэр, но уж что есть, то есть, вы в первый раз в туннелях — и уже добыли столько, сколько честный труженик за день получает. — Финт выпрямился и предложил: — Думаю, стоит идти дальше, а то темнеть начнет, но, может, наш юный друг захочет попытаться счастья следующим? А что, мастер Роджер? Чего доброго, заработаете дневную ставку, прямо как наш мистер Дизраэли!

Финт был вознагражден широкой улыбкой; Дизраэли, тоже улыбаясь, промолвил:

— Это прямо как счастливый лотерейный билет вытащить, вы не согласны?

— Да, сэр, — кивнул Финт, — но сейчас здесь крыс не так много и не слишком мокро. Ну, то есть вам сейчас все видится в самом выгодном свете.

Базалджет с Дизраэли заговорили о конструкции туннелей; первый время от времени постукивал по кирпичной кладке, а второй по возможности избегал высказывать вслух свое мнение — в частности, касательно выделения денег на постройку чего-то получше. Чарли шел следом, все подмечая и ко всему приглядываясь; его цепкий взгляд обладал пугающим всевидением.

Они осторожно пробирались все дальше, иногда пригибая голову — там, где потолок

заметно просел. Наконец Финт указал на несколько разбитых кирпичей:

— Вот здесь может попасться монетка-другая. Получилась как бы маленькая запруда, видите? Вода проносится мимо, а тяжелые предметы застревают. Это вам на откуп, мастер Роджер. У меня есть еще одна пара перчаток. — И Финт, подмигнув, вручил их лакею.

Финт в упоении наблюдал, как девушка опустилась на колени в мутном сумраке, долго вглядывалась в каменную кладку, затем немного поворожала кирпичи — и встала, держа что-то в руках. Она ахнула — в свой черед ахнул и Дизраэли:

— Еще одно золотое кольцо? Да вы, надо думать, богаче лорда, мистер Финт. Поздравляю, мисс Симплисити.

Разом воцарилась гробовая тишина; слышно было лишь, как капает вода. Наконец Чарли, откашлявшись, произнес:

— Бен, хоть убей, не понимаю, как тебя угораздило принять этого юношу, пусть и весьма пригожего собою, за помянутую юную леди. Не иначе, здешние ядовитые испарения, вкупе с радостью, что вы явно черпаете в новообретенной профессии, ненадолго ударили вам в голову.

К чести Дизраэли надо отметить, что он поспешил извиниться:

— Да-да, вы правы. Как глупо с моей стороны.

Джозеф Базалджет нервно поулыбался — так улыбаются непонятой шутке — и снова принялся дотошно осматривать стену.

По-настоящему тревожил Финта Чарли — Чарли, который держался позади и наблюдал, а теперь вот резко подался вперед и, вероятно, заметил, как задохнулась Симплисити при виде надписи на кольце; и почти наверняка отследил, что девушка во все глаза уставилась на Финта. Насчет Чарли никогда нельзя быть уверенным; Финта не оставляло ощущение, что этот человек видит его насквозь — причем взгляд его, пробуравив грудь, выходит с другой стороны и смотрит в спину.

— Я вам вот что скажу, друзья, — поспешил предложить Финт, — давайте я вперед пойду. Вы тут тошеритесь сколько хотите, а я покажу разные любопытные детали мистеру Базалджету. Разумеется, все, что вы найдете, — ваше. На вашем месте, мастер Роджер, я бы спрятал кольцо в карман — от греха подальше.

Финт отлично знал, что будет дальше. Так с каждым новичком-тошером случается: стоит найти свою первую монетку — и тебя с головой захлестывает тошерная лихорадка. Деньги на земле валяются, подбирай — не хочу! Симплисити с Дизраэли уже завороченно изучали трещины в кладке, многообещающие дыры, кучки мусора и все, что блестит.

Мистер Базалджет, напротив, производил замеры, ворча себе под нос.

— Эти кирпичи никуда не годятся, — объявил он из ближайшего угла. — Они же насквозь прогнили: эту кладку необходимо разобрать, заменить и облицевать керамической плит-

кой — только такое решение в перспективе и возможно; кафель воду не пропускает.

— Увы, в бюджете нет денег, — откликнулся Дизраэли, пристально разглядывая нечто, оказавшееся половиной дохлой крысы.

— Нет денег — получайте зловоние, — отрезал Базалджет. — Я видел реку при отливе; ощущение такое, будто весь мир наглотался слабительного. Условия абсолютно антисанитарные, сэр, согласитесь.

Они шли все дальше, пока позволяло освещение; общая добыча двух начинающих тошеров увеличилась еще на один шиллинг и на фартинг; Дизраэли, надо отдать ему должное, с поклоном передал монетки Симплисити. А Чарли, засунув руки в карманы, наблюдал и ждал, на губах его играла пытливая, оценивающая улыбка; порою он вытаскивал свою треклятую записную книжицу и принимался что-то строчить, порою приветствовал одобрительным возгласом очередную находку, а порою внимательно разглядывал завалы мусора и выходные отверстия малых туннелей.

Свет понемногу мерк. Ничего страшного — в дополнительном освещении недостатка не было, Финт загодя позаботился, чтобы у каждого было по фонарю, хотя сам он обычно обходился и так. Но луч фонаря высвечивал в темноте лишь небольшое пятнышко, и, по мере того как день угасал, канализационные туннели словно бы оживали. Не то чтобы зловеще,

нет; но легкие шумы и шорохи зазвучали резче; крысы, которые прежде преспокойно занимались своим делом, теперь разбегались с дороги; капли падали с потолка с громким отзвуком, тени словно бы задвигались; в такие минуты в голову закрадывается мысль, что если вдруг споткнешься об эти обваливающиеся кирпичи или свернешь не туда на одном из перекрестков, где туннели сходятся и перетекают один в другой, то внезапно окажешься очень далеко от привычного цивилизованного мира.

Так, у Симплисити проблем быть не должно, думал про себя Финт; он тщательно разметил дорогу, где-то подложил кирпич посветлее прочих, где-то замаскировал повороты, ведущие в неверном направлении, отбросами и мусором. Он чувствовал на себе неотрывный взгляд девушки; не время терять голову. Еще несколько минут, и довольно, прикинул он. Вот скроется солнце — тогда и только тогда ты почувствуешь себя настоящим тошером.

— Финт, вот там, кажется, многообещающее местечко, — внезапно заявил Чарли. — При желании даже что-то вроде входа разглядеть можно.

Финт со всех ног кинулся к нему:

— Нет, туда вниз не ходите, сэр. Там очень опасно: пол размыло. Очень, очень неприятный участок, сэр, и сплошь завалы; в туннелях много таких мест — их толком и не чистят никогда. А теперь, поскольку почти совсем стемнело, думаю, мы все можем согласиться, что мистер

Дизраэли, хоть он и джентльмен, сегодня стал еще и тошером! Урра!

Симплисити, то есть мастер Роджер, весело рассмеялась, вслед за нею — Базалджет, Чарли зааплодировал, и едва отгремели аплодисменты, послышался новый звук — характерный металлический скрежет: где-то впереди них ломиком приподняли решетку сливного люка.

— Финт, что это? — осведомился Чарли.

— Да что угодно может быть, сэр, — пожал плечами Финт. — Фокусы клоаки, если угодно. Солнце село; как говорится, что-то расширяется, что-то сжимается; туннели полнятся звуками. День выдался жаркий; иногда кажется, будто тут, внизу, рядом есть еще кто-то. Если мы прямо сейчас повернем назад, то неспешно прогуляемся себе до нашего выхода. По правде сказать, мы не так уж далеко и зашли.

— Если не возражаете, я хотел бы побродить здесь подольше, — возразил мистер Базалджет, размахивая фонарем.

В конце концов Финт утешил инженера обещанием сводить его на прогулку по туннелям еще более дальним на следующий же день, возможно, даже в компании мистера Генри Мэйхью, который не смог присоединиться к сегодняшней экспедиции.

Финт снова свистнул по-тошерски. Отзыва не последовало, и юношу это встревожило: любой тошер откликнулся бы свистом... Да ведь даже у крысоловов хватает мозгов покричать в ответ

на тошерский свист — во избежание обоюдной неловкости. «Что ж, — думал Финт, — хороший был план, очень хороший — но как же к нему приступить, если здесь, под землей, шастает кто-то еще?» Юноша внутренне застонал. Ну да ладно, может, завтра придумается что-нибудь новенькое.

А ведь после того скрежета никаких больше звуков ухо не улавливает; слышно только нас, отметил Финт; а это значит, кто-то затаился. Так что прямо сейчас главное — убрать отсюда Симплисити. Очень может быть, что это — совсем юный тошер, зеленый новичок, даже азов еще не освоил. Или что-нибудь другое... в любом случае рисковать не стоит. С Симплисити ничего не должно случиться.

Стараясь, чтобы голос его звучал нарочито бодро, Финт повел свою маленькую паству к выходу тем же путем, каким они пришли, — и проклинал про себя каждый шаг. Пробираться в темноте оказалось, вопреки ожиданиям, не так уж и просто даже с фонарями — свет их темноту почти не рассеивал.

— Джентльмены, если не возражаете, мне тут кой-куда еще нужно заглянуть, — промолвил Финт, когда впереди наконец-то замаячил выход. — Когда окажетесь наверху, позаботьтесь, пожалуйста, о... Роджере, пока карета не приедет. Иногда внизу, в туннелях, попадают темные личности, скажем так, потемнее, чем обычная здешняя темнота. Я осмотрюсь по-быстрому — и сразу назад. Наверняка ничего страшного, но

поскольку с нами еще и мистер Дизраэли, я так думаю, осторожность не помешает.

Симплисити не спускала с него глаз, мистер Базалджет заметно встревожился, и только Чарли шагал себе, внимательно глядя под ноги, в направлении люка. Мистер Дизраэли неожиданно взял Симплисити за руку.

— Пойдемте... мисс... то есть молодой человек. Правду сказать, глоток свежего воздуха мне бы не помешал.

Пока его спутники выбирались наружу, Финт на всякий случай заверил их еще раз:

— Наверняка ерунда, ничего страшного; но я лучше сбегаю проверю.

С этими словами Финт прыгнул обратно в туннель — теперь он был сам себе хозяин и полностью независим от других людей. Кто-то забрался в его клоаку; будь это рабочие бригады, так они бы давно уже крик подняли: «А ну вон пошли, тошерята!» — и все такое: не самое жизнерадостное приветствие, но, по крайней мере, по-людски. Да, там кто-то есть, точняк. Вряд ли Аноним, правда? Это вышло бы прямо как по писаному. Но Госпоже ведомо, за Финтом охотится еще много кто; а ведь все знают, где Финт обычно обретается. Ну что ж, по крайней мере, он в своей стихии, пусть и зловонной и вязкой.

Из темноты над головой донесся грохот кареты, гул голосов, причем один из них явно принадлежал Симплисити. Финт облегченно выдохнул. Итак, что бы ни произошло теперь,

Симплисити не пострадает. Конечно же, твердил себе Финт, почти наверняка и скорее всего никакой это не Аноним: он же, в конце концов, не иначе как просто выдуманная страшилка... хотя сколько бы Финт ни старался, мысли его от оптимистичной бодрости неудержимо перескакивали к: «Дурак я набитый!» Если Аноним настолько мастер своего дела, так он небось уже все разузнал доподлинно и про Финта, и про Симплисити.

Перед мысленным взором тошера теснились, распикивая друг друга, самые кошмарные сценарии — и это было только начало. В голове стремительно проносились пренеприятные картины. Да, право, неужто такой пижон, как Аноним, полезет в канализацию? Может, и полезет, если ему заплатили достаточно. Какие еще варианты развития событий способна подсказать подступающая паника? Всем известно, что Финт спустился в канализацию вместе с несколькими спутниками. А с кем вообще знаком этот Аноним? Как быстро распространяются слухи? А ведь Аноним наверняка чертовски умен, раз умудрился сохранить голову на плечах до сего дня, при том что наверняка нажил себе столько врагов в стольких странах, так? Ну не идиот ли Финт, славный старина Финт, невесть с чего решивший, что от такой угрозы можно просто отмахнуться? Или это все-таки не он?

Ладно, на данный момент Симплисити в безопасности. А самое разумное, что может

сделать Финт, это побыстрее выбраться из туннелей, прежде чем невидимка его настигнет. Сердце его непривычно гулко колотилось о ребра, а Финт между тем обдумывал свой не то чтобы богатый выбор возможностей. Можно вылезти на поверхность, воспользовавшись соседним туннелем, — но пока он туда доберется, случиться может всякое; а если лезть через ближайший, так тот, кто рыщет во тьме, — внезапно Финт преисполнился уверенности, что это и впрямь Аноним и он заперт здесь, внизу, наедине с убийцей, — с легкостью подберется сзади.

Последний отсвет дня погас. «Это мой мир, — сказал себе Финт. — Я знаю тут каждый кирпич. Я знаю каждое местечко, где если оступишься, так окажешься по пояс в вонючей жиже. Вот он я, — думал Финт. — Почему бы не воспользоваться своим преимуществом? Почему не придумать новый план — план, согласно которому добиться той же самой цели получится иным способом?» В памяти возник Юлий Цезарь — признаться, сидел он на толчке (этот образ впоследствии еще долго преследовал тошера): он ведь был воин, верно? И убить его оказалось куда как непросто. «Так-то!» — шепнул юноша и произнес вслух, во тьму:

— Ну, иди сюда. Я туточки, мистер; может, тебе местные красоты показать?

Глядя вниз, Финт лишний раз убедился: кто-то идет. Крысы бежали напрямик на него, спасаясь от кого-то или чего-то, надвигающегося из туннеля. Финт вжался в стену, почти це-

ликом вместились в небольшую нишу, где из кладки вывалилось несколько старых кирпичей (и где, с нежностью вспоминал тошер, он как-то подобрал два фартинга и еще грот — старинную серебряную монетку в четыре пенса; нынче такие уже не в ходу).

Бегущие крысы карабкались прямо по нему или шмыгали мимо, как будто его тут и не было. «Они видят меня мало не каждый день», — думал про себя Финт. Он никогда на них не охотился, не давил каблуком и даже не распугивал. Он их не трогал; вот и они ему не докучали. Кроме того, иди знай, как посмотрит Госпожа на того, кто жесток с ее маленькими подданными. Дедуля, помнится, на этот счет имел твердое мнение: «Наступишь на крысу — считай, наступил на платье Госпожи».

— Госпожа, это снова Финт, — зашептал юноша в тишине. — Помнишь, я еще попросил тебя насчет удачи? Если только тебе труда не составит, заранее благодарный тебе, Финт.

Где-то во тьме завизжала раненая крыса. Крысы порою умирают так шумно; опять раздался пронзительный писк, и новая волна крыс хлынула мимо Финта, окружая его со всех сторон.

И тут внезапно, едва различимый в прокопченном свете, показался незванный гость: он неслышно крался по коридору — похвальная предосторожность, чего уж там! — и даже миновал Финта в его вонючем укрытии, потому что Финт-то оставался невидимым, ибо и цве-

том, и, понятное дело, запахом был сродни самой канализации. Крысы набегали и на чужака, но тот наносил им удары каким-то оружием — Финт не вполне различал, каким именно, — крысы верещали, а Госпожа наверняка все слышала.

В руке Финт сжимал — да-да! — бритву Суини Тодда; он прихватил ее с собою не столько как оружие, сколько как талисман: подарок судьбы, изменивший всю его жизнь, равно как и жизнь Суини Тодда. Ну разве мог Финт в такой день оставить лезвие дома?

Его привыкшие к темноте глаза наконец-то рассмотрели в руке чужака блестящий стилет. Это оружие наемного убийцы, точняк. Ни один приличный мокрушник такой штуковиной пользоваться не станет. Мысль молнией промелькнула в сознании Финта: а ведь тут ему бояться вообще нечего! Это его мир, и Госпожа ему в помощь — он это шкурой чувствовал. Нет уж, бояться следует этому хмырю, что неслышно крадется вдоль туннеля, различимый как на ладони... Финт прыгнул на него, подмял под себя — и убийца ты там или не убийца, но трудно воспользоваться кинжалом, если ты распростерт на земле, уткнувшись носом в канализационные нечистоты, а на спине у тебя сидит Финт.

Финт был мальчишкой тонким и гибким, но к земле негодяя притиснул на совесть, точно гвоздями приколотил, и еще сверху кулаками по нему прошелся, куда дотянулся. Тот попы-

тался вырваться, но Финт прижал к его горлу холодную сталь и зашептал:

— Если ты про меня хоть что-нибудь знаешь, так знай и то, что к шее твоей приставлена бритва Суини Тодда — гладкая и острая на диво, уж можешь мне поверить, и кто знает, что она способна оттяпать? — Финт позволил лежащему на миг приподнять голову над жидкой грязью, высвободив нос и рот, и бросил: — И это называется убийца? Чес-слово, я ждал большего. Ну, говори!

Юноша выхватил стилет и отшвырнул его во тьму.

Распростертый на земле негодяй сплюнул грязь и какой-то ошметок, по-видимому, некогда бывший частью крысы, и попытался что-то сказать, но Финт не понял ни слова.

— Эй, повтори-ка! — потребовал юноша.

Голос — женский голос — промолвил:

— Добрый вечер, мистер Финт; если вы приглядитесь, то увидите, что в руке у меня пистолет, причем довольно мощный. Замрите и не двигайтесь — до тех пор, пока мой приятель не отблюется — право, зрелище не из приятных! — после чего, я полагаю, он захочет поступить с другими так, как поступили с ним. А пока оставайтесь на месте; пошевелите хоть пальцем — и я спущу курок. А потом убью вашу подружку... Кстати, не могу сказать, что мне так уж по душе этот джентльмен — не лучший из ассистентов, что у меня перебивали. Боже мой, боже мой, и

почему это все по умолчанию считают, что Аноним — непременно мужчина? — Владелица голоса шагнула ближе; теперь Финт мог как следует разглядеть и ее саму, и пистолет.

Никаких сомнений не осталось. Аноним была очень хороша собой, даже в темноте, а вот акцента Финт распознать никак не мог. Не китайский, явно не европейский; хотя по-английски говорит свободно. В сапоге его был пристегнут пистолет Сола; его предполагалось пустить в ход позже — по плану, который теперь, ясное дело, накрылся медным тазом.

— Простите, мисс, но почему вы хотите убить Симплисити? — спросил Финт.

— Потому что тогда мне заплатят изрядную сумму денег, юноша. Вам ли того не знать? Кстати, против вас я ничего не имею, хотя вот Ганс — как только он сможет встать на ноги — наверняка захочет побеседовать с вами — недолго, совсем недолго. Придется нам подождать, пока бедолага придет в себя.

Девушка — а Аноним и впрямь оказался девушкой не крупнее Симплисити и, надо отдать ей должное, чуть более хрупкой — одарила его очаровательной улыбкой.

— Ждать осталось недолго, мистер Финт, скоро все закончится. А на что это вы так пялитесь, не считая, понятно, меня?

Финт чуть язык не проглотил.

— Нет, мисс, я никуда не пялюсь, мисс, просто молюсь Госпоже. — Он в самом деле молил-

ся — но еще и следил за игрой теней. Ведь здесь, внизу, тени так и не исчезают полностью.

— Ах да, я о ней слыхала... Мадонна клоаки, богиня Клоакина, повелительница крыс; вижу, нынче вечером ее паства здесь с нами в большом количестве, — промолвила Аноним.

Тени за ее спиною снова чуть всколыхнулись. И надежда, уже угасшая было, внезапно воскресла вновь. Хотя Финт постарался, чтоб в лице его этого не отразилось.

— Велика же сила вашей веры — раз обращаетесь с молитвой к тьме. Но боюсь, крысы вас не спасут, сколько бы вы в тьму ни вглядывались...

— Бей! — заорал Финт, а увесистый кусок дерева из рук Симплисити уже полетел в нужном направлении и ударил убийцу в затылок и свалил ее на землю. Финт прыгнул, поскользнулся, выхватил пистолет, в спешке стукнувшись головою о стену; а повсюду вокруг в панике метались и пищали крысы.

Финт по-быстрому пнул Ганса еще раз, на всякий случай, чтоб лежал и не рыпался, а Симплисити, демонстрируя завидное присутствие духа, уселась сверху на женщину. Благослови Господь нажористую немецкую колбасу, подумал Финт, а вслух закричал:

— Зачем ты сюда вернулась? Тут *опасно!*

Симплисити удивленно подняла глаза:

— Понимаешь, я все рассматривала найденное кольцо и тут заметила надпись мелкими буквами: «Для С., с любовью от Финта». И как

же я могла не вернуться? Я старалась ступать как можно тише, ты же объяснял, что в туннелях шуметь нельзя. Я сказала остальным, что дождусь тебя у выхода; мне показалось, что-то неладно. А ты ведь мне рассказывал, что при Анониме всегда бывает хорошенькая дамочка; я и подумала — а ведь хорошенькая дамочка, которая водит компанию с наемным убийцей, наверняка женщина опасная. Я не знала, понимаешь ли ты это; по-видимому, дорогой мой Финт, я была права.

В туннелях еще не угасло эхо этой коротенькой речи, когда на краткий, смутный миг Финту померещилось, будто он слышит голос Дедули, с его бодрыми, шепеляво-беззубыми интонациями:

— А я говорил тебе! Ты — лучший из всех тошеров, кого я знаю. И ты нашел свой тошерон. Эта юная леди — вот твой тошерон, парень!

И что тут прикажете делать? Наступив всем весом на Анонима, Финт сжал Симплисити в объятиях и поцеловал ее — к прискорбию, поцелуй пришлось прервать на самом интересном месте, ведь впереди было столько дел.

Удар, нанесенный Симплисити, оказался не из слабых: пульс, безусловно, прощупывался, но тут и там сочилась кровь, и вставать наемный убийца в ближайшее время явно не собирался. А вот помощник его приподнялся, но без лишнего энтузиазма: с полным ртом воды и нечистот любой замешкается. Негодяй стонал, пошатывался и пускал слюни вперемешку с зеленой слизью.

Финт встряхнул его за шкуру:

— Ты английский понимаешь? — Ответа он не разобрал, но вперед вышла Симплисити и, по-быстрому допросив злоумышленника, сообщила:

— Он из Гамбурга — это одно из германских государств; и, по всему судя, до смерти напуган.

— Отлично; скажи ему, что если будет паймальчиком и выполнит все, что мы попросим, так может статься, ему еще светит вернуться на родину. Не говори ему, что скорее всего, светит ему виселица, не хочу его тревожить попусту. Прямо сейчас, понятное дело, я побуду другом этому бедолаге, которого сбила с пути истинного дурная женщина. Так что, полагаю, он будет очень, очень услужлив. Ах да, скажи ему, чтоб снимал штаны, да по-быстрому! — Брюки оказались немецкого пошива и очень, кстати, неплохими, но Финт безжалостно разорвал их на длинные лоскуты и крепко связал и распростертого на земле Анонима, и ее полууголого помощника.

Симплисити засияла улыбкой — но тут по лицу ее скользнула тень.

— Финт, а что теперь? — спросила она.

— Так все ж идет по плану, — отозвался он. — Ты знаешь то место, о котором я рассказывал. Мы называем его Котел, потому что в грозу там все кипит и бурлит, но по крайней мере там почище, чем где-либо еще. Помнишь про светлые кирпичи? Там есть еда и бутылка с водой. А заслышав выстрелы, сюда сбегутся

люди. — Он вручил девушке Соломонов пистолет. — Ты знаешь, как при необходимости стрелять из такой штуки?

— Ну я видела, как стреляют друзья моего... мужа, так что, думаю, справлюсь.

— Вот и славно, — отозвался Финт. — Ты просто наставляешь вот этот конец на того, кто тебе не нравится, и оно обычно срабатывает. Если все пойдет хорошо, думаю, я смогу прийти забрать тебя ближе к полуночи. Ни о чем не тревожься: самое страшное, что только есть в туннелях на данный момент, это я, а я на твоей стороне. Ты услышишь голоса, но ты просто затаись и сиди тихо; а когда я за тобой приду, я свистну особым образом — ты и поймешь, что это я; все как мы и планировали...

Симплисити поцеловала его и молвила:

— А знаешь, Финт, твой первый план тоже сработал бы.

Очень демонстративно она надела на палец кольцо, «найденное» в туннеле, и ушла, отыскивая в темноте путь по чуть более светлым кирпичам.

А Финт лихорадочно принялся за дело. Он со всех ног кинулся вниз по туннелям к тому самому месту, куда столь решительно преградил доступ мистеру Чарли, и осторожно вытащил из укрытия — и из-под пучков лаванды — останки злополучной девушки с золотыми волосами, в точно таких же коротких штанах и шапочке, как Симплисити. Он надел ей на ледяной палец

роскошное кольцо — золотое кольцо с орлами в гербе.

Теперь оставалось самое неприятное. Финт вытащил пистолет Анонима, несколько раз вдохнул поглубже, дважды выстрелил труп в сердце — ведь Аноним обязательно сделал бы контрольный выстрел на всякий случай, и, — содрогаясь от ужаса и стараясь не глядеть, — один раз в лицо, туда, где крысы уже начали... ну, делать то, что крысы обычно делают со свеженьким вкусным трупом. «Прости», — прошептал он. А затем из другого тайника среди мусора достал ведро со свиной кровью. Опрокинул его, все это время стараясь думать, будто он не здесь, а где-то в другом месте, он — развоплощенный дух, который со стороны наблюдает, как все эти действия производит кто-то другой, — потому что сколько бы Финт ни твердил себе, что ничего особо дурного не совершает, некая часть его души упорно с этим не соглашалась.

После того он прошел по туннелю назад, сел и заплакал, прислушиваясь к топоту и чвяканью бегущих ног. Звук стремительно приближался. Первым, что характерно, мчался Чарли, а за ним — двое полицейских. Они застали Финта в слезах: причем слезы лились сами собою.

— Да, — рыдал Финт, сжавшись в комочек, — она мертва, в самом деле мертва... Но я сделал все, что мог, правда.

Тяжелая рука легла Финту на загривок.

— Мертва? — переспросил Чарли.

Не отрывая взгляда от его сапог, Финт подтвердил:

— Да, Чарли, ее застрелили. Я ничего не мог поделать. Это был... Аноним, профессиональный убийца. — Финт поднял глаза: в свете фонарей в них блестели слезы. — Велики ли шансы у такого, как я, против такого, как он?

Чарли пепелил Финта свирепым взглядом.

— Ты говоришь мне правду, Финт?

Не опуская головы, Финт промолвил:

— Все произошло так быстро, словно в тумане. Но да, я говорю правду, правду как есть.

Чарли придвинулся к Финту вплотную, нос к носу.

— Туман, говоришь?

— Вот именно, тот самый туман, в котором люди видят то, что хотят видеть.

Не блеснула ли в глазах Чарли смешинка? Оставалось только надеяться, что да.

— Но труп-то есть? — осведомился он.

Финт скорбно покивал.

— Да, сэр, сейчас я вас отведу; в том мой прямой долг.

— И этот труп?.. — понизив голос, начал было Чарли.

— Труп бедной девушки, — вздохнул Финт. — Но я задержал преступников, и я предам их суду — с вашей помощью, Чарли. Что до Симплисити, боюсь, в живых ее вы уже не увидите. — Тщательно подбирая слова, Финт не сводил глаз с Чарли.

— Не скажу, что ваши вести меня радуют, мистер Финт, но вот констебль; ведите же нас к месту событий. — Чарли повернулся к Дизраэли — тот аж отпрянул — и предложил: — Бен, пойдете с нами, вы — столп парламента, кому, как не вам, следует засвидетельствовать происшедшее. — В приглашении явственно прозвучала властная нота; и несколько минут спустя все уже стояли перед жалкими останками «Симплисити» в луже нечистот и крови.

— Господь милосердный! — воскликнул мистер Дизраэли, изо всех сил делая вид, что глубоко шокирован. — Выходит, лакей Анджелы — это на самом деле... мисс Симплисити?

— Прошу прощения, что вмешиваюсь, сэр, но что здесь делала девушка, переодетая в мужскую одежду? — спросил констебль, потому что был настоящим полицейским, хотя в ту минуту он выглядел в точности как констебль, оказавшийся в ситуации, где требуется по меньшей мере сержант.

Чарли обернулся к нему.

— Мисс Симплисити была девушка упрямая и решительная, как я понимаю. Но я умоляю вас всех, пожалуйста, ради мисс Куттс, пусть никто не узнает, что в смертный свой час бедняжка была одета в мужское платье.

— Вы совершенно правы, не стоит это афишировать, — подтвердил мистер Дизраэли. — Смерть молодой девушки ужасна сама по себе, но девушка в штанах... к чему мы катимся? —

В этой небольшой речи заявлял о себе политик и веяло вопросом: что подумает общественность, если станет известно, что я был здесь, внизу, и замешался во всю эту историю?

— Для рабочей девчонки в самый раз, — объяснил Финт. — Вы и половины всего не знаете. Видал я девушек, работающих на угольных баржах, то-то рослые и дюжие девахи, вы б их видели! И попробовал бы кто-нибудь им приказывать, чего им можно и чего нельзя; помню, у одной были такие кулаки, что любой мужик бы обзавидовался.

Чарли вновь повернулся к труп.

— Что ж, — вздохнул он, — мы все здесь согласны, что эта юная дама в штанах — мисс Симплисити. Но ее смерть... а вы что думаете, констебль?

Полицейский глянул на Чарли, потом на Финта и подвел итог:

— Пулевое ранение, сэр, и не одно, тут-то никаких сомнений. Но кто стрелял? Вот чего мне охота знать.

— Так вот, чтобы получить ответ на этот вопрос, прошу вас, джентльмены, последовать за мною вот сюда, — отозвался Финт. — Если вы поярче посветите фонарями, вы увидите связанную даму, которая, я так понимаю, является не кем иным, как Анонимом.

Даже Чарли не смог сдержать изумления:

— Да быть того не может!

— Она сама подтвердила, — заверил Финт, — а вот здесь лежит «экспонат Б», ее сообщник.

Говорит по-немецки, вот и все, что я знаю; но сдается мне, он охотно выложит вам все как на духу, тем более что, спешу вас заверить, насколько мне известно, к смерти Симплисити он не причастен, и я так понимаю, никаких других преступлений в Лондоне покамест не совершил. Ну, помимо того, что пытался убить меня. — Финт протянул пистолет. — Вот то самое оружие, джентльмены, и я никак не мог помешать ей выстрелить в мисс С... мисс...

Финт разрыдался; Чарли потрепал его по плечу.

— Ну что ж делать, против пистолета никаких шансов нет, что правда, то правда. Но вы молодец, что схватили злоумышленников. — Чарли повел носом и заметил, как бы между прочим, так чтобы не услышал констебль: — А знаете, вы, безусловно, рассказали нам чистую правду, но мне случалось в жизни иметь дело с трупами — еще бы нет! — и этот мне кажется немножко... не вполне свежим?..

Финт заморгал.

— Да, сэр, думаю, это все летучие миазмы, сэр. В конце концов, в канализационных туннелях повсюду смерть, и гниение, и тлен, это все дает о себе знать, сэр, уж поверьте, дает со всей очевидностью, ничего не попишешь.

— Летучие миазмы, — повторил Чарли, на сей раз громче. — Бен, ты слышал? Ну что тут скажешь? Сдается мне, мы все отлично знаем, что мистер Финт ни за что не причинил бы

вреда Симплисити: мы все понимаем, как он ее любил. Что ж, надеюсь, вы все искренне посочувствуете юноше заодно со мной, ведь он, несмотря на то что потерял возлюбленную, сумел задержать опасного убийцу. А вы что думаете, констебль?

Полицейский с суровым видом ответствовал:

— Что ж, сэр, на то похоже, сэр, но следует известить coronera. Есть ли у трупа близкие родственники?

— Увы, нет, — вздохнул Чарли. — На самом деле, констебль, насколько мне известно, никто вообще не знает, кто она такая и откуда взялась. Какая-то несчастная сиротка, дева в беде, как говорится. Мисс Куттс по доброте душевной взяла бедняжку под свою крыло. Бен, а вы что думаете?

Мистер Дизраэли, в ужасе от всего происшедшего, явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Кошмар, мистер Диккенс, просто кошмар. Нам ничего не остается, кроме как надеяться, что правосудие восторжествует.

Чарли торжественно, на манер государственного деятеля, наклонил голову.

— Что ж, мистер Финт, думаю, вам нужно в подробностях рассказать о случившемся констеблю, а я, безусловно, поручусь за вас как за добропорядочного гражданина и столп общества. Как вы, возможно, знаете, констебль,

Финт — это тот самый юноша, который справился с одиозным Суини Тоддом; и позвольте мне в свой черед выразить глубокое сожаление, что наша безобидная маленькая прогулка завершилась так трагически.

Мистер Диккенс вздохнул:

— Остается только гадать, почему эта ма-
ленька избрала несчастную девушку своей
мишенью. Но я заметил, констебль, на пальце
покойной роскошное золотое кольцо, богато
украшенное и с княжеским гербом. Не знаю,
важно это или нет, но попрошу вас приобщить
кольцо к вещественным доказательствам: воз-
можно, оно окажется ключевой уликой в ходе
расследования. Но после, — добавил он, огля-
нувшись на смятенного Дизраэли, — в создав-
шихся обстоятельствах, констебль, я уверен,
что вы и ваше начальство — когда, разумеется,
все ознакомятся с печальными фактами, — по-
заботитесь о том, чтобы все это дело не дало
пищу ненужным домыслам, потому что, конеч-
но же, факты недвусмысленно говорят сами
за себя.

Чарли огляделся, дабы удостовериться, что
все согласны.

— А теперь, — заключил он, — думаю, нам
пора разойтись, хотя некоторым, — Чарли мно-
гозначительно покосился на Финта, — стоит
дождаться представителей коронера. Да будет
мне позволено заметить, констебль, вам следу-
ет без промедления связаться с ним.

К вящему изумлению Финта, полицейский отсалютовал — прямо-таки отсалютовал Чарли со словами:

— Да, мистер Диккенс, будет исполнено, мистер Диккенс.

— Превосходно, — похвалил Чарли. И добавил: — Но тут у нас еще эти убийцы; на вашем месте я бы немедленно составил подробный отчет и как можно скорее прислал сюда полицейскую повозку. Я тут подежурю вместе с мистером Финтом и пистолетом, если не возражаете, пока вы не вернетесь вместе с коллегами. — Чарли обернулся к Базалджету: — Джо-зеф, вы как?

Инженер-геодезист, хотя и явно расстроенный, заверил:

— Честное слово, Чарли, я и не такое видал.

— Тогда не будете ли вы так добры проводить Бена до дома? Вижу, он до глубины души потрясен случившимся; боюсь, не на такую увеселительную прогулку мы все рассчитывали.

Почти тотчас же прибыли еще полицейские, а следом и еще; к тому времени у сливного люка начала собираться толпа, так что вызвали новых полицейских, чтобы удерживать зевак на расстоянии. И каждый новый полицейский, в свою очередь, спускался вниз, в туннели, — чтобы было потом что внукам рассказать. Уже завращались жернова прессы... о да, завтра «кррровавое убийство!» будет на первой полосе новостей во всех газетах.

И странный же вечер выдался для Финта: его несколько раз допросили разные полицейские (а Чарли следил за ними орлиным взором). Было ужасно неловко, когда полицейские подходили пожать Финту руку — не потому, что он задержал Анонима, — в конце концов, кто ж поверит, что *девчонка* может быть опасным убийцей? — но из-за мистера Тодда; а теперь вот Финт вновь показал себя героем, причем во многих отношениях, пусть при этом и погибла юная девушка. И все это время повсюду расползался туман, и просачивался во все щели, и беззвучно менял реалии мира.

Анонима и его сообщника увезли. Прибыл представитель коронера и сам коронер; замелькали экипажи и телеги, а Чарли умудрялся всюду сунуть свой нос; и вот наконец останки бедной погибшей девушки положили в гроб — дабы доставить их к месту последнего упокоения на Лавендер-Хилл.

Коронер, как впоследствии рассказал Чарли, постановил, что, поскольку у девушки не было ни друзей, ни родных, за исключением юноши, который, по-видимому, горячо ее любил, и знатной дамы, которая великодушно приютила ее у себя в попытке не допустить, чтобы та, подобно столь многим бедняжкам, ступила на путь порока, — так это случай самый что ни на есть очевидный, без осложнений. Несмотря на то, что несколько темных мест так и остались непроясненными.

Убийцы сидели под замком; правда, негодяйка упрямо отпиралась, что в кого-то стреляла; но ей противоречил ее же сообщник, который, надо сказать, прямо-таки соловьем разливался в надежде избежать петли.

Донесения полетели на Даунинг-стрит; туда же для ознакомления отправили и кольцо, как только на нем обнаружился герб, — и события обрели политическую окраску. Действительно, слово «политика» туманом нависло над делом — как предостережение всем благонамеренным гражданам, подразумевающее: если власти предержащие всем довольны, то и вам рекомендуется то же самое.

Близилась полночь; на месте остались только Чарли и Финт. Финт-то отлично знал, зачем он здесь; но поскольку Чарли уже отправил материал в «Морнинг кроникл», юноша взять не мог в толк, отчего дотошный журналист никак не уходит.

И тут в полуночной тьме Чарли осведомился: — Финт, я знаю, что есть такая игра, «Найди даму»; но сыграть в нее я не напрашиваюсь. Мне просто хотелось бы знать, что дама найдется, и в добром здравии, а отыщет ее, хотелось бы верить, некий юноша, который отлично видит в тумане. Кстати, как журналист и как автор, который пишет о событиях и несуществующих людях, я вот все размышляю про себя, мистер Финт, а что бы вы сделали, если бы Аноним кстати не подвернулся?

— Вы с меня ни на минуту глаз не спускали, — промолвил Финт. — Я заметил. Неужели я настолько себя выдал?

— Практически совсем нет. Должен ли я предположить, что юная леди, которую мы все видели однозначно и несомненно мертвой, умерла не от вашей руки, простите мне мою прямооту?

Финт понял: его карта бита, но игра совсем не обязательно окончена.

— Чарли, это была одна из тех бедняжек, что топятя в речке, а никому и дела нет. Ее пристойно похоронят на пристойном кладбище; в иных обстоятельствах она и этого не получила бы. Вот и вся правда, как есть. Мой план был — сама простота, сэр. Симплисити понадобилось бы отлучиться, ведь Роджер — «застенчивый мальчик». Увы, она бы заплутала в туннелях; я бы побежал ее искать. В темноте слышался бы шум драки, раздавался бы пронзительный крик — я бы храбро сражался, не сомневайтесь! — я объяснил бы вам впоследствии, что вступил в бой с незнакомцем, который, видимо, прослышал о нашей вылазке и, как ни жаль, он все еще на свободе. Я бы со всех ног кинулся к вам и к остальным, умоляя помочь умирающей Симплисити и поскорее поспешить вдогонку за страшным убийцей по канализационным туннелям. Увы, леденящая кровь погоня не увенчалась бы успехом.

— А где бы в это время находилась живая Симплисити? — полюбопытствовал Чарли.

— Она бы спряталась, сэр. Спряталась в потайном месте, где ее в жизни бы никто не нашел — разве что кто-нибудь из тошеров. Мы это место называем Котлом, потому что поток воды отмывает его дочиста; и там же я загодя припас бы непромокаемый сверток с бутербродами с сыром и бутылъ кипяченой воды с капелькой бренди, чтоб девушка не замерзла.

— То есть, мистер Финт, вы бы выставили нас всех дураками!

— Что вы, сэр! Вы бы показали себя настоящими героями! Я ведь никому не рассказал бы правды, и Симплисити тоже; и тогда в один прекрасный день имя Чарли Диккенса прогремело бы на весь город!

Чарли попытался принять строгий вид, но Финт видел: журналист немало впечатлен рассказом.

— А где же вы разжились пистолетом?

— У Соломона есть пепербокс Нока, опасная штукавина. Сдается мне, я все предусмотрел, сэр, ну то есть не считая вас.

— О, — заметил Чарли. — Вон те кирпичи разложены в таком заманчивом беспорядке. Я сразу подумал: а зачем они там? А еще мне страшно любопытно, почему вы тут до сих пор болтаетесь. Вам будет легче, если я скажу, что ни с кем не намерен делиться своими подозрениями, потому что, положя руку на сердце, мне ж никто не поверит! — Чарли поулыбался замешательству собеседника. — Финт, вы сами себя превзошли;

я имею в виду, вы отлично справились, и я вами просто восхищаюсь. Я, слава Богу, не член правительства. А теперь ступайте и отыщите мисс Симплисити; полагаю, она уже немного озябла.

В кои-то веки застигнутый врасплох, Финт выпалил:

— Вообще-то здесь по ночам совсем не холодно, сэр; туннели как бы удерживают тепло, понимаете.

Чарли громко рассмеялся.

— Мне пора, и вам, я подозреваю, тоже.

— Спасибо, сэр, — поблагодарил Финт, — и спасибо, что научили меня насчет тумана.

— Ах да, туман, — кивнул Чарли. — При всей его неосязаемости, туман — великая сила, не так ли, мистер Финт? Я буду следить за вашей карьерой с превеликим интересом, чтобы не сказать с тревогой.

Убедившись доподлинно, что вокруг не осталось ни души, Финт зашагал знакомым путем сквозь туннели, добрался до потайного закутка, где ждала Симплисити, и тихонько посвистел. Никто не видел, как они уходили, никто не видел, куда они направились, и пелена ночи пала на Лондон, укрывая равно и живых, и мертвых.

ГЛАВА 16

**Из Йорка приходит письмо; а умение финтить
встречает одобрение в самых высших сферах**

Туман да туман, туман города Лондона... Финту казалось — после того, как Чарли и сэр Роберт Пиль побеседовали по душам, — что туман принимает ту или иную форму в зависимости от определенной цели, — да, по всей видимости, так. Состоялось несколько встреч по разным кабинетам в районе Уайтхолла, где Финту задавали вопросы касательно его вылазки в посольство и добытых им бумаг; его слушали с превеликим вниманием и время от времени кивали, пока юноша пытался объяснить, что всего-то навсего хотел покончить с гадами, которые портили жизнь Симплисити и ему.

Про драгоценности Финт не упомянул ни словом; эту часть добычи бережно упрятали в Соломоновы сейфы — то есть те предметы, которые еще не перетекли незаметно в радушные пальцы Соломоновых приятелей-ювелиров.

Финту совсем не хотелось угодить в неприятности, но, как ни удивительно, начинало казаться, что никаких неприятностей не будет и ему сойдет с рук абсолютно *все*.

В какой-то момент дружелюбный тип с себребристо-седой шевелюрой и с лицом как у доброго дедушки, лучезарно улыбнувшись, поинтересовался:

— Мистер Финт, вы, как я понимаю, проникли в хорошо охраняемое посольство некоей зарубежной державы и некоторое время невообразительно бродили там по всем этажам и рабочим кабинетам, причем никто вас так и не заметил. Как, ради всего святого, вам это удалось? Не будете ли вы так любезны пролить свет на загадку, если вас не затруднит? И могу ли я полюбопытствовать, не расположены ли вы повторить сие героическое деяние еще раз в каком-нибудь другом месте, ежели мы вас попросим?

Потребовалось некоторое время — а также и услуги переводчика, каковым любезно выступил Чарли, — чтобы осветить подробности трудовой практики змееныша, или фортача. Под занавес Финт вручил Чарли его же часы, вытщенные шутки ради, и уточнил:

— Это вы шпиона из меня, что ль, сделать хотите?

Данный комментарий несколько взволновал собравшихся: все глаза устремились на седовласого джентльмена, а тот, улыбаясь, пояснил:

— Молодой человек, правительство Ее Ве-

личества не шпионит, оно всего лишь *проявляет интерес*. А поскольку и сэр Роберт, и мистер Дизраэли заверили нас, что хотя вы и прохвост, но — прохвост высоких достоинств, каковых у нас всегда нехватка, правительство Ее Величества могло бы время от времени пользоваться вашими услугами; хотя, поручив вам ту или иную работу, правительство, конечно же, станет категорически это отрицать.

— О, это, сэр, дело понятное, — жизнерадостно заверил Финт. — Это вроде как туман такой, верно? Про туман я все понимаю, сэр. Здесь уж на меня положитесь, сэр.

Седовласый джентльмен сделал вид, будто оскорблен в лучших чувствах, но тут же снова заулыбался.

— Сдается мне, мистер Финт, что про туман вы лучше нас все знаете; не нам вас учить.

Финт шутливо отсалютовал собеседнику.

— Да я в тумане, почитай, всю свою жизнь прожил, сэр.

— Что ж, вам не обязательно давать ответ прямо сейчас; возможно, вам стоит обговорить все с вашим другом мистером Диккенсом, который, не могу не отметить, и сам прохвост первостатейный — журналисты все такие, — однако, как мне кажется, принимает ваши интересы близко к сердцу. Да будет мне позволено отметить, мистер Финт, в трагедии, разыгравшейся на днях в канализационных туннелях, осталось несколько непроясненных подробностей щекотли-

вого свойства, и в иных обстоятельствах потребовалось бы дополнительное расследование — если бы не тот факт, что вы, несомненно, отдали в руки правосудия пресловутого Анонима. Это обстоятельство весьма порадует наших европейских друзей — и вместе с тем недвусмысленно даст им понять, что бывает с наемными убийцами, дерзнувшими ступить на английскую землю. Полагаю, вас вскорости ждет награда.

Седовласый джентльмен встал — и напряжение схлынуло. Все вокруг разом заулыбались, а джентльмен, придав лицу подобающе скорбное выражение, промолвил:

— Мы все, безусловно, глубоко огорчены сообщением о смерти юной леди, известной под именем Симплисити, мистер Финт; примите наши самые искренние соболезнования.

Финт глядел на пожилого джентльмена — впрочем, возможно, что он вовсе и не так стар, но кажется старше своих лет из-за седых волос. Юноша не сомневался: этот человек знает все обо всем, или по меньшей мере столько о том и сем, сколько вообще возможно; а уж что до тумана, тут он, как говорится, собаку съел. Такой тип, скажем, наверняка подметит, что тело, в которое вроде бы только что стреляли, по-видимому, пролежало мертвым с неделю, и никакими ядовитыми испарениями ему мозги не задуришь.

— Благодарю вас, сэр, — тщательно подбирая слова, проговорил Финт. — Мне столько всего довелось пережить за последние дни; я вот подумы-

вал, не уехать ли ненадолго из Лондона, туда, где мне ничто не будет напоминать о моей девушке.

И Финт заплакал самыми настоящими слезами, ни малейших затруднений не испытывая, сам себе поражаясь в глубине души и гадая, а осталось ли в мальчишке по имени Финт хоть что-нибудь от истинной его сути, что-то простое и чистое, помимо набора разнообразных Финтов. Он понадеялся в сердце своем, что Симплисити распознает настоящего, порядочного Финта и направит его на прямую и узкую стезю добродетели, только, пожалуйста, не везде прямую и, по возможности, не слишком узкую.

Он высморкался в парадный белый платок, каковой рассеянно вытащил из кармана одного из джентльменов, и добавил:

— Я подумывал в Йорк съездить, сэр, на недельку-другую.

Это сообщение вызвало среди собравшихся некоторый ажиотаж, но после недолгого совещания было решено, что Финт, который, в конце концов, никаких преступлений не совершал, и даже с точностью до наоборот, разумеется, имеет полное право съездить в Йорк, если ему так хочется.

Собрание закончилось; на выходе Чарли взял Финта за плечо и поспешно увлек его в ближайшую кофейню, где заявил:

— Похоже, друг мой, все ваши грехи прощены; но до чего же жалко, что мисс Симплисити, несмотря на все ваши старания, все-таки погибла; кстати, как она?

Финт ждал чего-то в этом духе. Недоуменно вскинув глаза на собеседника, он промолвил:

— Чарли, Симплисити мертва; кому и знать, как не вам.

— Ах да, — ухмыльнулся Чарли. — Как я мог забыть. — Усмешка исчезла; теперь в лице его не отражалось ровным счетом ничего. Он протянул руку. — Не сомневаюсь, что мы еще встретимся, друг мой. Для меня в некотором роде большая честь познакомиться с вами. Я так же, как и вы, опечален смертью бедняжки Симплисити, девушки, до которой никому не было дела, кроме вас. Ах да, еще милой Анджеле, хотя она-то, как ни странно, особо не расстроилась? Я надеюсь — нет, даже предполагаю, что очень скоро вы встретите другую девушку, очень похожую на Симплисити. Скажу больше, я даже готов держать пари.

Финт попытался состроить ничего не выражающую физиономию, но тут же сдался, потому что отсутствие всякого выражения выразительно само по себе. Он посмотрел Чарли прямо в глаза — и проговорил, медленно и многозначительно:

— Вот, право, не знаю, сэр. — И подмигнул.

Чарли рассмеялся, они пожали друг другу руки — и разошлись по своим делам.

На следующий день после этого разговора из Лондона в Бристоль выехал дилижанс, увозя традиционно разношерстную подборку пассажиров

навстречу тяготам тряской дороги. Однако с одной из пассажирок кучеру в тот раз не повезло: более неприятной особы ему за весь год не попадалось. Эта дама преклонных лет (что только ухудшало дело), с голосом надтреснуто-хриплым и требовательным, как битком набитый ведьмами котел, была недовольна абсолютно всем и вся: и сиденьями, и поездкой, и погодой, и, похоже, даже фазой луны. Когда на одном из постоянных дворов пассажиров выпустили подкрепиться, слава Богу, по-быстрому, старушенция придиралась ко всем без исключения блюдам, включая соль, которую объявила «недостаточно соленой». Старая кошелка мало того, что благоухала лавандой на всю карету, она еще и немилосердно изводила и тиранила свою внучку, очень милую молодую леди. Внучка, спасибо ей, вносила некоторое оживление в обстановку; но кучеру запомнилась главным образом бабуля; он был рад и счастлив наконец отделаться от старой чертовки в Бристоле, тем паче что по прибытии она чуть из кареты не вывалилась. Разумеется, на этом месте старая перечница тоже подняла шум.

Затем жизнерадостный молодой человек заглянул в аптеку на Крисмас-степс в самом центре Бристоля, где уточнил кое-что касательно красителей и пигментов в ходе весьма поучительной дискуссии (в ней звучали такие слова, как хна и индиго). Вскорости после того очень симпатичная юная леди с роскошными рыжими волосами и темноволосый молодой джентльмен

наняли экипаж и велели кучеру везти их за город, к серым и угрюмым Мендипским холмам; а там сообщили, что хотели бы продолжать путь по большой дороге, мимо паба в Старе, где остановились подкрепиться превосходным сыром и сидром таким крепким, словно его настаивали на львиной моче; и пошло это сидру только на пользу — даже юная леди не отказалась от второй полпинты жгучего зелья.

После ланча молодые люди отпустили экипаж, веля ждать их на том же самом месте спустя ровно неделю. Кучер охотно согласился: ведь юноша уже заплатил ему весьма недурную сумму и, щедрой рукой отсыпая денег, шепнул, что будет весьма признателен, если тот об этой небольшой прогулке и словечком никому не обмолвится, потому что, если прознает ее отец, обоим достанется по первое число. Кучер, которому такого рода выезды были не в новинку, весело отсалютовал, тронул пальцем кончик носа, сально ухмыльнулся и заверил:

— Я-то? Да я даже ни сном ни духом; я как глянул на золото, так сразу и ослеп, и благослови вас Бог, сэр.

На следующий день тут же, в пабе, удалось, позвеневав кошельком, уговорить одного из местных, по профессии возчика, подбросить молодую пару до городишки под названием Аксбридж по другую сторону Мендипских холмов. Эти двое спустились вниз по южным склонам и сняли жилье рядом с водяной мельницей. Впрочем, обу-

строились они довольно необычным образом: молодой человек ясно дал понять, что юной леди должно отвести самую лучшую спальню, какая только найдется, а сам он намерен спать снаружи под дверью на соломенном тюфяке, укрывшись попоной. Деревенские кумушки, понятное дело, посудачили промеж себя, но сошлись на том, что сбежавшие жених с невестой (а насчет этой милой пары двух мнений и быть не могло) стараются все сделать по-людски, как добрым христианам и подобает.

Христиане там или нет, но так оно и было. Сиплисити и Финт понимали друг друга с полуслова, словно мысли читали: настало время отдохнуть, исцелить былые раны и — просто радоваться миру. Мир, похоже, им тоже радовался, ведь платили они щедро, а юная барышня, хоть и скромница, как девице пристало, не упускала возможности поболтать с местными. Ей, похоже, страх до чего хотелось перенять сомерсетский акцент, который можно назвать буколическим, такой он распевно-неспешный. Конечно, неспешный, ведь говорят на нем о вещах и впрямь неспешных: как, скажем, сыр, и молоко, и смена времен года, и контрабанда, и варение огненного зелья в таких местах, куда акцизные чиновники и не сунутся — потому что там, где речь неспешна, соображают и действуют очень шустро.

Финт быстро учился — ведь на улицах приходится схватывать на лету, второго шанса не представится. Поначалу голова у него трещала

от языка, состоящего словно бы из пшеницы да коров. Но учению изрядно способствовал крепкий сухой сидр — местные называли его «скрампи»; очень скоро и Финт заговорил как они. Его голова постепенно заполнялась словечками вроде «Мендип», «калужина», «дресва» и «бечь» и образованиями языка, ритмы которого звучали не городским стакатто, но обладали чем-то вроде собственной мелодии. Маскировка бывает разная, размышлял Финт про себя; есть много других способов, кроме как переодеть рубашку или перекрасить волосы.

Однажды утром, прогуливаясь с Симплиситом вдоль реки, Финт обратился к девушке:

— Я до сих пор тебя не спрашивал. Но зачем у тебя с собой была игра «Счастливые семьи»?

Сомерсетский акцент дрогнул и временно сдал позиции, и девушка ответила:

— Мне ее мама подарила; и, понимаешь, мне всегда хотелось иметь что-то свое, когда ничего другого не дано. Я все глядела на карточки и думала: однажды все наладится; а теперь, как мне кажется, так оно и есть, после всех пережитых несчастий.

Девушка лучезарно улыбнулась ему, и от этих ее слов, в сочетании с улыбкой, на сердце у Финта потеплело и тепло распространилось дальше и ниже.

Примерно в это самое время в Лондоне — в месте, где люди говорят так быстро, что прямо не знаешь, куда деньги делись, — некая дама

по имени Анджела вышла из кареты в Севен-Дайалз, рядом с каретой тотчас же встали на страже двое дюжих лакеев, а дама поднялась по лестнице и легонько постучалась в дверь мансарды.

Открыл ей Соломон со словами:

— Ммм, ах, мисс Анджела, таки спасибо сердечное, что заглянули. Не выпьете ли зеленого чаю? Боюсь, придется принимать нас такими, какие мы есть; я, конечно, прибрался в наилучшем виде, а на Онана внимания не обращайтесь; спустя какое-то время запах просто перестаешь замечать, уверяю вас.

Анджела, отсмеявшись, спросила:

— Есть ли какие новости?

— И в самом деле, ммм, я тут как раз письмо получил, — отвечивал Соломон, — и так хорошо написано, прямо глазам не верю, — от Финта, из города Йорка, куда он уехал предаваться горю, потому как не в силах оставаться там, где все напоминает ему о нашей дорогой бедняжке Симплисити.

Анджела взялась за безукоризненно чистую чашку с чаем.

— Ах да, действительно, в Йорк, как это уместно. А часом, не расспрашивал ли о местонахождении Финта еще кто-нибудь?

Соломон бережно наполнил ее чашку:

— А я ведь их из Японии привез, представляете? Сам удивляюсь, что они прожили так же долго, как и я. — Он поднял взгляд и с лицом

бесстрастным, как ватерпас, сообщил: — Сэр Роберт любезно прислал двух своих констеблей навестить меня два дня назад, и знаете что? — они таки действительно расспрашивали о местонахождении мистера Финта, так что, конечно же, ммм, мне пришлось рассказать им все, что я знаю, как оно и подобает законопослушному гражданину. — Соломон расплылся в широкой улыбке. — Мне всегда казалось, что невозможно не лгать полицейским; это так полезно для души, да и полицейским тоже на пользу.

Анджела усмехнулась.

— Хотите верьте, хотите нет, мистер Коган, но ведь и я тоже получила весточку от некой персоны, пожелавшей остаться неизвестной, с указанием определенного места в Лондоне и — как увлекательно, правда? — точного времени. Ужасно забавно, вы не находите?

— Да, в самом деле, — отозвался Соломон, — хотя должен признать, я за долгую свою жизнь таких забавностей вкусил с лихвой, так что теперь предпочитаю работать здесь в своих старых ковровых туфлях, и на забавы обыкновенно не отвлекаюсь. Ой-вэй, я совсем позабыл о хороших манерах! У меня ж тут запасены замечательные рисовые пирожки, дорогая моя. Куплены у мистера Чанга, чтоб он был здоров; объеденье, да и только. Пожалуйста, угощайтесь!

Беря с тарелки пирожок, Анджела промолвила:

— Если вы однажды увидите с молодым мистером Финтом, будьте так добры передать ему: у меня есть основания полагать, что представители власти хотели бы с ним побеседовать — не потому, что он поступил дурно, а потому, что, как им кажется, он наделен способностью поступать чрезвычайно правильно, причем на благо страны. — Анджела на секунду замаялась. — Когда я употребляю слово «представители власти», я разумею персону, облеченную верховной властью.

В кои-то веки Соломон преисполнился неподдельного удивления:

— Говоря «верховная власть», вы имеете в виду?..

— Не Господа Бога, — заверила Анджела, — во всяком случае, насколько мне известно, не Его, но со всей определенностью ту, что идет сразу за Ним — некую даму, в силах которой отчасти облегчить жизнь мистера Финта. И мне думается, если это приглашение будет отклонено, то повторного уже не последует.

— Ммм, в самом деле? Что ж, в таком случае надо бы мне забрать мою визитку у Иакова и отдать ее в чистку, я прав?

Помимо сидра, свежего воздуха, сыра и звезд, молодая пара, подружившаяся со всем Аксбриджем, также весьма пристрастилась к «стенной ягоде»: девушка рассказала, что французы называют их *escargot*, а в Сомерсете они — улит-

ки, и точка; и пусть только попробуют зваться иначе.

В общем и целом, загадочная пара приятно будоражила любопытство селян, и каждый мог порассказать о них занятную историю-другую и рад был почесать язык на досуге. Почтенная особа, обычно украшавшая цветами церковь, видала, как на тропинке у реки эти двое играли с детворой в игру под названием «Счастливые семьи». А какой-то фермер клялся и божился, что своими глазами видал, как они сидели верхом на заборе и девушка учила паренька читать — по крайней мере, так казалось со стороны, и поправляла ему произношение, и все такое, прям как школьная учительница. Но, уверял фермер, пареньку это занятие явно нравилось; а один из фермеровых приятелей сообщил завсегдатаям паба, что каждой ночью паренек-де лежит на теплой травке да любитесь звездами. «Бедняга прям как будто звезд отродясь не видел!» — удивлялся рассказчик.

Но вот настал последний день, молодые люди со всеми распрощались, и один из их новых друзей, владелец брички, запряженной пони, отвез их обратно к пабу в Старе. По дороге он сделал небольшой крюк, чтобы показать им поле, на котором торчал стоячий камень: иные (не исключено, что большие любители сидра) рассказывали, будто иногда ночами этот камень оживает и отплясывает на поле веселый танец.

Вдосталь налюбовавшись камнем — а вдруг он таки спляшет джигу специально для приезжих, — Финт обратился к своей девушке с безупречно-пасторальными интонациями Сомерсетшира:

— Небось пора езжать, девонька моя.

А она, солнечно улыбаясь, ответствовала:

— И куды ж ехать-ить, друх сердешный?

— Дык в Ланнон, — улыбнулся Финт.

— Бают, там народ уж больно чудной, не чета нашенским.

И она поцеловала его, а он — ее, и с интонациями скорее «Ланнона», сиречь Лондона, нежели Сомерсета, он промолвил:

— Любовь моя, как думаешь, неужели камень и впрямь способен танцевать?

— Знаешь, Финт, если кто и сумеет заставить камень пуститься в пляс, так только ты, — отвечала она.

После того в Лондон из Бристоля прибыли двое уроженцев Сомерсета — у которых, однако ж, достало денег на проезд дилижансом. Никем не замеченные, они растворились в толпе, заплатили за комнату для одинокой девушки в респектабельном пансионе, а юноша поспешил в Севен-Дайалз.

На следующее утро Финт сводил Онана на прогулку, а после спустился в канализационные туннели. Сторонний наблюдатель, верно, отметил бы, что юноша выглядел непривычно

торжественно и нес с собой сверточек; хотя способны ли крысы оценить, насколько торжественно выглядит двуногий, и знают ли вообще значение слова «торжественный», это еще вопрос. То-то удивились крысы впоследствии, обнаружив в груди мусора заботливо припрятанную выше обычного уровня воды пару новехоньких туфелек.

Чем Финт занялся дальше, никто не видел, но в полдень он со всей определенностью стоял на Лондонском мосту. Просто стоял, любуясь на проплывающие мимо суда, как вдруг какая-то девушка с длинными волосами обратилась к нему — и от этого голоса Финта до костей пробежала сладкая дрожь:

— Простите, мистер, не подскажете, как пройти к Севен-Дайалз, у меня там тетя живет?

Финт — если кто и наблюдал, а ведь наблюдали наверняка! — разом оживился и просиял:

— А вы в Лондоне впервые? Вот здорово! Позвольте мне показать вам город, я ж со всем моим удовольствием!

В этот самый момент рядом остановилась карета, к вящему ужасу возчиков, едущих прямо за нею. Но кучеру дела до них не было; наружу вышла дама, улыбнулась Финту, оглядела сомерсетскую поселянку с головы до ног и, по завершении придирчивого осмотра, что сделал бы честь коронеру, промолвила:

— Вот так так, мой юный друг, ну не диво ли! — так легко ошибиться и подумать, что

эта молодая барышня и есть сама Симплисити, но увы, как мы оба знаем, бедняжка погибла страшной смертью. Но вы, мистер Финт, стойки духом и унывать не привыкли, уж я-то знаю. И раз уж мы втроем, в силу странного совпадения, повстречались на этом мосту, позвольте мне свозить вас и вашу новую подружку на кладбище Лавендер-Хилл: я ведь сегодня туда еду, потому что каменщик как раз должен был закончить надгробие на могиле злополучной Симплисити. — Анджела обернулась к девушке: — Как вас зовут, юная барышня?

Девушка с улыбкой ответствовала:

— Серендипити*, мадам.

И Анджела с трудом сдержала смех.

Так что все втроем отправились на Лавендер-Хилл, где были возложены цветы и, что неудивительно, пролиты слезы, а потом Финта и юную барышню по имени Серендипити снова высадили у одного из мостов, где, по сведениям Финта, расположился владелец «Счастливой семейки» вместе со своим преудивительным фургончиком.

В двух словах, это была одна вместительная клетка, в которой сидели собака, кошка, небольшой павиан, мышь, пара птиц и змея, и все жили в мире и согласии, как добрые христиане (уверял старик-владелец).

---

* Буквально «прозорливость», «интуиция». (Прим. перев.)

— Финт, а почему, ради всего святого, кошка не ест мышь? — спросила Серендипити.

— Ну, боюсь, старик нам своих секретов не откроет, — отозвался Финт, — но я слышал, если зверюшки выросли вместе и обходились с ними по-доброму, тогда из них счастливая семейка и получается. Хотя мне рассказывали, если чужая мышь, змее не представленная, проберется сквозь прутья в клетку, змея ею как нечего делать поужинает.

Серендипити задержала его руку в своей, и они прошлись по мостам и посмотрели на все тамошние развлечения: и на тяжелоатлетов с гирями, и на держателей «Короны и якоря», и на продавца сэндвичей с ветчиной, и на гимнаста, который умеет стоять на руках вниз головой. Наконец, когда золотой вечерний свет уподобил Лондон языческому храму, сплошь в бронзовом блеске, а Темзу превратил в двойника реки Ганг, молодые люди побрели домой, «Панча и Джуди» даже взглядом не удостоив.

Следующее утро ознаменовалось настоящим столпотворением снаружи. Финт прокрался вниз по лестнице и осторожно выглянул на улицу — и увидел двоих типов в шлемах с плюмажами и еще одного коротышку с видом весьма важным и одновременно слегка напуганным, учитывая, куда его занесло. Финт кое-как приоткрыл окно на лестничной площадке и заорал, свесившись вниз:

— Вам чего надо, мистер?

Коротышка ему совсем не понравился — а ведь он тут явно главный, потому что когда видишь дюжего мужика рядом с малявкой, то босс обычно тот, который поменьше. А коротышка между тем потребовал:

— Мне нужен джентльмен по имени... мистер Финт?

Финт сглотнул — и прокричал:

— В жизни о нем не слышал!

Коротышка задрал голову.

— Что ж, сэр, мне очень жаль. Но если вы вдруг повстречаете помянутого мистера Финта, передайте ему, пожалуйста, что Ее Величество королева Виктория приглашает его явиться завтра днем в Букингемский дворец!

Из-за спины Финта Соломон ошарашенно промолвил:

— Ммм, Финт, приглашение от Ее Величества таки никак нельзя оставить без внимания.

Так что Финт понял: тут уж не пофинтишь, и опасливо вышел на улицу. У дома уже собиралась толпа, к вящему огорчению шлемоносных типов, потому что разнесся слух — Финта-де наконец-то поведут вешать, — и пара-тройка местных уже вовсю обсуждали, как станут его отбивать; а один слух, понятное дело, порождает и многие другие. Просто так, смеха ради.

Финт постоял немного, моргая, и выпалил:

— Ок, мистер, выкладывайте все как есть.

Затравленный коротышка, пытаюсь сохранить исполненный достоинства вид в мире, где достоинством и не пахнет, вручил Финту официальную бумагу:

— Будьте у ворот Букингемского дворца завтра в четыре тридцать, и вас впустят, — разъяснил он. — Можете взять с собою членов вашей семьи, числом до трех. Я, безусловно, передам Ее Величеству, что вы почтительно благодарите за оказанную честь.

Странный это был день для Финта, странный и непостижимый, даже когда люди потеряли к нему всякий интерес и разошлись по своим делам — а в ряде случаев и по чужим, насколько руки дотянутся. Для начала Финт отправился пройтись, на сей раз в туннели не спускаясь, а просто шатаясь туда-сюда по Лондону с Она-ном на буксире. Пес, в восторге от затянувшейся прогулки, весело трусил рядом. Наконец Финтовы ноги, знавшие его лучше, чем он сам, понесли его через Ковент-Гарден на Флит-стрит.

Чарли на месте не случилось; но когда Финт назвался и попросил переговорить с издателем, его тотчас же проводили наверх, где сообщили, что на его счету накопилось еще семь гиней. Финт изъявил желание оставшиеся деньги с этой треклятой подписки, будьте так добры, использовать на то, чтобы облегчить жизнь мистеру Тодду, каковой, как ему известно, ныне содержится в Бедламе, а эта больница — место не для чувствительных натур.

Мистер Дойль охотно согласился, более того — пообещал лично позаботиться о том, чтобы деньги попали куда нужно. Финт разом почувствовал себя лучше. Он зашагал дальше, задержавшись только для того, чтобы купить у мясника косточку на обед Онану. Затем он завернул в винную лавку и приобрел бутылку хорошего бренди, спустился к реке, кликнул перевозчика и велел плыть к причалу в Фор-Фартингзе.

Коронера на месте не оказалось, но дежурный офицер заверил его, что подарок — якобы от сына некой почтенной старушки, благодарной коронеру за помощь, — будет обязательно передан в нужные руки; увы, бывают в жизни моменты, когда остается только надеяться, что люди держат слово. В Фор-Фартингзе не было ничего такого, чего не поглотят вскорости более крупные округа, но Финт заглянул-таки в церковь Святого Неверия, малоизвестного святого, ответственного за все то, что не случилось, — вот почему здесь молилось столько молодых девушек. Финт бросил шиллинг в ящик для пожертвований, но, услышав, как монета стукнулась о дерево, заподозрил, что удел той монеты — долгое одиночество.

Финт выкроил время и на то, чтобы зайти к мистеру и миссис Мэйхью: пожал хозяевам руки, поблагодарил за сочувствие и за всю ту помощь, что они оказали бедной покойной Симплисити: будь она жива (заверил Финт),

она преисполнилась бы к ним горячей признательности. Лично он в этом абсолютно уверен (сообщил Финт) — уверен так, как будто услышал это из ее собственных уст. И хотя его направили к парадному входу, он отмахнулся, прошел сквозь обитую зеленым сукном дверь и спустился вниз, где ему приветливо поулыбалась даже миссис Шарпис, а миссис Куикли одарила пылким поцелуем.

Снова перейдя реку по мосту, Финт гадал, зачем он все это делает, — с полным правом недоумевал и Онан: впрочем, пес-то веселился на славу, ведь до сих пор его никогда не водили на такие длинные прогулки за раз. Но вот Финта осенило: есть на свете человек, который ему все объяснит. Так что снова пришлось нанимать перевозчика, чтоб подняться немного вверх по течению, а оттуда было уже рукой подать до пансиона мисс Серендипити; а до особняка Анджелы они вдвоем доехали на извозчике. Дверь почтительно открыл дворецкий и промолвил:

— Добрый день, мистер Финт, я пойду узнаю, у себя ли мисс Анджела.

Не прошло и минуты, как появилась сама Анджела. Взбодрившись, Финт рассказал дамам новости за чашкой кофе и попросил Серендипити сопровождать его.

Серендипити отреагировала чисто поженски — то есть запаниковала, что ей совершенно нечего надеть во дворец. На этом месте к разговору радостно присоединилась Анджела:

— Дорогая моя, вам совершенно не о чем беспокоиться. Пожалуй, мы могли бы навесить мою портниху: время поджигает, но я уверена, нам удастся что-нибудь придумать. — Хозяйка дома обернулась к Финту: — А разговор о платьях наводит меня на мысль о кольцах, так что я спрошу вас напрямую, мистер Финт: каковы ваши намерения? Я так понимаю, что вы помолвлены; когда вы рассчитываете пожениться? Лично я в долгих помолвках смысла не вижу, но, возможно, есть какие-то... затруднения?

Финт давно уже ломал себе голову насчет Серендити и брака. Официально, как Симплисити, она все еще замужняя женщина; но как говорила она сама, Господь вряд ли приложил руку к этой свадьбе, иначе Он ни за что не допустил бы, чтобы любовь обратилась в нечто настолько ужасное. Юноша спросил Соломона; старик погладил подбородок, несколько раз протянул свое «mmm» и, наконец, заявил, что любой Бог, в которого только стоит верить, с этим, безусловно, согласится. А если не согласится, то Соломон сам Ему все объяснит. Тут и Финт внес свою лепту:

— Не знаю, был ли Господь в том туннеле, но Госпожа всенепременно была.

В конце концов, думал Финт, кроме принца, который, понятное дело, будет молчать как рыба, ныне единственные свидетели злополучного брака — это Симплисити и кольцо. Но

кольца больше нет, а Симплисити умерла. Так что где доказательства, что Симплисити вообще существовала? Это все тоже туман в своем роде, и в этом тумане, прикинул он, люди могут добраться до залитых солнцем горных высот.

И Финт решительно заявил:

— Симплисити была замужем. Но Симплисити мертва. Теперь у меня есть Серендипити — а она совершенно другой человек, и я намерен ей помогать. Но и я тоже стал другим человеком, и, прежде чем мы поженимся, мне нужно найти работу, причем хорошую, — а тоштерство пусть остается чем-то вроде хобби. Но я понятия не имею, как искать подходящее дело.

Юноша умолк: улыбка Анджели говорила красноречивее всяких слов, но истолковать ее Финту пока не удавалось.

— Ну что ж, — промолвила хозяйка дома, — если можно верить слухам и пересудам, я очень сильно подозреваю, юный Финт, что в вашей жизни скоро снова объявится веселый дружелюбный старичок с серебристо-седой шевелюрой, которому вдруг захочется отправить вас на отдых за границу. Мои вам поздравления, молодой человек, и вам тоже, мисс Серендипити.

На следующий день карета прибыла точно в срок, и с Серендипити на борту. По дороге Соломон, в таких вопросах, похоже, весьма искушенный, объяснял:

— Это, безусловно, частная аудиенция. Но заруби себе на носу: Ее Величество тут главная. Не заговаривай первым, жди, пока к тебе обратятся. Не вздумай перебивать и — я подчеркиваю, Финт! — не фамильярничай. Ты понял?

Часть этих поучений прозвучала, когда они уже шли по дворцу: некая часть сознания Финта непроизвольно отмечала, что в такой насыщенной целями среде он в жизни не бывал. Даже особняк Анджели бледнел и мерк в сравнении со здешней роскошью. Комнат-то сколько! — и что за искусительная панорама для бывшего змееныша... даже думать забудь, внушал себе Финт. Да настолько вместительного мешка не найдется, чтобы унести все эти огромные картины или роскошные кресла.

И вдруг, глядь! — еще одна комната, а в ней — королева и принц Альберт, а лакеев-то повсюду сколько, отметил про себя Финт, — ишь, застыли недвижно, как замирает умелый вор, потому что малейшее движение так легко отследить.

Финт в жизни не слышал слова «фантасмагория», но кабы знал, непременно употребил бы его, когда Соломон, во всем своем великолепии, склонился перед королевой так низко, что волосы его почти коснулись пола. Раздался легкий щелчок, повисла мертвая тишина, Соломон лихорадочно грозил пальцем Финту, но тот был вымуштрован на совесть: он шагнул вперед,

сконфуженно улыбнулся королеве, обхватил Соломона за плечи, уперся коленом ему в спину — и резким усилием распрямил его. К вящему своему ужасу, Финт услышал свой же собственный бодрый голос:

— Извините, Ваш-Величество, он когда наклоняется, так его судорогой скручивает, но ничего страшного, я его мигом привел в порядок.

«Что за блестящая молодая леди, — думал про себя Финт, — и благородная такая, но это уж само собой». Она ничуть не изменилась в лице, а вот принц Альберт глядел на Финта так, словно обнаружил у себя в пижаме треску. Финт отступил на шаг, предоставив Соломону приходить в себя, и притворился невидимым; но в этот момент королева оживилась и радушно промолвила:

— Мистер Коган, я счастлива наконец-то познакомиться с вами; я о вас так много наслышана. Вам уже не больно? — добавила она куда менее королевственным тоном.

Соломон сглотнул.

— Ничего ровным счетом не пострадало, кроме моего самоуважения, Ваше Величество, и позвольте заметить, часть историй, что про меня рассказывают, — чистой воды вымысел.

— Я слышал презанятный анекдот из уст короля Швеции, — заметил принц Альберт.

Соломон покраснел под бородой — от взгляда Финта это не укрылось — и вынужден был признать:

— Если это про скаковую лошадь в охотничьем домике, то увь, Ваше Королевское Высочество, история правдива.

— Тем не менее я почитаю знакомство с вами за великую честь, — промолвил принц. Он протянул Соломону руку; Финт бдительно проследил за рукопожатием — и распознал тайный знак масонов.

Королева, не сводя глаз с мужа, промолвила:

— Что ж, дорогой, какой приятный сюрприз для вас. — Фраза прозвучала вполне безобидно, но с небольшим нажимом в конце, давая понять всем присутствующим: *эта* тема закрыта. Королева обернулась к Финту: — А вы, должно быть, мистер Финт? Вы превосходно справляетесь с отъявленными преступниками, надо отметить. Весь Лондон говорит о Суини Тодде. Что за ужасный день выпал вам на долю!

Финт сознавал: отрицать сей факт не место и не время, хотя день-то выдался скорее ошеломительный, нежели ужасный. Так что он отделался фразой:

— Ну как, Ваш-Величество, вот стоит он, вот стою я, и вот она бритва; вот так все и вышло. По правде сказать, мне беднягу жаль.

— Мне рассказывали, — кивнула королева. — Это неприятная мысль, но она делает вам честь. Я так понимаю, юная леди рядом с вами — ваша невеста, не так ли? Подойдите сюда, мисс Серендипити.

Серендипити выступила вперед, и Финту вдруг померещилось, что он вовсе не здесь, а смотрит на происходящее в комнате как бы со стороны, видит, как неуловимо меняются выражения лиц, — но вот он снова вернулся к реальности, все было мило и весело, и внесли чай, и возникло твердое ощущение, что все в порядке.

Кто посмел бы лгать королеве? — думал Финт. Что она знает и чего не знает? А если на то пошло, многое ли известно принцу Альберту? В конце концов, он ведь родом из одного из германских государств? Но не стоит возвращаться к политике; Финт решительно выбросил из головы эту мысль, и время потекло вспять, а Серендипити присела в реверансе — реверанс удался куда лучше, чем Соломону — поклон, — и в комнате ощутимо посветлело.

— Когда вы рассчитываете сыграть свадьбу, дорогая моя?

Серендипити зарумянилась.

— Финт говорит, ему сперва нужно найти хорошую работу, Ваше Величество, так что мы пока не знаем.

— Ах вот как, — обронила королева. — А чем вы занимаетесь, мистер Финт, когда не ратоборствуете с беззаконием?

Финт не ответил — он не вполне понял, что такое «ратоборствовать», но Соломон тут же пришел ему на помощь:

— Он содействует бесперебойной работе канализационной системы, Ваше Величество.

Принц Альберт закатил глаза.

— Ох уж эти трубы, они и здесь-то, во дворце, то и дело выходят из строя.

Финт открыл было рот, но королева, стремясь увести разговор подальше от канализации, промолвила:

— Что ж, сэр, я желаю вам удачи на любом поприще, которое вы в итоге выберете. А теперь... — она покосилась на лакея, — мы считаем, что ваша храбрость должна быть вознаграждена по достоинству, потому, будьте добры, подойдите сюда и встаньте на одно колено. Вот здесь есть подушечка; и пожалуй, вам стоит снять шляпу. — Лакей подал Ее Величеству меч — весь такой блестящий. Королева взяла его в руки. — Какое полное имя вы предпочтете, мистер Финт? Меня уведомили, что вы хотели бы раз и навсегда избавиться от «Пипки».

Финт глядел на нее во все глаза, но тут вмешалась Серендипити:

— Если я могу быть чем-нибудь полезна, Ваше Величество, то мне всегда казалось, что Джек — очень милое имя.

Джек Финт, подумал Финт. Звучит очень аристократично, бог весть почему. Королева выжидательно смотрела на него:

— На вашем месте, сэр, я бы последовала совету вашей дамы. — И, оглянувшись на принца Альберта, добавила: — Все здравомыслящие мужья поступают именно так.

Финту ничего не оставалось, кроме как про-
бормотать: «Эгхм, да, пожалуйста», и голо-
ву ему овеяло словно бы дуновением ветра, и
меч вернулся обратно в руки лакея, а сэр Джек
Финт поднялся на ноги.

— Ты словно стал выше, — заметила Серен-
дипити.

— Так и есть, — подтвердила королева Викто-
рия. — Между прочим, сэр Джек, мне рассказы-
вали, будто у вас необыкновенно умная собака?

— О да, Ваш-Величество, — ухмыльнулся
Финт, — это вы, видать, про Онана. Онан —
верный друг, но, понятное дело, сюда его не
приведешь.

— Безусловно, — подтвердила королева и
откашлялась. — Онан — это ведь из Библии?

Краем глаза Финт заметил, как Соломон от-
ступил на шаг, но все-таки подтвердил:

— Да-да, мисс.

— Почему же вы его так называли?

Да ладно, подумал про себя Финт, она ж
сама спросила. Так что он рассказал, как на
духу*, и молодая королева оглянулась на мужа,
с чьего лица можно было хоть картину писать,
и рассмеялась, и промолвила:

— Нам смешно.

---

* Если вы хотите узнать об Онане, небезызвестном
библейском персонаже больше, — я уверен, что многие
мои читатели Библию прочли от корки до корки. А если
нет, Гугл или священник вам в помощь, — хотя священника
вопрос ваш, возможно, слегка смутит. (*Прим. автора*)

Все происходило как по часам: чай убрали так же быстро, как подали, обозначив тем самым окончание аудиенции. С превеликим облегчением Финт взял Серендипити за руку и повел ее прочь, и, уже выходя из комнаты, был немало удивлен, когда уже знакомый ему седовласый джентльмен решительно подошел к нему и заявил:

— Сэр Джек, позвольте мне первому вас поздравить. Могу я ненадолго злоупотребить вашим временем? Вы не поразмыслили как следует над моим предложением?

— Он хочет сделать из тебя шпиона, — прошептал сзади Соломон.

Седовласый джентльмен укоризненно поцокал языком.

— Как можно, мистер Коган. Шпион, сэр? Боже упаси! Правительство Ее Величества не имеет дела со шпионами, уверяю вас, о нет, ни в коем случае. Тем не менее нам нужны люди, которые помогают нам... проявлять интерес.

Финт отвел Серендипити в сторону.

— Как мне поступить?

— Ну, он в самом деле хочет сделать из тебя шпиона, — отвечала Серендипити. — Это у него на лице написано, когда он говорит: «нет, ни в коем случае». Мне кажется, для такого, как ты, Финт, это наилучшее занятие, хотя, подозреваю, придется один-два иностранных языка выучить. Но я уверена, ты с легкостью справишься. Я вот, например, знаю французский и немецкий и не-

много — латынь и греческий. Если серьезно взяться за дело, так это совсем несложно.

Давая понять, что и он не лыком шит, Финт заявил:

— А я тоже знаю немного по-гречески. Παρακαλώ μιλείτε να μου πείτε που βρίσκονται η άτακτες κυρίες?*

Симплисити одарила его улыбкой.

— Право слово, Финт, у тебя была чрезвычайно интересная жизнь.

— Любовь моя, — отвечал он, — думаю, она только-только начинается.

Вот почему два месяца спустя Джек Финт мчался по бульварам Парижа, далеко обогнав жандармов. Карман у него был битком набит монетами и облигациями, а к груди он прижимал диадему, что некогда принадлежала Марии-Антуанетте, а теперь очень пойдет его жене Серендипити, и наконец самое главное — чертежи совершенно нового огнестрельного оружия. Повсюду свистели свистки, да только Финта уже и след простыл, ищи-свищи! Он с превеликим интересом обнаружил, что канализационные туннели есть и у лягушатников, причем очень даже неплохие, таких от лягушатников даже не ждешь; так что он петлял туда-сюда, и уворачивался, и финтил, поспешая к безопасному убежищу, которое высмотрел прошлой ночью, и от души наслаждался жизнью.

---

* Подскажите, пожалуйста, где здесь веселые девочки (греч.). (Прим. автора)

**Авторские благодарности, неловкости
и оправдания, и, безо всякой доплаты,
немножечко лексики и языковой практики**

Действие романа разворачивается приблизительно в первой четверти эпохи правления королевы Виктории; в те дни в Лондон и другие большие города волной хлынули неимущие отщепенцы. Жилось в Лондоне беднякам — а они составляли большинство — крайне трудно. Традиционно до нуждающихся никому не было особого дела, но не прошло и десяти лет, как среди людей побогаче нашлись и такие, кто считал, что о тяжелой участи городских низов следует знать всем и каждому. Это был в первую очередь Чарльз Диккенс; менее известен его друг Генри Мэйхью. То, чего Диккенс добивался исподволь, изобличая жестокую реальность посредством своих романов, Генри Мэйхью и его сподвижники добивались просто посредством фактов — бесчисленных фактов, нагромождая горы и горы статистических данных. Мэйхью лично ходил по улицам, беседовал с девочками-сиротками, продающими цветы, с лоточниками и старухами, с рабочими самой разной квалификации, включая проституток, и шаг за шагом обнажал непри-

глядную изнанку богатейшего и самого могущественного города мира.

Эпохальный труд под названием «Труженики и бедняки Лондона» должен быть в каждой библиотеке — хотя бы чтобы продемонстрировать вам: если вы думаете, будто сейчас все плохо, так еще совсем недавно было гораздо, гораздо хуже.

Читателям, вероятно, знаком фильм «Банды Нью-Йорка»; так вот, в Лондоне дела обстояли еще ужаснее, и с каждым днем ситуация ухудшалась — по мере того как все новые обнадеженные провинциалы приезжали попытаться в большом городе. Книгу Мэйхью сокращали, меняя местами главы, и иногда печатали небольшими томиками. Однако ж и оригинал читается легко. А если вам по душе фэнтези, так каким-то непостижимым образом фэнтези дает о себе знать и здесь, пусть и насквозь перемазанная реалистичной грязью и копотью.

Так что свою книгу я посвящаю Генри Мэйхью.

Финт — персонаж вымышленный, равно как и многие его знакомые; хотя они и списаны с тех самых типажей, что трудились, и жили, и умирали в Лондоне в ту эпоху.

Дизраэли, безусловно, существовал на самом деле, равно как и Чарльз Диккенс, равно как и сэр Роберт Пиль, основатель лондонской полиции, дважды занимавший пост премьер-министра. Его «пилеры» в самом деле заменили прежних «ищеек» с Боу-стрит, которые охоти-

лись главным образом на воришек и излишней храбростью не отличались. А вот пилеры — дело другое: их вербовали из числа мужчин с армейским опытом.

Надеюсь, читатели попутно узнают и других исторических персонажей. Всех их, пожалуй, затмевала экстравагантностью мисс Анджела Бердетт-Куттс, еще в юности унаследовавшая огромное состояние своего деда — и на тот момент самая богатая женщина в мире, не считая, возможно, королевы-другой. Эта удивительная женщина в самом деле однажды предложила герцогу Веллингтону стать ее мужем. Но, что куда более важно по крайней мере в моих глазах, большую часть времени она занималась тем, что раздавала свои деньги.

Нет, легковойной дурочкой она отнюдь не была. Мисс Куттс считала нужным помогать тем, кто сам себе помогает; она основала так называемые «школы для бедных», где дети, а иногда и взрослые, при всей своей бедности, могли получить начатки образования — где бы они ни жили. Она помогала мелким предпринимателям начать собственное дело, жертвовала на церкви — но только в том случае, если церковь поддерживала бедняков на практике; и в общем и целом являла собою удивительный феномен своего времени.

В моем романе она играет ключевую роль, и поскольку расспросить ее саму я не мог, пришлось на основе имеющихся сведений строить догадки, как бы она повела себя в тех или иных

обстоятельствах. Я исходил из того, что женщина настолько богатая, и притом незамужняя, твердо знала, чего хочет, — и напугать ее было непросто.

Лондонскую канализационную систему действительно построили римляне; из поколения в поколение ее ремонтировали, но бессистемно. Туннели предназначались главным образом для оттока дождевых вод, а не человеческих экскрементов; выгребных ям и отстойников вполне хватало, и лишь когда они переполнились, просто в силу перенаселенности, в город пришли холера и прочие страшные болезни.

Тошеры в самом деле существовали; впрочем, в жизни их ничего увлекательного не было; то же относится и к мусорщикам, и к маленьким трубочистам, которые страдали очень неприятными профессиональными болезнями. Финту чрезвычайно повезло с домовладельцем, владеющим четырехтысячелетним запасом информации по пищевой безопасности. И все равно, должен признать, как когда-то Марк Твен, что мне пришлось слегка приукрасить действительность.

А вот приукрашивать образ Джозефа Базалджета не было необходимости; в романе это — молодой, но очень проницательный человек. Он встал во главе инженеров и геодезистов, изменивших облик и, что еще более важно, запах Лондона некоторое время спустя после событий, описанных в этой книге. Новая лондонская канализация и дренажная система явились одним из технологических чудес ново-

го Железного века; они поддерживаются в рабочем состоянии и используются по сей день.

«Бони» — это, конечно же, прозвище Наполеона Бонапарта; если вы не знаете, кто это, я, увы, уверен, что ваша клавиатура рано или поздно вам подскажет.

Несколько слов о монетах. Объяснить преддесятичную британскую денежную систему поколению, которое никогда с ней дела не имело, довольно трудно даже для меня, а ведь я-то заучил ее с молодых ногтей. Я могу пространно порассуждать о таких вещах, как трехпенсовики, полупенсовики, и шестипенсовики, и кроны, и полукроны, и о том, как от всего этого у американских туристов мутится разум. Но я ограничусь тем, что скажу: были монеты бронзовые, самых разных размеров и самого низкого номинала; были монеты серебряные, как вы, вероятно, догадались, занимающие в финансовом плане промежуточное положение, и, наконец, ну, золотые, — а во времена Финта они действительно чеканились из золота, не то что нынешние, бу-бу-бу, в наши дни все не так. Но, по правде говоря, прежние деньги обладали какой-то осязаемой подлинностью, не то что современные пенсы, помоги нам Господь; нет в них былой живости.

А еще был удивительный трехпенсовик, тяжеленький такой, как он приятно оттягивал детский кармашек... Нет, пора ставить точку, иначе я того гляди заведу речь о гротах и полуфартингах, и у кого-нибудь рука сама собою потянется к пистолету.

Удивительная штука — сленг: если вам такие вещи по душе, любопытно отметить, что в стародавние времена слово *crib* «колыбель» означало, помимо всего прочего, еще и здание или дом, где вы живете, — а недавно почему-то вновь вошло в обиход в англоговорящих странах.

Что до викторианского сленга — а викторианцы в сленге толк знали, — здесь на каждом шагу засады. Если смотришь на мир глазами Финта, ты не можешь сказать «пафосный» или «понтовый», потому что этих слов еще не придумали. Зато подойдет словечко «шикарный». Можно было, конечно, нашпиговать эту книгу подходящим сленгом, но я сказал себе: нет, я ж не учебник по сленгу пишу; и даже отказался от нескольких милых мне образчиков. К сожалению, я не смог найти места для нежно мною любимого сленгового выражения, *turfence more and up goes the donkey* «еще два пенса, и ослик поднимется» [аналог русского «утром деньги — вечером стулья». Прим. перев.] — увы, оно слишком современное.

И хотя роман «Финт» совсем коротенький, мне постоянно помогали друзья, профессионалы каждый в своей сфере; благодарю Жаклин Симпсон, Бернарда Пирсона, Колина Смайта и Пэта Харкина, который не дал мне ошибиться в важном вопросе. Там, где ошибки все-таки есть, это я сам справился.

Должен заранее признаться, что мне пришлось кое-что поменять, чтобы свести нужных людей вместе в нужное время — так, студенты-

историки, безусловно, знают, что Тенниель нарисовал свою первую обложку «Панча» только в 1850 году, а сэр Роберт Пиль занимал пост министра внутренних дел еще до того, как Виктория взошла на трон; но временные сдвиги не так уж и критичны, и, кроме того, «Финт» — это роман-фэнтези, основанный на реальной действительности. Ну и адова работенка была выяснить, где именно находилась редакция «Морнинг Кроникл». Такое ощущение, что газета постоянно переезжала; так что я авторской волей поместил издательство на Флит-стрит — где ему в любом случае самое место. Это — историческое фэнтези и никоим образом не исторический роман. Написанный просто развлечения ради — и еще для того, чтобы по возможности заинтересовать читателей этой эпохой, так подробно задокументированной Генри Мэйхью и его сподвижниками.

И хотя я и поменял немного положение тех или иных людей и отчасти домыслил, как они повели бы себя в определенных ситуациях, нищета, грязь и безнадежность низших слоев общества, которым тем не менее удавалось выживать, зачастую помогая себе самостоятельно, представлены как есть. В те времена не существовало таких вещей, как всеобщее образование, здравоохранение и безопасность, равно как и большинства других законов и запретов, которые мы сегодня воспринимаем как само собою разумеющееся. Но всегда находилось место для смысленых и ловких Финтов, как мужчин, так и женщин.

Терри Пратчетт, 2012 г.

Бонусный эпизод

СТАРЫЕ ТОВАРИЩИ

Финт навещает мистера Суини Тодда в его новом доме в Бедламе — дабы убедиться, что щедрый вклад использован по назначению...

Финт подошел к воротам Бетлемской больницы; надзиратели его уже ждали. К вящей досаде гостя, один из них — по-видимому, главный, — открывая ворота, даже приподнял шляпу и промолвил:

— Мистер Морисон и мистер Монро сейчас в общих палатах, но они поручили нам, сэр, показать вам все, что вы захотите увидеть своими глазами.

Второй надзиратель Финту прямо-таки отсалютовал.

— Сюда, сэр, — промолвил он, впуская Финта в здание, — меня зовут Хантер, сэр, а моего напарника — мистер Дивайс, сэр. Вы скажете, странное имя, но на самом деле их целое семейство. Вот сюда, сэр. У нашего пациента как раз хороший день выдался, сэр, он будет очень рад повидаться со своим благодетелем.

Финт ухватил надзирателя за локоть.

— Может, оно и так, сэр, но я-то правду знаю, меня на мякине не проведешь. О, да мы, никак, уже пришли?

Мистер Дивайс вошел в комнату, что на первый взгляд могла показаться мастерской искусного ремесленника, но тут воображение зацеплялось за разные ненавязчивые подсказки — особенно при виде металлических креплений на стенах и висящих наручников.

Внутри обнаружился мистер Суини Тодд — чисто умытый и опрятно одетый. К удивлению Финта, больной поднялся с кресла и протянул руку со словами:

— Доброе утро, мистер Финт, я вам всем обязан, ведь, если бы не вы, я, несомненно, продолжал бы убивать. Мне страшно неловко, что я причинил вам некоторые неудобства. — Двигался и говорил Суини Тодд, как человек, неспешно осмысливающий каждый миг. — Вы настоящий герой, молодой человек.

В кармане Финта лежало письмо, в котором ему настоятельно рекомендовалось воздерживаться от резких движений или громких и неуместных, или трудных и напряженных разговоров. Так что он тихо произнес:

— Сэр, иногда мне кажется, что нет ни героев, ни злодеев. Просто люди, самые обычные люди в плену обстоятельств, выигрышных или не очень. Я уверен, что так; наверное, вам тоже стоит в это поверить.

Розовые щеки бывшего цирюльника лоснились характерным блеском: так выглядит человек, который с трудом контролирует себя, словно упрямую марионетку, причем на ненадежных ниточках.

— Я должен поблагодарить вас за щедрость, мистер Финт; только благодаря вам я живу здесь в относительном комфорте. А благодаря вашему нашумевшему вмешательству в пресловутую неприятную ситуацию я возобновил знакомство с этими двумя достойными джентльменами, которые, подобно мне, прошли сквозь сражения и битвы Пиренейских войн, и не только. По счастью, в те дни я хотя бы сумел ампутировать раненую ногу мистера Дивайса, причем почти безболезненно, и горжусь тем, что на пару с плотником мы его снабдили неплохой заменой.

Широко ухмыльнувшись, мистер Дивайс пробарабанил пальцами по правой ноге, и сухая дробь эхом разнеслась по комнатушке.

— Кроме того, — продолжал мистер Тодд, — когда мистеру Хантеру прострелили щеку, я смог его подштопать и даже новые зубы вставил — не удивлюсь, если от какого-нибудь французишки, а почему бы, собственно, и нет? Приятно думать, что мне удалось сделать в этом мире хоть что-то хорошее. Мы частенько вспоминаем минувшие дни — и бывшие сражения — не так ли, друзья мои?

Последние слова прозвучали как-то странно, и краем глаза Финт подметил, что двое наблюдателей ненавязчиво придвинулись к мистеру

Суини Тодду, не то чтобы оттесняя его подальше, но отслеживая каждое его движение, — так заботишься о захмелевшем друге, который сам на ногах не держится.

— То есть получается, вы трое — старые товарищи по оружию, так? — уточнил Финт.

— Да-да, сэр, — заверил мистер Хантер с чуть наигранной веселостью, поклацав зубами. — На всех фронтах перебивали, сэр. Дня не проходит, чтоб мы с мистером Тоддом не предались воспоминаниям о минувших днях, когда каждый солдат надеялся на его помощь. Но вы уж нас извините, мистеру Тодду пора вздремнуть. Сон его успокаивает, если понимаете, о чем я.

К вящему удивлению надзирателя, Финт крепко вцепился ему в плечо.

— Мне очень бы хотелось верить, что я и впрямь понимаю, о чем вы, мистер Хантер. А теперь извольте понять, о чем я! Наш мистер Тодд, кажется, в хорошем настроении, и у меня сложилось впечатление, что вы, джентльмены, немало этому способствуете. Вот и продолжайте в том же духе; и пока длится это благополучное положение дел, я позабочусь, чтобы и вы тоже были благополучны. Я стану навещать мистера Тодда как можно чаще, а когда не смогу сам, так пришлю кого-нибудь вместо себя. Но этим я не ограничусь — о нет, влезть в эту вашу больницу и вылезти обратно для меня так же просто, как в хлипкий курятник. Так что иногда я стану сюда заглядывать без вашего ведома и *проявлять интерес*, даже не сомневайтесь. Я вас

предупредил, джентльмены, а умный с полуслова понимает. Жестокие глупцы меня не заметят, о нет, так что, возможно, шанса раскаться им не представится. Зато добрые и умные, пожалуй, что и озолотятся, причем не единожды, и по домам после смены уж всяко вернутся беспрепятственно. Кстати, я взял на себя смелость выяснить, где вы живете. — И добавил: — Уверю вас, я не стану входить без приглашения.

Финт видел: надзиратели оказались между молотом и наковальней. Но наковальня была из золота, а молот вроде бы не такой уж и тяжелый.

— Сдается мне, джентльмены, — продолжал Финт, — вы измыслили отличный способ обращаться с моим другом мистером Тоддом так, чтобы он не повредил ни себе, ни окружающим. Я давно понял: войны бывают разные, равно как и герои. Равно как и награды. — Звякнув в горсти, на стол высыпалось золото. — Это в залог моих намерений, джентльмены. И пока мистер Суини Тодд счастлив среди «старых товарищей», насколько возможно, старые товарищи заживут еще счастливее.

Ладони рьяно взлетели к вискам, а мистер Хантер, лучась и сияя улыбкой, заявил:

— Будьте покойны, сэр, мы не подведем ни его, ни вас, сэр. Вы настоящий джентльмен, сэр.

Улыбка чуть померкла: Финт притянул надзирателя к себе и прошипел:

— Мистер, здесь и сейчас я никакой не джентльмен; но уж будьте уверены, я — Финт.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1,

*в которой мы знакомимся с нашим героем, а герой
встречает деву в беде и сталкивается лицом к лицу
с мистером Чарли, который на досуге балуется
сочинительством* 7

ГЛАВА 2,

*в которой Финт видит умирающего, умирающий видит
свою Госпожу, а Финт становится королем тошеров* 32

ГЛАВА 3

*Финт приобретает костюм, который жмет в области
неназываемых, а Соломон выходит из себя* 50

ГЛАВА 4

*Финт находит неожиданное применение спице
с Флит-стрит и набивает полный карман сахара* 82

ГЛАВА 5

*Герой дня снова встречается с деву в беде
и срывает поцелуй у одной восторженной особы* 101

ГЛАВА 6,

*в которой на шесть пенсов покупают много супа,
а иностранным золотом платят шпиону...* 130

ГЛАВА 7

*Финт оказывается на волосок от гибели и становится
героем дня (опять!); а Чарли разжился материалом
для статьи — и загубил лучшие брюки* 158

ГЛАВА 8

*Молодой человек приглашает свою девушку
на оздоровительную прогулку, а миссис Шарлис
становится послушной и кроткой* 184

ГЛАВА 9

*Финт проносит смертоносную бритву в здание парламента
и знакомится с человеком, который пытается занять
правильную позицию* 208

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ГЛАВА 10

Финт работает головой 228

ГЛАВА 11

*Финт прихорашивается, а Соломон выходит чист
перед всеми* 257

ГЛАВА 12,

*в которой Финт вращается в высшем свете,
Дизраэли принимает вызов, а Финт оказывается
способным учеником* 291

ГЛАВА 13

Часы тикают; загадочная старушка переплывает реку..... 338

ГЛАВА 14

*Шкипера ждет сюрприз, почтенная старушка
исчезает бесследно, а Финт ничего не знает,
ничего не слышал и — что неудивительно —
его вообще там не было* 369

ГЛАВА 15

В руках Госпожи 395

ГЛАВА 16

*Из Йорка приходит письмо; а умение финтить
встречает одобрение в самых высших сферах* 433

*Авторские благодарности, неловкости и оправдания,
и, безо всякой доплаты, немножечко лексики
и языковой практики* 465

Бонусный эпизод

СТАРЫЕ ТОВАРИЩИ

*Финт навещает мистера Суини Тодда в его новом доме
в Бедламе — дабы убедиться, что щедрый вклад
использован по назначению*... . 472

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Терри Пратчетт

ФИНТ

Ответственный редактор *Е. Березина*
Художественный редактор *В. Безкровный*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Е. Джелиловой*
Корректор *В. Кочкина*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-66-86, 8 (495) 956-39-21

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Зорге көшесі 1 үй

Тел 8 (495) 411-66-86, 8 (495) 956-39-21

Тауар белгісі «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1

Тел 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс 8 (727) 251 58 12 вн 107

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

Сертификация туралы ақпарат: сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 18.12.2015. Формат 80х100 ¹/₃₂.
Гарнитура «MyslC». Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,22.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ 9701

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-84214-8

9 785699 842148 >

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:

один клик до книг

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118; 411-68-99, доб. 2762/1234.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел.: (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д. 46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

Тридцать лет и один месяц назад в китайском ресторане встретились начинающий автор и молодой журналист. И они стали друзьями, и написали книгу, и им удалось остаться друзьями, несмотря ни на что.

Прошлой ночью автор умер.

Он был уникален. Когда нам обоим было чуть меньше лет, мне посчастливилось написать с ним книгу, которая научила меня столь многому.

Я буду скучать по тебе, Терри.

НИЛ ГЕЙМАН

Терри был одним из величайших писателей-фантастов и, без сомнения, самым смешным. Он был столь же мудр, сколь и плодовит, а это о чем-то да говорит...

Яркий, солнечный, проникательный, теплый и добрый человек. Человек безграничного терпения. Человек, который точно знал, как наслаждаться жизнью... и книгами.

Он останется жить в матушке Ветровоск, нянюшке Ягг, Море, Смерти, Смерти Крыс, командоре Ваймсе, Библиотекаре, Козне-варваре, волшебнике Ринсвинде, Сундуке и сотне других незабываемых персонажей, чьи приключения продолжают восхищать и удивлять читателей по всему миру еще в течение долгих-долгих лет.

ДЖОРДЖ Р.Р. МАРТИН

Из всех писателей, книги которых я читал, Пратчетт показался мне самым человечным. В одной только его уничтожительно-сатирической книге было больше правды, чем в ста томах острой драмы.

Сэр Терри, примите мою искреннюю благодарность. Не думаю, что мир, несмотря на все эти хвалебные отзывы, знает, что он имел в Вашем лице.

БРЕНДОН САНДЕРСОН

Терри Пратчетт однажды дал мне два совета:

1. Всегда отправляйся в тур, чтобы лицом к лицу встретиться со своими читателями.

2. Купи шляпу.

Истинный джентльмен.

ЙОН КОЛФЕР

ISBN 978-5-699-84214-8

9 785699 842148 >

